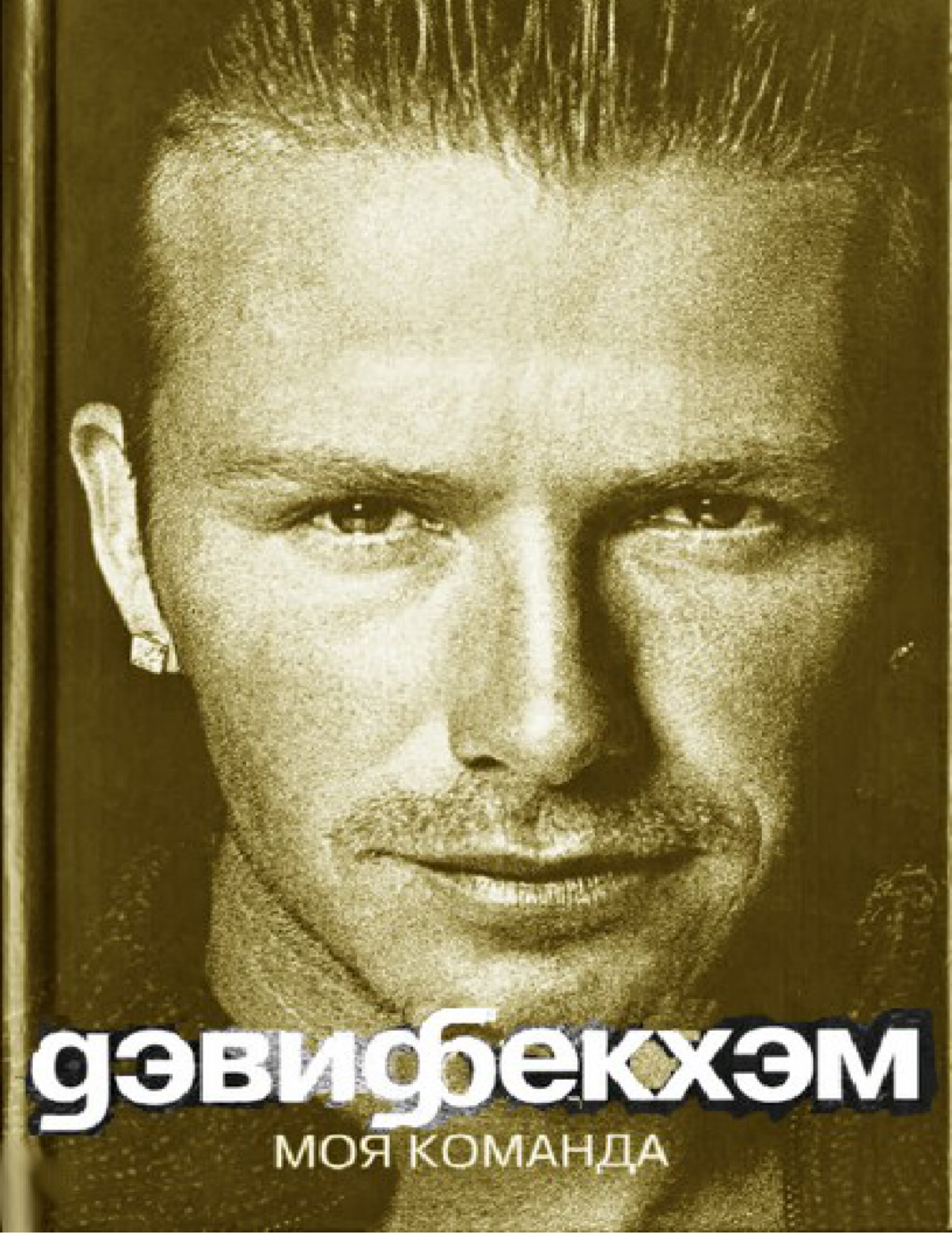
дэвидбекхэм
МОЯ КОМАНДА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Девид Бекхэм…. Мало кто из людей любящих футбол не знает этого, одного из самых выдающихся, футболистов планеты. Титулы Дэвида Бекхэма внушительны

Манчестер Юнайтед

Чемпион английской Премьер-лиги: 1995/96, 1996/97, 1998/99, 1999/2000, 2000/01, 2002/03

Обладатель Кубка Англии: 1996, 1999

Победитель Лиги чемпионов УЕФА: 1999

Обладатель Межконтинентального кубка: 1999

Обладатель Суперкубка Англии: 1996, 1997

Обладатель Молодёжного кубка Англии: 1992

Реал Мадрид

Чемпион испанской Примеры: 2006/07Обладатель Суперкубка Испании: 2003

Милан

Бронзовый призёр чемпионата Италии: 2009/10

Офицер Ордена Британской империи (OBE): 2003.

Посол доброй воли ЮНИСЕФ: с 2005 года

«Величайший посол Британии» — включён в список 100 великих британцев

Занимает 15-е место в списке «100 знаменитостей» по версии «Forbes» 2007

Занимает первую строчку в списке 40 самых влиятельных людей в Великобритании до 40 лет по версии журнала «Arena» 2007

Включён в список «Time 100» по версии журнала «Time»: 2008.

Впервые сам великий футболист расскажет о своей жизни со страниц этой книги.

- Дэвид Бекхэм
  - Введение: За «Реал»
  - 1. Изничтожение клумб
  - 2. Мужчина в коричневой «Сьерре»
  - 3. Из дому домой
  - 4. «ДБ» на гудроне
  - 5. Та, которая с ножками
  - 6. Не плачьте по мне
  - 7. Спасибо за поддержку
  - 8. Согласен
  - 9. Немцы

○ 10. Моя нога дает маху
○ 11. Бекхэм (пен.)
○ 12. Бурление вокруг Бекхэма
○ 13. По поводу лояльности
○ 14. Рожденный и взращенный в «Юнайтед»

Дэвид Бекхэм
Моя команда

Виктории, Бруклину и Ромео –
троим людям, которые всегда
заставляют меня улыбнуться.
Моим малышам навсегда.

С любовью, Дэвид

Введение: За «Реал»

«Сеньор Перес, сеньор ди Стефано, дамы и господа…»

Любому, кто когда-либо играл футбол, довелось побывать в этих раздевалках. Истертые и поцарапанные плитки на полу, запах какого-то дезинфицирующего средства, который плавает везде, начиная приблизительно с уровня ваших лодыжек. Шеренги узких серых шкафчиков, к одному из которых тебе выделен собственный небольшой висячий замок, и их дверцы, чуть погнутые, из-за того, что многие годы подряд ими изо всех сил хлопали, за несколько минут перед тем как снова закрыть резким пинком, причем одна или две двери обязательно отсутствуют. Скамейки, тоже образующие шеренги, которые расположены так близко, что после игры ты изо всех сил стараешься не соваться на сидящего напротив товарища по команде.

Где-то далеко в конце дверь у одного из шкафчиков болтается открытой: это как раз мой. В полумраке раздевалки сверкающая белизна повешенной на крючок футболки мадридского «Реала» кажется светящейся, словно ее специально сделали такой, чтобы она всегда была центром внимания. Трусы и носки аккуратно свернуты и положены на скамейку. Я — в полном одиночестве. Можно расслышать приглушенные разговоры в дальнем конце помещения, неподалеку от той двери, в которую я вошел. Вдруг я понимаю, что моя жизнь меняется у меня на глазах, и при этом продолжаю машинально сворачивать свою одежду и укладывать ее рядом с формой, которую оставили для меня. Полуоткрытая дверь выходит на тренировочное поле. Возле двери на стене — зеркало, где можно увидеть себя в полный рост. Я смотрю на парня, отражающегося в зеркале, разглядываю сверху донизу. Кажется, что белая форма «Реала» делает меня большим, чем на самом деле. И заставляет меня почувствовать себя еще большим. Да это же просто полтора мужика! Улавливаю отзвуки возбужденных голосов. И внезапно осознаю, что заглядываю в собственное будущее. Возникает какой-то импульс удовлетворенности, нервы в конце концов успокаиваются. Я — на своем месте.

Фактически мы уже находимся здесь, в Мадриде, почти двадцать четыре часа; и этого оказалось для семейства Бекхэмов вполне достаточно, чтобы начать новую жизнь. Мой контракт с «Манчестер Юнайтед» истек в последний день июня, и я впервые

вписал свою фамилию на вахте мадридского стадиона «Бернабеу» в первый день июля. И вот сегодня, 2 июля, мое приключение в «Реале» началось.

Мы все намерены стать частью того, что здесь случится: да, в новый клуб и новую страну перехожу вроде бы только я, но в Испанию переезжает вся моя семья. Мне хотелось, чтобы мы с самого начала были вместе и видели, куда и во что мы влезаем. И, честно говоря, я нуждался в поддержке. В течение почти целого месяца, предшествовавшего этим двум дням в Испании, волнение и напряженность все время нарастали. Я знал, что с того момента, когда во вторник днем в половине второго мы приземлимся в этой стране, каждая минута будет иметь немалое значение. Присутствие рядом членов моей семьи означало, что Мадрид — город и «Реал» — получат правильное первое впечатление обо мне: футболисте, который является мужем и отцом. Ромео исполнилось только девять месяцев, и он остался в Англии с родителями Виктории, но вместе со мной была Виктория, да и Бруклин тоже. А еще моя мама, которая согласилась взять на себя заботу развлекать нашего четырехлетнего малыша, когда тот будет сыт по горло тем, что вытворяют его мамочка и папочка.

Нервничаю ли я? Для этого нет оснований. Какие бы сомнения и заботы я ни привез с собой, они рассеялись буквально через минуту или две, после того как мы уселись в лимузин, который прислал за нами. В аэропорту Мадрида нас окружили шестеро полицейских на мотоциклах. Прекрасно: несколько мерцающих синих фонарей и вой сирен всегда улучшают настроение у Бруклина. А затем мы вырвались на автостраду. Это напоминало сцену из «Французского связного»: мы рванули на полном газу по крайней левой полосе, затем вильнули вправо и резко перестроились на первую полосу, а потом, недолго думая, снова вылетели к осевой. Другим участникам движения ничего не оставалось, кроме как уступать нам дорогу и позаботиться о себе. Папарацци мчались следом: на своих автомобилях и мотоциклах настолько быстро и опасно, насколько было возможно. По графику первой остановкой для меня предусматривалась больница, где я должен был пройти медицинский осмотр. Если нам действительно было суждено попасть в аварию, то я хоть, по крайней мере, двигался в нужное место. Впрочем, мне понадобилось совсем не много времени, чтобы в тот же день понять, насколько такая езда характерна здесь, причем отнюдь не только для полиции и представителей прессы. В Мадриде любой и каждый ведет себя за рулем так, словно все они отчаянно борются за наилучшую позицию на старте испанского этапа «Гран-При».

Когда я впервые вел разговор с представителями «Реала», то подумал: с моей стороны было бы честно дать им понять, что я с некоторым сомнением отношусь к идее перебраться в другую страну вместе с женой и детьми. Буду ли я чувствовать себя там устроенным достаточно хорошо для того, чтобы полностью сконцентрировать все свои мысли на футболе? Я знал, что для меня такое чувство совершенно необходимо, если я собираюсь сделать успешную карьеру в новом клубе. И я едва мог поверить в то, с каким пониманием они отнеслись ко мне. Ни одно из соображений, беспокоивших меня, не вызвало у них удивления и не показалось им неожиданным — вероятно, потому, что в Испании семейная жизнь действительно важна для каждого человека.

«Твоя семья должна быть столь же счастлива здесь с нами, как и ты сам, Дэвид».

Представители «Реала» восприняли как очевидное, что им необходимо всячески помочь нам почувствовать себя тут, словно дома. Викторию с Бруклином и маму быстро увезли куда-то, чтобы осмотреть несколько коттеджей, которые, по мнению людей из «Реала», могли бы нас заинтересовать. Мне бы, пожалуй, тоже хотелось отправиться вместе с ними, но я знал, что еще не время заниматься поисками подходящего дома, и я смогу примкнуть к этой охоте попозже. И в то время, когда мои близкие направились в сторону мадридских предместий, меня повезли в больницу «Сарсуэла» на свидание с врачом клуба «Реал», сеньором Корралем.

Мы галопом промчались через все обследования и анализы; различные специалисты проверили у меня сердечно-сосудистую систему, биомеханику, кровь, мочу, сделали кардиограмму, рентген и УЗИ. Затем сеньор Корраль собственноручно принялся изучать мое физическое состояние. Его особенно интересовали моя левая плюсна (Плюсна — пять костей, расположенных между фалангами пальцев стопы и семью костями предплюсны. Вместе с последними (образует свод стопы) и правая ладьевидная кость (Ладьевидная кость — кость стопы, расположенная между пяточной костью и предплюсной). Всего через два с небольшим часа мы были полностью готовы — хоть пылинки сдувай. Оператор из телевизионной студии мадридского «Реала» по пятам следовал за нами по всем запутанным коридорам больницы, пока двери очередного кабинета не закрывались у него перед носом каждый раз, когда я заходил куда-либо для конкретного обследования. Все, как мне казалось, широко улыбались от уха до уха: и врачи-специалисты, и персонал больницы, и другие пациенты, и даже телеоператор со своим всевидящим черным

оком. А можно нам сделать фото? Нельзя ли взять автограф? Все это выглядело очень просто и непринужденно. Здешним врачам переправили сюда в полном объеме все медицинские сведения обо мне за пятнадцать лет, проведенных на стадионе «Олд Траффорд», и я уверен, что они добросовестно выполнили свое домашнее задание. Сам доктор Коралль производил впечатление человека, точно знающего, что именно он ищет. И он был изрядно счастлив, когда нашел это. Кто-то сказал мне впоследствии, что врач «Реала» сказал ожидавшим его газетчикам:

— David esta como nuevo. Fisicamente esta perfecto (Дэвид весь как новенький. Физически он идеален (исп.). Стало быть, он считал, что я нахожусь в достаточно приличном состоянии. И что та моя рука, которой я обычно расписываюсь, вполне готова поставить росчерк на контракте с «Реалом». А я тем временем отправился в отель — это был Тгур Fenix, — чтобы встретиться с Викторией, Бруклином и мамой. Думаю, что болельщики, которые начали собираться около «Феникса», испытывали по поводу Виктории ничуть не меньший энтузиазм, чем по отношению к новому футболисту, появившемуся в их городе. Тем не менее, моя жена казалась напряженной: ее только что провезли вокруг всего города в поисках чего-нибудь такого, что можно было бы назвать домом. В общем, то, к чему мы готовились, начало понемногу сбываться. А сейчас у нас с Бруклином было время для небольшой разминки на террасе нашего апартамента. Интересно, сколько из всего этого он сможет вспомнить, когда станет старше?

В пять часов подъехали автомобили, которым предстояло отвезти нас на «Бернабеу». До стадиона было совсем близко, и нам пришлось проделать совсем короткий путь по главной магистрали, где с приближением вечера поток машин становился все плотнее: «Реал» построил свою домашнюю спортивную арену на такой улице Мадрида, которую можно было сравнить с Риджент-стрит (Риджент-стрит — улица в центре Лондона, ограничивающая с запада район Сохо, где размещаются многочисленные увеселительные заведения). Конечно же, я бывал там прежде в качестве игрока «Манчестер Юнайтед», но когда мы плавно въехали в ворота на стадион, я очень многого не узнал. И неудивительно, поскольку кругом шло строительство: от самой дороги выгибали свои шеи подъемные краны, между грудами стройматериалов сновали землеройные машины и самосвалы. Хосе Анхель Санчес, директор «Реала» по маркетингу, сказал мне, что клубу пришлось реконструировать трибуну на той стороне поля, откуда выходили игроки:

— Когда Сантьяго Бернабеу строил этот стадион в сороковые

годы, он разместил президентские ложи и кабинеты на трибуне напротив той, где находятся помещения для игроков. Этим мы как бы хотели сказать: наш зал заседаний никогда не будет конкурировать с нашей раздевалкой. Теперь, однако, инструкции Лиги чемпионов УЕФА указывают на то, что мы должны расположить их вместе.

Мы поднялись по лестнице наверх, к офисам клуба. И хоть причина была, разумеется, не в высоте или крутизне подъема, но я немного запыхался и сжимал руку Виктории чуть сильнее, чем обычно. Думаю, что мы шли каким-то коротким путем, поскольку, внезапно повернув за угол, сразу оказались на месте: перед нами — широкий коридор, головы, высовывающиеся из дверных проемов, полдюжины мужиков в одинаковых костюмах, переминающихся с ноги на ногу. С виду это напоминало ряд обычных кабинетов в любом современном офисном здании где угодно в Европе. Все выглядело очень просто. Никакой пышности, ничего шикарного или вызывающего. Мне это понравилось: «Реал» рассчитывал произвести впечатление не на входе. Я испытывал волнение, оттого что находился здесь. Люди подходили, чтобы обменяться рукопожатиями и представиться, и могу сказать, что они не скрывали от меня, насколько этот факт волнует и их тоже.

Хосе представил меня директору клуба по вопросам футбола, Хорхе Вальдано, — человеку, который наряду с президентом клуба сыграл, вероятно, наиболее важную роль в моем приглашении в Мадрид. Он выглядел весьма импозантно и при этом широко улыбался. Не знаю, сколько лет было сеньору Вальдано, но в любом случае он по-прежнему обладал телосложением и энергией настоящего игрока международного уровня, каковым этот крепкий мужчина когда-то и был. Я на миг представил себя рядом с ним в борьбе за мяч и скажу честно: мне бы не очень-то хотелось на своей шкуре почувствовать, как он оттирает противника от мяча. Хорхе был одним из немногих людей в клубе, которые совершенно не говорили по-английски, и для меня это было прекрасно. По крайней мере, тут мы с ним были на равных, верно? Сеньор Вальдано жестом пригласил меня в кабинет, около которого стоял. Из-за стола главного тренера поднялся Карлош Куэйрош. Увидеть его было для меня неожиданностью. Я все знал о решении Мадрида освободить с этого поста Висенте дель Боске. Знал я также и о том, что Карлош покинул «Олд Траффорд» с целью заменить его, равно как не было для меня тайной и то, насколько хорошо Карлош умеет работать. Но я не представлял себе, что он уже будет на «Бернабеу». Это был немного странный и вместе с тем

обнадеживающий момент. Так кто и за кем здесь следует? Мы заключили друг друга в объятия. И отлично понимали друг друга — два новых человека, оказавшихся здесь в межсезонье, в конце июля.

Сейчас они были готовы показать мне все вокруг, и главное — мое рабочее место. Мы двинулись всей толпой назад, вниз по ступенькам. Хосе шествовал впереди и старался произвести впечатление официального гида «Реала», который ведет за собой экскурсантов: «А вот здесь то место, куда посторонние никогда не заходят», — сказал он, распахивая дверь, ведущую в раздевалку хозяев поля. На дверце каждого шкафчика висела фотография — здоровенная, чуть ли не от скамейки до самого потолка — того игрока «Реала», которому он принадлежал. На какое-то мгновение это вызвало у меня чувство, словно я снова очутился среди соперников, когда увидел их всех, причем практически в натуральную величину: Рауля, Фигу, Роналдо, Зидана, Роберто Карлоса и их товарищей по команде. Как оно будет выглядеть — играть рядом с ними, вместо того чтобы играть против них? Мы прошли через это помещение и оказались в туннеле. Я без труда вспомнил, как стоял здесь совсем недавно, в апреле, испытывая предстартовый зуд и ожидая начала игры. Теперь у меня было такое же чувство.

— Хосе! Есть тут где-нибудь мяч? Я не могу ждать. Мяч тут же появился. Я отдал его Бруклину, чтобы тот нес большую кожаную игрушку, а сам вышел в узкую полосу солнечного света около боковой линии. Виктория стояла рядом. Вечерело, и тени от нас протянулись далеко вперед. Здесь, в этом месте, собралась исключительно наша, сугубо частная компания. В нашем распоряжении был весь стадион «Бернабеу»: трибуны вокруг нас вздымались наподобие склонов гор, строительные работы, которые велись позади нас, на сегодня закончились. Я бросил взгляд на маму. Три месяца назад она сидела здесь где-то в дальнем углу, наблюдая, как я играю за «Юнайтед», и все подсказывало ей, что я еще вернусь сюда — играть за Мадрид. Я направился к штрафной площадке.

— Сюда, Бруклин. Давай-ка забьем гол.

Мы в течение минуты или двух перепасовывали мяч друг другу. Мой малыш казался утомленным и немного рассеянным. Это не был старый добрый «Олд Траффорд». Я оглянулся на Викторию, которая наблюдала за Бруклином. Затем она медленным взглядом окинула все поле. Мне кажется, я знал, о чем она думала. Сейчас требовалось быть храбрым, и рядом со мной стояла девушка, очень подходящая для этого. Ее глаза слегка улыбались. А затем Хосе спросил: понял, насколько

важной и значимой была для меня эта конкретная минута.

А мы отправились назад в свой отель, где нас ожидали на ужин. Как оказалось, в этом отеле игроки «Реала» собираются перед домашними играми. Внизу там устроена для них отдельная столовая. Сегодня я влился в ряды мадридского «Реала» и нынешним вечером должен был отпраздновать это событие с теми людьми, благодаря которым этот переход состоялся. С моей командой, состоящей из агентов, работающих в фирме SFX, и с теми немногими людьми, которые представляют собой сердце «Реала» как организации. В их числе — наш помощник и добрый приятель Хосе, Хорхе Вальдано, Педро Лопес Химинес, правая рука президента, и его сын Фабио, Хосе Луис дель Валье, юрисконсульт президента. И Виктория. Госпожа Бекхэм выглядела невероятно красивой. Причем не только для меня — она очаровала и всех присутствующих, заставив сидящих рядом мужчин думать, будто футбол волнует ее в такой же степени, как и их. Впрочем, кто знает? Возможно, в этот единственный вечер так оно и было на самом деле.

Нас ждала парочка прекрасных часов. Я знаю, какое напряжение испытывал в течение последнего месяца каждый, кто находился в этой комнате. И теперь для них подошло самое время малость поостыть — с помощью холодного пива. Никаких щекотливых тем, никакой политики, никаких претензии; просто компания людей, которые испытывают друг к другу симпатию и доверие, а сегодня собрались, чтобы вместе посидеть и вкусно поесть. Даже формальности соблюдались не очень-то формально. Мои агент Тони Стивенс встал, чтобы сказать несколько слов. Простой тост в честь хороших партнеров: сначала меня и Виктории, а затем меня и мадридского «Реала». А я поблагодарил всех и каждого за ту многообразную работу, которую они проделали: — Я никогда не мечтал о том, чтобы играть за многие футбольные клубы. Но, тем не менее, нет такого игрока, кто не мечтал бы выступать в мадридском «Реале». Спасибо всем за то, что для меня эта мечта стала явью.

И только после того как я сел, мне вспомнилось нечто очень существенное. Почему я не поблагодарил самого главного человека? Почему не поблагодарил Викторию?

Но я уже упустил момент: Хорхе Вальдано стоял, повернувшись лицом к нам. И начал говорить — конечно же, по-испански. Сначала нам переводил один Хосе, но поскольку у присутствующих уже малость развязались языки, они начали подбрасывать собственные предложения насчет того, что именно могли бы означать по-английски отдельные слова. Все несколько заплуталось, но сеньор Вальдано знал, куда шел, и пахал свою

борозду, ни на что не обращая внимания:

— Три года назад Флорентино Перес выдвинул свою кандидатуру на пост президента мадридского «Реала». Многие видели в нем лишь холодного, рационального бизнесмена и задавались вопросом, подходит ли он для этой должности. В конечном счете он выиграл выборы, потому что сделал самое невероятное, что только могли вообразить наиболее горячие поклонники клуба: он купил у «Барселоны» Луиша Фигу. Сеньор Перес пришел в президенты с честолюбивым намерением сделать футбольный клуб, который ФИФА пригнала наиболее известной командой XX столетия, самой знаменитой и в XXI. Чтобы достичь этого, мы нуждались в надлежащих игроках: не просто в наилучших игроках, но в таких, которые представляли бы футбол — и мадридский «Реал» — наилучшим образом. Рауль был уже здесь. Спустя год после Фигу наш президент привел на «Бернабеу» Зидана. Через год после него появился Роналдо. Однако в этой конструкции отсутствовал один элемент. Мы полагаем, что ты, Дэвид, являешься именно тем игроком, в котором нуждался мадридский «Реал» для полноты картины. Не только благодаря твоим способностям, но еще и потому, что ты в состоянии принести с собой тот футбольный дух, который воплощается капитаном сборной Англии. Уже по тону голоса сеньора Вальдано и по его жестикуляции можно было, даже не понимая испанского, сказать, что этот человек готовится к эффектной концовке. Вот он сделал глубокий вдох… и в этот момент сработал мобильный телефон Хосе. То был один из звонков, направляющих все разговоры в совершенно другое русло и становящихся тем единственным вопросом, на который ты действительно должен отвечать, причем немедленно.

— El Presidente.

Беседуя, Хосе и сеньор Перес много смеялись и обменивались шутками.

— Дэвид, президент хочет сказать тебе, что он очень сожалеет о невозможности присутствовать сегодня вечером здесь вместе с нами, но он никогда не делал этого при подписании других наших крупных контрактов. А посему он не думает, что с его стороны было бы правильным поступить на сей раз иначе.

Пауза. Только с целью удостовериться, что мы поняли шутку.

— А еще он говорит: «И не следует, разумеется, думать, будто ты не являешься его любимчиком».

Теперь все, кто находился в комнате, стали смеяться и кричать в мобильный телефон Хосе, что президент обязательно должен прийти просто на чашечку кофе.

— Он говорит, что сейчас присутствует на вечеринке по

случаю дня рождения одного из директоров клуба. Мы могли бы все отправиться туда. Это недалеко.

Сеньор Вальдано все это время продолжал стоять, ожидая возможности закончить речь. Но ему пришлось отступить от своего намерения и снова сесть — как раз в тот момент, когда президент уже прощался. Он надеялся, что мы получим удовольствие от хорошо проведенного вечера. Теперь все сидевшие за столом снова повернулись к сеньору Вальдано, готовому к кульминации своего прерванного тоста. Мне уже не обязательно было слышать его дальнейшие слова; я и без того успел воспринять все, что он сказал до сих пор, и чувствовал себя в достаточной мере польщенным. А тот снова встал, и было видно, что он думает насчет того, где и как подхватить оборванную нить. А затем решил: суетиться ни к чему и просто рассмеялся. Время для высокого стиля ушло. И он рискнул немного воспользоваться своим английским языком:

— Дэвид и Виктория, добро пожаловать в Мадрид!

А я действительно почувствовал, что да, мы здесь.

Пока у меня и Виктории еще оставалось вечером время для того, чтобы умчаться и успеть заглянуть еще в два дома. Я поймал себя на мысли: А когда они вообще спят в этом Мадриде? Весь вторник прошел в делах и заботах, которые составляли приватную сторону того факта, что я перешел в мадридский «Реал». Среда обещала представить этот факт всему миру. Бруклин перестроился раньше других: другие дети, плавательный бассейн и садик за домом — большое спасибо. Потом он отправился вместе с мамой в гости к родителям кого-то из тех, с кем мы встречались днем раньше. Мне же предстояло дать два интервью: репортеры телеканала MUTV, принадлежавшего «Манчестер Юнайтед», прибыли в Мадрид, чтобы я мог сказать болельщикам команды «до свидания» и «спасибо», попрощаться с ними и поблагодарить за все. После этого телевизионный канал мадридского «Реала» хотел узнать мои первые впечатления о пребывании в испанской столице, а также выяснить мою реакцию на заявление Роберто Карлоса, восхищавшегося тем, что после долгого ожидания на «Бернабеу» наконец-то появятся сразу два красивых игрока. Эти два интервью, последовавших одно за другим без малейшей паузы, оказались неплохим способом провести утро — сладостным и одновременно горьким. Все шло очень хорошо, и мне доставляло удовольствие искать и находить ответы. Но в действительности мне хотелось самому задавать вопросы. Меня не могло не интересовать, каким образом болельщики в Мадриде и Манчестере смотрят на случившееся и что они думают о нынешнем повороте событий.

«Реал» выбрал в качестве места для моей встречи и знакомства с представителя СМИ и болельщиками баскетбольную арену, причем это решение было принято, задолго до того как я выбрал для себя футболку с номером 23. Pabellon Raimundo Saporta — спортзал имени Раймундо Пабельона — представляет собой огромный мрачный ангар, рассчитанный на пять тысяч зрителей и образующий часть тренировочного комплекса, который мадридцы называют Ciudad Deportiva — «спортивный городок». Наши автомобили с визгом свернули с главной дороги и, описав плавную кривую, подкатили к центральному входу. Снаружи нас поджидали десятки журналистов, а слева от себя я успел заметить небольшую площадку, где мне, теперь уже игроку «Реала», впервые дали возможность сделать несколько ударов по мячу перед болельщиками и приверженцами этой команды. Мы поспешили внутрь. Я знаю, что испанцы считаются людьми, которые не отличаются особой пунктуальностью, но здесь чувствовалось наличие жесткого графика, который все неукоснительно решили соблюдать. Я проследовал за кем-то по коридору, пока мы не уткнулись в некие тяжелые темные и совершенно непрозрачные портьеры, висевшие в одном из концов гимнастического зала. Все это немного напоминало ожидание выхода на сцену в школьной пьесе: когда я выходил на яркий свет из-за кулис, в моем мозгу промелькнула мысль, что со мной уже такое случалось. Всего за несколько минут до того как нам предстояло начать, пришел Хосе и объяснил, что у организаторов предусмотрен человек, который будет синхронно переводить то, что я скажу.

— Дэвид, ты сможешь делать небольшие паузы, чтобы дать ему время для перевода на испанский?

— Честно говоря, Хосе, я бы предпочел этого не делать. Что, если я остановлюсь, а потом не смогу продолжить?

Выступать с речами — это вовсе не то занятие, которым я зарабатываю на жизнь, но здесь мне требовалось, чтобы мое выступление прозвучало толково.

— А не может ли ваш человек на сей раз постараться и попробовать не отставать от меня?

Впрочем, у нас не было времени спорить. В полумраке я обменялся рукопожатием с сеньором Пересом, и меня представили Альфредо ди Стефано. Я уже спрашивал о нем на вчерашнем ужине.

— Действительно ли ди Стефано — самый великий из всех игроков, выступавших когда-либо за мадридский «Реал»?

— Нет. Он просто самый великий из всех игроков вообще.

Я видел коротенькие сюжеты, черно-белые и полупризрачные,

изображавшие ди Стефано в деле, — играющим за команду «Реал», которая в конце пятидесятых годов выигрывала европейский кубок несколько сезонов подряд. Сеньор Перес был президентом «Реала», но человек, стоящий передо мной, был еще более важен, если говорить о духе клуба. В свои семьдесят с лишним лет сеньор ди Стефано и теперь все еще был крепок и внушал уважение. Почти физически ощущалось, насколько он гордится тем, где он сейчас был и чего достиг в «Реале» и для «Реала». Он, казалось, испытывал гордость и от того, что находился теперь здесь, вместе со всеми нами, являясь в такой же мере частью настоящего, как и частицей прошлого. Альфредо ди Стефано представляет собой для мадридского «Реала» то, кем Бобби Чарльтон есть и навсегда останется для «Юнайтед».

Чья-то рука потянулась вперед и отодвинула занавес. До сих пор я даже не понимал, что около нас стояли динамики, но теперь вдруг музыка — оперная ария — оказалась единственным, что мог слышать я или кто-либо другой, а голоса певцов эхом отзывались по всей арене. Сейчас предстоял наш выход. Мы делаем несколько шагов вперед, затем идем по сцене. Арена, раскинувшаяся перед нами, была переполнена фотографами, и едва мы появились, как нас стали обстреливать вспышки. Куда бы ни глянул, я видел только людей, сидевших по обе стороны зала на местах для зрителей. Первым делом я изо всех сил старался удержать улыбку на своем лице, которое на самом деле застыло, словно на морозе. Потом глубоко вздохнул и поглядел вниз и влево, где на отдельных местах сидела Виктория вместе с руководством мадридского «Реала». Она смотрела на меня взглядом, в котором ощущалась поддержка, как будто хотела сказать: «Давай, действуй. Так уж оно бывает, ты же сам знаешь. Все мы смотрим на тебя».

А теперь я действительно улыбался. Позади меня был огромный киноэкран, достаточно большой для того, чтобы вызвать у меня такое чувство, словно я стою вот здесь, на сцене, а роста во мне — примерно один фут или около того. На мгновение я почувствовал себя примерно так, как иногда бывало со мной в субботу утром в каком-нибудь кино, с той только разницей. что сейчас в этом фильме играл я сам. На желтом фоне цвета жженой пробки — моя голова, значок клуба и слова «Реал (Мадрид)». Сеньор Перес выступил вперед. Они собирались переводить меня на испанский. Но не было никого, кто перевел бы его слова на английский, для меня. В общем, они здесь так или иначе пробросили меня. И лишь попозже я получил текст президентской речи, и до меня дошел ее подспудный смысл.

— Дэвид — великий игрок, игрок, который был воспитан в

традиции готовности принести себя в жертву команде. Он приходит к нам из самой лучшей и самой состязательной футбольной лиги в мире. Мы уверены, что он достаточно хорошо оснащен технически и обладает достаточно сильным характером, чтобы преуспеть и здесь.

Теперь вперед вышел Альфредо ди Стефано, держа в руках футболку мадридской команды. Мы обменялись рукопожатием, а фотографы выкрикивали:

— Сюда, Дэвид, сюда! Aqui, aqui — por favor — Senors (Сюда, сюда — сделайте одолжение, господа (исп.)

Мы держали футболку перед собой.

— Поверните ее спиной, поверните ее!

Сзади все увидели номер 23, а над ним — фамилию «Бекхэм».

Никто не знал за пределами клуба, каким будет мой номер в новой команде. Я долго и упорно думал о том, какой же номер мне выбрать из числа тех, которые еще не использовались другими игроками. Даже руководство «Реала» не знало об этом вплоть до вчерашнего вечера, когда уже совсем поздно я позвонил им из отеля и сообщил свое окончательное решение.

Внезапно раздалось нечто напоминающее взрыв, — это разом защелкали затворы нескольких сотен фотокамер. Я мог расслышать в зале голоса:

— Veinte y tres.

Двадцать три. А затем, мгновение спустя:

— Майкл Джордан. Майкл Джордан!

Значит, он был героем не только для меня. Ну а теперь подошла моя очередь. Я шагнул вперед, к микрофону. Перед этим снова и снова я повторял про себя те первые несколько слов, которые намеревался сказать. Мне не хотелось держать в руках клочок бумаги. И не хотелось заранее задаваться вопросом, что сказать потом. В таком случае под угрозой оказалась бы непосредственность моих первых впечатлений. Для начала я прочистил горло.

— Gracias. Сеньор Перес, сеньор ди Стефано, дамы и господа.

Тут я предоставил какую-то долю секунды переводчику, чтобы тот успел сделать свою работу. Но на первых порах его микрофон, как мне показалось, не работал должным образом. Я ждал. И пока я ждал, мои мозги тоже прочистились — и стали совсем пустыми. Внезапно я осознал наличие целого леса камер, скучившихся передо мной, и массы людей по всему залу. которые вытягивали шеи в мою сторону. Я был доволен что научился доверять самому себе. А потом открыл рот. и оттуда как бы само собой полилось все остальное:

— Я всегда любил футбол. Конечно, я люблю свою семью… —

Тут я снова посмотрел вниз, на Викторию: это слишком правда, я действительно люблю их. — … И у меня замечательная жизнь. Но футбол для меня — это все. А играть за «Реал» — мечта, становящаяся сейчас былью. Спасибо каждому из присутствующих за то, что пришли сюда разделить мою радость в связи с переходом. Gracias.

Я держал футболку — мою новую футболку — перед собой:

— Hala (Вперед (исп.) Мадрид!

Подошли другие директора клуба, чтобы сделать групповые фотографии, а затем сеньор Перес увлек нас за кулисы и через длинные коридоры провел в помещение, расположенное в дальнем конце здания, где располагался стол, уставленный острыми закусками, печеньем и прохладительными напитками. Такая или похожая комната есть в каждом футбольном клубе: с наклонным потолком и скамейками вдоль стен. Впрочем, здесь все это выглядело немного опрятнее. Затем меня оттуда вывели в раздевалку — правда, не столь впечатляющую. как та, что я видел на «Бернабеу» за день до этого.

Мне понадобилось какое-то время, чтобы надеть на себя форму мадридского «Реала», — в самый первый раз Потом парочка охранников в сопровождении Саймона и Джейми, агентов фирмы SFX. прошли вместе со мной через раздевалку, и мы попали на площадку, помеченную как Numero 2. — небольшое тренировочное поле с двумя низкими трибунами — на одной стороне и за одними из ворот. Обе они были битком забиты болельщиками. Когда я снова оказался на открытом воздухе, понадобилось несколько секунд, чтобы мои глаза смогли приспособиться к яркому свету. Я пробежал через проем в ограде, и мне бросили сразу несколько футбольных мячей. Игра в футбол — это для меня средство зарабатывать на жизнь. Посему укрощать мяч или жонглировать им, удерживая в воздухе, — для меня нехитрый трюк; более того, это моя вторая натура. Но проделывать подобные вещи на небольшой травяной заплатке, перед тысячами поклонников, которые думают: «А ну-ка, покажи нам, парень, свои таланты»? Честно говоря, из-за этого я почувствовал себя здесь немного одиноким, — даже притом, что прием, который оказали мне madridistas, был выше всех моих надежд: многочисленные семьи приветствовали меня восклицаниями и дружески махали руками. Я помахал им в ответ. А фотографы сделали положенные снимки Дэвида Бекхэма, в первый раз облачившегося в форму «Реала».

Как долго мне надлежало здесь пробыть? Что еще мы должны сделать? Я послал мяч в толпу болельщиков, сидевших позади ворот, и вглядывался в трибуну, пытаясь увидеть, кто его поймал.

Одновременно я старался представить, как эти же болельщики воспримут меня, когда я рядом с остальными galacticos выбегу на поле «Бернабеу», чтобы принять участие в игре. Я знал, что 24 июля мне надо вернуться в Мадрид, чтобы приступить к работе. И вдруг стремительный водоворот истекших двадцати четырех часов как-то разом и полностью прекратился. Ощущение значимости того, что случилось сегодня и в предыдущий день, пронеслось во мне, затопило все мое существо и заполнило грудь наподобие глотка чистого кислорода. Это было фантастическое чувство.

Внезапно в тот момент, когда охранники следовали за моим взглядом, направленным в толпу зрителей, я уголком глаза увидел где-то далеко и слева от себя фигурку, выбегающую из-за металлической опоры мачты с прожекторами. Это был парнишка лет одиннадцати или двенадцати — загорелый, с черными волосами, торчащими на макушке, и голой грудью, одетый в драные джинсовые шорты и какие-то вдрызг разбитые кеды. И он со всех ног мчался немного по-заячьи ко мне. Думаю, что я увидел его раньше, чем кто-либо другой. От неожиданности в толпе раздались крики удивления. Те, кто отвечал за безопасность, разом повернули головы в мою сторону и посмотрели на меня. Слишком поздно: мальчик, которого, как я узнал позже, звали Альфонсо, стоял на расстоянии метра от меня. Я испытал некоторый шок, но в нем не было ничего такого, что заставило бы меня отстраниться или сделать шаг назад. Его глаза были широко открыты и полны мольбы, словно он хотел от меня чего-то, сам еще не зная, чего именно. Совершенно инстинктивно я просто протянул к нему руки. Мальчишка не нуждался во втором приглашении: он прыгнул на меня и со смехом обхватил. Я поймал его и держал крепко — почти так же сильно, как это делал он. Что касается ребят из службы безопасности, то я отмахнулся от них: это был всего лишь мальчик, который воспользовался представившимся шансом. Прошло довольно много времени, пока я сумел оторвать его от себя и подать знак Саймону, который был перед другой трибуной: — футболку! Мне нужно еще одну футболку! Мы пошли навстречу друг к другу и встретились с ним на полпути. Я попробовал отдать парнишке футболку, но Альфонсо неподвижно стоял передо мной, и теперь в его глазах искрились слезы. Он поднял обе руки вверх. Я натянул ему на голову футболку. Все это выглядело так, словно здесь происходит некая странная и таинственная церемония. Я лишь отчасти осознавал, что люди вокруг приветствуют меня и восторженно свистят. Парень продел руки в рукава, и футболка благополучно оказалась на нем, доставая почти до колен. Потом

он поднял взгляд на меня. Его глаза походили на зеркало: в них отражались счастье, страх, благоговение, удивление перед лицом того невозможного и чудесного события, которое только что произошло с ним. Еще несколько часов — и мне надлежало уже сидеть в самолете и вместе с моими близкими лететь назад, в Англию. А сейчас пора было упаковывать наши сумки и чемоданы. А как же Альфонсо? Я смотрел вниз на полное ожидания, страстное лицо этого мальчика. По нему было видно, как долго он мечтал и твердо решил, что должен быть там, где находился теперь, — вот здесь, перед трибунами, лицом к лицу со мной. Мне хотелось задать ему несколько вопросов, и в то же время у меня было такое чувство, словно это он спрашивает меня: «Кто ты такой, сынок? Откуда ты явился? И как получилось, что ты оказался здесь?»

1. Изничтожение клумб

«Миссис Бекхэм! Можно, Дэвид выйдет и поиграет в парке?»

Уверен, что мама смогла бы откопать его из груды старья — то первое видео, изображающее меня в деле. Там я, Дэвид Роберт Джозеф Бекхэм, в три годика, одетый в новенькую форму «Манчестер Юнайтед», которую папа купил мне на Рождество, играю в футбол в гостиной нашего небольшого дома в Чингфорде (северная окраина Лондона). Прошло двадцать пять лет, и Виктория вполне может заснять, как я этим утром, прежде чем отправиться на тренировку, перепасовываюсь мячом с Бруклином. Невзирая на все то многое, что случилось на протяжении моей жизни, в том числе и на иную расцветку футболки, которую я теперь ношу, кое-что вообще не изменилось.

В качестве отца, наблюдающего за ростом и взрослением собственных сыновей, я лучше понимаю, каким образом должен был выглядеть я сам в мальчишеском возрасте; кроме того, я еще вспоминаю и о том, что делал со мной папа. Едва только я смог ходить самостоятельно, как он позаботился о том, чтобы у меня завелся футбольный мяч, который всегда можно пнуть. Возможно, я даже не дожидался появления мяча. Помню время, когда Бруклин только-только научился держаться на ногах. Однажды после тренировки мы с ним вместе бездельничали и бродили по дому.

По неизвестной причине на полу кухни валялась консервная банка с печеными бобами. И вот, прежде чем я что-либо понял, он сделал парочку неуверенных шагов по направлению к ней и пнул эту штуковину с такой силой, что вам бы это наверняка понравилось. Зато я по-настоящему испугался: так можно запросто себе что-нибудь сломать. Но даже испугавшись, я крепко обнял своего сынишку и не смог сдержать радостного смеха. Это наверняка был я.

Подобные вещи лежат в человеке, зашитые в его гены. Взгляните на Бруклина: он всегда хочет поиграть в футбол, побегать, ударить что попало ногой, прыгнуть куда-то — хоть в воду. И он так внимательно слушает все, что ему говорят на сей счет, словно уже готов учиться. Если к тому времени, когда ему было три с половиной года, я накатывал ему футбольный мяч и просил остановить его, то Бруклин завладевал им, непременно поставив ногу сверху. Затем он делал шаг назад и занимал нужную позицию, перед тем как ударом ноги возвратить его

назад, ко мне. Он также наделен отличным чувством равновесия. В Нью-Йорке, когда Бруклину было примерно два с половиной года, я помню, как нам требовалось выйти из ресторана и спуститься на несколько ступенек. Он стоял, глядя вверх на Викторию и на меня, причем носок одной ноги находился на первой ступеньке, а пятка другой качалась на следующей. Какой-то мужчина, должно быть, наблюдал за этой картинкой из ресторана, потому что внезапно он чуть ли не бегом выскочил оттуда и спросил нас, сколько лет нашему сыну. Когда я ответил, он объяснил, что работает детским психологом и что проявленная Бруклином способность балансировать на ступеньках подобным образом прямо-таки удивительна для мальчика его возраста.

Пока еще слишком рано говорить что-нибудь о Ромео, но Бруклин по-настоящему уверен в себе, энергичен и обладает чувством координации. Уже в течение многих лет он буквально со свистом носится по всей округе на двухколесных самокатах — я имею в виду не издаваемые им звуки, а скорость. Он уверен в себе, чисто физически, и я знаю, что мне это также было присуще. Впрочем, когда я был мальчиком, то чувствовал себя действительно уверенным в себе только в те моменты, когда играл в футбол. Фактически я и сейчас все еще могу сказать насчет себя то же самое, хотя Виктория дала мне уверенность во всех смыслах и самых разных проявлениях. И я знаю, что она сделает то же самое и для Бруклина, и для Ромео.

При всем том общем, что есть у отца и сына, мы с Бруклином очень разные. К тому времени, когда я был в его возрасте, я уже говорил любому, кто был готов слушать: «Я собираюсь играть в футбол за «Манчестер Юнайтед»». Он тоже говорит, что хочет быть футболистом, как папа, но — «Юнайтед»? Этого слова мы от него пока не слышали. Бруклин по-настоящему крепкий, хорошо сложенный мальчик. Что же касается меня, то я всегда был тощим. Как бы много я ни ел, но в те времена, когда я рос, это никогда не приводило ни к каким результатам. Играя в футбол, я, должно быть, казался еще меньшим, потому что если я не занимался этим делом с отцом и его приятелями, то наверняка торчал в парке «Чейз Лейн», сразу за углом нашего дома, где гонял мяч с мальчишками вдвое старше меня. Не знаю, потому ли, что я хорошо играл, или же по той причине, что они могли запросто подфутболить меня в воздух, а я не обижался и был готов играть дальше, но после школы они всегда подходили к нашему дому:

— Миссис Бекхэм! Можно, Дэвид выйдет и поиграет в парке?

Я проводил в парке «Чейз Лейн» действительно много времени. Если я не торчал там со старшими мальчиками вроде

Алана Смита, который жил на нашей улице через два дома от нас, то находился там вместе с папой. Мы начали с того, что перепасовывали мяч в садике за домом, но я изничтожал там клумбы. Поэтому после его возвращения с работы (он работал инженером-теплотехником) мы стали вместе ходить в этот парк и там упражняться с мячом и занимались этим по много часов. Все сильные стороны в моей игре — это плоды тех уроков, которые папа давал мне в парке двадцать лет назад: мы работали над правильным приемом мяча и нанесением ударов до тех пор, пока не становилось слишком темно. Он пробивал мяч в воздух — настолько высоко, как только мог, — и заставлял меня укрощать его. Затем я учился бить по мячу с обеих ног, стараясь делать это правильно. Подобные занятия были просто великолепными, хоть иногда он едва ли не сводил меня с ума своей требовательностью. «Почему бы тебе просто не встать в ворота и не дать мне возможность наносить по ним удары?» — думал я про себя. Полагаю, вполне можно сказать, что именно он во многом развивал меня и подталкивал вперед. Однако нужно отметить, что я и сам хотел делать это, а тут мне еще и повезло с папой, который очень хотел заниматься со мною тем, чем я и без того интересовался.

Мой папа Тэд выступал за местную футбольную команду под названием «Кингфишер» (Зимородок (англ.)), и нередко я вместе с нашей мамой Сандрой, моей старшей сестрой Линн и малышкой Джоан отправлялся понаблюдать за его игрой. Он был центральным нападающим — эдакий Марк Хьюз, но только более мощный. Папа пробовался в команду «Лейтон Ориент» и в течение нескольких лет играл полупрофессионально в «Финчли Уингейт». Он был хорошим игроком, хотя ему всегда было свойственно попадать в положение «вне игры». Мне потребовалось много времени, чтобы понять, каким образом работает это правило, но я не уверен, что папе когда-либо удалось действительно разобраться в этом до конца. Я любил смотреть за его игрой. Я любил все, что связано с футболом, и могу немало рассказать о том, сколь много значила эта игра и для него. Когда он сообщил мне, что собирается прекратить регулярные выступления, чтобы целиком посвятить себя тренерской работе со мной (мне, должно быть, в ту пору, было лет восемь или девять), я совершенно точно знал, что означала для него такая жертва, хотя сам он никогда не говорил об этом.

К тому времени, когда мне исполнилось семь лет, папа в будние дни брал меня с собой по вечерам на тренировки своей команды «Кингфишер», которые проходили в месте под названием «Уодхэм лодж», недалеко от нас по северной окружной

дороге. У меня остались самые лучшие воспоминания о тех вечерах — не столько от общения с папой и его коллегами, но и от самого спортивного поля. Оно находилось приблизительно в десяти минутах езды от нашего дома на машине. Мы мчали по этому длинному шоссе, сплошь застроенному одноквартирными домами, примыкающими друг к другу, а потом, завернув, проезжали через большие деревянные ворота, выкрашенные синей краской, мимо одной автостоянки и попадали на другую автостоянку, которая располагалась уже совсем рядом с тренировочным полем. Площадка была посыпана оранжевым гравием в смеси со шлаком и снабжена воротами нормального размера с сетками. Еще там имелись небольшой бар и клуб, где самые разные люди, но в основном футболисты, встречались для отдыха, танцев и тому подобного. Этот клуб и осуществлял надзор за располагавшимся здесь целым комплексом футбольных полей. Кроме нашего, там было еще три или четыре других, включая самое лучшее, которое берегли для важных кубковых игр и иных особых случаев. Вокруг него был выкопан ров и возвышалась невысокая стена, а с двух сторон располагалось некое подобие трибун. Мне в то время все это казалось крупным стадионом, и я мечтал когда-нибудь сыграть на этом поле.

«Уодхэм лодж» выглядел и был оборудован не очень хорошо. Я помню, что раздевалки были сплошным кошмаром, как в Воскресной лиге (одна из английских любительских футбольных лиг, ориентированная в первую очередь на детский и юношеский футбол): грязь на полу, тусклое освещение и холодная вода, еле сочившаяся из душевых стоек. Дополнялось это отвратным запахом полужидкой мази, которой игроки обычно смазывали себе ноги. Он шибал в нос, едва вы сюда входили. На самом поле были установлены даже широкополосные прожектора — правда, всего по шесть на каждой из двух башен, — но по крайней мере один раз за каждую тренировку они вырубались, и кто-то должен был бежать и бросать пару монет в счетчик, который стоял в буфете за дверью раздевалки.

Помимо тренировок с командой «Кингфишер» в течение футбольного сезона, мы возвращались на «Уодхэм лодж» и в летние каникулы — папа имел обыкновение там бегать. Кроме того, он выступал и еще за какую-то команду в летней лиге, так что я приезжал на игры вместе с ним. Мы занимались вдвоем до и после его матча, а все то время, пока на большом поле шла встреча с его участием, я находил еще несколько других мальчиков, с которыми можно было погонять мяч на расположенной по соседству площадке, посыпанной шлаком. Основную часть своей профессиональной карьеры я провел в

клубе, оснащенном гораздо лучше и умевшем позаботиться буквально обо всем, но я доволен, что еще мальчиком приобрел опыт занятий в таком месте, как «Уодхэм лодж». Думаю даже, что если бы я не бывал там множество раз с моим папой, то, возможно, так бы и вырос, ничего не зная про Soap on a Rope. А если быть ближе к делу, то именно здесь я начал учиться пробивать штрафные удары. После того как все остальные заканчивали тренировку и отправлялись в клуб, я устанавливал мяч неподалеку от границы штрафной площадки и подрезал его, пробивая почти неотразимым «сухим листом» в сторону ворот. Каждое попадание в штангу означало дополнительные 50 пенсов карманных денег, достававшихся мне от папы на неделе, а также, что ничуть не менение важно, еще и поощрительный шлепок по спине. Другие отцы тоже иногда приводили сюда своих мальчишек, но я, однажды начав, приходил на этот стадион регулярно, день за днем и неделя за неделей. Я сидел в баре и наблюдал за тренировкой мужчин, а затем, ближе к концу, они позволяли мне присоединиться к ним и поучаствовать в двухсторонней игре пять на пять. Я был настолько счастлив возможностью поиграть с остальной компанией — этими взрослыми мужиками, — что носился, словно на крыльях, и все происходящее воспринимал, как должное. Отлично помню случай, когда один из них врезался в меня, выполняя подкат, и папа совершенно не был от этого восторге. Но обычно, если мне доставалось, он только велел мне вставать и продолжать в том же духе. Папа даже предупредил меня, что я должен быть время от времени готов к некоторым проявлениям грубости со стороны противников. Если бы он весь вечер бегал по кругу, уговаривая игроков не слишком активно отбирать у меня мяч и обходиться со мной помягче, то для меня не было бы смысла являться туда. Тот факт, что в тот период, когда я был молодым, мне почти всегда приходилось играть в футбол с парнями, которые были крупнее и сильнее меня, помог мне позже в моей карьере — я в этом глубоко убежден.

Если вечерами я не проводил время на «Уодхэм лодж», то, стало быть, торчал в парке «Чейз Лейн». У нас имелся секретный маршрут, позволявший добраться туда, что называется, «огородами», то есть кратчайшим путем: надо было перемахнуть через дорогу и затем пройти мимо нескольких домов к частному переулочку. Мы ждали где-нибудь в его начале, пока вокруг никого не было, а потом совершали рывок в полсотни ярдов до живой изгороди, сквозь дырку преодолевали ее и оказывались практически на месте. До сих пор я все еще сохраняю добрые отношения с парочкой друзей, с которыми в первый раз

встретился именно в «Чейз Лейн». Я ходил в школу с Саймоном Треглоуэном и его братом Мэттом, причем контакты с Саймоном поддерживаю по сегодняшний день. Мы еще давным-давно решили, что между нами все в полном порядке, хотя когда-то сильно поспорили насчет того, действительно ли я забил ему гол, когда он стоял в воротах. Потом этот спор незаметно перешел в большую драку — и это при том, что Саймон был на четыре года старше меня. Что же касается драки, то для мальчишек она представляет собой отличный способ обзаводиться друзьями. Обычно мы просто гоняли мяч повсюду, пока не становилось темно, но там, кроме всего, в небольшой хибарке издавна располагался молодежный клуб, где заправляла некая леди по имени Джоан. Моя мама знала ее и часто звонила туда, чтобы мы немедленно отправлялись домой. В этом клубе можно было поиграть в настольный теннис или в бильярд и купить себе какую-нибудь шипучку либо немного шоколада. Кроме того, на заднем дворе там имелся заполнявшийся летом открытый бассейн, в котором можно было поплескаться. Иногда Джоан брала микроавтобус, и мы все отправлялись в купальню, находившуюся Уолтхэмстоу. Рядом с этой развалюхой под громким названием «клуб» была еще довольно крутая рампа для скейтов. Думаю, моя мама теперь знает, что причиной некоторых из моих порезов и ушибов было катание на скейтах, хотя мне тогда не разрешали становиться на это средство передвижения. Один особенно неприятный удар я получил однажды вечером, когда сильно упал, доставая мяч из пустого бассейна, после того как его закрыли на ночь. Джоан еще была на рабочем месте, и она позвонила домой, чтобы сказать моим родителям, каким образом я основательно разбил себе голову. В течение приблизительно шести или семи лет в раннем подростковом возрасте для меня тот парк составлял целый мир. Теперь все эти здания и сооружения исчезли. Времена переменились, и какие-то другие дети начали безобразничать в этом парке, и его пришлось закрыть.

Самым первым моим близким другом был мальчик по имени Джон Браун, который жил в соседнем доме. Мы с Джоном вместе ходили и в начальную, и в среднюю школу. Он не был по-настоящему увлеченным, заядлым футболистом, и когда мне не удавалось уговорить его отправиться в парк погонять мяч, мы шли домой к кому-либо из нас и играли в «Лего», «Геймбой» или катались по нашей улице на велосипедах или роликовых коньках. Позже, когда я начал выступать в команде «Риджуэй Роверз», Джон приходил на некоторые из наших матчей, хотя сам не играл. Несколько ребят, особенно я и еще один мальчик из

«Риджуэй» по имени Ники Локвуд, всегда были готовы пойти в кино, и Джон частенько тоже присоединялся к нам; я помню, как мама подвозила нас в Уолтхэмстоу и высаживала возле кинотеатра. В раннем детстве Джон Браун был моим лучшим приятелем, но мне кажется, что мои занятия футболом увели меня совсем в другую сторону.

После того как мы закончили школу, Джон отдалился от меня и стал пекарем.

К счастью, в первой моей школе под названием «Начальная школа «Чейз Лейн»» любили футбол. Я до сих пор помню м-ра Макги, учителя, который обыкновенно тренировал нас. Это был шотландец, страстно увлеченный своим делом и немного похожий на Алекса Фергюсона. Ребята частенько рассказывали про то, как м-р Макги, когда бывал раздражен, швырял куда попало чайные чашки, мячи для крикета и все прочее, что подворачивалось ему под руку. Я сам никогда не был непосредственным свидетелем таких вспышек, но в любом случае все мы немного побаивались его. У нас была действительно хорошая команда, и мы обычно выходили на поле в форме зеленого цвета. Кроме этого, я еще играл в футбол за команду «Кабз» (Детеныши, малышня (англ.)), что можно было делать только в том случае, если по воскресеньям ты ходил в церковь. В результате все наше семейство — я, мама с папой и мои сестры — каждый раз в обязательном порядке отправлялись на проповедь.

Мои родители знали, насколько сильно я люблю футбол. Если мне предоставлялся шанс поучаствовать в каком-то связанном с ним мероприятии, они делали все возможное, чтобы это действительно случилось. Шла ли речь о встрече двух команд или о тренировке, я не упускал случая. И ходил в каждую футбольную школу, которая только подворачивалась. Первой из них была «Футбольная школа Роджера Моргана», где всем заправлял этот бывший крайний нападающий «Шпор». Я посещал ее достаточно долго, зарабатывая все значки, пока не ушел, но продолжал ходить на выступления этой команды, когда она приезжала в Лондон. Отец моей мамы был несгибаемым болельщиком «Тоттенхэма», и почти всегда брал меня с собой на стадион «Уайт Харт Лейн». Каждое Рождество заканчивалось для меня очередными комплектами формы «Манчестер Юнайтед» и «Тоттенхэм Хотспур», к которым могла еще добавиться и форма сборной Англии — от мамы. Если где-то был футбол или что-нибудь, имеющее отношение к футболу, — и всегда был там.

При всем том мама не очень-то сильно любила эту игру. Вот ее отец — тот действительно питал к футболу страсть, и в этом состояла одна из причин, почему я так любил бывать с ним и

проводил у него много времени. Джо занимался издательским делом. В течении долгого времени он работал сравнительно недалеко от дома, в государственной канцелярии, издававшей правительственные документы, которая находилась в Ислингтоне. Потом он перебрался подальше, на Флит-стрит (одна из весьма характерных для Лондона «специализированных» улиц, на ней обитают газетчики). Он и моя бабушка Пегги жили в небольшом поместье на выезде из города по шоссе Сити-роуд, почти сразу за Олд-стрит. Как правило, по субботам мой папа рано уходил на работу. Остальные члены нашей семьи садились в поезд и отправлялись в Уолтхэмстоу, чтобы просто повидаться с моими бабушкой и дедушкой, а провести у них целый день. Мы должны были добраться туда до полудня: дедушка покидал дом примерно в 11.30, если намеревался посмотреть игру своих любимых «Шпор». Перед отъездом он спускался вниз и наблюдал, как я гоняю футбольный мяч в принадлежащем им небольшом парке. Уверен, что дедушка прекрасно помнит те времена. И уж наверняка он не забыл, как я сломал ему очки. Мне было тогда около шести лет, но я уже бил по мячу достаточно сильно. Стекла очков не выдержали прямого попадания, когда я случайно угодил деду прямо в лицо.

Когда Джо уходил на «Уайт Харт Лейн», Пегги забирала нас с собой в поход по магазинам. Иногда мы отправлялись в Уэст-Энд, но чаще садились в автобус, идущий до Энджел, и шли на Чепельский рынок. Честно признаться, меня это дело абсолютно не воодушевляло. Я должен был следовать за мамой, бабулей и своими сестрами, стараясь не отставать, но к концу дня я всегда ухитрялся выпросить игрушку или что-нибудь другое. Иногда мы покупали на Чепель-стрит пирог и картофельное пюре. Как только мы возвращались, тут же после своего футбола являлся и Джо. Затем ему надо было подготовиться к вечерней смене. А папа после работы подбирал нас на Уэнлок-стрит, и мы все вместе отправлялись домой.

Когда я начал серьезно относиться к футболу, Джо и Пегги стали утром по воскресеньям приезжать к нам. Дед обязательно приходил смотреть все мои игры. Мне нравилось, если он появлялся там: когда дело доходило до разговора о состоявшемся матче и о том, как я играл, он был более мягок со мной, нежели папа. Мама тоже хотела присутствовать на игре, так что из взрослых в нашем доме приходилось оставаться одной Пегги. Она присматривала за Линн и должна была приготовить воскресный обед к тому моменту, когда все мы придем. После обеда наша семья часто отправлялась в Виктория-парк, который находился не очень далеко, в Хэкни. Там имелась масса просторных лужаек и

площадок, где мы могли погонять в футбол с папой и дедушкой, да и много всяких других мест, куда неплохо было заглянуть: большая детская площадка, озеро с гребными лодками и даже небольшой зоопарк.

Я не мог даже мечтать о чем-либо большем, да я и не мечтал, но вот в моей жизни появилась, а вскоре вышла на передний план команда «Риджуэй Роверз» и полностью завладела мной. Мне было тогда семь лет, и потому неудивительно, что я теперь не в состоянии полной уверенностью припомнить, как это все случилось. Моя мама припоминает, что какие-то люди заметили меня играющим в парке, и один из них по имени Стюарт Андервуд постучал в нашу парадную дверь, чтобы подробнее расспросить обо мне. Впрочем, у моего папы — другая версия: он считает, что в местной газете появилось объявление о создании новой детской футбольной команды и о наборе в нее мальчиков, после чего однажды в парке «Чейз Лейн» состоялся своего рода отборочный экзамен. Так или иначе, но я действительно испытываю чувство благодарности — и гордости — в связи с тем, что входил в ту первую команду «Риджуэй Роверз». И человеку, который организовывал эту команду, предстояло сделать для меня очень многое, чтобы передо мной открылось будущее в футболе.

Стюарт Андервуд — мужчина крупный, даже массивный, ростом приблизительно шесть футов и четыре дюйма (193 см), с громким, даже громоподобном голосом и просто фантастической осанкой и внешностью. В нем было что-то от армейского старшины. Поначалу я боялся его. Он мог бывать довольно-таки жестким, если ты не проявлял себя хорошо в игре или на тренировке, то независимо от твоего возраста он, вместо того чтобы умасливать тебя и говорить вокруг да около, напрямую рубил, что ты вел себя, как тряпка, и обязан действовать намного лучше, коль хочешь добиться успеха. Стюарт был честен с каждым своим питомцем. Но он не был одним из тех пап, которые во время игр с участием своих детей стояли у боковой, только то и делая, что орали да вопили. Присутствовала в нем и мягкость. В команде играл также его сын Роберт, но Стюарт вел себя по-отцовски не только с ним, но и с каждым из нас. А вдобавок у него имелась настоящая мечта: создать действительно хорошую команду.

Каждому из нас очень нравилось играть под руководством Стюарта, и нам был присущ просто фантастический дух товарищества. Он добился для «Риджуэя» возможности поиграть на соревнованиях в Голландии и Германии, так что мы смолоду приобретали опыт профессиональных футболистов, выступающих

в лиге чемпионов или на международном турнире. Стюарт привлекал к работе и других отцов. Отдельные тренировки проводил мой папа. Так же поступал и Стив Кирби, сын которого Райан играл за «Риджуэй», а десять лет спустя выступал против меня в английской премьер-лиге. Мой отец всегда был хорошо тренированным мужчиной, и он без проблем бегал вместе с нами, а также занимался совершенствованием нашей техники. Стив был в большей степени тактиком и обычно делал упор на позиционную игру, действия без мяча и все такое прочее. Значительную часть времени вся эта троица находилась вместе с нами, и мы получали возможность разбиться на группы. Словом, не так уж много было мальчиков нашего возраста, тренировкам которых уделялось бы столько внимания. Эта тройка — Стив, Стюарт и мой папа — нередко и помногу спорили, но все это было исключительно по делу. Они были честными людьми, от души желавшими сделать свою команду настолько хорошей, как только могли.

И это давало результаты. Не знаю, где Стюарт нашел этих ребят, но у нас имелось несколько действительно хороших игроков: тот же Райан Кирби, Мика Хайд, теперь выступающий в «Уотфорде», Джейсон Брайссет, который, насколько я слышал, последнее время входил в состав «Борнмута», и Крис Дей — тот, что в нашей компании был долговязым центральным нападающим, но играть закончил в воротах за «Куинс Парк». Впрочем, все в нашей команде действовали неплохо. Идеальным примером может послужить сын Стюарта Андервуда, Роберт. Честно говоря, поначалу у него отсутствовали большие способности, но по-скольку он много и упорно работал над собой, то смог сделаться хорошим командным игроком. Это была, конечно, его заслуга, но одновременно заслуга Стюарта, да и остальных нас тоже. Мы никогда не позволяли себе подумать в глубине души: этот парень недостаточно хорош, чтобы играть в «Риджуэе».

Стюарт стремился и умел все сделать надлежащим образом. Мы всегда располагали приличным полем для проведения своих домашних игр, скажем, в составе спорткомплекса «Айнели Вуд», который находился на расстоянии короткой прогулки от моего дома. Тренировались мы два раза в неделю. Стюарт жил поблизости, на Ларксвуд-роуд, и там был парк с приличными спортивными сооружениями, которые мы частенько использовали. Так или иначе, но Стюарт всегда обеспечивал нас тем, в чем мы нуждались. Когда нам предстояли важные встречи, вроде финалов кубка, он умел настоять на том, чтобы мы, восьми и девятилетние пацаны, приходили на игру в воротничке и

галстуке. Одно из важных правил состояло в следующем: если в течение недели ты не смог потренироваться, то не имел права играть в уик-энд — это было так же просто и ясно, как дважды два. У нас вообще сложились хорошие привычки, связанные с тренировками, и я, к примеру, всегда заботился о том, чтобы приходить на каждую, причем приходить вовремя. Это было нетрудно, поскольку я любил тренировки и вкладывал в них всего себя. Но существовала еще и другая причина, по которой из нас получилась такая хорошая команда: в «Риджуэй Роверз» всегда и всё стремились делать правильно.

В очень многих детских командах в первую очередь замечают самых талантливых ребят. Там очень суетятся вокруг сильных индивидуальностей. В «Риджуэе» этого себе не позволяли: только попробуй немного похвастать, как тебя тут же поставят на место. Все должно делаться ради команды. Во мгновение ока мы начали выигрывать игры на ноль, сами иногда забивая по десять-одиннадцать голов, и окружающие стали видеть в нас что-то особенное. К нашим мальчикам начали присматриваться профессиональные клубы, и мне думается, что команда «Вест Хэм» стала интересоваться мной, когда мне было лет одиннадцать. Но Стюарт, Стив и мой папа решили, что никому из нас нет никакой нужды связываться с серьезными клубами, пока мы не станем старше. Если мальчишка тренировался вместе с профессиональным клубом, то действовало правило, согласно которому он не мог одновременно тренироваться в команде Воскресной лиги. Я не хотел ничего такого и не был готов к этому. Все мы крепко держались за «Риджуэй». Оглядываясь назад, я думаю, что в конечном счете именно этот серьезный подход стал причиной того, почему столь многие из нас потом смогли добиться успеха. Мы с самого начала учились таким понятиям, как долг и преданность.

Мне требовалось также научиться тому, как играть в футбол, не заигрываясь. Поскольку я был мельче большинства напарников, мне обычно доставалась изрядная порция тумаков. Папа неизменно вбивал в меня, что в большинстве подобных случаев самое лучшее, что можно сделать, — это просто встать и продолжать игру, как я и поступал, когда гонял мяч вместе с его приятелями по «Уодхэм лодж». Кроме того, он научил меня, как избегать травм. Поскольку я был крайним, а еще и потому, что люди уже кое-что слышали обо мне, то мне часто приходилось иметь дело с защитником, который пытался ударить меня по ногам. Папа учил меня, как сохранять мяч, перемещаясь по полю, и вместе с тем быстро избавляться от него, едва только он оказывается под контролем. Его уроки и сегодня все еще

помогают мне как профессиональному игроку обходиться без лишних царапин и ссадин. И это — лучший способ играть в футбол. Когда мне было лет десять, у меня выдалось время для вынужденного отдыха из-за травмы — неприятность, которая случается с большинством мальчиков-футболистов. Когда ты все время бегаешь и прыгаешь, особенно на твердых покрытиях, это неизбежно заканчивается чрезмерными ударными нагрузками на колени, голени и лодыжки. В моем случае особенно страдали пятки: сначала у меня было такое чувство, словно в них вонзают булавки, а затем они стали болеть во время и после матчей или интенсивных тренировок. Я пробовал подкладывать в свои бутсы кусочки пенопласта, но в конечном итоге пришлось устроить перерыв и на время отойти от футбола. Как ни печально, но я просто не мог играть, не мог тренироваться. Не мог даже погонять мяч в парке. То были самые длинные пять недель в моей жизни, и я о них никогда не забывал. Наблюдать за футболом со стороны, вместо того чтобы играть в него, — это по-прежнему заставляет меня лезть на стенку.

Период «Риджуэй Роверз» был прекрасным временем для всех нас, причем не только для игроков. Наши семьи тоже были вовлечены в процесс, касалось ли это стирки нашей формы, необходимости отвозить и привозить нас, участия в дальних поездках или сбора денежных средств. Команда просуществовала и держалась вместе на протяжении целых шести лет, и это подразумевало, что вместе находились и наши родственники. А ведь люди не могут проводить столько времени рядом, не становясь достаточно близкими друг с другом. Хорошо помню отца Мики Хайда, Кена, имевшего обыкновение носить прическу из многочисленных коротких косичек, и прямо вижу его рядом с моим папой — буквально бок о бок, — как они по воскресеньям вместе стоят у самой боковой линии, пристально наблюдая за игрой «Риджуэя». Родители довольно часто организовывали в пятничные вечера ужины и танцы, чтобы собрать деньги, необходимые для команды. Хотя именно отец возил нас на тренировки, наша мама, вероятно, потратила на меня и мой футбол почти столько же времени, как и он, несмотря на то что много работала парикмахером. Она была единственной из матерей, которая умела водить машину, так что если надо было ехать куда-либо на микроавтобусе, ей всегда приходилось заканчивать работу пораньше. И когда папа отсутствовал, именно мама оказывалась тем человеком, кто доставлял меня туда, где я должен был находиться, и к тому времени, когда я должен был туда попасть, причем со всеми нужными мне причиндалами, уложенными в подходящую сумку. Оглядываясь назад, я

понимаю, что этот период наверняка был весьма трудным для моих сестер, если учесть, какая значительная часть нашего семейного времени уходила на меня из-за моих занятий футболом. Я как-то говорил с Линн на эту тему, и она призналась, что действительно чувствовала себя по этой причине несколько заброшенной. Сестра была на три года старше меня, имела своих друзей и попросту жила своей жизнью. Но когда мы вместе были в школе, Линн, невзирая ни на что, всегда прикрывала меня, если возникала неприятность. До сих пор помню, как в Чингфордской средней школе я однажды во время обеда поспорил в очереди на раздачу со старшеклассником. Закончилось это тем, что он выволок меня на детскую площадку и стал лупить. Именно Линн отвела меня тогда домой. Она удостоверилась, что я в порядке, и позаботилась о том, чтобы учителя в школе не узнали о случившемся. Однако футбол она действительно нисколечко не любила. Мы оба теперь обзавелись собственными семьями: у Линн и ее мужа Колина растут дочь и сын, Джорджина и Фредди. И хотя сейчас мы из-за детей видимся друг с другом не особенно часто, я бы сказал, что в данный момент чувствую себя ближе к своей старшей сестре, чем это было в ту пору, когда мы были совсем юными.

По-другому обстояло дело с Джоан. Мне было пять лет, когда она появилась на свет. Я все еще отлично помню, как стоял на кухне нашего дома, а туда вошел мой папа и сообщил мне о ее рождении, после чего я разрыдался. На самом деле мне, конечно же, хотелось иметь братика. Но мы с ней прекрасно ладили: если я хотел, чтобы она встала на ворота в нашем садике за домом, она никогда не говорила «нет». Она просто все время тянулась за мной, как хвостик: на футбол, в парк, по магазинам, словом — всюду. Джоан стала теперь парикмахером, пойдя по стопам мамы, но только в последние годы, с тех пор как она начала работать, а я женился, мы прекратили проводить вместе достаточно много времени. Думаю, ей надо в конечном счете вырасти из этого, да и мне тоже. Однако иногда мне действительно не хватает рядом моей маленькой напарницы. Уверен, что и Джоан в такой же мере недостает возможности побегать со старшим братом.

Мама всегда пыталась добиться, чтобы мы садились ужинать вместе, всей семьей. Именно в это время они с папой старались узнать о моих занятиях и заставляли меня рассказывать им, чем я занимался в школе. Теперь я сам поступаю точно так же с Бруклином. И когда я спрашиваю его об этом, то обычно получаю тот же самый ответ, какой мои родители получали от меня: ничем. И не то чтобы это была тайна или нечто в этом духе, просто так уж устроены все дети, вверно? Когда я ходил в

начальную школу, то иногда мог дома помочь маме с готовкой или другими делами. Я мог забрать Джоан в сад или в гостиную, чтобы поиграть с ней, — тогда маме не надо было возиться с малышкой, пока она готовила. Когда подходило время сесть за стол, то накрывать его было обычно моей работой. Потом, в неполной средней школе, я выбрал себе предмет под названием «домашнее хозяйство» (в основном это была кулинария), потому как альтернативой являлось удвоение времени, отводимого на изучение естественнонаучных дисциплин. В любом случае я любил, находясь дома, торчать на кухне. К тому времени, когда мне исполнилось тринадцать лет, мама, уходя на работу, поручала мне приготовить обед на всех. Если же она работала дома, я заваривал чай и красиво выкладывал на тарелочку печенье для ее клиентов, пока те находились у нас.

Должно быть, мои родители чего-то недоглядели, поскольку, когда я пошел учиться дальше — в Чингфордскую среднюю школу на шоссе Невин-драйв, — оказалось, что там играют вовсе не в футбол, а в регби. К счастью для меня, наш преподаватель регби, Джон Баллок, был жестким учителем, умеющим добиваться дисциплины, но одновременно — прекрасным человеком. Он замечательно обходился со всеми нами, и, как мне всегда казалось, был готов уделить много времени лично мне. Он был просто фантастическим наставником. Увы, этот совсем еще не старый мужчина умер несколько лет назад — в тот же злополучный вечер, когда меня удалили с поля в матче против Аргентины, который проходил в Сент-Этьенне. Но до этого печального момента он был одним из очень немногих учителей, с которым я оставался в контакте. Даже после своего первого отъезда на «Олд Траффорд» я имел обыкновение писать м-ру Баллоку, а также заходить в школу, чтобы повидаться с ним. Думаю, это много значило не только для меня, но и для него. Я не раз слышал от наших общих знакомых, что он по-настоящему обожал меня и все время только и делал, что говорил обо мне.

Не думаю, чтобы м-р Баллок особенно интересовался футболом, но получилось так, что многие из нас, мальчишек, всю дорогу ходили за ним и приставали к нему с просьбами дать возможность заняться этой игрой. Наконец, мы добились своего — и все изменилось. Как только у нас появилась школьная футбольная команда, мы начали выигрывать всяческие лиги кубки, и для нас это было замечательно. Впрочем, это было замечательно и для школы тоже. Пожалуй, именно футбол помогал мне чувствовать себя там счастливым. Не скажу, чтобы я особо интересовался уроками. Я был чемпионом нашего местного округа в беге по пересеченной местности и плавал за

Чингфордскую среднюю школу, но в моей жизни была только одна вещь, которой я действительно хотел заниматься. Мне очень повезло, что у меня с самого раннего возраста имелся этот мощный стимул, эта неослабевающая тяга к футболу. Поскольку я отлично знал, кем хотел стать в будущем, то какой был смысл на пути к цели бездельничать или заниматься ерундой? Правда, разок-другой у меня случались неприятности из-за того, что я бывал слишком развязным и дерзким, чему подвержен едва ли не каждый подросток. Но большую часть времени я не особенно-то задирал нос и выполнял домашние задания. Например, у меня была привычка заскочить в дом к Алану Смиту, где его мама, Пэт, помогала мне сделать уроки. Помню, она действительно хорошо разбиралась в математике, да и Алан тоже. Сейчас он занимается страховым бизнесом в банке Ротшильдов, и я время от времени сталкивалось с ним: он женат и переехал совсем в другое место, но по-прежнему иногда работает в кабинете, который устроил себе на чердаке родительского дома, возле мамы и папы. Важно то, что я никогда не пропускал школьных занятий, если не заболевал, — будь то в начальной школе «Чейз Лейн» или в Чингфордской средней школе.

Если бы не было футбола, то не знаю, что бы я в конце концов стал делать, когда вырос. Мне нравились уроки музыки, и в начальной школе учителя считали, что у меня приличный голос. Я пел соло в школьном хоре, еще непосредственно перед тем как покинул ее. Но единственным предметом, который действительно доставлял мне удовольствие на протяжении всей учебы в школе, было изобразительное искусство. Даже до того как поступить в Чингфордскую среднюю школу, я любил рисовать карандашами и красками. Так же, как и во времена начальной школы «Чейз Лейн», у Джоан имелось все необходимое для того, чтобы в сараюшке, стоявшем у нас в садике, заниматься живописью. Оставаясь в дождливые дни дома, я проводил многие часы, копируя персонажей из мультиков Диснея, которых находил в комиксах. Насколько помнится, мне особенно хорошо удавался утенок Дональд. Став старше, я начал рисовать сцены из мультфильмов по памяти или придумывал что-нибудь сам. Однако даже подобное художественное творчество стало в конечном итоге обращаться к футболу. Как только я начал играть в команде «Риджуэй Роверз», то вместо мышонка Микки и его напарника Дональда стал рисовать сюжеты, связанные с футбольными матчами, и людей, имевших отношение к нашей команде. Это были красивые голевые моменты с обязательным Стюартом Андервудом на заднем плане, сопровождавшиеся его заключенными в «пузырь» речами, поясняющими, что происходит

на остальной части рисунка.

Выступления за школьную команду были, конечно же, дорогой в футбол более высокого уровня, и вскоре меня сочли способным играть за наш район в команде «Уолтхэм Форест» и за графство — это была команда «Эссекс». Мне повезло иметь очень хороших тренеров — еще начиная с тех вечеров, которые я проводил в парке вместе с отцом. Дон Уилтшир и Мартин Хэзер — оба эти человека много значили для меня как подростка, хотя, пожалуй, трудно было бы найти более не похожих друг на друга людей. Дон, который заправлял всем в команде нашего района и тренировал ее, был солидным, хорошо сложенным мужчиной с низким голосом. И было в нем нечто такое, благодаря чему у вас складывалось такое впечатление: да, этот человек в точности знает, чего он хочет от своей команды и для нее. Признаться, когда я впервые начал играть в «Уолтхэм Фореет», то испытывал такое чувство, словно меня включили в сборную Англии.

Некоторые критикуют английские футбольные школы за то, что там непременно стремятся побыстрее перевести мяч на другую половину поля, используя тактику «бей-беги» и навал, причем дети постарше и покрупнее всегда оказываются теми, кто берет игру на себя. Единственное, что я могу сказать на сей счет, так это засвидетельствовать следующее: для меня в обеих школах — на уровне и графства, и района — дело обстояло совсем не так. Обе эти команды старались действительно играть. Разумеется, мне потребовалось некоторое время, чтобы по-настоящему войти в команду, поскольку я был заметно мельче, чем большинство других мальчиков моего возраста. Но как только мне представился шанс выйти на поле, Дон и Мартин оба старались призвать меня, равно как и остальных ребят из своих команд, играть в соответствии с нашими силами.

Мартин Хэзер, менеджер и тренер «Эссекса», был во многих отношениях полной противоположностью Дону — или Стюарту Андервуду. Все мальчики любили его. Мартин принадлежал также к той разновидности мужчин, к которым благоволят наши мамы: спокойный, молчаливый, всегда полный энергии, очень учтивый и красноречивый. Как тренер он был совершенно иным по сравнению с Доном. Мартин практически никогда не кричал — я имею в виду ситуации, когда он давал тебе знать, что не больно доволен тобой. И он действительно заботился о нас, заботился по-настоящему. Помню, как он забрал нас в футбольное турне по штату Техас, когда мне было тринадцать лет. Думаю, что все родители обязательно должны были помочь ему изыскать деньги для этого мероприятия, но в остальном Мартин организовал все сам.

Для меня не составляло никакой разницы, находился ли я в нашем комплексе на «Хэкни Маршиз» или участвовал в каком-либо турнире за границей: в любом случае я играл в футбол. По этой причине большинство всех тех поездок и связанных с ними путешествий фактически прошли мимо меня. По тем или иным причинам, но и сейчас все выглядит для меня аналогичным образом: я сажусь в самолет, затем еду на автобусе, ем, сплю, играю очередной матч, после чего снова поднимаюсь в самолет и возвращаюсь назад, домой. И, тем не менее, я действительно помню, как вместе с «Эссексом» ездил играть в Америку.

Мне очень понравились Штаты. Понравился тамошний патриотизм, их образ жизни. В тот раз я даже не испытывал тоски по дому. Та поездка была своеобразной, поскольку, вместо того чтобы находиться вместе, мы жили как бы самостоятельно — нас расквартировали по местным семьям. Первые люди, у которых я остановился, были мексиканцами. Их дом, честно говоря, был только чуть-чуть выше того уровня, что именуется лачугой, но сами они оказались в высшей степени милыми и приятными людьми. У них был сын, который тоже принимал участие в наших соревнованиях. Все они были просто чокнутыми на футболе и старались сделать для меня все мыслимое и немыслимое. Большинство моих товарищей по команде «Эссекс» разместилось в эдаких огромных доминах, и их развозили по округе в громадных автомобилях. А мы каждое утро влезали в пикап и ехали в ближайший «Макдональдс» на завтрак. Я провел с той семьей прекрасную неделю, и иногда вспоминаю о них до сих пор.

Я был до того счастлив в домашней жизни и так много играл в футбол, что, казалось бы, не существовало причин для беспокойства, за исключение одного: я боялся, что здесь, в Лондоне, «Манчестер Юнайтед» никогда меня не заметит и не обратит внимания. Принятая в команде «Риджуэй» политика — не нацеливать молодых ребят на немедленный переход в профессиональные клубы — нисколько не тревожила меня. Я получал большое удовольствие, играя и тренируясь в этой команде, но благодаря многолетнему влиянию отца во всем мире для меня был только один профессиональный клуб, где мне хотелось бы играть. И потому мне оставалось только верить, что если я буду стараться и упорно работать над собой, то «Юнайтед» когда-нибудь обязательно услышит обо мне. А что еще я мог сделать?

Тем временем молва об успехах «Риджуэй Роверз» расходилась все шире, и мы стали привыкать к тому, что каждую неделю на наши игры приходят «разведчики» из разных солидных

клубов. Я знаю, что к отцу не раз подходили разведчики-вербовщики из «Вест Хэма» и «Уимблдона», а также из «Арсенала» и «Шпор». И когда мне подошло время тренироваться в профессиональном клубе, я должен был выбирать между двумя клубами из северного Лондона, поскольку тогда у меня в любом случае не имелось возможности уйти в «Юнайтед», — разве что если бы мы перебрались в Манчестер. В итоге я выбрал «Шпоры». Пожалуй, это решение было как-то связано с тем фактом, что мой дедушка являлся бешеным фанатом «Тоттенхэма». Помню, как я в то время сказал маме: «Вот уж дедушка наверняка будет доволен, не так ли?»

«Тоттенхэм» казался мне тогда дружественным клубом, в ту пору менеджером и старшим тренером там был Дэвид Плит. Здесь я чувствовал себя более чем дома. Тренировочный процесс был хорошо налажен, и в «Шпорах» имелось несколько превосходных игроков моего возраста: к примеру, в ту же самую группу, что и я, входил Ник Бармби, равно как и Сол Кэмпбелл, который уже тогда выглядел весьма импозантно. Не знаю, что думали обо мне тренеры и другие ребята, когда я, возвращаясь домой, садился на поезд облаченным в свою обычную форму «Манчестер Юнайтед».

Я не собирался скрывать, что являюсь преданным болельщиком «Юнайтед», хотя в то же время получал большое удовольствие и от пребывания на «Уайт Харт Лейн». Несмотря на интерес со стороны лондонских клубов, для меня всегда существовал только «Манчестер Юнайтед». Пожалуй, в любом случае я бы так или иначе стал в конечном счете их верным поклонником или игроком, но уверен, что главным фактором здесь явился отец. Он изначально был из тех кокни, или коренных лондонцев, которые отдавали предпочтение «красным». И он передал эту свою страсть мне прежде, чем я мог хотя бы осознать, что он заразил меня ею. Папе было десять лет во время мюнхенской авиакатастрофы 1958 года. Он уже до этого болел за «Юнайтед», но та памятная трагедия превратила для него эту команду в некую пожизненную навязчивую идею. Думаю, то же самое произошло с большинством приверженцев «Манчестера», принадлежащих к его поколению. Когда я был мальчишкой, мы часто говорили об игроках «Юнайтед» того времени: о Робсоне», Страхане, Хьюзе и остальных. Но кроме того, папа нередко рассказывал мне о «мальчиках Басби», о матчах европейского кубка чемпионов на «Уэмбли», о Бесте и Стайлсе, о Лоу и Чарльтоне. Чем мог быть для меня любой другой клуб? С самого детства, даже еще не став подростком, я жил среди людей, говоривших мне, что, по их мнению, у меня немалые шансы стать

когда-нибудь профессиональным игроком именно этого клуба. Не знаю, родился ли я для «Юнайтед», но вот воспитали меня определенно для этой команды. И силой, поддерживавшей меня в стремлении двигаться вперед, была надежда, что в конечном итоге я получу то заветное приглашение, которого ждал всегда с того момента, когда впервые ударил ногой по мячу.

2. Мужчина в коричневой «Сьерре»

«Ну, так что вы собираетесь рассказать мне об этом юном пареньке?»

«О чем ты хочешь сказать, мам?»

«Очень удачно, что ты провел сегодня хорошую игру».

«Почему?»

Сегодня я играл в моей команде, которая выступала за район, в «Уолтхэм Форест», причем далеко от нашего Редбриджа. Мне, должно быть, уже стукнуло в тот момент одиннадцать. Мой папа работал и не смог прийти, чтобы понаблюдать за этой встречей, так что отвезла меня туда мама. «Хорошая игра» была, вероятно, одной из лучших среди тех, которые я успел к этому времени провести за эту команду, и помню, каким довольным выходил я потом вместе с остальными мальчиками из раздевалки. Мама ждала меня. Мы неспешно добрались до автостоянки, и я забросил свою сумку на заднее сиденье машины. И только в этот момент я заметил, что у нее на глазах слезы.

— Просто очень удачно сложилось, что ты провел сегодня хорошую игру.

— Ага. Но почему?

— Там был этот человек, разведчик из «Манч Юнайтед». Они хотят взглянуть на тебя.

Я до сих пор все еще помню тогдашний прилив радости и волнения. В этом чувстве присутствовало и облегчение. Я тут же, на месте разрыдался, а после еще долго плакал и плакал. Просто не мог поверить, что мне подвалило такое счастье. Меня потом очень долгое время мучил вопрос, услышу ли я когда-либо снова эти слова: «Он — разведчик из «Манч Юнайтед»». Его звали Малкольм Фиджен. Позже он зашел к нам домой поговорить с моими родителями и объяснил им, что клуб хотел бы испытать меня в Манчестере. А затем, несколько дней спустя, Малкольм подъехал в своем «Форде-Сьерра» коричневого цвета, чтобы отвезти меня на север.

Я обязан Малкольму очень многим. Это он был лондонским разведчиком «Юнайтед» и тем человеком, который взял меня в клуб и присматривал за мной, пока я не перебрался туда на совсем. Тогда я поехал с ним в первый раз и затем ездил снова два или три раза на другие «экзамены». Мне это очень нравилось — оставаться в Манчестере сразу на несколько дней или даже на неделю, все время играя в футбол и разговаривая о футболе с

утра до ночи. Я делал все, что мог, чтобы произвести должное впечатление, и работал изо всех сил. В конечном счете, нам сказали, что клуб хочет подписать со мной необходимые бумаги. Однажды вечером у нас дома зазвонил телефон, и папа поднял трубку. Минуту или две спустя он возвратился к нам, а на лице у него было такое выражение, словно он не мог поверить тому, что услышал пару мгновений назад. Еще бы, ведь начинало сбываться то, что всегда было его мечтой, да и моей тоже.

— Это был Алекс Фергюсон.

Все затихли.

Он сказал, что они получили удовольствие от встречи с тобой, что у тебя есть талант и что они считают твой характер нашей общей заслугой — твоей, моей и маминой.

Было еще и продолжение.

— Он говорил, что ты — как раз из тех мальчиков, каких ищет «Манчестер Юнайтед».

Таков был мой первый контакт с человеком, который стал движущей силой в моей карьере. Возвращаюсь мыслями назад, могу сказать, что при всем моем беспокойстве насчет того, захотят они меня взять или нет, я, пожалуй, не был удивлен появлением в моей жизни клуба «Манчестер Юнайтед» именно в тот момент, когда они это сделали, или тем фактом, что этот знаменитый тренер и футбольный менеджер знал, кто я такой. Ведь прошлым летом мне уже представилась возможность играть перед немалым количеством зрителей на «Олд Траффорд».

Мне было десять лет, когда я впервые посетил футбольную школу Бобби Чарльтона. Я видел кадры о ней в документальном фильме «Знак, что пора уходить». Играть в футбол в Манчестере? У Бобби Чарльтона? Полагаю, единственной проблемой, беспокоившей маму и папу в данном деле, был вопрос о том, каким образом раздобыть деньги на покрытие всех необходимых расходов (насколько мне известно, в конце концов заплатил дедушка). В то первое лето все мероприятие было организовано как футбольная школа с проживанием, где собрались сотни детей со всех континентов, разместившихся в университетских студенческих общежитиях на то время, пока их постоянные обитатели разъехались на каникулы.

Продолжалось все это целую неделю, и я очень много играл в футбол, но остальное время чувствовал себя немного потерянным. Родители тоже приехали и остановились у родственников неподалеку от Ливерпуля, а я должен был каждый вечер звонить им по телефону. Меня мучила зубная боль. Я скучал по дому. Эта неделя быстро прошла, оказавшись совсем короткой.

Мне отчаянно хотелось предпринять вторую попытку, так что я возвратился сюда следующим летом. Теперь дела пошли намного лучше. В ходе каждого из учебных курсов, которые обычно шли на протяжении всего лета, проводились соревнования по уровню овладения разными навыками и умениями, и каждую неделю выявлялись победители — они проходили в главный финал, намеченный в Манчестере на декабрь. Я попал в этот самый финал, и он оказался для всех нас просто фантастическим уик-эндом. Родители остановились вместе со мной в отеле «Портленд», расположенном в центре города. Мне достался собственный номер, в двадцати этажах от земли, с огромным окном из зеркального стекла, позволявшим без помех рассматривать раскинувшийся далеко внизу Манчестер. Думаю, что родители немного нервничали из-за всего этого. В субботу утром мы должны были зарегистрироваться и затем пойти на старое тренировочное поле «Юнайтеда» под названием «Клиф» для участия в первой части соревнования, которое проходило под крышей, в закрытом спортивном зале. В него входили жонглирование мячом, удары по воротам и быстрый прорыв коротким пасом. Помнится, ко времени, когда мы прервались на обед, я лидировал.

Вторая часть соревнования была организована на поле стадиона «Олд Траффорд». Я настолько нервничал, что, как мне кажется, не ел потом несколько дней. Мама и папа были рядом и, вероятно, чувствовали себя еще хуже, чем я. В тот день «Юнайтед» должен был играть с «Тоттенхэм Хотспур», и к концу нашего соревнования на трибунах собралось, пожалуй, никак не меньше 40 тысяч болельщиков. Я был настолько возбужден самим фактом присутствия на поле перед столь многочисленной публикой, что даже не думал о победе. Перед тем как мы приступили к дриблингу и запланированному затем прорыву длинным пасом, организаторы поименно представили зрителям каждого из нас. Я и по сей день помню: когда они объявили «Дэвид Бекхэм» и сказали, что я из Лейтонстоуна (район Лондона, где базируется «Тоттенхэм»), все болельщики «Тоттенхэма» тут же начали приветствовать меня. Затем парень с микрофоном сказал: «А вообще-то, Дэвид — заядлый болельщик «Юнайтед»». Тут болельщики «Шпор» стали издевательски свистеть и осмеивать меня, а остальная часть трибун, поклонники хозяев поля, наоборот, начали аплодировать. Но, говоря по справедливости, обе группы болельщиков отнеслись ко мне очень тепло, когда прозвучало объявление, что победил именно я.

Мы подошли к находившемуся на главной трибуне стенду с европейскими призами, откуда Бобби Чарльтон представлял

участников. Все это было немалым переживанием для одиннадцатилетнего пацана. Я знаю, что мама с папой очень гордились мной. Незнакомые люди подходили к ним и говорили разные хорошие слова о моем выступлении. И тем не менее, все случившееся не подавило меня полностью. Думается, какие-то главные функции по-прежнему продолжали работать, но все равно я забился куда-то в дальний угол, потому что игра началась и мне хотелось посмотреть ее по одному из телевизоров. Такой вот выдался денек. Был также и некий конкретный приз: двухнедельный тренировочный сбор в знаменитой испанской команде «Барселона» на стадионе «Ноу Камп». Я не мог дождаться, когда попаду туда. Тренером Барселоны» был тогда Терри Венэйблз, в то время как в основной состав входили Марк Хьюз и Гари Линекер. Ко мне и двум другим парням-победителям присоединился Рей Уэлан из футбольной школы Бобби Чарльтона. Нас четверых поселили в дом, напоминавший с виду сельскую усадьбу — довольно-таки роскошную — и расположенный в самом сердце комплекса «Ноу Камп». Думаю, это здание стояло там, еще до того как на этом месте появился футбольный клуб, и можно было наглядно ощутить историю всего, что здесь с тех пор случилось: на стенах висели вымпелы и разные памятные вещи, обозначая собой важные вехи и путь, пройденный клубом, а рядом — фотографии известных игроков из прошлого «Барселоны». Именно в таком месте рождались легенды.

Этот сельский дом находился совсем неподалеку от главного тренировочного поля команды, буквально в тени самого стадиона, и мы располагались там с мальчиками из других областей Испании, которые входили в юношескую команду при «Барселоне». Мне было тогда всего одиннадцать лет, и я увидел кое-какие вещи, с которыми не сталкивался, живя в Чингфорде: по вечерам снаружи, по ту сторону ограды, прохаживались туда-сюда проститутки, и все испанские мальчишки постарше высовывались из окон, свистя им вдогонку. Мы имели возможность пить по вечерам горячий шоколад, и он так сильно мне понравился, что однажды я залпом выпил две большие порции, и у меня разболелся живот. Я пошел в туалет, включил свет и увидел, как по полу ползет таракан. Что я здесь делаю? Футбол был не только позитивным опытом, но и испытанием. Так уж оно потом и повелось.

Каждый день мы выходили на поле с молодежными командами «Барсы» и ее запасными игроками. Тренировки были и впрямь потрясающими. Единственная беда заключалась в том, что «Риджуэй» должен был в уик-энд выступать на «Уайт Харт Лейн» в

финале местного кубка против команды под названием «Форест Юнайтед». Я был убит перспективой своего неучастия в этой важной игре; беспокоили меня и мысли о дедушке, который исстари был таким преданным болельщиком «Шпор» и обязательно хотел видеть меня играющем там, на их родном стадионе. Кончилось это тем, что дед уплатил за меня таким образом, чтобы я слетал домой на эту встречу, а затем снова вернулся назад, В Барселону. Впрочем, счастливого окончания, пресловутого хэппи-энда у этой истории не получилось. За «Форест Юнайтед» играл молодой Даниэле Дичио, у которого в двенадцать лет уже был рост добрых 183 см и приличная бородка. В тот день они обыграли нас 2:1. После встречи я в одиночку, без сопровождающих отправился прямиком на самолет и улетел назад в Испанию, не очень-то уверенный, в таком ли уж я восторге от перспективы провести еще неделю вдали от Чингфорда.

«Барселона», этот знаменитый футбольный клуб, действительно производил внушительное впечатление. Возможности для тренировок были превосходными, хотя мы тренировались на поле с гравийным покрытием, к которому я не привык и на самом деле не получал от него никакого удовольствия. Зато в распоряжении первой команды имелось действительно безупречное поле для отработки всех элементов игры. Да и у второго состава был собственный стадион на 20 тысяч мест. Однажды нас повели внутрь «Ноу Камп», в подтрибунное помещение. Мы зашли со стороны раздевалок, прошли мимо часовни клуба, вход в которую находится немного сбоку, ближе к одной из стен туннеля, а затем по лестничному маршу поднялись на поле. Иногда тебе не удается справиться с собственными чувствами, — увидев несколько акров травы и возвышающиеся кругом трибуны, я начал бегать взад-вперед, ударяя по воображаемому футбольному мячу и строя из себя Марка Хьюза. А что бы я ошутил, если бы на самом деле вышел сюда играть настоящий матч?

Всем ребятам, с которыми я тренировался, было, вероятно, лет по шестнадцать или семнадцать. Тем двум парням, которые заняли в конкурсе на «Олд Траффорде» второе и третье места, было пятнадцать и девятнадцать. Все они относились ко мне вполне дружелюбно, но вначале за каждым словом и взглядом чувствовалось: «А что делает здесь этот пацаненок с торчащими во все стороны волосами и смешным акцентом?» Но как только начались настоящие занятия, все пошло прекрасно. Разумеется, ни один из тренеров или других парней не говорил по-английски, но когда мы играли, то объяснялись жестами и понимали друг

друга. Я тогда в первый раз находился в окружении профессиональных игроков, тренируясь вместе с ними. Это раскрыло мне глаза на многое. Почти каждый день мы наблюдали за тренировкой первой команды, а один раз нас даже пригласили на поле, чтобы представить м-ру Венэйблзу и основным игрокам. Как знают многие, мы теперь с Марком Хьюзом большие друзья. Он часто смеется, вспоминая о том времени, когда мы встретились в Испании: игроки «Барселоны» и понятия не имели, кто мы такие. У меня до сих пор сохранилась сделанная в тот день фотография, где рядом со мной стоят Марк, Терри Венэйблз и Гари Линекер.

Это было захватывающее время. Я тренировался со «Шпорами», а «Юнайтед» давал мне понять, что они более чем просто заинтересованы во мне. В каникулы я несколько раз ездил в Манчестер, всегда с Малкольмом Фидженом и в той же самой коричневой «Сьерре», а также не отходил ни на шаг от команды, когда та приезжала в Лондон на очередную календарную встречу. И клуб в целом, и Алекс Фергюсон в частности старались изо всех сил, чтобы я почувствовал себя частью всего этого. Игроки постарше, вроде Брайана Робсона и Стива Брюса, давали мне возможность как бы авансом немного «пощупать» те времена, когда я в конечном итоге примкну к клубу. Так, я присутствовал в столовой, когда игроки ели перед выходом на поле, и находился в раздевалке, после того как игра завершилась, помогая привести форму в порядок. Однажды днем, когда спортсмены «Юнайтед» собирались ехать на матч с «ВестХэмом», они пригласили меня отправиться вместе с ними в качестве талисмана. Мне выдали тренировочный костюм «Юнайтед», и вот я вышел на стадион «Эптон Парк», разминаясь на поле с такими мастерами, как Брайан Робсон и Гордон Страхан. Потом они позволили мне сидеть во время игры на скамейке для запасных. В тот вечер я даже увидел себя в телепередаче «Матч дня».

«Юнайтед», судя по всем признакам, относился ко мне самым наилучшим образом. Конечно же, и я был настолько влюблен в этот клуб, что даже сам немного стеснялся этого. Я завел себе моду носить волосы торчком, желая походить в этом на Гордона Страхана, и в день той самой игры с «Вест Хэмом» вручил ему в качестве подарка тюбик геля для волос. Он немного огорчился из-за этого; и точно так же было со мною год или два спустя. В другой раз перед какой-то встречей в Лондоне команда пригласила меня и родителей поужинать вечером вместе со всеми игроками в отеле «Вест Лодж Парк», где они расположились. Меня ни капли не расстроило, что я заказал себе бифштекс, и потом не мог понять, когда и каким образом передо мной

оказалась порция тунца. Сидел я не где-нибудь, а за главным столом вместе с тренером и основным составом. Они приготовили для меня подарок: одну из тех больших утепленных курток, в которых запасные ждут на скамейке. Она была велика мне приблизительно на шесть размеров. Я не увидел своих ладоней из рукавов, которые доставали мне чуть ли не до лодыжек, но все равно не снимал эту куртку по меньшей мере неделю. Сам я тоже не ударил в грязь лицом — у меня имелся подарок для шефа: авторучка. Алекс Фергюсон взял ее и посмотрел на меня:

— Спасибо, Дэвид. И скажу тебе вот что: я воспользуюсь именно этой ручкой, когда нужно будет подписать твой контракт с «Манчестер Юнайтед».

В связи с этим, может показаться странным, что у меня вообще могли возникать какие-то сомнения относительно того, с кем я собираюсь подписывать контракт будучи школьником, которому еще не исполнилось и тринадцати лет. Но я действительно получал массу удовольствия от тренировок в команде «Шпор», и у меня сложились самые добрые отношения с человеком, который отвечал у них за работу с молодежью, Джоном Монкером. Важно было также и то, что «Уайт Харт Лейн» находился в пятнадцати минутах пути от дома. И хотя папа, пожалуй, еще больше меня мечтал, что я стану играть за «Юнайтед», он принимал указанный фактор во внимание, когда мы однажды сели всерьез потолковать на сей счет. Это не был разговор типа: вот что ты должен сделать. Нет, вопрос ставился иначе: что ты хочешь сделать? Мы решили, что должны для начала по меньшей мере выяснить, что «Шпоры» собираются нам предложить.

Вероятно, я все время интуитивно ощущал, что в конечном итоге должен попасть в «Юнайтед». Встреча между мной, отцом и Терри Венэйблзом, который успел возвратиться из Испании и в этот момент тренировал «Шпоры», оставила у меня такое чувство, что передо мной больше вопросов, чем ответов. Джон Монкер завел нас в кабинет Терри. Я смог бы и сейчас нарисовать всю эту сцену: Терри уронил что-то на пол — то ли чипсы, то ли арахис — и, продолжая сидеть на своем стуле, наклонился, пытаясь подобрать рассыпанное. Потом поднял взгляд на нас:

— Ну, Джон, что ты намерен рассказать мне про этого парнишку? Я постарался не обращать внимания на то, что он совершенно не запомнил меня по Барселоне, как будто та наша встреча случилась давным-давно, сто лет назад. У меня сложилось впечатление, что хотя я тренировался в «Шпорах» уже несколько лет, старший тренер действительно не имел ни

малейшего понятия, кто я такой. И я просто не мог удержаться от мысли обо всех моих поездках в Манчестер. Алекс Фергюсон знал обо мне все. Он знал все о каждом мальчишке. Он знал их родителей, братьев и сестер. Это показалось важным для меня, важным для моего будущего. В «Юнайтед» у тебя всегда возникало такое чувство, словно ты здесь часть большой семьи.

«Шпоры» сделали нам по-настоящему щедрое предложение, которое представляло собой шестилетний контракт: два года в качестве школьника, потом два года стажером, тренирующимся в составе молодежной команды, и затем два года уже в качестве профессионала. В голове у меня молнией вспыхнула мысль: К тому времени, когда мне стукнет восемнадцать, я смогу сидеть за рулем «Порше».

— Итак, Дэвид, ты готов подписать контракт с «Тотенхэмом»? — спросил Терри в конце концов.

Папа посмотрел на меня. Он никогда не был отцом, который стремится принимать решения вместо меня.

Я вздохнул:

— Мне бы хотелось подумать об этом, м-р Венэйблз. А в голове у меня тем временем стучало одно: «Юнайтед»! Это обязательно будет «Юнайтед»!»

Конечно, мама, папа и я серьезно обсудили услышанное. Думаю, что маме бы понравился мой приход в «Тоттенхэм», — во-первых, из-за дедушки, а еще и потому, что это означало для меня возможность оставаться дома, — но она держала свое мнение при себе. В любом случае ни она, ни папа не собирались оказывать на меня давление. Все мы понимали, что если бы я в конце концов подписал контракт со «Шпорами», то дела сложились бы для меня прекрасно. На «Уайт Харт Лейн» я был бы счастлив, находился под присмотром и обо мне бы хорошо заботились. Но для начала нам следовало побывать на «Олд Траффорде», где у нас тоже было назначено свидание.

Я поехал туда с родителями, и мы долго беседовали в дороге, которая проходила по автостраде, сплошь утыканной заправками и станциями техобслуживания. Теперь нам было известно, каковы конкретные предложения «Тоттенхэма», и мы с папой пришли к согласию, что фактически фигурирующая в этом деле сумма денег не столь уж важна. Тут не проводилось никакого аукциона. Единственным, в чем я нуждался, было ощущение безопасности. Я хотел знать, что получу шанс проверить и показать себя. Если бы «Юнайтед» предложил мне такое же шестилетнее обязательство, какое брал на себя «Тоттенхэм», то мое мнение было бы однозначным, и заработная плата не играла бы тут ни малейшей роли. В противном случае мы возвратимся назад в Лондон, и я

подпишу контракт со «Шпорами».

Это было 2 мая 1988 года, в мой день рождения — мне как раз исполнилось тринадцать. «Юнайтед» проводили домашний матч с «Уимблдоном», и Алекс Фергюсон ждал нас:

— Привет, Дэвид.

Этот человек знал меня. Я знал его. И я доверял ему. То же самое можно сказать о моих родителях. Мне специально на этот случай купили модную спортивную куртку, а в «Юнайтед» вручили еще и клубный красный галстук, который я носил весь оставшийся день. Мы пошли обедать в гриль-бар, где основной состав команды должен был перекусить перед матчем; был даже подан именинный пирог в мою честь.

Не скажу, чтобы мне сильно понравилась еда или вообще хотелось взять что-либо в рот. В 17.30, после игры, мы подошли к кабинету м-ра Фергюсона. Он был там с Форестом Кершоу, который отвечал в клубе за работу с молодежью. Малкольм Фиджен тоже присутствовал там. Все выглядело достаточно просто. «Юнайтед» хотел, чтобы я подписал с клубом контракт, и шеф изложил конкретное предложение:

— Мы бы хотели дать тебе два, два и еще два. Я посмотрел на папу, который был словно в другом мире. Он ждал этого момента с еще большим нетерпением, чем я. Тем не менее, я сразу сообразил, что он не уловил сути слов, которые секунду назад произнес Алекс. Но я-то все понял и знал: только что я услышал именно те слова, которые мечтал услышать. Ведь два, два и еще раз два как раз равнялись тем шести годам, которые мне предложили на «Уайт Харт Лейн». И теперь мне уже не нужно было дожидаться никаких подробностей и уточнений.

— Я хочу подписать.

И тут возникла та самая ручка. Сколько времени потребовалось на все это? Минута? Не имело значения. Я был готов. Ведь я ждал возможности произнести эти слова по меньшей мере десять лет.

3. Из дому домой

«Да, ты подписал контракт с «Манч Юнайтед», но пока что ты еще ничего не сделал».

«Ты ведь знаешь, я — человек «Манч Юнайтед», но я совсем не хочу, чтобы данный факт оказал на тебя какое-то давление. Если ты решишь подписать контракт с кем-либо другим, я не буду расстроен».

Отец всегда ясно давал понять, какой позиции он придерживается. Конечно, я всегда знал, что в конце этого своего высказывания он говорил неправду. Поэтому день, когда я подписал все бумаги на «Олд Траффорд», был настолько же потрясающим для него, как и для меня. К моменту нашего ухода из кабинета Фергюсона мама была вся в слезах. Она была счастлива за меня, но знала, что это подразумевало следующее: достаточно скоро мне предстоит уехать из дому. Она вложила так много любви и так много труда в ребенка, который до безумия обожал футбол; и вот настал момент, когда мы все сделали большой шаг к нашей общей судьбе. И это был момент, после которого она должна была привыкать к мысли о том, что ее мальчик отправится на север и начнет там футбольную карьеру.

Она изрядно поплакала за те несколько месяцев, что прошли после подписания контракта до начала моих тренировочных занятий в молодежной группе «Юнайтед». Но я знал, что глубоко в душе она в такой же мере гордилась мной, как и папа. Для меня всегда очень многое значило не подводить своих родителей и не огорчать их. И хотя они никогда даже не намекнули мне, что я должен чувствовать себя благодарным за поддержку, которую они неизменно оказывали мне, но и без этого я знал, что сделаю все возможное, лишь бы добиться, чтобы они во мне не разочаровались. Я думал об этом примерно так: если я подведу их, это будет означать, что я подведу и себя тоже. Причем я никогда не стремился каким-то образом оправдать их ожидания. Просто ожидания своих родителей по поводу себя я сделал отправной точкой того, чего я сам ожидал. Даже теперь, когда моя карьера и собственная семья как бы подразумевают, что я уже не должен смотреть на жизнь их глазами, мне думается, что я все еще сужу о многом, и в том числе о себе самом, по тем стандартам, которые перенял от родителей.

Что могло быть более захватывающим, чем тот знаменательный день? Мы все обмениваемся рукопожатиями, и я

стою в спортивной куртке и клубном галстуке, эдакий игрок «Юнайтед» или, по крайней мере, парень из Чингфорда, который только что сделал первый шаг на пути к превращению в игрока «Юнайтед». В коридоре мы с папой встретились с капитаном «Юнайтед», Брайаном Робсоном. К тому моменту мы провели множество часов перед телевизором, внимательно просматривая целые видеофильмы и отдельные сюжеты, где действовал этот необыкновенный человек, наш абсолютный и непревзойденный герой на все времена. Отец стремился выковать во мне качества, присущие именно ему: храбрость, чувство долга, энергию, широту видения и способность вдохновлять окружающих его игроков.

Я уже встречался с Брайаном прежде, но на сей раз шеф представил меня ему в качестве последнего приобретения «Юнайтед»: — Прими мои поздравления, Дэвид. Ты сам разберешься, что к чему, но я бы сказал так: ты не мог бы выбрать лучший клуб.

Вообще не помню, как мы добирались назад, в Лондон. Но по крайней мере папа не забыл, что мы ехали по плотно загруженной автостраде. А я в тот вечер был не в состоянии думать ни о чем другом, кроме случившегося, да мне и не хотелось этого. Ведь я только что пережил самый счастливый день в своей жизни.

Хотя я произвел у себя в голове операцию сложения и получил именно тот ответ, который хотел, на самом деле тот мой первый контракт, заключенный на «Олд Траффорде», фактически был рассчитан не на шесть дет, а на четыре. Действовавшие тогда инструкции так или иначе не позволяли устанавливать полностью профессиональные условия для мальчика, который подписывает бланки и формуляры, рассчитанные на школьника: в конце концов, мне было всего только тринадцать лет, и очень многое могло измениться, прежде чем я достигну восемнадцатилетнего возраста. Цель этих официальных правил состояла в том, чтобы защитить подростков и юношей от риска оказаться и ловушке и очутиться в ситуации, в которую они не хотели бы попасть; к счастью, в моем случае такой угрозы не существовало в принципе. В «Юнайтед» мне сказали, что если все пойдет гладко, я могу ожидать подписания со мной профессионального контракта где-то через четыре с половиной года.

Если говорить действительно всерьез, то я думаю, что по большому счету наличие некой крупицы неуверенности было наилучшим решением и для меня, и для остальных ребят, которые присоединились к клубу примерно в то же самое время. Я знал, что во мне нуждаются. Но знал я также и о необходимости в течение следующих четырех лет показать себя и доказать мою

пригодность или даже необходимость. Ведь если бы я все это время твердо знал, что вопрос о достижении моей амбициозной цели — стать профессиональным игроком команды «Манчестер Юнайтед» — уже полностью улажен и черным по белому закреплен на бумаге, то кто знает, смог ли бы я действовать на пределе своих сил и с такой же решимостью, чтобы воспользоваться той возможностью, которую мне предоставили? Думаю, что некоторое чувство неопределенности и своего рода «голода» во многом способствовало и моему успеху, и успеху всей команды за истекшие с тех пор годы: все парни, которые прошли через горнило нашего клуба, хорошо поймут, что я имею в виду. В тот день, когда я подписал бумаги, у меня отнюдь не возникло чувства, будто сегодня я сделал все и цель достигнута. Нет, упорная и трудная работа только начиналась. Я хотел, чтобы жизнь бросила мне вызов, и «Манчестер Юнайтед» был самым большим вызовом, какой только мог для меня существовать.

Я знал, что попал в хорошие руки. Еще перед тем как влиться в ряды «Юнайтед», у меня было такое чувство, словно я вхожу в большую семью. Хочу этим сказать, что в клубе меня повсюду окружали по-настоящему хорошие люди. И речь идет не только о тех, кого знал каждый, вроде старшего тренера или основных игроков, но и о людях типа Кэт Фиппс, которая все еще продолжает работать в администрации «Олд Траффорда». До сих пор помню, что каждый раз, когда я в бытность свою самым обыкновенным мальчиком приходил посмотреть очередную игру «Юнайтед», Кэт всегда замечала меня. Она наклонялась через свой письменный стол, легонько целовала в щеку и давала программку матча, которую специально откладывала для меня. Позже Кэт нередко помогала мне отвечать на почту, приходившую в мой адрес. Эта женщина — неотъемлемая часть «Юнайтед», и она шла рядом со мной на протяжении всей моей карьеры в этом клубе.

Каждый раз, когда я приезжал в Манчестер потренироваться или побывать на игре, обо мне заботились Джо и Конни Брауны, у которых был кабинет на нижнем этаже. Они водили меня — и маму с папой, если они были со мной, — по «Олд Траффорду», организовывали нам питание, показывали, где находятся раздевалки, и знакомили нас с игроками и персоналом. Благодаря Джо и Конни я всегда испытывал такое чувство, что меня здесь ждут и любят. Джо был в «Юнайтед» специалистом по работе с молодежью. Официально он нес ответственность за расходы молодых игроков и организацию их поездок, но он и Конни понимали свои обязанности гораздо шире, проявляя заботу буквально на всем на протяжении того времени, когда жившие

вне Манчестера мальчики и юноши, равно как и члены их семей, проводили время в клубе.

Ну, а когда дело доходило до футбола, на сцене появлялся Нобби Стайлз. Я работал с Нобби, и после того как окончательно пришел в этот клуб, но в первый раз столкнулся с ним в течение тех нескольких недель, когда приехал в Манчестер потренироваться в период школьных каникул. Именно он был тем тренером, работу с которым я запомнил тогда наиболее отчетливо. Мобби и в самом деле был жестким человеком, точно так же, как и в свое время жестким игроком, но мне думается, что о мальчиках и юношах, с которыми работал этот с виду суровый мужчина, он заботился больше, нежели о чем-либо еще в мире. Конечно же, папа анал о Нобби как об игроке буквально все — и о его выступлениях за «Юнайтед», и как о победителе Кубка мира в составе сборной Англии; да и вообще у них с папой сложились действительно хорошие отношения, даже невзирая на то что время от времени Нобби приходилось сдерживать свой язык, когда он уж слишком расходился во время какой-нибудь из наших игр: — Извините меня, м-р Бекхэм. Извините меня, миссис Бекхэм.

Не могу сказать, чтобы папу особенно волновало это:

— Никаких проблем, Нобби. Продолжаете в том же духе.

Нобби замечательно обходился с нами, но он к тому же умел столь же замечательно обходиться и с нашими родителями. Этот разумный человек понимал необходимость вовлечения мам и пап в воспитательный процесс и никогда не рассматривал их как некую помеху на своем пути. Если бы вы познакомились с видеозаписями матчей с его участием или послушали разные истории о нем как об игроке, то никогда не поверили бы, каким чутким и внимательным он бывал с мальчиками или насколько вежливо вел себя с родителями. Но в любом случае никто не позволял себе вольностей в присутствии Нобби или в общении с ним. Хоть он вовсе не выглядел крупным мужчиной и во время тренировочных занятий имел обыкновение носить свои огромные роговые очки, все равно в нем имелось нечто такое, благодаря чему ты немедленно испытывал к нему уважение. Потом, пятнадцать лет спустя, он все еще держался так же прямо и без всяких предисловий крепко обнял меня, словно ничего за это время не изменилось. И хотя Кэт, Джо и Конни или Нобби Стайлз занимали определенные должности и делали свою работу, но вместе с тем они еще и превращали «Юнайтед» в такое место, где ты чувствовал себя, как дома.

Я вполне мог перебраться в Манчестер уже через год после подписания своего предварительного контракта школьника, то

есть в августе 1989 года, и закончить там последние два класса школы, но в конце концов мы решили, что я останусь в Лондоне до тех пор, пока не начну полностью, всю неделю заниматься в качестве стажера молодежной группы при «Юнайтед». Это означало, что весь тот период, пока мне было четырнадцать, а потом пятнадцать лет, я мог в основном находиться дома, с моими друзьями и семьей. А также мог продолжать выступления за команду «Риджуэй Роверз», которая к тому времени стала называться «Бримсдаун»; однако ее состав оставался более-менее тем же самым, изменилось только название. «Юнайтед» все были довольны, что их мальчики продолжали вести обычную жизнь и играть в воскресной Лиге за свои команды вплоть до момента, когда они окончательно переедут в новый город. Иногда приезжал Малкольм Фиджен и наблюдал за моими выступлениями в «Бримсдауне», так что я мог получать удовольствие от футбола и регулярно играть, чего мне было вполне достаточно. А пока до того времени, когда всю ответственность за меня должен был взять клуб «Манчестер Юнайтед», еще оставалось несколько лет.

Я обычно два или три раза в год ездил в Манчестер, чтобы потренироваться там во время каникул. Летом я жил в этом городе целых шесть недель. Мне это очень нравилось, и у меня никогда не возникало желания проводить свободное от школы время как-нибудь иначе, кроме как играть, тренироваться и ездить в «Юнайтед». Каждая такая поездка, особенно летом, была для меня чем-то потрясающим. Другие мальчики могли ограничиться пребыванием там в течение всего одной или двух недель. Что же касается меня, то я оставался там до тех пор, пока мне позволяли. Одновременно нас собиралось приблизительно тридцать ребят, находившихся под опекой Малкольма и остального персонала, ведавшего тренировочными занятиями, а размещались мы в студенческих общежитиях. Я вспоминал в этой связи о том месте, где останавливался в Барселоне, — о прекрасном старинном доме, позади которого возвышались горы. Здесь все было немного по-другому: бетонный блок в Солфорде, возведенный на вершине холма и пронизывающе холодный в ветреную погоду. Каждый из нас делил комнату с еще одним молодым игроком; оборудование и обслуживание были довольно примитивными, но, по крайней мере, имелось два стола — для бильярда и для настольного тенниса, — которыми мы могли воспользоваться по вечерам.

Не скажу, чтобы достоинства или недостатки места, где мы размещались, сильно волновали меня. Каждый день мы отправлялись на второе тренировочное поле «Юнайтед»,

расположенное на Литлтон-роуд, и занимались там утром и после обеда. Затем, по вечерам, мы развлекались: ходили в кино, отправлялись куда-нибудь угоститься рыбой с жареной картошкой и все такое прочее — в общем, замечательно проводили время. Я встречал там других ребят, подписавших контракт примерно в то же время, что и я, к примеру, Джона О'Кейна, с которым проводил тогда много времени. Джон был из Ноттингема. Он считался в «Юнайтед» очень перспективным в первые годы, когда мы находились там вместе, и действительно был хорошим игроком. Как человек он был очень непринужденным и мягким. Возможно, так было по причине присущего ему спокойствия и даже безмятежности, из-за чего он и в «Юнайтед» не особенно-то старался. Закончилось это тем, что Джон ушел в «Эвертон» — как раз в тот сезон, когда мы были так близки к тому, чтобы сделать триплет, — и теперь играет за «Блэкпул».

Ребята съезжались на эти каникулярные тренировочные курсы буквально отовсюду. Кейт Гиллеспи, который сейчас выступает в «Лестере», приезжал из Ирландии. Он был классным парнем, и у нас с ним сложились действительно хорошие отношения. Колин Мердок, который совсем недавно перешел из «Престона» в «Хиберниан», добирался в Манчестер из Шотландии. Все мы находились вдали от дома, сидели в одной и той же лодке, и это облегчало для нас общение, хотя где-то в глубине души мы знали, что, кроме всего, являемся еще и соперниками, конкурирующими друг с другом. Но главенствовал над всем и всеми футбол, и для нас было внове тренироваться день за днем и знакомиться с более профессиональными и изощренными методами проведения тренировочных занятий. По сути, не могло быть ничего, более отличающегося от Воскресной лиги. Все то время, пока я был в «Риджуэе», я пытался вообразить, как это будет выглядеть на профессиональном уровне, и вот теперь футбол стал моей работой. Я не должен был заниматься ничем другим.

В моем распоряжении имелось два года, чтобы подготовиться к переезду в Манчестер на постоянное жительство. В общем-то, когда я был моложе, то вроде бы привык часто и много ездить с «Риджуэем» и разными другими командами. Но это ничуть не облегчало моего состояния, когда подошло время покидать родной дом. Конечно, я был возбужден и полон ожиданий, и у меня не было даже намека на сколько-нибудь долгие размышления, но все равно уезжать было нелегко. Я очень нервничал насчет того, что ждет меня впереди. Родители сказали, что собираются каждый уик-энд приезжать посмотреть, как я

играю, и не намерены пропустить ни единой встречи с моим участием, а я знал: они сдержат свое слово. Обещания имеют весьма большое значение в жизни каждой семьи. Теперь я и в мыслях не допускаю позабыть сказанные Бруклину слова насчет того, что я принесу ему что-нибудь или что-либо сделаю для него: ведь он наверняка запомнит, если я не выполню обещанного. Я и сам в прошлом был уверен, что могу положиться на своих родителей, и они наверняка будут рядом, когда у меня возникнет в этом необходимость.

Поездка на неделю или месяц ни капельки не похожа на окончательный отъезд из дому: ведь мне было всего пятнадцать с половиной лет. Необычайно важно, в какой берлоге ты в конечном итоге окопаешься в качестве молодого игрока, особенно если подумаешь о том, сколько еще тебе предстоит узнать, когда ты начинаешь свою трудовую жизнь, работая на полную ставку в большом клубе вроде «Манч Юнайтед». У каждого футбольного клуба имеется список домохозяек, которых они привлекают, и я часто задавался вопросом, только ли случай решает, к кому ты попадешь жить, или наши шефы пытаются разместить своих подопечных в таких местах, которые, как они считают, будут для них подходящими. Опять-таки оглядываясь в прошлое, я думаю, что мне и здесь изрядно повезло, хотя понадобилось некоторое время, прежде чем я оказался там, где действительно чувствовал себя, словно дома.

Моими первыми хозяевами была шотландская супружеская чета, которая жила по Бэри-Нью-роуд, рядом с пожарным депо. Они были милыми людьми и очень хорошо относились ко мне и другим ребятам, которые у них жили. Поскольку мы все были молодыми парнями, впервые оказавшимися вне дома, с нами наверняка возникало немало проблем. Мы были не прочь огрызнуться, нагрубить и что-нибудь испортить, не говоря уже о набегах на кухню поздним вечером или даже ночью, чтобы срочно заморить червячка. Да и просто позабавиться мы тоже любили. Ушел я оттуда из-за несколько странного инцидента, который никак не вязался с моим пребыванием в этом доме. Как-то я пошел в гараж, чтобы захватить там малость шоколада, и забыл свой ключ от дома. Когда я вернулся и постучал в дверь, мне ответил муж нашей хозяйки, Пит. Он спросил у меня, где мой ключ, а когда я сказал, что, как мне кажется, я оставил его наверху, тот неожиданно слегка шлепнул меня по уху. Я не был в особом восторге от этого, и помню, как в тот же вечер мой отец, слышав от меня о происшествии, позвонил ему по телефону. Моя комната располагалась прямо напротив той, где сидел Пит, и я мог расслышать, как папа кричал в трубку. На этом мое

пребывание в этом доме пошло к концу.

Я перебрался в другое жилье по Лоуэр-Броутон-роуд, где хозяйкой была женщина по имени Эви Коди. У меня сложились действительно прекрасные отношения с ее сыном Джонни, и я был просто счастлив там почти целый год. Моим напарником по комнате был Джон О'Кейн, которого я уже очень хорошо знал по каникулярным тренировочным курсам в «Юнайтед», когда мы еще жили у себя дома. Должен честно признаться, что в ту пору нам с Джоном приходилось изо всех сил стараться, чтобы попасть на утреннюю тренировку вовремя. И происходило так вовсе не потоку, что накануне вечером мы где-то допоздна пропадали: просто мы оба были парнями, которые любили поспать. Да и квартировали мы намного дальше, чем некоторые другие ребята, скажем Кейт Гиллеспи и Робби Савадж, которые жили почти рядом с «Клиффом». И, как мне кажется, совсем неудивительно, чти между всеми нами, жившими на квартирах, установились достаточно прочные связи — в противоположность манчестерским мальчикам, которые продолжили жить дома.

Через некоторое время клуб решил переселить нас, и именно тогда я оказался в семье у Энн и Томми Кей. Скажу так: сколь бы дружелюбно ни относились ко мне в других местах, я очень скоро стал жалеть, что не оказался у них с самого начала. Этот дом был устроен словно бы специально для меня. Я все еще тосковал по родительскому дому, но Энни и Тома можно было назвать вторыми мамой и папой — такими любящими и заботливыми людьми они оказались. С едой все тоже обстояло прекрасно. Их дом стоял почти прямо напротив тренировочного поля, так что я мог выбраться из кровати и попасть на работу всего за несколько минут. Это как раз то, что нужно, когда ты — подросток, который не умеет вставать рано утром.

Здесь я делил комнату с парнем по имени Крэйг Дин, которому из-за травмы позвоночника пришлось уйти из нашей группы прежде, чем он смог получить реальный шанс сделать что-нибудь конкретное. Через нескольких месяцев Энн дала мне старую комнату Марка Хьюза, которая смотрела окнами на игровое поле, расположенное по соседству с «Клиффом». Я любил эту комнату. Она была такого размера, который невольно вызывал чувство, словно ты попал в комнату своих родителей: большие симпатичные платяные шкафы в комплекте с туалетным столиком и зеркалом, куда приятно было смотреться, плюс внушительная двуспальная кровать, прижатая к стене в дальнем углу. Я привез с собой стереоаппаратуру, которую отец приобрел для меня, еще до того как я отправился в Манчестер; к ней я сам докупил большой и красивый телевизор. Думается, у меня

имелось все, в чем я мог нуждаться. И я был по-настоящему счастлив. Супруги Кей помогли мне почувствовать себя так, словно я являлся членом их семьи. У Энн и Тома был единственный сын, Дэйв, и благодаря им у меня возникло такое чувство, как будто я — второй. Мне известно, что Энн долго держала у себя коробку со старыми монетами и разными вещами, которые я оставил после себя, когда уезжал от них, получив собственное отдельное жилье, и я всегда старался хоть изредка навещать их.

Почти сразу после того, как я перебрался в Манчестер, мне повезло встретить девушку по имени Дина, с которой я дружил на протяжении немалой — и лучшей — части последующих трех лет. Я не метался в разные стороны, как поступает большинство подростков, впервые очутившихся вне дома. Роман с Диной был в моей жизни событием, помогавшим мне чувствовать себя спокойным и как-то устроенным. Кроме всего, это были мои первые реальные взаимоотношения с девушкой. Мы прекрасно проводили время вместе независимо от того, отправлялись ли куда-либо или просто были наедине друг с другом. Это было еще и время, когда я поближе познакомился с некоторыми более тонкими нюансами взаимоотношений.

Однажды во второй половине дня я после тренировки отправился в компании с Гэри Невиллом, Кейтом Гиллеспи и Джоном О'Кейном в бильярдный клуб, хотя вначале мы собирались встретиться с Диной. Я стоял спиной к входной двери клуба и наклонился через стол, собираясь нанести удар по шару. Ннезапно я глянул чуть вверх и увидел, что щеки Джона заливает густой румянец. Он смотрел поверх моей головы. Я обернулся и сразу увидел позади себя, в дверном проеме, Дину. Мы с ней вышли на автостоянку. где я смог принести ей свои извинения, и все вроде бы шло к благополучному завершению, когда я по некой позабытой мной сейчас причине совершил ошибку, посмотрев на одно из окон клуба. Там стояли Гэри, Кейт и Джон. Я не мог слышать их, но зато отлично видел, что их плечи подпрыгивают вверх-вниз, поскольку вся троица хохотала, причем явно над той неприятностью, в которую я впутался. И тут я не смог совладать с собою и тоже начал сперва хихикать, потом и громко смеяться. Я не вправе хоть сколько-нибудь винить Дину за то, что превратило оставшуюся часть дня в страшно длинный и печальный эпизод из жизни одного подростка.

На самом деле у меня осталось множество хороших вспоминаний о времени, проведенном с Диной, а также с ее семьей. Они вели себя настолько гостеприимно, что просто не рассказать. Судите сами: не успел я появиться на пороге, как уже

знал, что в следующую секунду неминуемо окажусь на кухне, где на стол выставлялся чайник, а следом обязательно предлагалось что-нибудь поесть. И все это делалось с большой теплотой. Вроде бы без особых усилий и уж точно безо всякой помпы родители Дины позволяли мне почувствовать себя так, будто я был одним из членов их семьи. Ее папа, Рей, был обладателем сезонного абонемента на игры «Ливерпуля», и время от времени я отправлялся в компании с ним понаблюдать за игрой на местном стадионе «Энфилд». Думаю, находясь вдали от отца, я привязался к Рею. Он иногда прихватывал меня с собой даже в паб. Конечно же, после нескольких полупинт пива я начинал немного пошатываться. Потом мы вместе дружно возвращались назад, домой, где нас ждал какой-нибудь ужин. Вот уж где был для меня действительно хороший способ узнать кое-что о жизни мужчин, так это общение с подвыпившим отцом моей подружки. Это было прекрасное время в моей жизни, и я всегда буду благодарен Дине, что она ничем его не омрачила. Я знаю, что с тех пор газеты неоднократно предлагали ей деньги, если она согласится рассказать обо мне разные истории, но она всегда отправляла этих писак подальше. Дело тут просто в том, что такой уж она человек, и, кроме того, я надеюсь, что когда она вспоминает время, проведенное нами вместе, то испытывает в этой связи только добрые чувства — так же, как и я.

Если отвлечься от футбола, то жизнь в Манчестере в значительной своей части была для меня в чем-то совершенно новой или, по крайней мере, плохо знакомой. Для начала у меня имелась хорошая компания — группа местных парней. Гэри и Филип Невилл, Ники Батт и Пол Скоулз — все они были из Манчестера или жили поблизости, так что тренировались в «Юнайтед», с тех пор как подписали предварительный контракт, хотя эти ребята и не бывали на тех каникулярных тренировочных сборах, которые я посещал и прошлые годы. В то время я этого не осознавал, но думаю, что поначалу они вообще не воспринимали меня всерьез. Гэри говорил мне, что они ставили меня не больно высоко и держали за эдакого маленького и очень шустрого кокни. И я могу понять, почему так было. Вовсе не потому, что я был слишком шумным или что-нибудь в этом роде — просто получалось так, что когда нам раздавали форму, это всегда заканчивалось одинаково: самый красивый тренировочный костюм и бутсы, лучше всего сидящие на ноге, доставались мне. Случилось так, что у меня сложились прекрасные отношения с человеком, который отвечал к нашем клубе за форму, Норманом Дэвисом, и тот явно отдавал мне предпочтение. Но, во-первых, я знал Нормана долгое время, еще с тех пор, когда совсем пацаном

приезжал сюда на игры, а во-вторых, его симпатия ко мне, возможно, была наградой за то, что все те годы я помогал ему убирать раздевалки первой команды в таких местах, как «Эптон-Парк».

Я был родом из Лондона, а другие мальчики — из Манчестера и его окрестностей, но удивительно, до чего много у нас было общего. Кроме страстной любви к футболу и честолюбивого стремления играть в «Юнайтед», даже в нашей прошлой жизни была масса такого, что примиряло нас, невзирая на наши амбиции. Например, у Гэри с Филом мама и папа очень напоминали моих родителей. Они также приезжали на каждую игру. Думается, Невиллы и Бекхэмы исповедовали одни и те же ценности и смотрели на жизнь. Папа всегда готов вернуть тебя с небес на землю. Но ведь я же не бегал вокруг, хвастая всем и каждому, что я, мол, подписал контракт с «Юнайтед». Я только с нетерпением ожидал развития событий и не мог дождаться начала настоящей работы в Манчестере. Но как только я попал туда, то, конечно же, быстро понял, что имел в виду мой папа. Мальчиком я смог побывать на «Клиффе», старом тренировочном поле «Юнайтед», и понаблюдать, как тренируется первый состав команды. Теперь я должен был сам приходить туда каждое утро, чтобы заниматься рядом со старшими и более опытными игроками из основы. И тут до меня немедленно дошло, что самое важное вовсе не в том, чтобы попасть в «Юнайтед». Главное — упорно трудиться, не жалеть сил и тем самым в конечном итоге добиться, чтобы мне позволили остаться в команде.

Впрочем, если задуматься на сей счет, то для нас никогда не было ни малейшего шанса на что-либо иное, кроме упорной работы. И уж, во всяком случае, не под началом тренера Эрика Харрисона. Когда я начинаю думать о людях, которые действительно оказали решающее влияние на формирование моей карьеры, то, разумеется, должен в первую очередь назвать своего отца и Алекса Фергюсона, а также Эрика. Даже теперь, через десяток с лишним лет с момента нашей первой встречи я нередко обращаюсь к нему за советом. Он говорит мне то, что думает, а вовсе не то, что я, как ему кажется, хотел бы услышать. И подобно каждому из ребят, с которыми этот человек работал в «Юнайтед», я знаю, что он всегда заботился обо мне. В ту пору я был абсолютно уверен, что в душе у него на первом месте стоят мои интересы. Да и теперь я продолжаю испытывать точно такие же чувства.

Впрочем, иногда Эрик мог внушать страх. Мы заранее знали о его репутации, и по этой причине я даже немного беспокоился. Но я скоро разобрался, каким блестящим тренером он был. Все,

что он делал с нами, было безошибочным и направленным, что называется, и самую точку. Это касалось и занятий, которые он проводил, и того, как он заставлял нас упорно работать и насколько глубоко понимал испытываемые нами чувства, а также, в какой большой мере помогал нам поверить в себя. Возможно, Эрику действительно попалась тогда группа талантливых парней, но целиком его заслуга в том, что он смог превратить нас сначала в настоящих футболистов, а затем в течение последующих трех лет сплотить и сделать из нас команду.

Тем не менее, та репутация жестокого, а порой и свирепого человека, которой он пользуется, — это правда. Когда Эрик сердился на тебя, он мог разделать тебя под орех почище, чем кто-либо, кого я знал. Понятное дело, мы были тогда во всех смыслах помоложе, но я скажу так: залпы, которые обрушивал на нас Эрик, бывали даже пострашнее, чем от старшего тренера, когда тот расходился на полную катушку. Помню, когда мы проводили матчи на «Клиффе», у Эрика был там кабинет с большим окном, которое выходило прямо на газон, где мы бегали. И если ты совершал ошибку или делал что-нибудь такое, чего, как ты сам знал, делать тебе не следовало, то тут же слышал тот очень характерный разъяренный стук по стеклу. И у тебя не хватало смелости посмотреть в том направлении, да этого вроде бы и не требовалось, поскольку ты и без того знал, что это — Эрик, прямо скажем, не больно доволен тобою. Но ты все равно должен был бросить туда быстрый взгляд. И если тебе не удавалось увидеть при этом, как он гримасничает и что-то истерично кричит за окном, тогда ты знал, что дело действительно дрянь, и тебе самое время смываться — хотя бы на другую сторону поля. Ведь отсутствие Эрика в окне означало, что он спускается вниз и вот-вот появится на поляне.

Зато когда Эрик был доволен тобою, ты ощущал себя по-настоящему супер. Если утром мне удавалось шалить на «Клифф» в то время, пока Эрик работал со школьниками в большом спортзале, и участвовал в проходивших там занятиях только для того, чтобы дополнительно потренироваться. в ту возрастную группу входил Фил Невилл (он был на два года моложе нас с Пэри), а также Дэйв Гарднер. Не знаю, каким образом человек находит своих самых лучших друзей. Возможно, это они сами находят тебя. Дэйв и я просто натолкнулись друг на друга, и с тех пор мы поддерживаем близкие отношения; в частности, летом 2003 года я был шафером на его свадьбе. Он оставался учеником-стажером вплоть до восемнадцати лет, то есть до того времени, когда я уже регулярно выходил на поле в первой команде. Дэйв стал профессионалом, выступал в составе «Манчестер Сити» и до

сих пор еще играет в команде «Олдринчем», не входящей в премьер-лигу. В настоящее время футбол стал для него лишь средством, позволяющим поддерживать форму и быть в курсе дел, поскольку основное время он посвящает работе на посту директора компании, занимающейся спортивным менеджментом.

В течение тех первых лет, проведенных нами в «Юнайтед», Эрик заботился еще и о том, чтобы мы ходили на каждую встречу, которую первая команда проводила на «Олд Траффорде». И не просто для того, чтобы посмотреть игру, но в первую очередь — понаблюдать за отдельными футболистами. В такие минуты я вспоминал об отце, забиравшем меня с собой на финалы кубка и другие важные матчи, когда я был мальчиком.

— Не обращай внимания на всю игру, Дэвид. Следи только за Брайаном Робсоном. Следи за тем, что он делает, — говорил он.

Теперь Эрик говорил нам абсолютно то же самое: «Следи за футболистом, играющим на твоей позиции. Однажды придет день, когда тебе придется занять его место».

Слыша такие слова, мы обретали больше уверенности в себе; другое дело, что мы в то время совершенно не понимали, насколько скоро старший тренер собирался осуществить свои планы относительно первой команды.

Совместные походы на игры, проходившие на «Олд Траффорде», были для Эрика, кроме всего прочего, еще и очередным шансом настоять на важности соблюдения нами неких стандартов. Он всегда заботился о том, чтобы мы не забыли надеть на себя яркий спортивный блейзер, причем обязательно с воротничком и галстуком. Это напоминало мне о Стюарте Андервуде, который тоже требовал от игроков «Риджуэя» хорошо выглядеть, когда мы приезжали куда-либо на ответственейшие игры. Я и сейчас думаю, что такая одежда — немаловажная вещь, влияющая на настроение. Нередко можно увидеть, как кое-какие команды подъезжают к стадиону или проходят через аэропорт в своих будничных тренировочных костюмах. То, что команда «Манчестер Юнайтед» в таких ситуациях всегда одета в форменные спортивные куртки клуба — это просто составная часть нашего профессионального отношения к делу. Такого рода щегольство кое-что говорит о уважении к самим себе и клубу.

Наши тренировочные занятия отнюдь не посвящались исключительно вопросам техники и тактики или заучиванию новых финтов. Если Эрик обнаруживал какую-то слабину в твоей игре, ты мог быть уверен, что он всячески постарается преодолеть ее. Не знаю, был ли такой пункт наших тренировок, как «навесы и удары головой», предназначен специально для того, чтобы заставить меня помучиться, но в ходе некоторых утренних

занятий у меня возникало именно такое чуство. Действуя в передней линии, ты должен быть достаточно крепким, чтобы выстоять чисто физически против более рослых и более жестких, чем ты, защитников. Игра головой и отбор мяча на «втором этаже» не были, прямо скажем, моими сильными сторонами, тем более что я был меньше и легче большинства других парней. Навесы и удары головой были тем приемом, который Эрик использовал с целью приучить молодых игроков вроде меня действовать более жестко. Мы разбивались на две команды: полузащитники и форварды, выстроенные в линию против защитников. Мяч навешивался с подкруткой, и забивать ты мог только головой. Все это было бы прекрасно, кроме одного: крепких ребят вроде Гэри Невилла и Криса Каспера призывали врезаться в нас, не жалеючи, чтобы любым путем остановить и помешать пробить по воротам. Гэри был в этом смысле хуже всех. В конечном итоге ты весь оказывался в синяках и в глубине души задавался вопросом, что, собственно говоря, такого ты сделал, из-за чего он так разозлился. В ту пору я побаивался подобных тренировок, но зато потом, четыре года спустя, к тому времени, когда я выступал в премьер-лиге против мужиков вроде Стюарта Пирса и Джулиана Дикса, я был благодарен судьбе за то, что первые серьезные удары, которые мне достались на футбольном поприще, исходили от моих собственных товарищей по команде.

Впрочем, Гэри и Крис Каспер старались сделать мне больно отнюдь не только в процессе этих специфических упражнений. Эта сладкая парочка вечно была занята чем-нибудь в таком роде. Кас был очень крупным и сильным для своего возраста. Его отец, Фрэнк, играл в команде «Бернли», когда та была одной из сильнейших в шестидесятые годы, и Крис наверняка усвоил от него много разных привычек. В том числе главную — он обладал очень взрослым, вполне профессиональным отношением к футболу. И еще когда мы играли вместе, он в ходе любой встречи говорил и говорил — без остановок. Иногда Кас играл у нас в задней линии, да и закончил он профессиональную карьеру в качестве центрального защитника. В других случаях ему отводилось место в центре средней линии, а это означало, что я должен играть где-то рядом с ним. При этом он обязательно понукал меня, то и дело подсказывая, кому мне следует отдать пас. И не только это: он давал ценные указания любому, кто находился пределах слышимости. У него даже была привычка урчать что-то самому себе. После девяноста минут его безостановочной болтовни у меня голова раскалывалась, причем ситуация делалась еще хуже из-за того, что мой папа считал, будто и мне следует орать, не замолкая:

— Послушай, ты должен быть в этом смысле похож на Каса. Надо бы и тебе тоже говорить, как это делает он, даже больше, чем он.

Я думал иначе и предпочитал молчать. Однако по мере обретения все большего опыта (и тем более после того времени, как я стал капитаном) я начал понимать, насколько важно общаться с партнерами на поляне. Разумеется, ты должен дать знать своему товарищу по команде, если кто-то набегает на него сзади, чтобы накрыть его, но если твой партнер не в состоянии увидеть этого сам или сделать своевременный пас, то к тому мгновению, когда ты скажешь ему об этом, подходящий момент будет так или иначе упущен. Если ты играешь за «Манч Юнайтед» или в сборной Англии, то нужно ли тебе (если твой партнер считает тебя хорошим игроком), чтобы он поминутно подсказывал тебе? Но, конечно, говорить на поле нужно и должно. Тем не менее, я думаю, что половину времени, которое Кас уделял словоизвержениям, он делал это только ради самой говорильни. Его поведение напоминало действия теле- или, скорее, радиокомментатора.

Когда мы играли вместе, особенно рядом, он изрядно действовал мне на нервы, но при всем том мы с Касом были еще и хорошими приятелями. Он входил в нашу маленькую группу тех, кто вместе уезжал на праздники или в отпуск. Мои родители были первыми, кто встретился с человеком по имени Джо Глэнвилл: они всегда сталкивались с ним, когда приезжали в Манчестер на игру. Джо был родом с Мальты и безумным фанатом «Юнайтед». Они познакомились друг с другом, разговорились, и вскоре я узнал от своих родителей, что на каникулах мы поедем отдыхать на Мальту. «Принимающая сторона» брала на себя заботу обо всем на свете, а от нас требовалось только одно: самостоятельно добраться в нужное время до аэропорта, не забыв упаковать и захватить с собой свои сумки и чемоданы.

Тем летом мы прекрасно провели время. Пока мы были на этом красивом острове, все функции по организации нашего отдыха взял на себя клуб болельщиков «Юнайтед», которому помогали Стив Брюс и Ли Шарп. Джо со своими друзьями разместили нас в хорошей гостинице. Едва мы просыпались утром, как кто-то уже поджидал нас, готовый отвезти в любое место, куда нам хотелось бы отправиться: на пляж, в деревню или просто покататься по округе. Все это было просто прекрасно, поскольку жителям Мальты нравился и тот футбол, который исповедовал «Манчестер», и все игроки этой команды. На следующее лето я возвратился сюда с Касом, Гэри и Беном

Торнли. Это был почти настоящий мужской отпуск молодых парней, или, по крайней мере, настолько мужской, насколько мы тогда считали возможным себе позволить: несколько банок пива и небольшой летний романчик, но ничего такого, что ты должен будешь потом держать в секрете от своей мамы.

Мы заранее попросили Джо не заказывать нам слишком шикарную гостиницу или что-нибудь в этом роде, хотя, когда мы добрались до нашего многоквартирного дома, то пожалели, что не назвали ничего конкретного. Место это было просто ужасным. Кондиционера там не было, а Мальта летом задыхается от жарищи. Гэри и Бен захватили одну комнату, в которой имелся вентилятор, а нам с Касом только и оставалось, что потеть до обалдения — весь день и всю ночь. И все равно это было действительно прекрасное время. Мне там настолько понравилось, что я возвращался на Мальту последующие шесть летних отпусков подряд. Даже Гэри обзавелся там собственным местечком.

Мы четверо имели привычку и в Манчестере шататься вместе, прихватывая с собою еще и Дэйва Гарднера, который был моложе нас, но всегда знал самые классные места, куда есть смысл смотаться. Регулярно мы собирались вместе в среду по вечерам и обычно отправлялись в одно заведение под названием «У Джонсона», располагавшееся вроде бы и в центре города, но все-таки немного в сторонке. Мы были благоразумными, здравомыслящими парнями — Бен, как мне думается, наиболее выделялся в этом смысле — и хорошо знали, когда остановиться, когда пора идти домой и когда нужно смываться оттуда, если ситуация казалась слишком щекотливой. Кроме прочего, с нами всегда был Гэри — один из самых чокнутых в этом смысле мужиков, каких я когда-либо видел. Иногда мы сами чуть ли не чокались от него. Приходим, к примеру, мы все куда-нибудь, начинаем осматриваться, потом оборачиваемся и видим Гэри, который стоит, почему-то вытянувшись в струнку, словно он аршин проглотил:

— Нет, парни. Мне здесь чего-то не по себе. Надо нам отсюда смываться. Не задерживайтесь, нам надо срочно сматываться.

Единственное, что требуется Гэри для такого вывода — это чей-то косой взгляд, который ему к тому же еще и померещился. В некотором смысле это было хорошо, потому что благодаря такой его подозрительности мы никогда не влипали даже в самые мелкие неприятности. Позже все наши экскурсии заканчивались у Бена, где мы оставались на ночь. Он все еще жил со своими родителями, и его комната была на самой верхотуре дома, фактически на чердаке, — здоровенное помещение, но страшно

холодное, хоть продукты замораживай. Бен, конечно, удобненько устраивался в собственной кровати. Что же касается меня, Гэри и Каса, то нам приходилось лежать на полу, дрожа от стужи. И все равно я скучаю по тем вечерам и ночам: что ни говори, но теперь я не вправе проделать ничего подобного.

Как и у всех молодых игроков, наша жизнь так или иначе крутилась вокруг тренировочного поля. И это не обязательно означало сплошные тренировки. Помню, Каса и меня перевели в раздевалку первой команды, а это означало, что мы должны драить и чистить ванны и души, а вдобавок убирать помещение со шкафчиками для переодевания. Когда я пришел туда впервые, то получил легкую часть этой работенки: мне надо было надеть рабочие шорты и всего только побрызгать кругом из шланга, пока ванны и душевая станут чистыми. Кас шевелился слишком медленно, и ему досталась уборка мусора из самой раздевалки. Мы немного покачали права по поводу того, кто же должен заниматься этим, — устроили нечто вроде ринга, а потом обмотали кулаки полотенцами и имитировали боксерские поединки, чтобы разобраться между собой и разрешить наш спор. Хуже всего было то, что мы постановили поменяться обязанностями после Рождества. Это означало, что меня все-таки не миновали раздевалки, где в мои обязанности входило чистить и приводить в порядок бутсы, будучи готовым в любой момент получить нагоняй от старших по возрасту игроков. Кас просто не мог поверить, что я смогу справиться с этим делом и избежать неприятностей.

А теперь я должен рассказать об одной из грустных сторон футбольной жизни. Сперва ты по-настоящему сближаешься с людьми, а потом, когда они переходят в другой клуб, вы теряете контакт. Время от времени я еще вижусь с Беном Торнли и знаю, что Гэри иногда имеет возможность переговорить с Крисом Каспером. Но я часто возвращаюсь в мыслях назад, к тому времени, когда мы четверо были подростками и все время находились вместе. Нам было тогда так хорошо, но потом Бен и Кас ушли в другие клубы, и все закончилось. Терять старые связи — это, конечно же, стыдно, но, пожалуй, так уж устроена наша работа, что ты должен сосредоточиться на тех игроках, которые находятся в раздевалке рядом с тобой именно в данный момент.

И хотя я иногда тосковал по дому, это была потрясающая жизнь. Мама с папой вели себя прекрасно, приезжая буквально каждый уик-энд без пропуска, чтобы посмотреть меня в деле. А в будние дни все в «Юнайтед» шло в точности так, как я себе когда-то воображал. Мне не потребовалось много времени, чтобы плотно подружиться с теми ребятами, рядом с которыми я

тренировался всю неделю. К тому же наша дружная компания, играя бок о бок, вскоре начала выигрывать футбольные матчи на ноль, а сама регулярно забивала по пять или шесть голов. Поскольку я был поменьше остальных и сначала на моем месте справа обычно действовал Кейт Гиллеспи, я волновался из-за того, что не попадал в команду на некоторые из ответственных встреч. Когда в тот первый сезон мы стали проводить матчи молодежного кубка федерации, то большинство ребят, против которых мы играли, были на год старше нас, и поначалу Эрик обычно не выставлял меня на эти матчи.

Но в конце концов я получил-таки свой плане. Кейта Гиллеспи перевели действовать впереди, так что у меня появилась возможность играть широко по всему правому флангу. Правда, я, кроме всего прочего, конкурировал за эту позицию с Робби Саваджем, но Робби в тот сезон получил травму. Позже я узнал, что «Манчестер Юнайтед» не завоевывал молодежного кубка с 1964 года, когда в команде играл Джордж Бест, а посему победный результат, которого нам удалось достичь в 1992 году, да еще с учетом того, что большинство из нас проводило тогда в клубе первый свой полный год, означал не просто успех, а представлял собой некое особенное и даже немного историческое событие. Впрочем, в то время никто из нас, честно говоря, не осознавал этого — мы были воодушевлены самой возможностью играть за «Юнайтед» и одерживать победы для нашего клуба.

Хорошо помню, как мы в 1992 году побили «Шпоры» в полуфинале молодежного кубка. Затем нам предстоял финал, который тогда, как и полуфинал, разыгрывался в двух встречах: дома и на выезде. В Лондоне мы победили «Кристал Палас» со счетом 3:1. Игра эта состоялась почти чудом: весь день лило, как из ведра, и поляна была буквально затоплена, но прямо в тот момент, когда организаторы уже решили отменить встречу, дождь прекратился, и мы вышли на игру. Ники Батт забил два мяча, а я еще один — с лету пробил левой ногой с линии штрафной площадки, после того как Бен Торнли резаным ударом отбросил мяч назад, — а затем мы обыграли их 3:2 на своем стадионе. Чувство локтя было в той нашей команде просто удивительным, а капитанствовал в ней Райан Гиггз, который был на год старше большинства из нас.

Тот второй матч на «Олд Траффорде» был для нас далеко не рядовой встречей — ведь понаблюдать за игрой собралось 32 тысячи болельщиков «Юнайтед», и это создало такую атмосферу, с которой никто из ребят не сталкивался прежде. Всегда найдется сколько-нибудь поклонников команды, которые хотят своими глазами увидеть, как развиваются местные таланты, и точно

такие же люди сопровождают наших противников по борьбе за кубок. Но чтобы их собралось 32 тысячи? Видимо, разошлась молва о том, что клуб обзавелся особенно удачной группой молодых игроков. Помнится, мы в общих чертах знали о том, откуда и какой ветер на нас дует, но мы никогда всерьез не говорили об этом между собой. За те два или три года, пока мы росли и продвигались вперед, я только однажды слышал, как Алекс Фергюсон сказал: «Если из этой группы новобранцев мы не получим добротных игроков первой команды, грош нам цена — надо нам всем паковать свои вещички и отправляться по домам». Кроме этой фразы, никто в клубе даже не намекал, что из нас может получиться нечто особенное. Центром тяжести всегда выступала сегодняшняя тренировка или же игра, ожидавшая нас во второй половине текущего дня.

Мы добрались до финала молодежного кубка и в следующем году. Я до сих пор хорошо помню полуфинал против «Милуолла». Мы краем уха слышали, что они запланировали сотворить перед той игрой нечто особенное. И тем не менее, для нас было изрядным сюрпризом, когда вечером в день первого матча они вышли на «Олд Траффорд», и голова у каждого из игроков оказалась побритой наголо. Не знаю, именно ли это выбило нас из колеи либо что-то другое, но мы проиграли 1:2. На ответную встречу нам предстояло отправиться в их логово — старый «Дэн», — который, будучи забитым почти до отказа, производил довольно-таки устрашающее впечатление, особенно для матча молодежных команд. Но мы все равно победили со счетом 2:0 и вышли в финал, где нам предстояло встретиться с «Лидс Юнайтед».

В то время и особенно впоследствии многим показалось странным (и народ высказывался на сей счет), каким это образом мы, имея в своем составе так много будущих игроков первой команды, позволили ребятам из Лидса обыграть нас. Однако надо признать, что в тех двух матчах они действительно отработали очень хорошо и горели жаждой победы. Мы продули 2:0 у себя на «Олд Траффорде» и затем поехали для второй встречи к ним на «Элланд Роуд». Однако там нас ждали отнюдь не только футболисты, которые вышли на поле. До этого в Манчестере посмотреть на нас снова пришли 30 тысяч зрителей. Но когда диктор объявил по стадиону, что дома за команду Лидса переживает в тот вечер еще больше народу, можно было подумать, будто хозяева уже забили гол. Надо сказать, болельщики действительно поддерживали своих изо всех сил, и соперники снова обыграли нас, на сей раз со счетом 2:1.

Мы уже успели провести в том сезоне кучу встреч, и я,

помнится, в обоих решающих матчах чувствовал себя очень утомленным. Но на самом деле проигрыш тогдашнего финала был не таким уж плохим делом. Для большинства из нас это было первое крупное разочарование в нашей футбольной жизни, и оно, пожалуй, закалило нас и сделало более сильными — еще и потому, что испытали мы эту неудачу не поодиночке, а все вместе. Каждому хотелось накрепко гарантировать, чтобы в будущем тебе и твоим друзьям не пришлось снова пережить подобное чувство подавленности. И уж, конечно же, никому не хотелось снова увидеть и услышать Эрика Харрисона, который честит нас в хвост и гриву подобно тому, как он бушевал в раздевалке после нашего поражения на «Элланд Роуд».

К тому времени — а это был сезон 1992/93 годов — ребята из нашей возрастной группы начали привлекаться к играм первой команды и даже выходить на поле в ее составе. Уже в сентябре меня вызвали тренироваться вместе с основными игроками, а несколько дней спустя старший тренер сказал мне, что я поеду в Брайтон для участия в решающем матче кубка лиги. Гэри, Ники Батт и Пол Скоулз тоже отправились туда. Мы летели на небольшом семнадцатиместном самолете. Это был ужасный полет: невообразимый гул, теснота, узкие сиденья и все такое прочее, — а длился он, как нам казалось, целую вечность. Возможно, именно по этим причинам я так классно спал той ночью, после того как мы, наконец, прибыли на место. А проснувшись, я узнал новость: мне предстоит быть одним из запасных.

Приблизительно за двадцать минут до конца матча отец-командир сказал мне, что я должен выйти на поле вместо Андрея Канчельскиса. Я был настолько возбужден, что буквально подпрыгнул на скамейке и долбанулся головой о крышу навеса: прекрасное начало карьеры в основной команде. Шефу захотелось взглянуть на меня, и я думаю, что выглядел в тот момент хорошо. Мама и папа присутствовали на «Голдстоуне» и были удивлены ничуть не меньше меня, что я действительно вышел на газон. Семнадцать минут в качестве игрока «Юнайтед», но ведь я пока все еще чувствовал себя совсем молодым. Что я собой представлял? Всего лишь семнадцатилетнего пацана? Причем больше похожего на мальчика, который сидел на скамейке в «Вест Хэме», выполняя роль талисмана, чем на мужчину, готового выступать в первой команде «Юнайтед». Старший тренер потом ненадолго подошел ко мне в раздевалке. Не помню, чтобы я сделал чего-нибудь не так. Он, вероятно, хотел только удостовериться, не стал ли я думать о себе слишком хорошо, — и это, пожалуй, послужило как бы предвкушением тех одной или

двух трудных ситуаций, которые ожидали нас двоих впереди.

Прошло довольно много времени, прежде чем я получил следующий шанс. Вся наша команда, выступавшая в молодежном кубке, перешла в дублеры основной команды, причем мы выиграли лигу «А», а затем и центральную лигу. Это удалось клубу в первый раз за более чем двадцать лет. В начале сезона 1994/95 годов я снова выступал за первую команду в некоторых играх на Кубок лиги, когда тренеры давали отдохнуть игрокам основного состава. Кроме того, в начале 1990-х годов «Юнайтед» немного страдал в европейских матчах.

Я снова вернулся в дубль и на скамейку запасных. И снова беспокоился насчет того, достаточно ли я хорош, чтобы сделать следующий по-настоящему большой шаг: закрепиться в первом составе и постоянно выходить на игры в премьер-лиге. Иногда в карьере наступает такой момент, когда, даже если ты думаешь, будто знаешь, какой следующий шаг тебе нужно предпринять, все равно нужно быть готовым делать всего лишь лучшее из того, что подвернулось.

И для меня вовсе не было рядовым событием, когда мне сказали явиться после тренировки в кабинет старшего тренера:

— Команда «Престон Норт-Энд» спрашивает, могут ли они взять тебя взаймы на месяц — в аренду. Я лично думаю, что это хорошая идея, — сказал он.

Не медля ни секунды, я сложил два и два, и у меня получилось пять. Мне было уже девятнадцать. Ники Батт и Гэри Невилл уже выходили на игры за основу, причем довольно регулярно. Меня тоже привлекали в первую команду, но я прогрессировал не так быстро, как они. Неужто «Юнайтед» решил, что я не смогу стать достаточно сильным и попасть в первый состав? Может, это предложение — всего лишь способ отмахнуться или даже отделаться от меня? Я не мог выбросить эту мысль из своей головы: «Они не оценивают меня высоко. Они хотят избавиться от меня».

Возможно, такая реакция была с моей стороны чрезмерной, но именно так я себя тогда чувствовал. Конечно, первым человеком, с которым я поговорил по этому поводу, был Эрик Харрисон, и в результате беседы, которая у нас состоялась, шеф опять призвал меня к себе, чтобы подробнее объяснить ситуацию:

— Речь идет лишь о том, чтобы ты получил опыт игры в основном составе, — пусть даже в другой команде и в другой лиге.

Я был доволен возможностью поговорить с ним, поскольку это означало, что я отправляюсь в Престон, будучи в совершенно ином, надлежащем настроении. Я вполне мог бы оставаться в

Манчестере и тренироваться здесь, а на стадион «Дипдейл», в свое временное прибежище, ездить только для участия в играх. Однако раз теперь я знал, что «Юнайтед» видит во мне какие-то качества и рассчитывает на мой рост и развитие в качестве именно своего игрока, то решил на этот месяц отправиться в Престон насовсем и жить там безвыездно. Уж если я намерен выступать там, то должен делать это, как положено.

Когда я впервые выходил на их тренировочное поле, то изрядно нервничал. Я шагнул в раздевалку, все престонские игроки сидели там с таким видом, словно они специально ждали меня. Не знаю, на самом ли деле они так думали или же это всего лишь продукт моего воображения. Стало быть, вот он, этот классный малый из «Юнайтед», да к тому же он еще и кокни. В любом случае, это было действительно нескладное утро. Престонцы выступали в третьем дивизионе. Это был мир, весьма далекий от той жизни, к которой я привык в своем клубе, где о тебе заботились обо всем и где все было только самым лучшим. В конце первой тренировки я, перед тем как принять душ, небрежно швырнул свою форму в угол раздевалки.

— Только не на пол. Отнеси ее домой и выстирай к завтрашнему дню, — услышал я.

Но не это беспокоило меня. Я просто не был готов к тому, как все делается на «Дипдейле». Здешний старший тренер, Гэри Питере, не тратил ни минуты времени на такие пустяки, как знакомство. В самый первый день он собрал вместе всех игроков и меня, построил нас в кружок:

— Вот — Дэвид Бекхэм. Он пришел к нам на месяц из «Манчестер Юнайтед». Играть он умеет. Он возьмет на себя все штрафные удары и все угловые, а сие означает, что ты и ты не будете этим заниматься.

Он показал пальцем на парней, которые, видимо, выполняли здесь обычно все стандартные положения, и даже не стал дожидаться от них ответа. Что за бравое начало! Оно наверняка должно было вызвать раздражение по крайней мере у некоторых из остальных игроков. Во всяком случае, у меня такое чувство возникло. Словом, мы взяли совместный старт немного не так, как я рассчитывал, но по мере того как мы работали вместе и узнавали друг друга, мои отношения со всеми парнями из Престона стали просто прекрасными. За тот месяц, пока я там был, мы успели провести сообща несколько вечеров за пределами стадиона. По-настоящему важным было то обстоятельство, что я не просто приезжал сюда для участия в играх. Они знали, что я принял решение находиться в Престоне все время, на которое меня арендовали.

Среди игроков заметно выделялся Дэвид Мойес, который теперь является старшим тренером «Эвертона». Он был опорным центральным полузащитником — из тех игроков, кто готов к отбору любого возможного мяча, а в некоторых случаях — и невозможного тоже. Он кричал на всех партнеров, то и дело понукая их, и вкладывал всю страсть в то, чтобы одерживать победу в каждой игре. Понятно, что именно этот парень был капитаном клуба, и он с самого начала много разговаривал со мной, вовлекая меня во все дела команды. И это была никакая не простая случайность: уже тогда можно было сразу сказать, что Дэвид собирался стать старшим тренером. Он с ходу разобрался, что я собой представляю, и понял: я буду вести себя тихо, заниматься своим делом, никуда не соваться и говорить только тогда, когда это действительно необходимо. Кроме того, он прилагал немало усилий, чтобы ввести меня в коллектив, а также заботился обо мне, и я высоко ценил и ценю все это.

Впрочем, Гэри Питере, старший тренер, тоже относился ко мне великолепно. Этому, вероятно, способствовало и то обстоятельство, что он, как и я, был из Лондона. Он ясно дал мне понять, чего требует от меня, и вселил в меня уверенность, что я смогу сделать это. Судя по всему, мой временный наставник действительно верил в меня. Он, должно быть, наблюдал за моими выступлениями за дубль «Юнайтед», а позже я узнал, что попросил он взять меня в аренду почти шутя, совершенно не надеясь на согласие моего клуба. И не мог поверить услышанному, когда наш отец-командир ответил ему «да». Мне известно, что Престон даже предлагал приобрести меня после окончания срока аренды, но в действительности Гэри отчетливо понимал, что больше удача им уже не улыбнется.

Все это произошло очень быстро. Я тренировался с ними в понедельник, а затем Гэри поставил меня на среду в дублирующий состав, что показалось мне весьма странным. Престонцы играли в центральной лиге, подобно дублю «Юнайтед», и поначалу ситуация выглядела так, что для меня наставали трудные времена. Но как только ты выходишь на газон и начинаешь играть, то забываешь обо всем этом. Я действовал хорошо, сделал голевую передачу и сам забил. Поэтому, когда подошла суббота, я был включен в состав первой команды, которой предстояло на «Дипдейле» выступить против «Донкастера».

Для меня оказалось маленьким сюрпризом, когда в форме «Донкастера» на поле вышел Райан Кирби, рядом с которым я играл в течение многих лет за «Риджсуэй». Конечно, на матче присутствовал мой папа. Равно как был здесь и папа Райана,

Стив, который, когда мы были детьми, тоже принимал какое-то участие в тренерской работе. Впрочем, мне и Райану пришлось ограничиться лишь краткими и быстрыми приветствиями, после чего нам обоим надлежало приняться за дело.

Единственная вещь, к которой я действительно оказался неготовым и которой никак не ожидал, были всеобщие энергичные действия по отбору мяча, сопровождавшиеся блокировкой, подкатами, а нередко и подножками. Уверен, что именно они явились — по крайней мере, отчасти — первоочередной причиной, по которой шеф послал меня в Престон: он хотел чуть-чуть закалить меня. Я был тогда намного более хрупким, чем теперь. В ходе той первой игры я весь первый тайм просидел на скамейке, и каждый раз, когда кому-то били по ногам, форменным образом съеживался. Я совершенно не горел нетерпением получить такое удовольствие и потому не рвался на поле. Тем не менее, когда я вышел на газон, мы почти сразу же получили право на угловой удар. В тот день неслабо поддувало, причем ветер помогал нам, и я хорошо помню, как, подавая корнер, подумал, что надо бы мне посильнее подкрутить мяч и посмотреть, чем это кончится. Вижу: гол. Совсем не худший способ начать свои выступления в команде. Кончилось тем, что мы, проигрывая, дважды забили и смогли довести дело до ничьей 2:2.

Следующая наша игра была против «Фулхэма», в составе которого против нас выступал и Терри Херлок. Теперь-то я знаю репутацию Терри и не раз наблюдал, как он действует на поле, но тогда впервые увидел этого крепкого мужика, который обожал прижать противника к ногтю, и я опасался получить от него жесткий удар. Но, как оказалось, не так уж страшен черт, как его малюют, и я сам несколько раз удачно отобрал у него мяч. Ты очень скоро понимаешь, что коль играешь за «Престон» в третьем дивизионе и твоя команда нуждается в очках, то просто не можешь позволить себе уклоняться от силовых единоборств.

Мы победили 3:2, и именно в ходе той игры я забил свой самый первый штрафной удар, выступая на уровне первой команды. Его назначили прямо близ границы штрафной площадки, на моей излюбленной точке — лучше и представить себе невозможно. Гэри Питере поставил меня на штрафные удары, а этот удался мне, пожалуй, так, что лучше не бывает. На самом деле я помню не столько сам гол, сколько его празднование. Я побежал, размахивая рукой в воздухе, а один из игроков «Престона» ухватил меня за голову и стал тащить за волосы, да настолько усердно, что я подумал, уж не собирается ли он вырвать клок. Его рвение прямо-таки убило меня. Хоть это

могло бы показаться очевидным, но я все же скажу, что многие люди в полной мере не понимают, насколько важны игрокам голы и результаты матчей. Если говорить о парнях из клуба вроде «Престона», то для них речь шла не только об игре как таковой, но и о попытке вовремя заплатить взнос по ипотечной закладной и не захлебнуться в непрерывном потоке счетов — словом, о проблемах, свойственных любому человеку. Это придавало футболу в их исполнении тот привкус, которого я к тому моменту никогда не испытывал. Огонь в глазах других игроков отчетливо говорил мне, насколько сильно сжигающее их желание и как страстно они хотят выиграть очередной матч. Так же обстояло дело и со зрителями, приходящими на «Дипдейл». Футбольный клуб был сердцем этого города; ему сопутствовала длинная, гордая история, и многие люди жили только и исключительно в ожидании субботы и очередного матча. Мне повезло. Они были классными мужиками и с самого начала правильно взялись за меня.

Мне довелось с тех пор пережить кое-какие удивительные и даже замечательные события, но, по правде говоря, тот месяц, проведенный в «Престоне», оказался одним из самых захватывающих периодов во всей моей карьере. Помнится, я тогда думал, что если шеф ищет способ отделаться от меня, я, пожалуй, был бы счастлив играть за «Престон Норт-Энд». Когда в конце срока аренды мне пришло время возвращаться в «Юнайтед», я, поверьте, не хотел уезжать. А ведь как я опасался поначалу!? Насколько нервничал, когда впервые выходил на «Дипдейл»!? Но вот прошло всего четыре недели, и я уже стою в струночку и спрашиваю у м-ра Фергюсона, могу ли я ехать обратно и остаться с престонцами еще один месяц.

Ответ был кратким: «Нет». Никаких объяснений или чего-нибудь в этом роде. К концу той же недели я понял, почему наш отец-командир захотел вернуть меня назад. Тогда на «Олд Траффорде» разразился настоящий кризис, вызванный целой серией травм, и моя фамилия стояла в заявочном списке на субботнюю встречу с «Лидсом»: я находился на пороге своего дебюта в составе «Манчестер Юнайтед» на «Олд Траффорде» в матчах премьер-лиги. После пяти действительно упорных и прошедших в силовой борьбе игр за первую команду «Престона» я чувствовал себя готовым к тому, чтобы сделать следующий шаг вперед. Еще важнее, что шеф думал точно так же. Можно наверняка сказать, что я был в данный момент куда более готов к новому повороту своей карьеры, чем перед теми уже давними матчами против «Брайтона» и «Галатасарая». А пока я мог, — по крайней мере, на сегодняшний вечер — отмести любые сомнения

в сторону. Похоже, «Юнайтед» и лично м-р Фергюсон считали, что в конце концов я действительно заслужил право на свой шанс.

Я хорошо знал в тот момент, что невзирая на всю волнительность завоевания молодежного кубка федерации и острые ощущения от участия в тех памятных играх за основной состав «Юнайтед» в двух кубковых встречах, а потом в «Престоне», выступавшем в третьем дивизионе, я пока что не достиг в футболе ничего существенного. Но, возможно, подошло мое время показать, что в один прекрасный день я могу блеснуть. Речь не шла, конечно, только обо мне одном. Имелось в виду все мое поколение, так надо понимать. Эта мысль все еще верна и теперь — спросите, к примеру, Веса Брауна, Джона О'Ши или Кирана Ричардсона. Наш отец-командир всегда питал веру в игроков, которые были взращены в самом клубе. Одна из наилучших сторон того, чтобы постепенно проходить по всем ступенькам футбольной карьеры именно на «Олд Траффорде», состоит в следующем: шеф привлекает более молодых игроков к серьезным тренировкам, а также дает им поиграть, как только почувствует, что они дозрели до этого. Он верит в ребят, которые выросли в клубе у него на глазах, и именно за это — больше всего остального — мое поколение будет всегда испытывать чувство благодарности к Алексу Фергюсону. Будущее для него — это не просто ответственность за кого-то, которую он потом передает кому-нибудь другому. Когда я был мальчиком, он знал, кто такой Дэвид Бекхэм. Как только я подписал контракт с «Юнайтед», он все время следил за моим продвижением вперед: приходил на игры, наблюдал за тренировками, беседовал с Эриком и другими тренерами о том, как я развиваюсь и расту.

Когда дело доходит до организации твоего дебюта в премьер-лиге или всего лишь до выхода на поле в составе «Юнайтед» для участия в какой-либо малозначащей игре на уже недоступный кубок, ты уже чувствуешь себя полноправной частью первой команды. Тем самым любому молодому игроку облегчается возможность расслабиться и показать все свои лучшие стороны, когда ему дадут на то шанс. В моем случае дело выглядело так, что я стал членом коллектива, по крайней мере, с тех пор, как ребенком разминался перед вечерним матчем в «Эптон-Парке» бок о бок с моими героями в качестве клубного талисмана. К тому времени, когда я был реально готов к выступлениям в первой команде «Юнайтед», я уже успел хорошо подружиться со старшими игроками. Это был не тот случай, когда ветераны думают: кто этот молодой такой-то и такой-то, который приходит и думает, будто он сможет занять наше место? Я знал их всех, и они, что ничуть не менее важно, тоже знали меня.

Как оказалось, моя первая игра в премьер-лиге стала в некотором смысле разочарованием. Перед встречей «Манч Юнайтед» против «Лидса» всегда царит атмосфера больших ожиданий — независимо от того, играем ли мы на «Олд Траффорде» или на «Элланд Роуд», весь стадион заранее заполнен и гудит в предвкушении жаркой схватки. Однако на сей раз невероятно жаркой оказалась только погода, и матч сильно пострадал из-за этого — он буквально задыхался. И закончилось со счетом 0:0. Я, должно быть, отыграл хорошо, потому что до конца того сезона провел в лиге еще несколько встреч и ближе к лету чувствовал, как мои дела медленно, но верно начинают двигаться в правильном направлении. Но было и то, чего я не понимал (как не понимал этого и ни один из нас), а именно: наш отец-командир уже достаточно много видел нас в деле и был готов предпринять одну из самых крупных тренерских авантюр всех времен. Сезону 1995/96 годов предстояло буквально сотворить меня. И сотворить нас всех — благодаря шефу, который поверил в нас даже раньше и сильнее, чем мы сами поверили в себя.

4. «ДБ» на гудроне

«А что, если мы засучим рукава и докажем, насколько большинство из вас ошибается?»

Не так уж много было на тот момент в Европе лучших игроков их амплуа, но, тем не менее, Марк Хьюз, Пол Инс и Андрей Канчельскис разом покидали «Олд Траффорд». В течение летнего межсезонья 1995 года мы, как и все прочие граждане, читаем об этом в газетах: Алекс Фергюсон решил продать трех из числа самых ярких звезд «Юнайтед». Андрей был просто фантастическим игроком, но между ним и шефом часто искрило и возникали проблемы. Истории, печатавшиеся на последних страницах, утверждали, что Пол начал вести себя так, будто он был большей величиной, чем весь клуб. Мне точно известно, что наш отец-командир ни в коей мере не стоял за этими публикациями, но сам я никогда не воспринимал Инса в таком свете: он был крупной индивидуальностью и вел за собой команду подобно тому, как это удается теперь Рою Кину. Инс был также в то время и отменным игроком.

Марку Хьюзу, конечно, уже было тогда немного за тридцать, но я и по сей день считаю, что позволить ему уйти было безусловной ошибкой. Можно всего лишь спросить об этом поклонников «Челси». Марк отправился из «Юнайтед» на «Стамфорд-Бридж», и тамошние фанаты расскажут вам, каким отличным приобретением он для них оказался. Должен, впрочем, признать, что я по отношению к нему необъективен.

Я был его болельщиком тогда и остаюсь таковым теперь, когда он является старшим тренером сборной Уэльса. Если бы это зависело от меня, Марк Хьюз, вероятно, все еще играл бы в «Манчестер Юнайтед». В пору, когда я был подростком, он ходил — после Брайана Робсона — в моих самых великих героях, и это по-прежнему оставалось верным в тот момент, когда у меня появился шанс играть рядом с ним. Я был действительно разочарован его уходом: каким образом мы собираемся выигрывать хоть что-нибудь, лишившись Живчика в команде?

До сих пор помню, насколько я был огорчен, когда узнал, что Марк, особенно он, покидает наши ряды. Кроме того, я был еще и удивлен: как и большинство поклонников «Юнайтед», я стал задаваться вопросом, почему и зачем старший тренер действует таким образом. Каждый понимал, что должна существовать какая-то причина, из-за которой он позволил уйти таким важным,

ведущим игрокам. Но шеф не проронил на сей счет ни словечка. Потом до меня и до многих других дошло: Андрей Канчельскис был играющим на правом крыле атакующим полузащитником. И Дэвид Бекхэм тоже. А что говорил всегда Эрик Харрисон молодым игрокам, прежде чем у нас появилась возможность сесть на «Олд Траффорде», чтобы понаблюдать за игрой первой команды? «Следи за футболистом, играющим на твоей позиции. Однажды придет день, когда тебе придется занять его место». И когда Андрей покинул «Олд Траффорд», разве я мог сдержать удивление перед проницательностью Эрика, скажите сами?

Когда мы все съезжались на предсезонный тренировочный сбор, большинство из более молодых игроков ожидали увидеть, с кем шеф подпишет новые контракты, чтобы заменить те великие имена, которые от нас ушли. Но даже пару месяцев спустя, когда в команде осталась только вся наша прежняя компания, мы все еще предполагали, что тренер должен будет ввести в состав новых, более маститых игроков. Как он мог продержаться только с нами, желторотыми ребятами? «Манчестер Юнайтед» — славный клуб, и каждый в состоянии понять, что его болельщики ожидают от своих любимцев немедленных успехов. Тем не менее, где-то в глубине души теплилась надежда, что мы получим шанс показать себя. В наше время молодые игроки устроены иначе: они более уверены в себе. Сторонний наблюдатель, возможно, ожидал бы, что в той ситуации, которая имела место с нами, кто-то встанет и скажет напрямую: «Так нам собираются дать здесь поиграть, или как?» Но ни я, ни братья Невиллы, Ники Батт или Пол Скоулз не были настолько крутыми. Ни один из нас не задал подобного вопроса, а шеф тоже ничего не говорил нам. Он просто шел вперед и начал новый сезон с самого молодого состава «Юнайтед», какой только можно было вспомнить со времен эпохи пацанов Басби.

В первой игре сезона, на выезде с «Астон Виллой», нас разгромили по всем статьям. Я сидел на скамейке запасных, и к тому времени, когда я вышел на поле во втором тайме, мы уже продували 0:3. Я забил: Деннис Ирвин резаным ударом отправил мяч мне на ход. Я смог хорошо обработать его первым касанием, потом пробросил мяч немного вперед и затем пробил с угла штрафной площадки. Благодаря небольшому рикошету мяч пролетел мимо Марка Боснича, который стоял у них в воротах. Помнится, я праздновал свой успех почти в полном одиночестве. Понятное дело, мы все еще отставали от соперников на два мяча, и Джон О'Кейн, который тоже вышел на замену, был единственным игроком, который подбежал и обнял меня.

Все остававшееся время я носился, словно угорелый, по всему

полю, так и сяк пытаясь переломить игру. По окончании встречи я был вполне доволен собой. Но отец-командир не испытывал подобных чувств. Я был попросту убит этим. Ведь он имел возможность подойти ко мне в раздевалке и сказать, насколько важно для команды, что я хорошо действовал на своей позиции. Но он сделал нечто почти противоположное…

…Я был решительно настроен таким образом, что в любом случае этот мнимый изъян никак не отбросит меня назад. Я всегда играл в футбол против соперников, которые были крупнее и сильнее меня. Стало быть, Джулиан Дике? Старший тренер переговорил со мною о нем в раздевалке, прежде чем нам предстояло начать игру с центра поля:

— Когда тебе представится шанс, беги прямо на него или будь готов нести свой крест. Но особо не нарывайся. Если этот парень сможет исподтишка врезать тебе, он так и сделает.

И он это сделал — уже в самом начале встречи, недалеко от углового флажка. Но Дике, кроме всего прочего, еще и умел играть, а я понимал, что должен продолжать свои действия против него, поскольку, если он сможет взять верх надо мной, то станет лучшим распасовщиком в команде «Вест Хэм». Не знаю, как я, но болельщики «Юнайтед» были в тот вечер просто непревзойденными. Возможно, они и в самом деле испытывали озабоченность тем, что летом их команду покинули многие звезды. Но с другой стороны, я думаю, им было приятно наблюдать, как за их любимый клуб успешно выступают доморощенные таланты. Гэри и Фил Невиллы, Пол Скоулз и Ники Батт — все они были простыми манчестерскими пацанами, что внушало болельщикам дополнительное чувство гордости. Я и теперь продолжаю задаваться вопросом, испытывала ли публика, приходящая на «Олд Траффорд», такие же чувства по отношению ко мне — лондонцу, а вовсе не местному кадру, как другие наши молодые игроки. Мне хотелось бы думать, что испытывала. Во всяком случае, в матче против «Вест Хэма», да и в других встречах на протяжении всего этого сезона у меня не возникало на сей счет никаких сомнений. И это очень помогало. Мы выиграли свою первую в том сезоне домашнюю игру со счетом 2:1, и я не думаю, что проиграл свою индивидуальную битву с левым полузащитником «Вест Хэма».

Для молодой команды вроде нашей каждая игра давала всем спортсменам возможность побольше узнать о нас самих, о том, что мы в состоянии, а чего не в состоянии сделать. Мы твердо верили в свои способности, но это отнюдь не означало, что не было множества такого, чему нам следовало учиться — каждый день, каждую неделю. Спустя десять дней после игры с «Вест

Хэмом» мы отправились на стадион «Эвуд Парк», где нас ждало одно из самых крупных событий (и испытаний) спортивного сезона. Тремя месяцами ранее «Блэкберн» впервые завоевал звание чемпиона премьер-лиги, финишировав на одно очко впереди нас несмотря на поражение, которое он потерпел на стадионе «Энфилд» в последний день турнира. Если бы мы в тот день победили на «Эптон Парке», вместо того чтобы свести матч вничью, то чемпионами были бы мы. Вот как близко был тогда от нас почетный титул. В Блэкберне собрали сильную, опытную команду, где впереди действовали Крис Саттон и Алан Ширер. Поездка туда на столь ранней стадии футбольного сезона делало предстоящий вечер очень важным событием. Шеф не говорил ничего такого, но сам я относил данный матч к разряду таких, где мы просто не могли позволить себе поражения.

По-настоящему отчетливо и ясно мне запомнились из той встречи два инцидента. Вскоре после начала игры я попробовал дать длинный пас, который заведомо не проходил, — что называется, пульнул мяч в сплошное молоко, — и Рой Кин наехал на меня по поводу этого удара; фактически он попросту смешал меня с грязью.

Пока я не узнал его стиль получше, в таких ситуациях я пытался ответить ему тем же. А ведь иногда страсть, накатившая на человека в какой-то момент, может застать его врасплох и выплеснуться наружу неожиданно для него самого. С Роем такое случается часто, и он все время покрикивает на товарищей по команде. Это — неотъемлемая часть его манеры игры, и важно, чтобы окружающие понимали: в таком его поведении нет ничего личного. Для Роя абсолютно не имеет значения, играешь ли ты за «Юнайтед» десять лет или провел всего лишь десять игр; если он считает, что так нужно, он наезжает на тебя. Все это исходит в нем от неуемного желания победить. Тем вечером на «Эвуд Парке» я в первый раз стал мишенью одного из таких его залпов. Но, надо сказать, это сработало. Это всегда срабатывает: Кини своими резкими словами зажигает тебя, поскольку ты знаешь, что он поступает так по разумной причине, а не только ради того, чтобы дать выход своему гневу. Прав он или же ошибается, но ответная положительная реакция всегда гарантирована.

А еще я помню, как позже, при счете 1:1, Ли Шарп пошел напролом близ границы их штрафной площадки. Он смог выкатить мяч ко мне, я прокинул его себе на ход и почти сразу пробил подкрученным ударом в правый верхний угол. Этот гол стал победным. Сделать нечто подобное в игре, которая была настолько важна для нас, — это было для меня действительно большим событием. Как мой гол, так и окончательный результат

были точно в такой же мере важны и для клуба. Та игра стала частью серии из пяти побед подряд, которые последовали за тем, как нас обыграли на «Вилла-Парке». С этой ребятней вам ничего не выиграть? На мой взгляд, в этот момент довольно многие и уж, по крайней мере, поклонники «Юнайтед», стали задумываться над тем, а вдруг мы все-таки сможем это сделать.

Не хочу сказать, что кто-либо сильно обалдел от моего гола, вколоченного в сетку «Блэкберна», или от каких-нибудь других моих действий. Лично я все еще не мог до конца поверить, что играю в первой команде. Сам этот факт вызывал у меня ничуть не меньший энтузиазм, чем забитый мною победный гол. Мы как единая группа молодых игроков вообще не были теми персонажами, которые готовы расхаживать везде и орать всем встречным-поперечным, а также самим себе, какие мы хорошие. Фактически раздевалка в течение всего того знаменательного для нас сезона была, как мне кажется, такой же тихой и спокойной, какой всегда была раздевалка «Юнайтед». Кроме Гари Невилла, ни один из нас, в общем-то, совсем молодых еще парней, не был большим любителем поговорить ни до, ни после игры. Старшие игроки тоже не были крикунами — даже когда они говорили то, что обязательно должны были сказать. Единственным, кто время от времени мог заставить всех нас сидеть и слушать, был наш отец-командир. Впрочем, по мере того как сезон катился к зениту и наша уверенность в себе росла, изменялась и атмосфера в команде.

Помимо старшего тренера, нас заводили еще и всеведующие игроки-ветераны. В первую очередь здесь следует назвать таких футболистов, как Стив Брюс и Гари Поллистер. Огромным влиянием пользовался также Петер Шмейхель, не говоря уже о том факте, что он являлся тогда лучшим вратарем в мире. Петер был из тех с кем ты мог поговорить в любое время и на любую тему: о своей игре, о противниках или же о том, что происходит в твоей жизни. И он был беспощаден к себе и к нам в процессе тренировок. Забей ему — и ты сможешь забить любому. С ним нам оставалось только совершенствоваться. В конце каждой тренировки мы обычно отрабатывали навесы на ворота, а это означало, что Гэри Невилл и я будут действовать справа, а Райан Гиггз и Деннис Ирвин — слева. Питер имел обыкновение давать Гэри прикурить по полной программе. Наши навесы и игра головой не были тогда настолько отточенными, как теперь, и Петер, по крайней мере отчасти, обязан совершенствованию своих действий именно тем тренировкам. Он не стеснялся в борьбе за верховой мяч напрыгнуть на Гэри, а потом повторял это снова и снова. Гэри уходил, опустив голову, но потом работал еще

упорнее и старался не уступить Петеру в воздухе. И когда ему действительно удавалось опередить вратаря и мимо него послать мяч в ворота, похвала Питера значила для Гэри многое.

Каждая хорошая команда нуждается в сильном лидере. В прошлом у нас в «Юнайтед» имелся Брайан Робсон. Позже мы имели в этом качестве Роя Кина. Однако в том сезоне человек, который заставлял нас всех шевелиться, не мог прийти в команду раньше начала октября. Эрик Кантона был приобретен из «Лидса» в ноябре 1992 года, после того как в предыдущем сезоне он вместе с ними выиграл чемпионат Англии. Я несколько раз наблюдал за его игрой и, конечно же, видел, как и всякий другой, что уже тогда он был очень хорошим футболистом. Однако когда он пришел на «Олд Траффорд», с ним начало происходить нечто совершенно новое. Буквально в мгновение ока Эрик сделался тем игроком, каким хотели бы стать все остальные. Ему как личности была присуща некая аура: когда Эрик входил в комнату, всё там останавливалось. У него была внушительная внешность и прекрасная осанка. И он привнес все свои лучшие качества в понятие о том, каким должен быть футболист «Манчестер Юнайтед».

За все то время, когда мы вместе играли и вместе тренировались, я, насколько мне помнится, никогда не разговаривал с Эриком о футболе. Честно говоря, помимо нескольких слов, которыми мы перебросились то здесь, то там, я вообще никогда не беседовал с ним ни о чем. И не думаю, что многим людям удавалось сделать это — он был человеком закрытым, особенно во всем, что касалось его личной жизни. После тренировок, да и после игр он сразу исчезал. Мы воспринимали как должное, что у него есть личная жизнь и его собственный образ действий. Он приезжал на тренировки на маленьком «Воксхолле-Нова» и не без трудностей вытаскивал из-за руля все свои шесть футов четыре дюйма (193 см). Потом он делал свое дело. Затем, когда мы заканчивали, он втискивал себя обратно в эту малолитражку и уезжал. И это кажется по-настоящему удивительным, тем более, когда подумаешь о том воздействии, которое он оказывал не только на меня и остальных игроков, но и на весь клуб. Мы не говорили к ним, но о нем мы говорили почти все время.

В моих глазах Эрик не мог сделать ничего неправильного. И я думаю, что даже наш отец-командир тоже немного трепетал перед ним. Однажды вечером мы пошли на премьеру одного из фильмов про Бэтмана. Туда пригласили весь клуб, а посему предполагалось, что мы явимся не как-нибудь, а в галстуках-бабочках. Эрик же пришел, одетый в помятый белый пиджак и

свои любимые ярко-красные спортивные штаны фирмы «Найк». Теперь-то я смеюсь, рассказывая об этом, — после почти настоящих оплеух, которые я обычно получал от шефа за неподходящую одежду, которую позволял себе носить. Эрик, однако, был на особом положении. Наш тренер знал об этом, равно как знали и все прочие игроки. Мы никогда не завидовали тому, что к нему относились по-другому, не так, как к остальным из нас.

Эрик представлял собой отдельный, обособленный класс. Если кто-либо сомневался в этом, он был всегда готов лишний раз напомнить Фоме неверующему об этом. Не скажу, чтобы ребята очень часто рисковали выразить такое сомнение. Однажды вечером, после очередной игры, мы решили устроить «общекомандную встречу». На самом деле это была всего лишь обычная вечеринка с участием одних только парней, но громкое название подразумевало, что каждый знает о необходимости присутствовать на ней. Мы планировали в 6.45 встретиться в одном известном всем манчестерцам местечке под названием «Четыре времени года» и затем отправиться оттуда куда-нибудь еще. К 7 часам вечера отсутствовал только Эрик. В конечном итоге явился и он — не спеша, эдаким прогулочным шагом, — и Гиггзи показал пальцем на его часы:

— Семь часов с хвостиком, Эрик.

Райан изо всех сил старался, чтобы его голос звучал, как у отца-командира, если кто-то опаздывал на тренировку. Эрик посмотрел на циферблат:

— Шесть сорок пять.

Гиггзи тоже посмотрел на его часы, но прежде чем он успел сказать хоть словечко, Эрик подтянул рукав и показал нам самый красивый «Ролекс», какой доводилось видеть кому-либо из нас:

— Шесть сорок пять, — произнес он, улыбаясь. Конец всяким спорам. Как могли такие классные часы или же мужик, который их носит, ошибаться насчет времени?

Наблюдать за Эриком означало приобретать сразу высшее футбольное образование, особенно если говорить о том, как он обычно занимался самосовершенствованием. Каждый день после тренировки он оставался на поляне «Клиффа», работая самостоятельно. Пробивал штрафные удары, делал обманные движения и разные финты — в общем, такие вещи, какие ты вполне мог ожидать. Но основное время он занимался самыми простыми приемами. Он пробивал мяч вверх настолько высоко, как только мог, и затем принимал его, стараясь как можно быстрее и удобнее укротить его и взять под контроль. Потом многократно бил мячом в стену и принимал отскок, попеременно

действуя то правой, то левой ногой. Эрик был одним из лучших игроков в Европе, а он проделывал ту же самую элементарщину, которой я занимался с папой в «Чейз Лейн Парке», когда мне было лет семь.

Играя в футбол профессионально, вы должны травить основное свое время на подготовку к двум играм в неделю. Это не оставляет больших возможностей для занятий основами: умением контролировать мяч и нанесением ударов. Отец всегда старался добиться от меня понимания того, что уверенный контроль над мячом — это самый важный навык из всех. Не имеет значения, какой именно элемент ты сейчас отрабатываешь, — ключевым всегда является хороший первый контакт с мячом. Вот почему Эрик, который давно уже был футболистом, признанным на международном уровне, всегда стремился найти время поработать над этим основополагающим компонентом игры. Если ты умеешь удобно и непринужденно принять мяч, это дает тебе возможность в процессе игры видеть, что ты должен сделать потом. Наш тренер накануне финала кубка федерации в 1994 году рассказал нам про Эрика вот какую историю. Однажды он увидел, как тот совершенно самостоятельно занимается на лужайке около отеля. Именно тогда Алекс понял, что Эрик является игроком, который устанавливает для себя собственные стандарты, причем поднимает планку выше, чем ее мог бы установить для него кто-либо другой. Он был примером для всех нас, включая самого шефа.

И он вовсе не поставил себя в качестве лидера. Не думаю, что до приезда в Англию, а также в течение того времени, пока он выступал в «Лидсе», эта сторона характера Эрика особенно бросалась в глаза. Зато сразу же после перехода в «Юнайтед» все переменилось. Это выглядело так, словно он нашел место, которое было для него своим, и дорос до положения, которое он, по своему убеждению, заслужил. Все, что он делал, надев футболку «Юнайтед», с самого начала было просто поразительным. Именно приход Эрика в команду через три месяца после начала сезона стал ключевым аспектом в деле завоевания «Манчестер Юнайтед» звания чемпиона премьер-лиги в 1992/93 годах, чем был положен конец всему долгому периоду ожидания подобной победы клуба. А затем, в следующем сезоне, он помог «Юнайтед» сделать наш первый чемпионский дубль.

В течение тех двух сезонов я не играл в первой команде, но когда мы в конечном счете действительно стали играть вместе, я могу от чистого сердца сказать, что именно Эрик оказался той искрой, благодаря которой вспыхнуло пламя, и все это смогло случиться. Он вел за собой. Остальные следовали за ним. Это

очень редкое качество: прирожденный капитан, которому фактически едва ли вообще требуется говорить что-нибудь нам или кому-либо еще. Ты и не слышал, чтобы Эрик вел за собой команду. Достаточно было просто видеть его на поляне, как он стоит со своим неизменно поднятым воротником, готовый завоевать весь мир.

Когда люди говорят об Эрике, они всегда склонны вспоминать, как его многократно в течение его карьеры выгоняли с поля или как с ним происходило кое-что похуже. Однако я смотрю на это несколько иначе, понимая, что у всех великих игроков есть какая-то крайность в характере и в отношении к футболу. Именно эта крайность делает их крупнее и выше обычных спортсменов…

Это может прозвучать странным, но, несмотря на все полученные Эриком предупреждения, на желтые и красные карточки, дисквалификации или что бы то ни было, Мне никогда не приходило в голову критиковать его. Мы вместе играли в футбол, и именно в этом состояли мои главные отношения с ним. Я всегда хорошо думал о нем и обо всем том, что он принес с собою в раздевалку и в команду. А принес Эрик свой талант, свою честь и свое чувство долга. Ничто иное не беспокоило меня. Он играл в свою игру и жил своей жизнью, действуя так, как ему диктовал внутренний голос, другими своими действиями сделал много хорошего для остальных ребят из «Юнайтед». Как же я могу плохо подумать об Эрике Кантоне или о чем-нибудь из того, что он сделал? Дэвид Бекхэм многим обязан ему, а «Манчестер Юнайтед» обязан ему даже в еще большей степени.

Я был на стадионе «Сэлхерст-Парк» в тот вечер 1995 года, когда Эрик одним прыжком бросился в толпу болельщиков. Я сидел не на скамейке запасных, а на трибуне, наблюдая за игрой вместе с несколькими другими парнями. Мне мало что запомнилось из самой игры против «Кристал Паласа», но тогдашний инцидент помню хорошо. Эрика удалили с поля после силового отбора мяча у Ричарда Шоу, и когда он уходил вдоль боковой линии, можно было видеть, как некий тип загородил ему дорогу, чуть ли не силком заталкивая в толпу зрителей. Он обзывал Эрика последними словами, вопя о нем что попало. Вслед за этим Эрик оказался в толпе и стал пинать обидчика и бить его кулаком. Все это длилось несколько секунд, после чего Эрик поспешил в раздевалку. Считаю его действия всего лишь инстинктивной реакцией и естественным поступком.

…находящимся в центре внимания, не остановил его от действий, которые вполне мог совершить кто-либо другой, оказавшись на его месте. Я не говорю, что Эрик поступил

правильно, но мы должны помнить, что если бы при любых других обстоятельствах кто-то кричал подобные гадости на другого человека, то вряд ли из-за этого не возникло бы неприятностей.

После игры в нашей раздевалке не было никакой особой суеты по поводу того, что случилось. Все вели себя тихо, да и шеф отнесся к происшествию вполне спокойно. Он только сказал, что ни один из нас не должен говорить по данному поводу с прессой. Совершенно очевидно, никто из присутствующих не понимал тогда, каковы будут последствия: Эрика отлучили от футбола на целых восемь месяцев. Мы закончили тот сезон, не выиграв больше ни единого матча, и можно понять, какой эффект произвела на команду потеря Эрика. Как игрок и профессионал, каждый из нас должен был продолжить работу. Эрик на несколько недель отправился домой, во Францию, а затем возвратился на «Олд Траффорд», и мы получили возможность каждый день работать и тренироваться вместе с ним, хотя он не мог участвовать в календарных встречах. И хотя он по-прежнему оставался очень важной составной частью всего происходящего в клубе, мы хотели видеть его играющим в команде. После отбытия общественных работ и всего срока дисквалификации, решение о которой приняла федерация футбола, Эрик вернулся в команду через полтора месяца после открытия сезона 1995/96 годов. Начиная с октября, он играл, как одержимый, хотя, конечно, нельзя сказать, что вот пришел Эрик Кантона, взялся за дело и сделал дубль самостоятельно. Но я абсолютно уверен, что все остальные ребята чувствовали: без него мы бы этого не смогли достичь.

Когда речь заходит о том сезоне, стало почти правилом говорить, что мы по ходу матчей того года достойнно росли как игроки. Тем не менее, возвращаясь мыслями назад, скажу то же самое: я действительно помню, насколько мне удалось за тот период вырасти как человеку. Для начала, после шестнадцати лет, проведенных с мамой, папой, Линн и Джоан, а затем еще трех лет в разных «углах», которые, по сути дела, были в некотором роде семейными домами, я получил собственное жилье. Райан Гиггз уже перебрался в дом, расположенный в Уорсли, к северу от Манчестера, и рассказал мне, что поблизости от него есть другой трехэтажный особняк, который выставляется на продажу. Это было просто идеально. Уорсли оказалось приятной, тихой деревней, дом был новенький, с иголочки и всего только в десяти минутах езды от нашего тренировочного поля; зато теперь у меня никогда не будет оправдания, если я появлюсь на работе с опозданием.

Я вырос в предместьях Лондона, в пригородном одноквартирном домике, имевшем общую стену с соседним домом и достаточно тесном для нас пятерых. Теперь я жил здесь один, не без проблем подбирая ключи к своей классной холостяцкой «хате» и планируя все исключительно под себя: уютное помещение с бильярдным столом, обитый кожей гарнитур в гостиной, телевизионно-музыкальная система, именуемая домашним кинотеатром, и великолепный большой камин. Весь верхний этаж представлял собой одну огромную комнату — мою спальню. Мне сделали специально для нее платяные шкафы, а когда столяры собирали их, я заставил их сделать в ногах моей кровати специальный комод. Ты нажимаешь кнопку — и оттуда вылезает телевизор. Когда мы только начали ходить вместе, Виктория все время подкалывала меня насчет этой штуковины. А вдобавок ко всему по соседству жил мой приятель, Гиггзи. Чего еще мог просить любой парень вроде меня?

Даже тогда Райан считался в «Юнайтед» настоящей легендой. Он был только на год старше меня, и мы играли в одной и той же команде, выигравшей молодежный кубок, но когда я попал в Манчестер, мне казалось, будто он уже был звездой. Гиггзи постоянно выходил в первом составе уже к тому времени, когда ему едва стукнуло восемнадцать лет. Более молодым парням он казался настоящим героем, и, вдобавок, с ним так прекрасно работалось рядом. Поселившись по соседству с Гиггзи, я смог узнать его действительно хорошо. А это означало, что в то же самое время я близко познакомился со всеми его приятелями, так называемой бригадой из Уорсли. Мы обычно встречались в местном пабе «Бартон Армз», куда ходили пообедать. Я чувствовал себя человеком, попавшим в самую клевую компанию Манчестера.

С тех пор мы с Гиггзи остаемся близкими друзьями. Он по-прежнему принадлежит к числу футболистов, которые могут самостоятельно выиграть встречу, и по-прежнему является таким нападающим, про которого каждый противостоящий ему защитник скажет, что не терпит играть против него. Вспомните только о прозвище «новый Джордж Бест», с которым он рос. Разумеется, как и у любого другого игрока, у Гиггзи бывали в «Юнайтед» и взлеты и спады, но за прошедшие двенадцать лет он доказал, что обладает как талантом, так и силой характера, необходимыми для того, чтобы соответствовать всем ожиданиям, которые возлагались на него. А еще я надеюсь, что Уэльс сможет попасть в Португалию для участия в европейском чемпионате 2004 года — было бы замечательно увидеть Гиггзи на этом международном футбольном форуме. Но что бы ни случилось, к

тому времени, когда ему придется паковать свои чемоданы (хоть пока еще на это нет и, надеюсь, долго не будет сколько-нибудь больших шансов), он уйдет как один из величайших игроков «Юнайтед» за все времена.

Я полагаю, что многие молодые парни, оказавшись в моей ситуации, питались бы едой, приносимой на дом, и искали в телефонной книге номер хорошего уборщика. Я же всегда был тем, кого вполне можно назвать человеком одомашненным. Даже когда я был мальчиком и жил дома, мне нетрудно вспомнить, как в воскресенье утром я вставал пораньше и готовил полный завтрак для мамы и папы. И не потому, что должен был, а потому, что мне того хотелось: кулинария была для меня тем занятием, которое всегда доставляло мне удовольствие. Не поймите меня неправильно. Я вовсе никакой не гурман и не виртуоз плиты. Мама расскажет вам, что когда я жил дома, то для вечерней трапезы каждый раз готовил одно и то же блюдо. Жаркое из цыпленка. И когда мама с папой пришли ко мне в мой новый дом, а я впервые готовил для них еду на моей собственной кухне, то не думаю, что их хоть капельку удивило содержимое подноса, который я подал на стол: там красовалось жаркое из цыпленка. Ведь важным во всем этом деле было совсем не то, что именно мы тогда ели. Я испытывал подлинную гордость, имея возможность в субботу вечером забрать после игры своих родителей в мое собственное жилище. Думаю, что они тоже были этим в полной мере горды.

Более того, я мог привезти их домой в своей собственной машине. Если в бытность свою мальчиком у меня выпадали минуты, когда я не думал о футболе, это происходило исключительно потому, что я думал в этот момент об автомобилях. Однажды я получил на Рождество в подарок мопед фирмы Scalectrix и все, свои юные годы ездил в его седле на тренировки и игры. И точно так же, как в воображении я видел себя играющим в «Манчестер Юнайтед», я проводил кучу времени, особенно в дождливые дни, мечтая об автомашине, на которой мог бы однажды зарулить на «Олд Траффорд». Как насчет «Порше»? Тем не менее, когда я успешно прошел все испытания и меня взяли в «Юнайтед», до такого рода автомобиля моих грез предстоял еще очень длинный путь, и весьма долго такие автошедевры лежали далеко за пределами моей досягаемости. Вместо него я купил старый клубный драндулет, принадлежавший ранее Гиггзу, — красный «Форд-Эскорт» версии «Мехико». Три двери, всего один предыдущий владелец и полная история сервисного обслуживания — эта первая машина уменьшила мои сбережения приблизительно на шесть тысяч

фунтов стерлингов.

Немного позже, когда я стал встречаться с Диной, у меня возникла нужда в чем-нибудь немного более солидном, так что я купил совершенно новый «Фольксваген-Гольф». Помню, как меня вечно высмеивали другие игроки «Юнайтед» из-за того, что мой номерной знак был M13 EKS, а он, если прочитать две его цифры как букву, был немного похож на начало моей фамилии с предшествующей ей буквой M: получалось M BEKS. Сейчас большинство ребят, вероятно, напрочь забыли об этом. А вот машинкой, по поводу которой они действительно никогда не оставляли меня в покое, был следующий мой автомобиль — первый, спонсированный клубом. В то время у «Юнайтед» существовала договоренность с «Хондой», и эта фирма должна была снабжать молодых игроков своей новой «Прелюдией», как только те отыграют двадцать матчей за первую команду. Гэри, Фил и все остальные стали ее обладателями раньше, чем это удалось мне, поскольку в течение нескольких предыдущих сезонов их чаще привлекали в основной состав. Зато ко времени, когда я был готов получить ту, которая причиталась мне, я уже точно знал, что мне хочется иметь.

Я выбрал экземпляр очень темного серого цвета. Затем заплатил дополнительную сумму, чтобы они мне установили и подогнали кожаные сиденья и весь интерьер салона, а также новый проигрыватель компакт-дисков и большие колеса с дисками из легкого сплава. Это тянуло на серьезную сумму, которой мне, если быть реалистом, в то время не следовало бы швыряться, а если учесть, что все эти автомобили в конечном итоге подлежали возврату «Хонде», то для меня, кроме всего прочего, это были деньги, которых я никогда больше не увижу. Зато, конечно, моя новая «Прелюдия» выглядела совершенно непохожей на любую другую из парковавшихся на клубной стоянке. И мне это очень нравилось, потому что она получилась именно такой, как я хотел. Мы часто брали ее себе по очереди — за особые успехи на тренировке и чтобы дать друг другу стимул работать еще усерднее. У той конкретной модели «Хонды» было довольно тесно на задних сиденьях, и, вероятно, как раз по этой причине Гэри (он, знаете ли, уже тогда был мудрым и любил комфорт) заменил свою «Прелюдию» на четырехдверный «Аккорд». Однажды на «Клиффе», уже после того как мы на сегодня закончили тренироваться, я зашел на автостоянку, собираясь ехать домой, и вдруг прямо перед носом у меня кто-то уселся в мое авто на место переднего пассажира. Это Дэвид Мэй догнал меня в расчете на то, что я его подброшу, и спросил, можно ли ему перескочить на задние сиденья. Поймите, я только

что получил эту красивую новенькую машинку, и потому ответил «нет». Дэвид по сей день клянется, что на самом деле я сказал жестче: «Даже не думай. Не хочу, чтобы ты царапал и пачкал сапожищами кожу».

Ему потребовалось всего полчаса, чтобы в клубе каждый услышал об этом, а затем мне понадобилось несколько лет, чтобы самому перестать об этом слышать. Не помню, чтобы я говорил эту фразу, но — если быть действительно честным перед самим собой — вполне могу вообразить, что произнес ее. Я проявляю особую заботу о вещах, которые мне нравятся, а в раздевалке футбольного клуба — независимо от того, находится ли она на «Хэкни Маршиз» или на «Олд Траффорде» — у тебя могут из-за этого возникнуть неприятности. Футболисты всегда любят находить друг у друга слабые места, и если им это удается, они уже никогда от вас не отвяжутся и не оставят эту слабину в покое.

В моем характере всегда присутствовала такая черта, которая может показаться любовью к показухе — но только тому, кто не знает меня и моего настойчивого желания обладать вещами, которые мне по душе, а также присущего мне стремления проявлять свою индивидуальность, даже если из-за этого у меня возникают проблемы. Когда мне было приблизительно шесть лет, я помню свадьбу кого-то из наших родственников, куда меня пригласили в качестве мальчика, несущего шлейф невесты. Все мы отправились по магазинам выбирать себе соответствующие костюмы, и я, что называется, запал на один не совсем обычный комплект: темно-бордовые бриджи, белые гольфы до колена, вычурная белая блуза, опять-таки темно-бордовый жилет и пара балетных тапочек. Папа сказал, что я выгляжу в этом наряде глупо. Мама сочла себя обязанной предупредить меня, что собравшиеся гости непременно будут смеяться надо мной. Меня это не волновало. Мне понравился этот набор одежек, и я хотел надеть только его. Но не думайте, что речь шла исключительно о свадьбе — я желал носить его постоянно. Думаю, что я запросто надел бы его и в школу, если бы только родители мне позволили.

Наряду с сильным стремлением обзавестись вещами, которые мне нравятся, я очень внимателен и заботлив к тому, что у меня уже есть. Моя мама расскажет вам, как я, приходя из школы, имел привычку сразу же переодеваться, а играть в футбол я выбегал, только после того как почищу свою грязную одежду и аккуратно сложу ее. Я и сегодня более опрятен, чем почти все, кого я знаю. Когда я впервые пришел в «Юнайтед», другие мальчики моего возраста не были убеждены в правильности моих действий по соблюдению порядка и, возможно, видя их, считали аккуратизм и модничанье некой особенностью моего характера, хотя все равно

им представлялось, что я малость перегибаю палку. Однако правда такова: идет ли речь о свадебном наряде маленького мальчика, о клубном автомобиле, с кожаными сиденьями или же о татуировке либо саронге (индонезийская национальная одежда), до которых мы еще дойдем, — мое поведение не имеет ничего общего со стремлением добиться преимущества, поставить других в невыгодное положение или привлечь к себе особое внимание. Мои друзья и товарищи по команде знают теперь (так же, как моя семья знала всегда), что я обладаю собственными вкусами, и если я в состоянии потворствовать им, то буду это делать независимо оттого, каким образом отреагируют на мои действия другие люди. Я всегда был в этом смысле постоянен и считал так: то, что мне нравится — это неотъемлемая часть того, кем я являюсь.

Все, что происходило вокруг футбола, хотя порой и достаточно далеко от него, только усиливало волнение, которое я испытывал на «Олд Траффорде» на протяжении своего первого сезона в качестве постоянного игрока основы. Я просыпался каждое утро, с трудом веря тому, что продолжало происходить вокруг меня. А потом ехал на тренировку, размышляя о своей жизни и повторяя самому себе: «Я — игрок первой команды. Я занимаюсь своим делом на главном поле «Клиффа». У меня есть мое собственное место на автостоянке, и там белой краской выведены мои инициалы». Когда я еще мальчиком впервые пришел на тренировочное поле, то эти белые линии разметки с инициалами тех игроков «Юнайтед», которых я боготворил, казались мне наглядным воплощением всего, чего я мечтал достигнуть и кем хотел стать. Теперь я сам принадлежал к этому кругу спортсменов, и, пожалуй, кому-то другому было бы на моем месте легко отмести прочь все эти воспоминания и сантименты. Однако люди, работавшие в клубе, и в особенности наш старший тренер, не позволяли, чтобы такое случилось. Они отнюдь не начали внезапно вести себя по-другому со мной и другими молодыми парнями только потому, что где-то на гудроновой площадке написало «ДБ», а я, Гэри и остальные ребята каждую неделю железно попадали в заявочный список.

А еще я каждое утро был взволнован предстоящей возможностью потренироваться вместе с Эриком Кантоной. Мы хорошо начали без него тот памятный сезона 1995/96 годов, но возвращение капитана в клуб и в команду имело большое значение. Не знаю, как поступали другие игроки, но если в раздевалке присутствовал Эрик, я исподтишка наблюдал за ним — следил, что он делал, и в ходе подготовки к матчу пробовал действовать точно так же, как он. Если там находился он, то я,

как мне кажется, едва замечал кого-нибудь или что-нибудь еще. Я всегда был страстным болельщиком, и притом болельщиком «Манчестер Юнайтед». И продолжаю им оставаться. Когда мне в мальчишеские годы впервые представился шанс войти в раздевалку на «Олд Траффорде», я спросил, где обычно сидел Брайан Робсон, чтобы самому посидеть на этом месте. То же самое могу сказать и об Эрике, а потому я никак не мог до конца осознать тот факт, что сижу рядом с ним на установке перед матчем, не говоря уже о том, что ближе к вечеру мы вместе выбегаем на поле.

В том сезоне мы демонстрировали совсем неплохой, а порой и отличный футбол. Я хорошо помню один из вечеров на «Олд Траффорде», когда мы встречались с «Болтоном» и победили 3:0. А могло быть и десять голов. Пол Скоулз забил дважды, Гиггзи добавил третий мяч, и мы несли их по кочкам. Когда команда летала, как на крыльях, обычно ключевую роль в этом играл Эрик Кантона. Однако по-настоящему его значение для клуба проявлялось в трудных играх, когда он вносил действительно весомый, а порой и решающий вклад. После Рождества у нас была целая серия побед с одинаковым счетом 1:1. Болельщикам «Юнайтед» даже не требовалось проверять: этот единственный гол всегда забивал Эрик. Особенно отчетливо помню одну игру против «Куинс Парк» у них на «Лофтус Роуд». Мы действовали кошмарно, и они побеждали 1:0. Меня, правда, заменили, и дело двигалось к концу: уже пошло дополнительное время, и мы, разумеется, рвались только вперед и вперед — увы, безуспешно. Местные болельщики безумствовали, но тут в их штрафную площадку ворвался Эрик и с ходу пробил прямо в «девятку», сравняв счет. Такого рода голы — и такого рода результаты — влияют на облик всего сезона.

Месяц за месяцем мы гнались за «Ньюкасл Юнайтед», который вступил в 1996 год, находясь в таблице на двенадцать очков впереди нас. Мы отправились к ним на «Сент-Джеймс Парк» ранней весной, и Эрик — кто же еще? — забил единственный гол. С этого момента мы поняли, что в состоянии сделать это. Предпоследняя игра того сезона, которую мы проводили дома против команды «Ноттингем Форест», стала той переломной точкой, когда я понял, что мы не просто в состоянии выиграть чемпионат, но и на самом деле сделаем это. Нам удалось расколошматить «Форест» 5:0. Я до сих пор помню те два мяча, которые тогда забил. Эрик пробил с лета, но хотя мяч летел мимо ворот, я смог удачно подставить голову, когда он пролетал около меня. Немного погодя я получил мяч на самой границе штрафной площадки, сразу же развернулся и пробил так неожиданно, что их

вратарь даже не успел сложиться, и мяч проскользнул под ним. В конце турнира мы должны были выиграть нашу заключительную встречу с «Мидлсбро», чтобы иметь абсолютную уверенность в завоевании почетного звания, но буквально все — игроки и болельщики, — собравшиеся в тот вечер на «Олд Траффорде», уже ни капли не сомневались, что мы наверняка будем чемпионами.

А мы все это время только и делали, что продолжали приходить на тренировки, а также готовились к играм, настраивались на них, и ребята находились на взводе, когда нервы натянуты и ты наполовину ожидаешь, что дела могут в любую минуту пойти совсем не так, как надо. А тут еще разные мысли. Я — в первой команде «Юнайтед»? Побеждаю в премьер-лиге? Здесь что-то не так, этого не может быть. Но это было именно так. Более того, дела наши шли все круче и круче. Мы были на пути к победе не только в лиге. На скольких финалах кубка федерации я присутствовал вместе с папой на «Уэмбли», и разве каждый раз мы оба не воображали, как это будет выглядеть, когда в одном из таких матчей на поле выбегу я? И вот теперь, в марте 1996 года, сюда, в Лондон, приехал «Юнайтед», чтобы выступить на «Вилла-Парке» в полуфинальной встрече против «Челси», в составе которой играл Марк Хьюз. Я не знал, представится ли мне когда-либо лучший шанс.

Поверьте, я не мог дождаться этого дня, хотя и обещал себе, что когда он, наконец, придет, я не побоюсь перебежать дорогу Живчику. Сейчас я по-настоящему дружу с Марком. Мы довольно часто видимся с ним, его женой Джилл и их тремя ребятами, которые растут самыми милыми и самыми вежливыми детьми, каких кому-либо из вас доводилось встречать. Я всегда говорил Виктории, что они таковы, какими мне хочется видеть наших детей. Тем не менее, в тот момент я твердо знал, что не имеет значения, насколько хорошо я знаком с Марком, каково мое отношение к нему или до какой степени мы с ним близки за пределами футбольного поля. На его зеленом газоне он — если бы дело дошло до этого — врезал бы мне точно так же, как врезал бы любому другому. Этот блестящий форвард был одним из тех игроков, чей характер диаметрально меняется, когда они выходят играть. Марк Хьюз в любом случае боролся бы за мяч изо всех сил, и боролся бы за него целый день с любым и каждым — вот почему болельщики и товарищи по команде любили его настолько сильно. Я видел игры, где он измывался совсем не над центральным защитником, против которого играл, — он измывался над всей командой противника.

В тот день в счете повел «Челси», когда Рууд Гуллит забил нам ударом головой. Затем Энди Коул сравнял счет. Незадолго до

конца второго тайма один из их защитников, Крэйт Берли, ошибся и не смог перехватить адресованный мне сильный пас. Стив Брюс, который сидел на скамейке, рявкнул во всю глотку: «Давай, Бекс!» Как только мяч оказался передо мной, я постарался укротить его, но он подпрыгнул и отскочил от моей голени немного дальше, чем требовалось. Из-за этого мне пришлось идти на ворота шире, чем хотелось бы. Но вратарь вышел из рамки, надеясь опередить меня — наши взгляды даже успели встретиться на какую-то долю секунды, — и я мимо него под острым углом протолкнул мяч в угол. Поняв, что мячу просто некуда деваться, я побежал праздновать успех — подпрыгивал высоко в воздух, выбрасывал вверх кулак и, клянусь, чувствовал себя в тот момент так, что мне казалось, мог бы взлететь в небо и коснуться крыши над трибуной, а потом провисеть там до тех пор, пока не прозвучит финальный свисток. Помню, когда мы, наконец, доиграли матч, я был просто вне себя оттого, что именно этот гол — мой гол! — оказался тем, который привел нас на «Уэмбли».

Мои родители сидели на трибуне, и когда время истекло, я поискал их глазами, пристально посмотрел на них и почувствовал, как во мне закипают слезы… «Уэмбли» хранил для нас так много воспоминаний, начиная с того первого раза, когда папа взял меня туда с собой. Я до сих пор помню, как однажды в субботу днем, когда мне было лет семь, мы с ним пошли на какой-то международный матч между школьниками, и мне пришлось стоять на своем месте, чтобы иметь возможность хоть что-либо видеть. Папа раз за разом неутомимо заставлял меня сесть. А я так же неутомимо продолжал вставать обратно. В конечном счете, сиденье обиделось на меня, я упал и выбил два передних зуба. Я был в крови, и папа вынужден был отвести меня домой.

Кроме прочего, «Уэмбли» всегда означал еще и финал кубка; мы были там в 1990 году, на той удивительной встрече между «Юнайтед» и «Кристал Паласом», завершившейся вничью 3:3 и имевшей в себе все те элементы драмы, на которые только может надеяться истинный поклонник футбола, когда Иан Райт вышел на замену и почти принес им победу. Помню, я не мог пойти на переигровку, потому что у нас была выпускная школьная вечеринка, но мы и дома сходили с ума от радости, прыгая на диване и танцуя по всей гостиной, когда Ли Мартин забил победный гол. Всякий раз, когда «Юнайтед» добирался до финала, я вывешивал в окне своей спальни флаг с прикрепленной рядом с ним фотографией Брайана Робсона, чтобы каждый мог уже с улицы видеть, за кого я болею. Не знаю, кто первым

высказал эту мысль, но она верна: дети мечтают играть вовсе не в той команде, которая выигрывает звание чемпиона лиги. Мечта каждого школьника — выступить в финале кубка. И пока мы праздновали победу на стадионе «Вилла-Парк», я знал — и мои родители знали, — что эта мечта близка к осуществлению.

До решающего матча на «Уэмбли» было еще шесть недель, и мы проводили игры в премьер-лиге, которые должны были обязательно выигрывать, но где-то в глубине души у меня все время сидела мысль о том, что я должен оставаться здоровым и продолжать играть достаточно хорошо, так, чтобы наверняка попасть в состав команды, которая выйдет на финал против «Ливерпуля». Как потом оказалось, могло случиться и иначе. Стив Брюс рассказал мне позже, что старший тренер думал, причем непосредственно перед финальной встречей, о том, чтобы оставить меня в резерве. «Ливерпуль» играл с тремя центральными полузащитниками, так что шеф вместе со Стивом и тренерским штатом совещались по поводу того, каким образом отреагировать на такое их построение. Предварительно было решено играть с активными крайними защитниками, а это означало бы, что я остаюсь на скамейке. На мое счастье, я в то время ничего не знал обо всех этих тактических тонкостях. Единственное, о чем я должен был думать, — это о победе над «Ливерпулем» и о том, чтобы сделать дубль, то есть выиграть и лигу, и кубок.

Для меня финал кубка федерации всегда выглядел особенным событием. Таким же он был и для клуба, в котором я играл. «Манчестер Юнайтед» выходил но многие финалы и выигрывал больше из них, чем какая-либо другая английская команда. Клуб и наш отец-командир знали, как это делается, и умели держать марку. Мы приехали в Лондон за несколько дней до игры, все одетые в новенькие костюмы, и остановились в прекрасной гостинице с видом на Темзу, неподалеку от Виндзора. Наряду с тренировками там были организованы разные мероприятия вроде стрельбы по глиняным голубям, которые явно не входили в традиционный набор занятий перед ответственной игрой игр у себя дома. Все это преследовало цель настроить нас на предстоящую игру, но одновременно тренерский совет хотел снять внутреннюю напряженность, дать нам возможность немного расслабиться. Насколько помнится, мы, молодые ребята, только и бродили все время по улицам с широкими улыбками на отрешенных лицах. Выступать за «Юнайтед» в финале кубка? Мы щипали себя, чтобы удостовериться: да, это не сон.

Поразительно, до чего же часто день финала кубка бывает солнечным. А в 1996 году нам всем еще до начала игры было по-

настоящему жарко — я даже помню, как меня это удивило. Вспотел я уже во время прогулки близ поля за час или около того перед началом матча. А ливерпульские игроки прогуливались по «Уэмбли» с таким видом, словно это была их собственная гостиная, да еще и вырядились в костюмы от Армани. Впрочем, на некоторых из них были только тренировочные брюки. Майкл Томас снимал все это на видеокамеру. Я искал глазами, где сидят мои мама с папой. Даже в такую минуту я не забывал, что для них этот день значит так же много, как и для меня.

Игра оказалась действительно жесткой и трудной. Да и утомительной тоже: поле было очень «вязким», потому что траву на нем долго не стригли, и она была слишком высокой. Возможно, события развивались бы совсем по-другому, если бы кто-то смог забить ранний гол. Быть может, это сделало бы игру более открытой. Мне представился неплохой шанс в первые пять минут, но Дэвид Джеймс отразил мой удар и выбил мяч на угловой. «Ливерпуль» старался не давать нам играть. Мы в свою очередь старались не давать играть им. И хотя второй тайм уже перевалил за середину, все выглядело так, что ни одной из команд так и не удастся забить.

Я вполне мог не попасть в стартовый состав. И меня чуть не заменили как раз перед тем моментом, который стал решающим для победы в этой игре. Шеф сказал мне позже, что собирался выпустить кого-то вместо меня. Он был недоволен моими угловыми в тот день; для таких плохо нацеленных ударов у него было специальное название: «дерьмовые угловые». Но прежде чем тренеры попросили о моей замене, мы получили право на очередной такой удар. Я побежал подавать, и когда повернулся спиной к зрителям, чтобы раздаться и пробить по мячу, мне каким-то образом пришлось сквозь назойливый шум и рев трибун расслышать голос одного из фанов «Юнайтед»: — Давай, Дэвид! Давай!

На сей раз мне удалось навесить как раз в нужную точку, за метр или два от границы вратарской площадки по направлению к одиннадцатиметровой отметке. Дэвид Джеймс вышел на перехват, но не смог удержать мяч, и когда тот попал к Эрику, стоявшему в метре от линии ливерпульской штрафной площадки, он пробил прямо с лета — мимо Джеймса и в ворота. То мгновение та эмоция были несопоставимыми со всем, что я испытывал когда-либо до этого, — пожалуй, столь же идеальные чувства я переживал лишь позднее, в тот вечер, когда забивались голы, обеспечившие нам победу и завоевание триплета в Барселоне. Волна радости и адреналина просто захлестывает тебя, когда ты видишь, как мяч влетает в сетку. Вся команда за

какую-то долю секунды примчалась к Эрику, и все выглядело так, словно он оторвал образованную нами кучу от земли, поднял и отнес обратно к средней линии поля. Это был венец всего того фантастического сезона, именно тогда мы ощутили настоящий вкус победы. И когда надо было пройти несколько шагов для получения самого кубка, я позаботился о том, чтобы стоять в нашей шеренге непосредственно перед Гэри Невиллом. Эрик держал трофей над головой, рев с трибуны, где расположились поклонники «Юнайтед», еще больше усилился, а я повернулся и посмотрел на Гэри: не в состоянии поверить, что это действительно случилось с нами?»

А потом в раздевалке царил полный хаос. Мы выиграли Кубок Англии и, что еще лучше, обыграли для этого «Ливерпуль». Не помню, пытался ли шеф, или Брайан Кидд, или кто-то из игроков сказать хоть что-нибудь — хотя бы элементарное поздравление или краткое резюме, подводящее итог этого необыкновенного дня. В любом случае никому не удалось бы расслышать ни словечка. Всех охватил восторг и ничего кроме. Ребята опрыскивали друг друга шампанским из бутылок, с воплями ныряя в огромную ванну, почти бассейн, имевшуюся на «Уэмбли», и хохотали при этом, как сумасшедшие.

В тот вечер мы остались в гостинице, перед тем как утром возвратиться на поезде в Манчестер. Для всех был организован большой праздничный ужин — и для победителей, и для побежденных. Клуб позаботился о том, чтобы весь тот уик-энд рядом с нами находились и наши близкие. В частности, с нами были моя тогдашняя подруга, Элен, равно как и мои родители. Благодаря этому торжество стало еще более приятным — если такое было возможно. В начале вечера все жены и подруги поднялись наверх, чтобы переодеться, а футболисты договорились встретиться в баре и чего-нибудь выпить, прежде чем усесться за стол. Помню, как раз перед уходом из номера мой запас адреналина, отведенный для этого дня, вдруг кончился, а мои ноги обмякли и потяжелели. Такой уж выдался денек. Такой сезон. К тому времени, когда я спустился, папа уже был там, причем в центре событий. Он был полностью в своем репертуаре, сидя за столом и непринужденно болтая с Эриком Кантоной и Стивом Брюсом. Вероятно, именно для этого он на протяжении стольких лет так упорно и настойчиво толкал меня в «Манч Юнайтед». И теперь ему хотелось развернуться на всю катушку. Я рассмеялся — настолько я был счастлив. Позже он сказал мне, что Эрик считал меня хорошим игроком и хорошим слушателем.

Каждый раз, когда отец заговаривал со мной в тот вечер, у меня складывалось впечатление, что он все-таки обескуражен и

даже подавлен всем происходящим. А у меня было такое чувство, словно я наконец-то даю ему — и маме — нечто давно ими заслуженное и долгожданное.

За все время, проведенное мною в «Юнайтед», никогда у меня не было ни минутки на то, чтобы остановиться и хотя бы капельку подумать над тем, что уже случилось или только должно произойти. Мы всегда спешили — к следующей игре или к новому сезону. Но по мере того как время шло, я стал понимать, что в моей жизни всегда оставалось место для каких-то других вещей, еще более удивительных и важных, которые ждали меня за углом и обязательно должны были случиться — раньше или позже. После того первого сезона, завершившегося дублем «Юнайтед», я провел замечательное лето. Я был игроком прославленного клуба и испытывал такое ощущение, что и в моих собственных глазах, и в глазах моих родителей, и в глазах болельщиков «Юнайтед» нам действительно удалось кое-чего достичь. Гэри, Фил, Ники, Скоулзи и я сам — все мы получили первые в своей профессиональной карьере медали, которые служили наглядным доказательством этого успеха. В отпуск я поехал на Сардинию и, честно говоря, на несколько недель напрочь забыл о футболе. В моей спальне не было телевизора, так что я даже не видел большинства встреч европейского первенства 1996 года, в чем меня потом все упрекали после возвращения домой. А я только плавал, валялся на солнце и объедался макаронами, знаменитой итальянской пастой, пока она не полезла у меня из ушей. Если есть старший тренер, который беспокоится о том, чтобы его подопечные не отвлекались от настоящего, роясь в прошлом, — это, несомненно, Алекс Фергюсон. Казалось, не прошло вообще нисколько времени, а мы уже вернулись к себе, чтобы снова тренироваться. И внезапно выяснилось, что новый сезон совсем не за горами и вот-вот снова настанет. В 1996 году он начинался для нас на стадионе «Сэлхерст-Парк». Мы играли с «Уимблдоном», и везде в воздухе витала неподдельная атмосфера ожидания — и в подтрибунных помещениях, и вокруг поля, на трибунах, которые были плотно забиты приверженцами «Юнайтед». Перед игрой я в раздевалке влип в нехорошую историю, связанную с моими новыми бутсами. За лето мои спонсоры из «Адидаса» впервые прислали мне несколько пар бутс модели «Предатор» («хищник»), но, к сожалению, эти конкретная пара была сделана для Чарли Миллера, молодого шотландского игрока из «Глазго Рейнджерз». На язычках этой обуви было вышито слово «Чарли». и другие игроки тут же это заметили.

Когда игра началась, у всех возникло такое чувство, словно

мы находимся в той форме, в какой закончи ли выступать в предыдущем мае. Команда на самом деле действовала хорошо, и ее игра нисколько не расклеилась к моменту окончания первого тайма. Эрика Кантону заменили, так что он сидел, наблюдая за встречей со скамейки запасных. Хорди Кройфф попробовал крученым ударом из-за пределов штрафной площадки застать врасплох вратаря «Уимблдона» — Нейла Салливана. И, по словам многих понимающих людей, если бы этот удар попал в створ ворот, Хорди вполне мог бы забить. Спустя несколько минут после этого Брайан Макклэр, только что покинув нашу половину поля, выкатил мяч на ход передо мной. Их вратарь немного вышел из ворот, и я подумал: а почему бы и нет? Надо пробить. Так я и сделал, а потом, помнится, посмотрел вслед мячу, который, как казалось, поначалу летел в точку, расположенную где-то между воротами и угловым флажком. Однако вращение, приданное мячу в момент удара, начало возвращать по направлению к цели, и в этот момент в голове у меня промелькнула мысль. «У этого удара есть шанс».

Мяч висел в воздухе, как мне показалось, целую вечность, но после долгого парения спикировал на ворота, пролетев над Салливаном прямо в сетку. А в следующий момент на меня спикировал Брайан Макклэр стал нещадно душить. Он все время стоял там же, почти рядом со мной, и вместе со всеми, кто находился на поле и вокруг него, просто наблюдал за парением мяча чуть ли не через половину газона.

Потом в раздевалке после игры кто-то сказал мне, что, когда я пробил тот удар, старший тренер прямо запал: он что, думает, будто может теперь позволять себе все? Эрик Кантона подошел ко мне, пока я переодевался, и пожал мою руку:

— Какой гол! — только и сказал он.

Поверьте мне, это было чувство еще лучше того, чем когда я забил его. Со мной хотел поговорить кто-то из программы «Матч дня», но шеф сказал, что не хочет никаких моих бесед с кем бы то ни было, так что я уселся прямиком в наш автобус. Поскольку игра эта проходила в Лондоне, меня ждали мама, папа и Джоан.

У меня дома хранится фотография того гола — мяч, висящий на фоне ясного синего неба.

Я подошел к автобусу, и отец обнял меня: — Не могу поверить, что это ты только что смог проделать такое!

В тот же вечер я говорил по телефону с Элен, которая училась в колледже под Бристолем: — Так это ты забил сегодня гол? Здесь каждый встречный и поперечный только и говорит о нем, восхищаясь, какой потрясающий гол ты закрутил.

Весь уик-энд разные люди подходили ко мне на улице и

говорили примерно то же самое. Тогда я еще не мог знать наперед, но на самом деле именно тот момент стал началом многого: всеобщего внимания, освещения в прессе, известности и даже славы — в общем, всего того, что случилось со мною с тех пор. Тем весенним днем в Лондоне моя ситуация навсегда изменилась — благодаря одному замаху новой бутсой, к тому же еще и чужой. Конечно, те острые ощущения и приятный трепет, которые я испытываю от игры в футбол, равно как и моя любовь к этому виду спорта — эти чувства всегда будут со мной. Но что касается почти всего прочего, то мало найдется таких вещей, которые остались бы с тех пор неизменными — к счастью или к несчастью, к радости или на беду. Когда моя нога коснулась того мяча, этот удар, помимо всего прочего, еще и распахнул дверь, ведущую в дальнейшую мою жизнь. В том матче открытия сезона этот мой удар в конечном счете завершился тем, что мяч, повисев в воздухе, нырнул вниз, в сетку ворот. А вот в жизни Дэвида Бекхэма есть такое ощущение, словно этот мяч все еще там, в высоте. И я продолжаю наблюдать, как он постепенно меняет свою траекторию, паря в идеально чистом и ясном послеполуденном небе, — наблюдать и ожидать, не теряя надежды увидеть, где же и когда он все-таки намерен приземлиться.

5. Та, которая с ножками

«Я в Манчестере, но собираюсь рулить дальше.
Мы можем выбраться».

Моя жена извлекла меня из альбома футбольных афиш. А я выбрал ее из телика.

Принимая во внимание, что я вырос в Чингфорде, а Виктория жила в лондонском районе под названием Гофс-Оук — в пятнадцати минутах езды от меня, — может показаться, что мы странствовали очень долго, прежде чем нашли друг друга. Мы ходили по одним и тем же магазинам, ели в одних и тех же ресторанах, танцевали в одних и тех же клубах, но никогда не сталкивались лицом к лицу в течение целых двадцати с хвостиком лет, так или иначе проведенных нами на северо-востоке Лондона. И когда мы, наконец, встретились, то располагали всем необходимым, чтобы каждый из нас мог запасть на другого. Немедленно у обоих возникло такое чувство, что мы всегда готовились быть вместе. Возможно, все, что происходило с нами до этого момента, было лишь подготовкой к тому реальному событию, которое произошло. Итак на дворе ноябрь 1996 года. Я сижу вечером в спальне отеля в Тбилиси, за день до отборочной встречи с Грузией за выход в чемпионат мира. Гэри Невилл, мой сосед по номеру, лежит на другой кровати и той же комнате. Если не считать самих матчей, заграничные поездки — совершаются ли они с моим клубом или в составе сборной Англии — далеко не самая любимая мною сторона того, что связано с карьерой профессионального футболиста. Что ты при этом видишь? И что делаешь? Ешь, спишь и находишься в поезде или самолете; сидишь в номерах, каждый из которых с виду неотличим от предыдущего. Та гостиница в Грузии, единственная, которая там дотягивала до международных стандартов после развала Советского Союза, была возведена на большой площади, и на каждой ее стороне громоздились балконы, выходящие на обширное открытое пространство. Разумеется, были там еще и просторный вестибюль, бары и ресторан. Двери всех спален смотрели друг на друга, повсюду сверкали сталь и стекло. Больше всего это место казалось похожим на тюрьму. Выглядывая из окна, я мог видеть недостроенное шоссе с двумя раздельными проезжими частями и серую рябь реки, которая лениво текла параллельно этому шоссе куда-то вдаль. Это был отнюдь не тот вид, который заставляет

тебя подумать, что неплохо было бы выйти на неспешную вечернюю прогулку.

Посему мы с Гэри просто болтаем. Телевизор, стоящий в углу, настроен на музыкальный канал. Там крутят новый видеоклип «Спайс Герлз» под названием «Скажи, что будешь там». Девчонки танцуют в пустыне, и на Пош надет этот ее шикарный черный комбинезон типа «кошечка», а выглядит она, как самая Потрясная Женщина, которая когда-либо попадалась мне на глаза. Я, конечно же, видел «Спайс Герлз» раньше, а кто их не видел? — и всякий раз, когда сугубо мужская беседа касалась того, какая из участниц этой группы кому больше нравится, я всегда говорил:

— Пош. Ну, эта, с короткой стрижкой. Та, которая с ножками.

Но в тот вечер, в том вызывающем клаустрофобию гостиничном номере у меня впервые посветлело в голове. Пош Спайс была невероятна, и я просто обязан найти какой-нибудь хитрый способ, чтобы быть с нею.

Но мой прикид Лоуренса Аравийского? Кто готов одолжить мне верблюда?

— Она такая красивая. Газ, я просто обожаю в этой девчонке буквально все. Знаешь, я должен познакомиться с нею, — сказал я.

Гэри, вероятно, подумал, что я немного тронулся умом. Мы уже довольно давно были с ним вместе, но мне пока не приходилось влюбляться по телевизору в поп-звезду. А ведь именно это и происходило сейчас: прямо в тот момент мое сердце нацелилось на Викторию. Я должен быть рядом с нею. Но каким образом это сделать? Я был молодым парнем, делающим карьеру футболиста, которая как раз начинала развиваться очень даже хорошо. А эта красивая сексуальная женщина, с которой я отчаянно жаждал познакомиться, была одной из девушек квинтета «Спайс Герлз».

В то время Виктория и эти ее Спайс-девочки присутствовали повсюду: они фигурировали под номером «один» в рейтингах популярности, летали по всему миру и мелькали на обложке каждого журнала и на первой полосе каждой газеты. Они были самой знаменитой пятеркой на планете. Были поп-звезды и поп-звезды. Но потом пришли «Спайс Герлз» — и точка. А здесь был я, твердо решивший, что — кровь из носа! — должен законтачить с одной из них.

Так что же мне делать? Написать ей?

«Дорогая Пош Спайс. Вы не знаете меня, но у меня очень сильное чувство, что, если бы мы могли каким-либо образом встретиться, то мы наверняка хорошо бы подошли друг другу. Не знаю, как выглядит ваше расписание, но каждую вторую субботу

вы можете найти меня на «Олд Траффорде».

Все слыхали истории о разных знаменитостях высшей марки, которые знают, как устраивать такого рода дела. Я не из таких. И уж точно, я не мог заставить Моих Людей говорить с Ее Людьми. Уверен к тому же, что я был далеко не единственным мужиком в мире, который в данное время запал на «ту, которая с короткой стрижкой». Это может звучать безумием, но я был абсолютно уверен, что мое знакомство с Пош Спайс — из разряда тех событий, которое просто обязано случиться, невзирая на то что я понятия не имел, как или где это произойдет. Я заставил свою сестру Джоан достать мне экземплярчик книжки «Ударные хиты», чтобы я мог, по крайней мере, узнать о Виктории немного больше. Для начала — хотя бы ее фамилию.

Только через месяц или чуть позже мы оказались в Лондоне, чтобы выступить против «Челси», и перед игрой кто-то в раздевалке сказал, что на стадионе «Стамфорд Бридж» присутствуют несколько девчонок из «Спайс Герлз».

Какие именно? И здесь ли Пош? Где они сидят? Так или иначе, я оставил свое волнение при себе. Возможно, это был именно тот шанс, которого я ждал. Тут же я узнал, что на игру пришла как раз Виктория на пару с Мелани Чисхолм. Когда я подходил к салону для отдыха игроков, то натурально молился, чтобы она была там.

В помещении, уставленном удобными креслами и диванами, я встретился с мамой и папой. А чуть подальше, в уголке болтали Виктория и Мелани. Ко мне подошел их менеджер и представился:

— Привет, Дэвид. Я — Саймон Фуллер. Это я приглядываю за «Спайс Герлз». Мне бы хотелось, чтобы ты познакомился с Викторией.

Я отчетливо почувствовал, как у меня на лбу выступают бусинки пота. Внезапно в этом просторном помещении почему-то стало необычайно жарко. Значит, она все же пришла. У меня не было заранее заготовленной речи, так что единственными словами, которые я смог выдавить из себя, было нечто весьма незамысловатое:

— Привет, меня зовут Дэвид.

Виктория казалась совершенно непринужденной. Думаю, что она и Мелани уже успели принять бокал-другой вина. В той игре мне удалось забить неплохой гол с лета, который, как я надеялся, мог произвести на нее впечатление. Эти надежды испарились, когда я узнал, что она не взяла на матч очки и свои контактные линзы. Словом, правда была такова, что Виктория не имела никакого понятия о событиях, происходивших на поле в течение

встречи. Догадываюсь, что, глядя на меня, она даже не представляла, кто я такой и за кого выступаю. За «Манч Юнайтед»? Или за «Челси»? Да и вообще, откуда ей знать, должен ли я играть сегодня? Позже кто-то напомнил ей, что она выбрала из альбома более или менее известных футболистов именно мою фотографию, когда «Герлз» за несколько дней до этого делали групповой снимок, вырядившись в форму разных команд. Ни бум-бум не зная о футболе, она единственная никак не могла решить, в чью же форму ей облачиться. Разглядывание тех фотографий должно было помочь ей определиться, болельщицу какой команды она собиралась из себя изобразить. Так что на данный момент мне от того моего фото никакого прока не было вообще.

— А меня зовут Виктория.

И это было все. Я не мог придумать, что бы еще эдакое сказать. Саймон Фуллер какое-то время громогласно разглагольствовал об игре; не могу сказать, чтобы я запомнил хоть словечко из этого трепа. Она же возвратилась в свой угол, к Мелани. А я вернулся туда, где стояли мои родители. И через всю комнату смотрел оттуда на Викторию. Фактически даже не смотрел, а уставился — не мог оторвать от нее глаз. И потому хорошо видел, что Виктория тоже оглядывается в мою сторону и отвечает мне взглядом. Я должен попробовать взять у нее номер телефона или, по крайней мере, попытаться сказать ей хоть что-нибудь еще. Но я не сделал этого. Она ушла. И я ушел. Это был конец. Я упустил представившийся мне прекрасный шанс. Пришлось вернуться в автобус, и единственное, чем я могу похвалиться, так это тем, что сумел сдержаться и не начал от расстройства и полного разочарования биться головой о спинку переднего сиденья.

В течение следующей недели, как только я чуть-чуть превозмог чувство жалости к самому себе, мне удалось узнать немного больше о девушке моей мечты. Несмотря на упущенную возможность, встреча и шапочное знакомство с ней все же укрепили мою уверенность в возможности более благоприятного исхода. Я увидел сюжет об их группе в тележурнале «90 минут», где «Спайс Герлз» были показаны в футбольной форме, в том числе Виктория — в футболке «Юнайтед», а в тексте говорилось, что ей очень понравилось, как выглядит Дэвид Бекхэм. Я не больно знал, как все эти вещи делаются; возможно, эта цитата, приписанная ей, была просто высосана из пальца, причем не ее. Однако нет, ничего придуманного в этом, похоже, не было. И на следующей нашей домашней встрече она уже присутствовала на «Олд Траффорде».

На сей раз ее приняли по полной программе и на широкую

ногу. Перед матчем Викторию поил, кормил, угощал и ублажал сам Мартин Эдвардс, председатель правления «Юнайтед». В начале каждого тайма она и Мелани выходили на поле, чтобы сделать первый удар по мячу. А теперь, после игры, она царила в помещении для игроков и как раз потягивала второй бокал шампанского. Я вошел и первым делом отправился поприветствовать маму и папу. И поскольку мы с Викторией уже встречались прежде — пусть кратко и нервно, — мне было на сей раз куда легче бросить «привет» и ей. Выглядела она прямо-таки сказочно — в узеньких, как бы армейских брючках и коротком топе цвета хаки, с весьма низким вырезом; а уж фигура — просто невероятная, таких не бывает. Помню, я тогда опасался, как бы она не стала плохо думать обо мне, а также в своем «ручейке»: в верхней части этой ее ложбинки на груди темнело крошечное пикантное пятнышко, похожее на веснушку, на которое я уставился и просто не мог оторвать глаз.

Решение насчет того, что же мне теперь нужно сказать, было далеко не очевидным. Вот оно. Ты та, которую я ждал. Примерно такие слова крутились у меня в голове. Но ты ведь не можешь и впрямь говорить такое девушке, с которой едва обменялся парочкой слов, особенно если учесть, что в пределах слышимости стоят твои родители, не говоря уже о товарищах по команде. Присутствовала там и Джоан, причем она, как мне показалось, гораздо больше преуспела на ниве светской беседы с Викторией, чем я. По крайней мере, моя сестричка хоть немного соображала, какие чувства испытывал ее старший братец. А я сообразил сделать умный шаг и подошел к бару, чтобы подключиться к спиртному, которое все помаленьку пили. В следующее мгновение около меня оказалась Виктория. Пока было непохоже, чтобы мы знали, о чем же нам говорить, какие слова сказать друг другу. Как ты начинала? Что это значит: быть поп-звездой? А каким образом выглядит жизнь человека, зарабатывающего на жизнь футболом? Но в любом случае мы оба знали, что должны и нам очень хочется поговорить друг с другом, и как только мы — наконец-то — начали произносить хоть какие-то фразы, ни один из нас не мог остановиться. Но только спустя некоторое время я осознал, где нахожусь, обвел помещение взглядом и подумал: «Куда это все подевались?»

Впрочем, родители пока еще находились здесь. «О, нет. Только не Спайс-девушка», — вероятно, бормотали они себе под нос. И еще пара-тройка каких-то людей вроде как бы задержались, словно они специально поджидали развития событий, желая своими глазами увидеть, что тут произойдет. Помню, как Виктория намеревалась выйти в дамскую комнату, а я испытал то

не передаваемое ощущение, которое называется «теперь или никогда». Когда она возвратилась, я пробубнил нечто бессвязное — на самом деле это было приглашение на ужин. У меня не было ни малейшего плана. Я даже приблизительно не подумал о том, куда мы могли бы пойти. Это было чисто инстинктивное действие: мне не хотелось, чтобы она уехала. Виктория сказала, что должна вернуться в Лондон, поскольку в понедельник «Спайс Герлз» вылетают на турне по Америке. Но она спросила мой телефонный номер. Сердце у меня замерло, я стал соображать: «Ну, и что из этого? Так ведь ты же запросто можешь забыть, девочка, что он у тебя есть! Или потерять его! Или вообще решишь не звонить!»

— Нет, Виктория. Это я возьму номер у вас.

Она поковырялась в своей сумочке и вытащила оттуда посадочный талон на рейс до Манчестера, которым она прилетела сегодня утром. Записала на нем номер своего мобильника, потом зачеркнула его и дала мне вместо этого номер обычного телефона, который стоял дома у ее родителей. Тот драгоценный маленький кусочек картона все еще хранится у меня. Он показался мне настоящим сокровищем, и мне было ясно тогда, что я никогда не потеряю его. Но как только добрался домой, тут же нацарапал этот долгожданный номер на полудюжине листков бумаги и разложил в разных комнатах — на всякий случай.

Обычно в ночь после игры мне требуется целая вечность, чтобы лечь спать, а главное — заснуть: адреналин все еще продолжает прокачиваться через кровь даже пять или шесть часов спустя. В тот вечер я был еще более взбудоражен тем, что всерьез познакомился с Викторией. Но все-таки я, должно быть, в конечном итоге уснул и спал неплохо, потому что, насколько помнится, проснулся довольно поздно. И где-то приблизительно в одиннадцать утра взял заветный номер и набрал его. Голос на другом конце линии звучал в точности так же, как у нее, но поскольку полной уверенности у меня не было, я решил быть настолько вежливым, насколько мог: — Это Виктория? И очень хорошо, что я не сразу пошел в атаку. Это была ее сестренка, Луиза.

— Нет. Она в спортзале. А это кто? Я попрошу ее перезвонить вам.

Каждому доводилось быть подростком. Влюбленным подростком. Но я уверен, что есть куча людей, похожих в этом смысле на меня, — тех, кто и в двадцать с лишком все еще остаются в данном вопросе малость мелодраматичными: «Стало быть, она пошла позаниматься гимнастикой и на тренажерах? Знаем мы такие штучки; весь этот спортзал всего лишь означает,

что мне дают отставку и не желают со мною разговаривать, не так ли? Подучила сестру подойти к телефону и сказать, что ее нет дома». Я был не в состоянии стоять и повалился на пол, стуча по нему кулаками, — такие вот чувства на меня накатили. Мне было ясно, что мы с Викторией должны быть вместе. Но, возможно, она этого не понимала, и теперь все шло не в ту степь, куда надо. В общем, я просто уселся на кровать и сидел, тупо уставившись на телефон. Сколько? Полчаса? Час? У меня было такое чувство, что не меньше недели. А потом эта штуковина зазвонила. — Дэвид? Это я, Виктория.

Мы продолжили с того места, где остановились в прошлый вечер на «Олд Траффорде». Я испытывал ощущение, что мы оба говорим неизвестно о чем, стараясь найти в себе силы и нервы, дабы сказать именно те слова, которые действительно хотелось произнести. Я уже спрашивал ее однажды об этом в Манчестере, но теперь снова вернулся к тому же вопросу:

— А что вы делаете сегодня попозже?

— Ничего.

— Я сейчас в Манчестере, но сей момент выезжаю к вам. Мы могли бы куда-нибудь пойти.

Пять часов спустя я был на мойке в Чингфорде. Первоочередное надо, как известно, делать в первую очередь: машина должна выглядеть наилучшим образом. Мне не дано было знать, произведет ли на Викторию впечатление мой новый синенький BMW M3 с откидным верхом, но я не имел права упускать ни малейшего шанса. Я вычистил свой кабриолет до блеска, потом пропылесосил, так что к тому времени, когда мне удалось добраться до мамы, сам я смотрелся хуже и грязнее, чем выглядел мой автомобиль после достаточно дальней дороги. Мама знала, что я на «Олд Траффорде» выцыганил у Виктории номер ее телефона, и, думаю, она сразу сообразила, куда ветер дует, едва только я появился на пороге. Она не испытывала особо теплых чувств ко всем этим «Спайс Герлз», но слишком хорошо знала меня, чтобы пытаться отговорить от задуманного. Вообще-то я человек такой же мягкий, как и она, но уж если моя душа чего-то пожелает всерьез, то я становлюсь ничуть не менее упрямым, чем отец.

— Хорошо, Дэвид. Это тебе решать, — сказала она. Мама знала с самого начала, что у нее нет и не будет никаких шансов повлиять на мои намерения. Мне понадобилась абсолютно чистая, ненадеванная одежда: белая футболка, бежевая куртка, кроссовки фирмы «Тимберленд» и джинсы от Версаче. Все это выглядело так, словно я подбираю себе костюм на самое важное мероприятие, какое только можно представить. Я позвонил своей

звездочке, и мы договорились встретиться на автобусной остановке около «Замка» — страшно шикарного клевого местечка в Вудфорде, которое мы оба знали. Позже выяснилось, что не очень давно мы оба были в этом пабе, причем точно в одно и то же время, но как-то не осознавали этого и не заметили друг друга.

Она подкатила на своей изящной машинке, MG пурпурно-фиолетового цвета, и я перешел к ней, усевшись на место пассажира. И страшно занервничал: — Что я должен сделать? Поцеловать ее в щеку? Пожать руку?» С небольшой, но хорошо слышной дрожью в голосе я пробурчал — Все в порядке?

— Машину я себе выбрала. Выбрала и то, чем воспользоваться из моего гардероба. Но не могу сказать, чтобы я выбрала план на сегодняшний вечер. — И продолжила:

— А куда бы вам хотелось пойти? Тут Виктория улыбнулась.

— Гм. А куда бы хотели пойти вы? — спросил я. Так мы и выехали на дорогу. Ни один из нас не имел ни малейшего понятия, куда мы направляемся, зато оба были уверены, что хотим пойти туда вместе. Я знал, что ее менеджер Саймон всерьез нервничал из-за своих Девочек и их мальчиков. В те дни любое событие, происходившее в Спайс-мире, сразу же попадало на страницы всех газет — пожалуй, даже раньше, чем оно случалось. Если говорить честно, мне тем более ничуть не хотелось делить ее с кем-то другим особенно с репортерами. Так что мы ездили по всяким закоулкам, пытаясь отыскать какое-нибудь достаточно уединенное и приватное местечко.

Другая причина нашего желания быть подальше от исхоженных троп состояла в том, что у нее имелся бойфренд по имени Стюарт, с которым она еще продолжала тогда встречаться. В то время он во Франции вместе с ее отцом катался на лыжах. Виктория была со мной откровенна на сей счет. Надо сказать, подобно мне, она старается в любом вопросе быть с людьми до конца честной. Мы только что познакомились, и она не хотела с самого начала запятнать наши отношения и компостировать мне — или кому-либо другому — мозги. В этом плане у нас с ней был только один трудный момент, и он случился как раз в тот вечер: Стюарт позвонил Виктории по мобильнику именно в то время когда мы вместе кружили на авто там и сям в поисках подходящего места. Я, как известно, был в тот период одиночкой, но успел рассказать Виктории буквально все о сколько-нибудь важных девушках в моем прошлом: о Дине, с которой я встречался в течение трех лет, когда впервые приехал в Манчестер, и которая многое значила для меня как подростка, в первый раз оказавшегося вне дома. И об Элен — с ней мы

дружили позже на протяжении восемнадцати месяцев, и она исчезла из моей жизни, когда окружающие начали поговаривать про того молодого парня из Лондона, что делает себе хорошее имя в «Юнайтед».

Виктория тоже много чего рассказала мне — на счет Стюарта и еще нескольких ребят, и все это происходило, пока мы ездили по северо-восточному Лондону от одного переполненного ресторанчика до другого, ничуть не менее забитого. Когда ты встречаешь Ее или Его, тут есть о чем потолковать и что выяснить. В тот вечер мы положили хорошее начало такого рода разговорам, а примерно через час или около того в голову мне пришла одна идея, тоже вроде бы хорошая: — Я знаю один маленький китайский шалман. Это был ресторан в Чингфорде, который я посещал еще с родителями. Ничего особенного, но у него имеюсь одно большое достоинство, позволявшее рекомендовать его Виктории, особенно сейчас: всякий раз, когда я там появлялся, в нем никогда не было ни души, кроме нашей компании. Я дал Виктории ценные указания, и вскоре мы оказались на месте. Просто идеально: здесь действительно было абсолютно пусто. Мы сели, я сделал сильный заказ:

— Скажите, пожалуйста, мы могли бы заполучить по бутылочке «Коки» и «Диет-Коки»?

Дама, которая командовала ресторанчиком, посмотрела на нас. Ох, уж эти мне великие транжиры. Она даже приблизительно не представляла, кто мы такие. Я мог понять, почему она не узнала меня, но Викторию? Она была немного не от мира сего, эта китаянка:

— Здесь нельзя получить напиток, если не заказать какую-нибудь еду.

Я сказал, что нам нужен только самый обычный прохладительный напиток. Ничего такого у нее не было:

— Знаете ли, это не простой ресторан, а эксклюзивный.

Похоже, нас выгоняли отсюда. Я предложил заплатить за полный ужин, если только мы сможем получить свои напитки, но, как оказалась, и для этого было уже слишком поздно, так что нежданно-негаданно мы в одиннадцать часов вечера, почти ночью, снова оказались не у дел, на улице. Теперь настала очередь Виктории высказать хорошую идею:

— Мы можем пойти домой к очень близкому мне человеку.

Мне повезло: этим близким человеком оказалась Мелани Чисхолм. Во что же я смог вляпаться всего за один вечер? Я пошел прогуляться с одной Спайс-девушкой, нас с ней выставили из ресторанчика, а теперь мы шли в дом к другой. Сколько еще сюрпризов может ожидать нервничающего парня на первой

стрелке?

Когда мы явились, Мелани была в пижаме и явно встала с постели, чтобы открыть дверь. В тот момент, когда мы вошли, сердце у меня упало. Прямо на следующей двери красовался здоровенный плакат с эмблемой футбольного клуба «Ливерпуль». Вот к этому я уж точно не готов.

Я сел, а Виктория вместе с Мелани выскочили куда-то и пропали без вести минимум на десять минут. Думаю, они шушукались на кухне, оставив тем временем меня куковать на диване в гостиной, как последнего лопуха. К тому времени, когда они возвратились, я снова довел себя до полного транса. Все это выглядело так, словно ты попал в какой-нибудь чопорный дом на худший вариант неудавшегося званого чаепития. Виктория, мне думается, тоже нервничала. Мы с ней сидели на двух противоположных концах дивана, как будто нас не представили друг другу положенным образом. Девицы напропалую болтали. А я сидел и слушал. Не уверен, что произнес хоть словечко за все то время, которое мы там провели.

Час или два спустя мы вернулись в машину Виктории и продолжили наш тур по злачным изюминкам ночного Лондона. Помнится, в какой-то момент она провезла меня мимо дома своих родителей — возможно, только затем, чтобы я знал, где ее найти. В конечном итоге мы рано утром вернулись обратно к «Замку». Кроме всего прочего, «Спайс Герлз» на следующий день улетали в Штаты, так что нам пришлось попрощаться. Я вернулся к своему автомобилю и помахал Виктории рукой. Она обещала позвонить, как только доберется до Нью-Йорка. Нельзя было назвать нашу встречу самым романтичным из всех первых свиданий, но я оставался с таким чувством, что лучше не бывает и быть не может. Я знал, что единственное, в чем мы действительно нуждаемся, — это встречаться вновь к вновь. Любовь с первого взгляда? Нет, у нас она случилась гораздо быстрее, чем в этой банальной фразе.

Так же происходило и со всем остальным. В тот сезон 1996/97 годов «Юнайтед» снова выиграл чемпионат английской лиги и ближе, чем когда-либо прежде, подошел к тому, что, на мой взгляд, стало подлинной амбициозной мечтой нашего отца-командира: к тому, чтобы еще раз завоевать для нашего клуба Кубок европейских чемпионов. Мы, похоже, как бы заново стали учиться футболу, получив возможность схватиться в игре с лучшими командами Европы. Было несколько таких высококлассных дружин, с которыми «Юнайтед» играл за последний десяток лет не раз и не два — многократно. В частности, я имею в виду «Барселону», «Ювентус» и «Баварию» из

Мюнхена. Получалось почти так, словно мы должны встретиться с этими командами в лиге чемпионов только для того, чтобы на деле узнать, какого прогресса добился за последние годы наш клуб на европейской сцене.

Хорошо помню, как осенью 1996 года мы дважды легли во встречах с «Юве», проиграв 1:0 и дома, и на выезде. И сколь бы много мы ни владели мячом, у нас все равно не получалось обыграть их. Правда, мы, невзирая на это, все равно вышли из своей отборочной группы на первой стадии турнира, и на какое-то время у нас возникло такое чувство, словно мы находимся на верном пути. Потом был один потрясающий вечер на «Олд Траффорде», когда мы в четвертьфинале разгромили «Порто» со счетом 4:0. Именно тогда, на мой взгляд, специалисты и рядовые болельщики начали серьезно воспринимать «Юнайтед» как команду, которая в состоянии выиграть это важнейшее состязание. И действительно, в том году мы вышли на полуфинальные матчи против дортмундской «Боруссии» с верой в то, что у нас имеется реальный шанс. Вместо этого они просто размазали нас: как и большинство немецких команд, дортмундцы были очень хорошо организованы и точно знали, что и зачем делают. А уж оборонялись они действительно супер. Я помню их левого защитника, Иорга Хайнриха, против которого мне в тех двух встречах было играть труднее, чем против любого футболиста до сих пор. После того как в первом матче, состоявшемся в Дортмунде, они обыграли нас всего 1:0, мы оценивали свои шансы в ответной игре у себя дома высоко и, как оказалось, слишком самонадеянно: они повторили тот же самый счет и на «Олд Траффорде», а затем продолжили успешную серию, победив в финале и «Ювентус».

Те игры против «Боруссии» были по-настоящему убийственными, но если исключить их, события развивались для меня в том сезоне настолько успешно, что лучше трудно и придумать. Я носил футболку с номером 10, выходил почти на каждую игру и забивал такие голы, к которым привык, выступая за «Риджуэй Роверз», — например тот, когда на «Сэлхерст-Парке» во встрече против «Уимблдона» я послал мяч в ворота противника, едва успев пересечь центральную линию поля, или удар с лета по воротам «Челси» в матче на стадионе «Стамфорд Бридж», состоявшемся как раз в тот день, когда я в первый раз встретился с Викторией. В довершение всего федерация футбола в результате голосования назвала меня лучшим молодым игроком года. Когда противники, против которых ты каждою неделю выходишь в матчах премьер-лиги, оказывают тебе такую честь и признают твои достижения, у тебя просто не может не

возникнуть такого чувства, что хотя бы какие-то вещи ты делаешь правильно.

И, кроме всего, это было просто замечательно — играть в форме «Юнайтед». С нами работал лучший старший тренер в стране, да и его ассистент тоже порождал у нас такое чувство, что в его лице мы имеем и самого лучшего тренера номер два. Я знаю, что наш отец-командир не совсем лестно высказывался в адрес Брайана Кидда, после того как тот покинул «Олд Траффорд», чтобы занять пост старшего тренера в команде «Блэкберн Роверз», но все равно считаю, что под его началом они там создали прекрасную команду. Киддо являет собой образчик фантастического тренера — сомневающиеся могут просто спросить любого, кто когда-либо общался с ним, — и я считаю, что он, особенно В «Юнайтед», сделал очень много для налаживания взаимопонимания между шефом и игроками. В раздевалке каждый рассматривал Брайана как «одного из нас». И после тренировки, и после игры никто из администрации не должен был, как говорится, «по службе» наблюдать за тем, что говорили или что делали ребята. Киддо просто шутил и смеялся в одном кругу с остальными парнями и вместе с ними.

Знал он и то, когда следует быть серьезным. На тренировках мы работали далеко не в шутку, а действительно до седьмого пота, но, имея дело с Киддо, ты никогда не замечал этого, поскольку он заботился о том, чтобы каждое занятие было непохожим на остальные: то не давал нам скучать, а новые упражнения позволяли игрокам сохранять психологическую свежесть. Скоулзи, Ники Батт и оба Невилла знали Брайана дольше, чем я: он работал в «Юнайтед» уже очень давно. Думаю, что и в этом заключается отчасти причина того, почему ему удавалось поддерживать в клубе такие хорошие отношения между людьми. Насколько мне известно, я — отнюдь не единственный, кто должен благодарить Киддо за то, что в какой-то момент пребывания на «Олд Траффорде» тот смог смягчить и разрядить конфронтацию с нашим уважаемым отцом-командиром. И хотя Кидд никогда не шел против старшего тренера и уж тем более не пробовал тем или иным способом подорвать доверие к шефу, я всегда испытывал такое чувство, словно он присматривает за нами, игроками, и отстаивает нас перед ним. И благодаря этому раздевалка ощущала себя действительно счастливой.

Кроме того, наша раздевалка была еще и вполне преуспевающей. Мы испытали разочарование после относительной неудачи на европейском уровне, но завоевание в мае 1997 года звания чемпиона премьер-лиги, причем второй сезон подряд, уже само по себе было большим достижением. На

финише мы оторвались от преследователей на семь очков — немало, особенно если учесть, что в этой гонке принимала участие отнюдь не одна или две лошади. «Ливерпуль», «Ньюкасл» и «Арсенал» — все они, хоть и в разное время на протяжении сезона, предпринимали попытки обскакать нас. Но в итоге мы выиграли первенство с большим запасом и за несколько недель до его окончания, хотя и чувствовали себя немного странно, став чемпионами досрочно благодаря поражению другой команды. В понедельник вечером мы на «Олд Траффорде» сыграли вничью 3:3 с «Мидлсбро». И хоть мы тогда не блеснули, невозможно забыть встречу, где ворота смог поразить Гэри Невилл, номинально выступающий в защите. На следующий день, во вторник, «Ливерпуль» — единственная команда, которая могла нас обойти в борьбе за почетное звание, — проводил на стадионе «Сэлхерст-Парк» матч, передававшийся по телевидению. Мы с Гэри специально отправились в гости к Бену Торнли, чтобы вместе понаблюдать за игрой. Я и в лучшие времена — не любитель смотреть футбол по телевизору, а уж тут, при такой высокой ставке, заведомо был не в состоянии выдержать напряжение. Дело кончилось тем, что мы с Гэри вышли прогуляться и пропустили весь второй тайм.

К моменту нашего возвращения игра завершилась, и «Уимблдон» победил, а это означало, что мы уже чемпионы. Обычно в конце того матча, в котором команда выигрывает почетный трофей, можно высвободить часть адреналина — сначала на поле, а потом и в раздевалке. Но в тот вечер мы не находились ни тут, ни там, а сидели в гостиной у Бена Торнли. И мы тогда нарушили железный закон «комендантского часа», действовавший в клубе, — но это был первый и единственный раз, когда я позволил себе такое. В ближайший четверг нам предстояла игра против приезжающего к нам «Ньюкасла», а посему так поздно, фактически в начале ночи, мы уже должны были обретаться дома. Как правило, я не пью и тем более не являюсь завсегдатаем ночных клубов. Но тот вечер выдался особенным. Мы ведь выиграли премьер-лигу, не так ли? Это был не тот случай, да и чувства нас обуревали не те, чтобы сидеть в закрытом помещении, так что мы втроем вышли в город и отправились прошвырнуться по Манчестеру, а заодно попили пива — может, на кружку или две больше, чем следовало. Уверен, что отец-командир узнал об этом (он вообще знает все про всех), но мы избежали неприятностей. И вреда тоже никакого не причинили — ни себе, ни клубу, — потому как два вечера спустя без особой мороки свели матч против «Ньюкасла» вничью.

Думается, что если в тот сезон кто-то действительно стал

настоящим победителем и сорвал крупный куш, так это была в первую очередь компания, обслуживавшая мой мобильный телефон. Я знал с первой же минуты, что просто чокнулся на Виктории. Как оказалось, большую часть времени, когда мы оказывались с ней врозь, я думал лишь о том, каким образом и когда я смогу быть рядом с нею. Но едва только мы встречались, как ей снова надо было в составе «Спайс Герлз» мчать на реактивном лайнере в Америку. В результате мы час за часом вели нескончаемые разговоры по мобильнику, а счета за них росли, что называется, не по дням, а по часам — но никак не по минутам! — и становились все страшней и страшней. Но на самом деле это было самое лучшее вложение денег, какое я когда-либо делал. Те несколько раз, когда мы оказывались вместе, я настолько нервничал, что у меня перехватывало дыхание. Странно, как менялась ситуации при общении по телефону. Рассказывать этой потрясающей женщине буквально все о своей жизни — в том числе и о своих чувствах, — а потом слушать, как она делает то же самое, казалось мне самой естественной вещью в мире. К тому времени, когда Виктория более или менее окончательно вернулась в Англию, у нас было такое чувство, словно мы давно и глубоко знаем друг друга. И мы начали также понимать, как много каждый из нас значит для другого. И какие бы деньги ни заработала на этих разговорах телефонная компания, для нас такая сделка была еще более выгодной.

Цветочницы тоже не терпели из-за меня больших убытков. Я посылал цветы в каждую гостиницу, где устраивалась Виктория, а вдобавок к этому почти каждый день заказывал для нее одну-единственную алую розу. Я не мог дождаться, когда же она приедет домой. Возможно, многим людям кажется, будто наша совместная жизнь должна быть сплошной чередой шикарных вечеринок, приемов и тому подобного, где кругом — сплошные звезды, роскошь, возможности тусоваться и делать пикантные фото. Нет ничего более далекого от истины. Единственным, что действительно имело для нас значение, была возможность выкроить время, чтобы провести его вместе. Наше первое свидание — это бестолковая езда по всему городу плюс китайский ресторанчик, откуда нас вышвырнули, да диван у ее подруги, где мы сидели врозь. Наш второй вечер оказался почти столь же маловыразительным, как и первый. Мы договорились встретиться в другом месте, которое представляло собой гибрид автостоянки и паба — вот какими стильными мы были — и называлось «У городской черты». Странная вещь приключилась по дороге туда. Я ехал один и тормознул на бензозаправке. чтобы купить упаковку жевательной резинки, И когда я выходил оттуда,

то увидел, что подкатила Виктория, выпорхнула из машины и проделала то же самое. Что это — обоюдная тяга к свежему дыханию или средство как-то успокоить нервы? Вероятно, и то, и другое. Я первым очутился «У городской черты» и припарковал свою BMW.

Когда подъехала Виктория, я выскочил из своей машины, перешел в ее MG и устроился рядом. Насколько мне помнится, там был большой — для такого компактного автомобиля — промежуток между местами водителя и переднего пассажира. Мы так никуда и не пошли. Просто сидели и говорили. И поцеловались, в первый раз. У меня на пальце был порез, полученный на тренировке. Виктория потянулась через меня в перчаточный ящик и вытащила оттуда веточку растения, которое называют алоэ или столетником:

— Это исцелит тебя. Она слегка натерла им порез и затем протянула мне. Я, должно быть, упомянул ей по телефону о своей микротравме, и вот она принесла с собой веточку в качестве лекарства. Помню, как через неделю или две, глянув в мой холодильник, Виктория увидела этот кусочек алоэ, лежавший в целлофановом мешочке на полке и уже начинавший разлагаться. К тому времени его волшебные свойства уже сделали свое дело. А вот в конце того вечера, проведенного нами на автостоянке «У городской черты», я чувствовал себя так, словно мечтания, одолевавшие меня, по крайней мере, уже несколько лет, начали сбываться.

А на следующий день я буквально сошел с ума и послал Виктории в дом ее мамы много роз и сумочку с лейблом Prada. Удивительное дело, до чего много можно найти в универмаге, у входа в который красуется вывеска «Симпатии и антипатии». Я до сих пор стараюсь почаще посылать ей подарки в этом духе, для меня это совершенно естественно. Если ты любишь кого-то, то хочешь отнестись к этому человеку особенным образом, удивить его, напомнить о своих чувствах — независимо от того, найдет ли это свое выражение в уик-энде, проведенном где-нибудь неожиданно далеко, или в утреннем подносе с фруктами, где они выложены в форме сердца. Я знаю, что Виктория благодаря этому считает меня личностью романтической. Некоторые, читая об этом, могут назвать меня слишком мягким, даже размазней. Но это — я. У меня становится тепло на душе, когда я вижу теперь Бруклина вместе с его младшим братиком или с другими детьми в школе: он проявляет о них заботу, в нем есть благородство и даже нежность, а также стремление, чтобы другим было хорошо. Думаю, что эту сторону своего характера он унаследовал от меня, а я — от мамы. Отчасти то, каким человек вырастает,

определяется тем, что он видит вокруг себя и чему его учат. Но, разумеется, есть и другие вещи, более глубокие, которые уже заложены в вас, и вам остается лишь одно: позволить им выйти наружу, а потом передать их дальше.

Когда мы с Викторией встретились в следующий раз, то решили, что за руль сяду я. Не скажу, впрочем, что у нас была какая-нибудь свежая идея насчет того, куда бы отправиться. Мама Виктории и ее брат, Кристиан, высадили ее в нашем любимом местечке для не слишком явных рандеву, на автостоянке «У городской черты». Когда она выходила из BMW своей мамы, Кристиан наклонился и прошептал ей:

— Хорошо хоть, что у него приличная машина. Я прочитал где-то, что Виктории нравится марка «Астон Мартинз», так что сумел раздобыть «на пробу» абсолютно новую модель DB7 серебристого цвета прямо из демонстрационного зала, сказав дилеру, что подумываю о ее покупке. Конечно, если бы это было сколько-нибудь важно для Виктории, я бы так и поступил. После минуты, посвященной нашему уже традиционному обмену фразами типа «Понятия не имею, куда ты хочешь пойти», мы остановились на поездке в южную часть города: ведь в бытность мою ребенком я вместе с мамой, папой, Линн и Джоан часто ездил туда на побережье. Кто заботился тогда о состоянии пляжа или моря? И кого это волновало? Мы всегда плескались где придется и наслаждались каждой минутой такого развлечения. Но теперь, когда мы объезжали город по северной кольцевой трассе, я внезапно понял, что в этом потрясном новом автомобиле имелось все, кроме карты. Хуже того, я совершенно не мог припомнить дорогу: привозил нас туда всегда папа, он сидел за рулем, а я, вероятно, торчал на заднем сидении и был слишком занят, валяя дурака вместе с Джоан, чтобы обратить хоть каплю внимания на то, куда мы движемся.

Но я же не мог сказать Виктории, что заблудился, еще до того как мы покинули Лондон, верно? Поэтому я просто ехал и ехал, пока мы не добрались прямиком в Кембридж, как оказалось впоследствии. Там мы остановились и съели пиццу в ресторане в самом центре города, не обращая ни малейшего внимания на то, что кое-кто из посетителей оборачивается в нашу сторону, а потом не ленится бросить на нас второй и третий взгляд. У меня было такое чувство, словно это заведение предназначено только нам двоим, мне и Виктории. Потом мы двинулись обратно в Лондон, и я, понятное дело, доставил свою девушку домой, к ее родителям. Не слишком рано, но и не слишком поздно. Да и вообще, наше свидание выглядело вполне благопристойным и традиционным: поздний обед, почти ужин на двоих, даже

невзирая на тот факт, что мы съели его приблизительно в семидесяти милях к северу от того места, куда планировали отправиться.

Следующий наш выход в люди тоже оказался очень милым: на последнем ряду в кинотеатре где-то в Челси. Мы смотрели Тома Круза в ленте «Джерри Магуайр», но единственным персонажем, интересовавшим меня в тот вечер, была та, чью руку я держал. Знаменательным событием того же вечера было наше последующее возвращение в дом родителей Виктории, где мне предстояло впервые встретиться с Тони и Джекки. Мы вошли, и я был страшно смущен. Помню, что сразу сел на диван — большое коричневое сооружение, обитое кожей. А поскольку этот ценный материал был для красоты собран и как бы сколот такими маленькими пуговками, то я волновался насчет того, как бы мне не наделать слишком много шума, если я стану елозить по нему, стараясь усесться поудобнее.

Тут вошла мама Виктории и сама представилась. Когда в первый раз встречаешься с Джекки, она может показаться немного вспыльчивой и колкой. Во всяком случае, именно такое чувство я испытывал в тот вечер.

Вероятно, подобное ощущение во многом порождалось мной самим, поскольку мне было не слишком уютно в роли нового бойфренда ее дочери, отчего у меня усиливалось впечатление, что мать моей девушки немного резковата со мной, — даже в том случае, когда она и не думала обижать меня:

— Так вы, стало быть, футболист, не так ли?

Родители Виктории совершенно не интересовались этим спортом, но они жили в Гофс-Оук — лондонском районе, где проживало много футболистов, а это означало, что они наверняка знали кое-кого из более старших игроков, разумеется, неофициально, в порядке дружеского общения. После вбрасывания, произведенного Джекки, пришла очередь Тони:

— А в какой команде вы играете?

Чем бы они ни руководствовались, не думаю, чтобы им была по вкусу мысль о встречах их дочери с футболистом. Возможно, на первых порах ко мне прилипла чья-либо чужая репутация — по крайней мере, до того момента, когда мы встретились и они смогли судить обо мне самостоятельно. Не знаю, считали ли они всех футболистов парнями шумными, крикливыми и дерзкими, но я просто сидел себе на их диване и слишком нервничал, чтобы выдавить из себя нечто большее, чем несколько слов. Худо-бедно, но они все же не стали с ходу вышибать меня из дома по-футбольному, пинком, а спустя некоторое время пожелали доброй ночи и исчезли у себя наверху. На все сто уверен вот в

чем: каждая мама и особенно каждый папа испытывают чувство, что нет на свете такого бойфренда, который был бы достаточно хорош для их маленькой девочки. Именно это соображение, а также факт моей принадлежности к числу профессиональных футболистов, пожалуй, и стали, по крайней мере отчасти, причиной того, что поначалу Тони и Джекки отнеслись ко мне с опаской. Тем не менее, они не хотели терять Викторию, а это означало, что у них должно возникнуть желание лучше узнать меня. И я доволен, что они действительно испытывали такое желание. Когда ты женишься на девушке, то становишься в том числе и частью ее семьи. Однако какими бы холодными, даже замороженными они ни показались мне в тот первый вечер, с тех пор Тони и Джекки относятся ко мне самым доброжелательным и радушным образом.

Как мне кажется, мы с Викторией настолько лучились счастьем, найдя друг друга, что без всякой опаски были готовы рассказывать об этом каждому встречному. Так уж оно бывает с теми, кто влюблен: они хотят, чтобы весь остальной мир знал об их чувстве. Но наши отношения являлись сплошной тайной, причем большой. Этого хотел Саймон Фуллер, и, на мой взгляд, Виктория понимала, почему — по крайней мере, вначале. А кто я был такой, чтобы спорить? Честно говоря, все эти увертки и нырки на глубину, секретничанье и стремление быть вне поля зрения оказались сами по себе еще и прекрасным развлечением. Помню случай, когда Виктория приехала в Манчестер на концерт «Спайс Герлз». «Юнайтед» в тот же вечер проводил прием, где отмечал победу в премьер-лиге и завоевание чемпионского звания. Виктория приехала накануне и пришла ко мне в Уорсли, чтобы побыть вместе в моем доме. Мы договорились, что на следующий день я, после того как все мои функции в клубе подойдут к концу, попробую смыться и попасть в отель, где она остановилась. Ведь сама Виктория вечно торчала среди своих Спайс-девочек. Она просто не могла после их совместного концерта взять и исчезнуть неизвестно куда, а точнее, в северный Манчестер.

Я покинул нашу клубную вечеринку где-то около часа ночи, так что было уже поздно. Виктория устроилась в отеле «Мидленд», поэтому я взял такси и поехал через весь город, а по дороге позвонил ей, чтобы дать знать о своем приезде. На себя я надел длинный макинтош, вероятно, напоминая с виду персонаж из детективного фильма, и, прижимаясь к стене, прокрался в отель по задней лестнице и дошел на цыпочках до номера моей дорогой примы. Виктория, которая уже почти спала, открыла мне дверь, а затем я до середины ночи не давал ей заснуть своими

разговорами. На следующее утро в какой-то момент, но наверняка очень рано, кто-то постучал в дверь. Я поспешил в ванную, чтобы спрятаться: как вы понимаете, я и этого шага тоже не придумывал, поскольку видел его во множестве кинофильмов. Выбирался я из «Мидленда» тем же способом, которым проник туда, предварительно вызвав такси, чтобы оно отвезло меня обратно в Уорсли. Только по дороге я понял, что единственными деньгами, имевшимися при мне, были несколько скомканных мелких купюр да мелочь, позвякивавшая в кармане. Пришлось пристально следить за счетчиком и выйти примерно за ярдов за 200 от своей входной двери, ибо моей наличности хватало именно на столько.

Раньше я никогда и ни к кому не питал подобных чувств. Едва встретив Викторию, я уже знал, что хочу жениться на ней, иметь с нею детей и всегда быть вместе. А сказать ей об этом я смог на самом первом нашем свидании, когда мы кружили неведомо где в ее MG. Я спешил как можно скорее сообщить ей про свои чувства. После того как мы встретились в первый раз, Виктория и я провели много времени врозь: она была длительном американском турне, а для меня это был разгар ошеломляющего сезона в составе «Юнайтед». Мы привыкали друг к другу, узнавали друг о друге и учились доверять друг другу в процессе тех порою четырехчасовых телефонных бесед, о которых уже шла речь. Я — не самый лучший говорун в мире, по крайней мере, до тех пор, пока не смогу узнать кого-то по-настоящему хорошо. Возможно, для нас пребывание на разных концах планеты являлось в те первые дни нашего знакомства далеко не худшим вариантом. Зато когда мы получили возможность быть вместе, то стали близкими людьми очень быстро. Однако при всей моей застенчивости и склонности иногда испытывать в компании некоторую степень смущения, когда дело доходило до разговора с Викторией, я чувствовал, что не в состоянии сдержаться, даже если бы мне того захотелось, и без всяких затруднений произносил именно то, что считал нужным. Никогда не забуду, как однажды вечером мы лежали с ней рядышком в доме ее родителей. Поверьте, это была самая простая и самая прекрасная беседа, какую только способны вести между собой два человека:

— Знаешь, я люблю тебя, Виктория.

— Знаешь, я тебя тоже люблю. Необходимость держать все это при себе наверняка не была моим выбором или моим решением, но я уважал обстоятельства, вынуждавшие Викторию смотреть на нашу ситуацию именно таким образом. Я вступил в Спайс-мир и понял, как важно для самих Спайс-девушек и для команды их менеджеров чувствовать, как они держат все под

контролем. Я ни с кем не говорил о том, что происходит между нами. Мои родители знали, что у нас складываются какие-то отношения, но если говорить про «Юнайтед», я вовсе не собирался быть тем парнем, который однажды утром входит в раздевалку и начинает хвастать направо и налево, что ходит с поп-звездой. Это было не мое. Помню, как-то в понедельник я явился на тренировку после прекрасного уик-энда, проведенного с Викторией, и Бен Торнли спросил у меня, почему я в таком хорошем настроении.

— Я встречался с одной замечательной девушкой, — сказал я.

— С кем?

— Ну, просто с одной замечательной девушкой, которая живет в Лондоне.

Но все равно поползли самые разные слухи. Полагаю, это должно было случиться в любом случае.

И слухи стали с тех пор почти неотъемлемой частью того, что составляет нашу жизнь. А очень скоро после того, как отношения между нами сделались достоянием общественности, Виктории начали звонить по телефону и говорить, что в распоряжении газет есть фотографии, где я целую в своем автомобиле какую-то совсем другую девушку. Такого рода истории — полностью вымышленные — продолжают время от времени всплывать и по сей день. Конечно, доказать, что какой-либо факт не имеет места, куда более трудно, чем доказать обратное. Мы, тем не менее, привыкли к слухам и знаем, как и почему они возникают. Нам ведь приходилось сталкиваться с ними почти с самого начала. Но мы с Викторией доверяли друг другу тогда — так же, как доверяем и теперь. Если ты живешь с человеком, которого любишь, то в любом случае и при любых обстоятельствах знаешь в глубине души, что является правдой, а что нет.

Подобные сплетни расходились все более широкими кругами, и настал момент, когда мне пришлось иметь дело с полудюжиной фотографов, которые разбили лагерь возле моего дома в Уорсли, где они дневали и ночевали в ожидании, когда же, наконец, появится Виктория. Я прежде никогда не испытывал ничего подобного, тогда как Виктории все это, конечно, было знакомо. Думаю, что на самом деле решение покончить с такой ситуацией приняла она. Виктория позвонила и сказала, что приезжает повидаться со мною и что она очень рада возможности подвести черту под всем этим режимом секретности. Мы ведь знаем, что каждый из нас значит для другого, разве не так? И потому было бы лучше не ждать, когда шило нечаянно вылезет из мешка, а самим заранее решить, где и когда публика сможет узнать наверняка, что мы близки. Люди представляют себе наши

отношения как эдакий блестящий роман из сферы шоу-бизнеса. Хочу напомнить: первые фотографии, на которых мы вместе, были сделаны, когда мы с Викторией шли по дорожке возле моего дома, направляясь к газетному киоску на углу.

Как только факт наших отношений был, что называется, официально подтвержден, поднялась такая суета, что я просто не мог поверить своим глазам и ушам: репортеры с фотовспышками, снующие везде, куда бы мы ни пошли, почти каждый день — правдивые и вымышленные истории о нас по всем газетам, а вдобавок к этому почти у каждого человека обнаружилось собственное мнение по поводу нас и нашей жизни. Думаю, что внимание к нам было столь всеобщим и интенсивным из-за Виктории: в те дни всякий раз попадали в заголовки новостей буквально любые события, связанные с группой «Спайс Герлз». Если быть честным, вся эта сторона моих отношений с Викторией делала их — да и ее тоже — еще более привлекательными для меня. Это служило ежедневным напоминанием о том, насколько прекрасно она справлялась со всем тем, что делала. Я любил ее в целом: и ее внешность, и ее индивидуальность, и ее энергию. И эти ножки. Но, помимо всего перечисленного, меня действительно трогали за живое ее талант и то признание в глазах общества, которым она пользовалась благодаря своим замечательным качествам. Я знал, что являюсь далеко не единственным человеком, который считает ее настоящей звездой.

Я хорошо понимал, к чему все идет. Думаю, что Виктория тоже это понимала. Вскоре мы начали говорить с ней насчет помолвки. Я даже спросил ее, какого рода кольцо ей могло бы понравиться, и, будучи женщиной с совершенно ясным представлением о собственных вкусах в самых разных аспектах, Виктория немедля заговорила о специфической форме бриллианта — камень должен быть удлиненным и более тонким с одного конца, напоминая по форме парус небольшой яхты. Она была плотно занята в ансамбле «Спайс Герлз», так что вначале мы ни о чем конкретно не договаривались, но месяцев через шесть после начала наших встреч я организовал для нас уик-энд далеко за городом, в прекрасной старой гостинице, расположенной в Чешире. Из Манчестера туда надо было добираться по шоссе М6, и мы даже заранее провели однажды вечером, после домашней игры «Юнайтед», специальную разведку.

В любом случае я знал, что выбрал подходящее время. Неделю спустя Виктория и «Спайс Герлз» отправлялись в очередное турне, причем почти на целый год, в течение которого они планировали возвращаться в Англию всего пару раз, да и то не больше чем на несколько дней. В том чеширском отеле у нас

была спальня с видом на озеро и расстилавшиеся за ним поля. Стоял август, и было холодновато, так что мы ужинали в номере, любуясь на садящееся вдали солнце. На нас были махровые халаты, которые явно не были самым подходящим одеянием для драматических сцен, и, после того как мы поели, Виктория села на кровать, а я опустился перед нею на одно колено и попросил выйти за меня замуж. Я всегда хотел жениться и иметь детей, и вот теперь нашел такую женщину, с которой готов и хочу провести всю оставшуюся часть своей жизни. На мое счастье, в тот августовский вечер в Чешире эта женщина сказала мне «да». И хотя я надеялся именно на такой ответ, мне трудно описать тот трепет, который пронзил меня, когда она произнесла это слово. Мне показалось, что по моему позвоночнику пронесся электрический разряд.

Я по-настоящему верю в необходимость делать подобные вещи традиционным способом, а это означало, что, сделав предложение Виктории, я прошел лишь самую легкую часть ожидавшего меня пути. Ведь я довольно хорошо представлял себе, что она испытывает ко мне такие же чувства, как и я к ней. А вот действительно трудная для меня часть пути предстояла впереди: мне надлежало попросить у отца Виктории руку его дочери и согласие на брак. Я сильно нервничал. перед тем как пробить одиннадцатиметровый штрафной удар в матче против Аргентины на первенстве мира 2002 года, но та степень внутреннего напряжения, которая потребовалась мне. чтобы настроиться и задать Тони этот жизненно важный для меня вопрос, не слишком сильно отличалась от вышеупомянутой футбольной ситуации. Однако в обоих случаях я знал, что должен сделать это. Только вот в случае с Тони я не знал, как это сделать, где и когда. Мы были в доме у родителей Виктории в Гофс-Оук, и никто не был готов протянуть мне не то что руку помощи, но хотя бы единственный палец. Когда я спросил у Джекки, не может ли она сказать Тони, чтобы тот пришел поговорить со мной, та даже не подумала облегчить мне задачу:

— Нет, Дэвид. Вы должны сделать это сами. В конечном счете я загнал своего будущего тестя в угол пустовавшей комнаты, где, вообще-то, раньше жил мой будущий шурин. Для начала я спросил Тони, не можем ли мы перебросится парочкой слов с глазу на глаз, после чего вместе с ним потащился вверх по лестнице, причем чувствовал я себя так, словно меня вели на казнь. Пошатываясь, я вошел в бывшую спальню Кристиана и первым делом споткнулся о ножку кровати, сильно ушибив палец на ноге. Хорошо хоть Тони шел немного впереди, так что он не видел случившегося. Я смотрел на него. Он смотрел на меня. С

дыханием дело у меня в этот момент обстояло не слишком хорошо, не говоря уже о том, чтобы выдавливать из себя какие-то слова, да и боль в ступне не помогала сосредоточиться. Но отступать было некуда:

— Тони, послушайте. Я прошу, чтобы Виктория вышла за меня замуж. Это нормально?

Не лучшая речь из тех, которые толкали потенциальные зятья. Он ответил мне так, словно я спросил у него, нормально ли будет подать к чаю яйца и чипсы:

— Да. Никаких проблем.

Полагаю, что это испытание было достаточно непростым для нас обоих. Мне было известно, насколько Тони и Джекки любят Викторию, и посему я понял, что его непринужденное, почти небрежное отношение к моим словам о нашем обручении означает, что они с женой уже все обсудили и сочли меня не самым худшим типом в мире. Фактически, они уже и до этого события позволили мне почувствовать себя частью их семьи, и сказанное сейчас было для нас всех лишь очередным шагом вперед. Возможно, я и уберегся от потенциального сердечного приступа, не ставя свой вопрос излишне высокопарно, но, поверьте, краткий разговор с Тони, как и предложение, которое я сделал Виктории, опустившись на одно колено, отнюдь не был только показным жестом. Я ведь намеревался делать все эти вещи только однажды в жизни, а это означало, что они были для меня невероятно важными, и потому мне хотелось подойти к ним надлежащим образом.

А еще мне хотелось бы сказать, что поскольку это были именно те месяцы, когда я влюбился в Викторию и предложил ей руку и сердце, то я не слишком хорошо помню, как провел «Юнайтед» основную часть сезона 1997/98 годов. Но, по правде говоря, есть и еще одна причина этого: я — вероятно, чисто подсознательно — старался позабыть, что мы дошли до майской концовки того сезона без каких-либо медалей или титулов, которыми можно было бы похвалиться. Такая ситуация была непривычной для всех нас — поколения, которое росло и воспитывалось вместе на протяжении 1990-х годов. Ведь мы сперва выигрывали молодежные кубки и младшие лиги, а затем, когда доросли до первой команды «Юнайтед», просто продолжали двигаться дальше с того места, где остановились, будучи пацанами. А этот сезон закончился для нас самым что ни есть болезненным образом, ибо мы на собственной шкуре узнали, какие чувства испытывает человек, когда проигрывает. Внезапно на нашем месте оказался «Арсенал», сделавший то, что надеялись сделать мы, а именно, дубль — другими словами, победивший в

премьер-лиге и выигравший кубок Англии. Никоим образом не желая проявить непочтительность к тому составу «Арсенала», скажу лишь, что это разочарование ничуть не подорвало нашу веру в себя. Наши соперники смогли выиграть все те матчи, где должны были победить, а вот мы в «Юнайтед» чувствовали, что проиграли чемпионат премьер-лиги, поскольку не выигрывали там, где были обязаны это делать. Да, наша вера в себя по-прежнему оставалась на высоте, но где-то по дороге мы, пожалуй, снизили планку требований к себе.

Нам ужасно недоставало Роя Кина, который еще в октябре порвал себе крестовидные связки и отсутствовал в течение почти всего сезона. Никакая команда не может оставаться преуспевающей без своих лучших игроков, но когда в составе «Юнайтед» отсутствует Рой, в ней не хватает чего-то большего, чем просто его способностей как игрока, без которых остальные еще могли бы как-то обойтись. Он обладал и до сих пор обладает огромным влиянием. Среди нас нет абсолютно никого, кто мог бы сравниться с ним по лидерским качествам и драйву. Конечно же, Рой и сам по себе великий футболист, но он еще и умеет извлечь все лучшее из игроков, находящихся вокруг него. Кто бы ни выходил на газон в процессе турнира в лиге, страсть и решимость Роя всегда зовут и этого игрока, и остальных ребят нашей команды вперед. Можно найти футболистов, которые выйдут на поле и закроют его зону и обязанности, но никто не заменит ту силу, которую «Манчестер Юнайтед» черпает от Роя. Мы сами не особо говорили об этом в ходе сезона. Это делали болельщики и газеты, а мы просто продолжали играть. Пожалуй, только сейчас я, оглядываясь назад, до конца понимаю, насколько нам тогда не хватало Кини.

Впрочем, мне в тот год и повезло. Равно как Ники Батту, Полу Скоулзу и братьям Невиллам. Да, мы узнали, как себя чувствуешь, проигрывая в составе «Юнайтед», но мы все получили шанс войти в сборную команду Англии и успешно действовать под ее знаменами. Когда в мае 1998 года сезон подошел к концу, мы, разумеется, страдали, уступив «Арсеналу», но у нас просто не было времени, чтобы рассесться и погрузиться в чувство жалости к самим себе. Почти сразу после того, как мы отыграли последнюю встречу в лиге, я должен был упаковать сумки и поспешить в Ла-Мангу в Испании, где мне предстояло присоединиться к другим ребятам из «Юнайтед» и к остальной части сборной Англии в составе 27 человек, чтобы подготовиться к самому важному летнему турниру, в котором кому-либо из нас доводилось участвовать. Пожалуй, после длинного английского сезона я чувствовал себя немного утомленным, и, вероятно, так

же обстояло дело со всеми остальными, но не в этом была суть. Мне предстояло впервые испытать, что такое чемпионат мира. Турнир «Франция-98» означал новые мечты и новые ожидания — как будто статус без пяти минут мужа и без того не накручивал меня каждый день. А пока я не мог дождаться, когда же начнется этот турнир — и следующая глава моей жизни.

6. Не плачьте по мне

«О, так ты ведь футболист, верно?»

Есть в Англии множество футбольных болельщиков, которые предпочли бы увидеть, как их любимый клуб выигрывает премьер-лигу, чем узнать, что национальная сборная победила в чемпионате мира. И я в состоянии понять это. Ведь вы следите за своим клубом 365 дней в течение года, вы думаете и говорите о нем гораздо больше, чем о сборной Англии. Конечно, каждый полон интереса, когда сборная всей Англии выступает на крупных турнирах и проводит важные игры, но зато ваша страсть по отношению к команде, за которую вы болеете, не угасает ни на минуту и все время при вас. Когда я был помоложе, то, пожалуй, тоже вел себя примерно так же. Ведь хотя я и мечтал представлять свою страну на мировой арене, основные мои мысли концентрировались на том, как попасть в «Юнайтед». И до тех пор, пока я не попал на «Олд Траффорд», выступления за сборную Англии действительно не имели для меня значения и вообще выводили за рамки моих более или менее реальных амбиций.

Когда я был мальчикам, папа обычно брал меня на международные матчи школьников, в которых участвовали пацаны моего возраста или немного старше, но я не припоминаю, чтобы мы когда-либо ходили посмотреть игру сборной команды Англии. В десять с небольшим лет я играл в сборных, представлявших мой район и мое графство, но ни единого раза даже не нюхал ничего выше этого уровня. Как только я начал тренироваться в «Юнайтед», то действительно стал получать приглашения на отборочные испытания в общенациональной школе федерации футбола, которая в те времена базировалась в Лиллешеле, графство Шропшир. Я добросовестно приезжал, в то же время хорошо зная, что даже если бы мне предложили там место, я бы не согласился. Как оказалось позже, мне никогда и не требовалось сильно думать и принимать решение: тренеры, работавшие в Лиллешеле, считали, что я слишком мал ростом для шестнадцатилетнего парня. Впрочем, я хорошо знаю футболистов, скажем, моих нынешних товарищей по сборной команде Англии вроде Майкла Оуэна и Сола Кэмпбелла, которые поступили туда, и занятия в ней пошли им на пользу в любом смысле. Но это было не для меня. Существовала только одна школа, где я хотел осваивать мою любимую игру: «Олд Траффорд». Да и кто мог стать лучшими учителями для меня, чем

такие люди, как Нобби Стайлз, Эрик Харрисон и Алекс Фергюсон?

Для любого игрока большая честь представлять свою страну. Но ты ведь не можешь силком сделать так, чтобы это с тобой случилось. Все, что можно предпринять, — это сосредоточиться на выступлениях за свой клуб и питать надежду, что ты попадешься на глаза нужному человеку и обратишь на себя его внимание. В юности я в достаточной степени наелся всякого добра, стараясь утвердиться в «Юнайтед». Однако в результате того первого сезона, когда мы сделали дубль, все наши ребята оказались на виду — и нас стали принимать в расчет как потенциальных кандидатов в сборную Англии. Но когда такое случилось со мной на самом деле, приглашение в первую команду страны оказалось для меня неожиданностью и произошло быстрее, чем я мог ожидать. Да и мои чувства в этой связи были более сильными и острыми, чем я позволял себе мечтать, когда все-таки задумывался и надеялся, что это может произойти. Внезапно оказалось, что я прошел путь от многообещающего игрока в собственном клубе до спортсмена, регулярно выходящего на поле в составе сборной команды Англии, которая боролась за место в финальной части чемпионата мира 1998 года во Франции.

Терри Венэйблз покинул пост тренера сборной Англии сразу после «Евро-96» — чемпионата Европы 1996 года. Я уже встречался с человеком, который сменил его, Гленном Ходдлом. Это произошло в конце сезона 1995/96 годов — в ходе проходившего в Тулоне турнира для молодежи в возрасте до 21 года. Мы уже тогда слышали, что Гленна планируют назначить следующим старшим тренером сборной Англии, а посему весьма впечатлились, когда он специально приехал во Францию, чтобы посмотреть несколько игр и познакомиться с нами. Как игрок, Гленн был одним из моих кумиров. Я всегда восхищался не только его технической оснащенностью (вот уж кто действительно был футболистом, который мог, как говорится, обыграть соперников на носовом платке или дать пас через все поле), но и всем его подходом к игре. Помнится, после одного из матчей, где он участвовал, я даже попросил его подписать мою футболку со словом «Англия». Не уверен, был ли тот тулонскии турнир первым случаем, когда он наблюдал за моей игрой, но в тот вечер, когда Гленн специально знакомился с нашими возможностями, я отыграл хорошо. Он тогда ничего не говорил ни мне, ни обо мне, но в начале нового сезона до моего слуха впервые дошли туманные толки о том, что для меня не исключена возможность выступлений за основную команду Англии.

Не так уж много найдется футболистов, на которых приглашение в сборную Англии сваливается абсолютно внезапно, как снег на голову. Получение права надеть форму сборной и представлять свою страну на международной арене очень редко бывает полным сюрпризом. Мне в этом смысле крупно повезло: я играл в успешно выступающей команде «Юнайтед» и забил на стадионе «Сэлхерст-Парк» гол из разряда тех, которые привлекают к тебе внимание окружающих. Разумеется, тренер сборной Англии в любом случае знает все о каждом более или менее приличном футболисте, но применительно ко мне начало сезона означало кучу спекуляций по моему поводу в прессе, где обо мне говорилось как о будущем игроке сборной Англии, которому надлежит быть готовым использовать свой шанс, когда таковой представится. Как раз в то время, точнее в сентябре, нашей сборной предстоял на выезде отборочный матч чемпионата мира с Молдовой. Я хотел поговорить на эту тему с Гэри Невиллом, но воздержался, и тут сыграли роль соображения некой конкуренции: он уже входил в команду Англии, а я нет. У большинства спортсменов имеется наготове история о драматическом телефонном звонке или о том, как старший тренер их клуба отозвал его в сторонку на тренировочном поле, чтобы сообщить радостную новость. Я же узнал о том, что попал в сборную команду Англии, сидя на диване в доме своих родителей. Мы с мамой вполглаза просматривали телетекст, как вдруг заметили интересующую нас информацию. И когда в списке игроков, которых Гленн Ходдл выбрал для своей первой, а потому особенно ответственной игры, я увидел фамилию «Бекхэм», то буквально свалился с дивана. Меня самого удивило, насколько я был взволнован этим сообщением. Мы с мамой стали обниматься, громко и радостно смеясь, а затем я позвонил на работу отцу. По-моему, это было впервые, когда он не нашелся, что сказать, и не мог выдавить из себя ни словечка. Тем не менее, он испытывал гордость. Точно так же, как гордился и я, — тем, что мне предоставили шанс.

Всякий раз, когда в ходе моей карьеры передо мной вставал новый вызов, моя первая инстинктивная реакция сводилась к тому, что внезапно я снова начинал чувствовать себя эдаким школьником. И уж определенно дело обстояло именно так, после того как я стал готовиться впервые прийти в сборную команду Англии. Ведь мне предстояло работать рядом с игроками старшего поколения, уже давно завоевавшими себе имя, — Полом Гаскойном, Дэвидом Симэном, Аланом Ширером. Мне и без того было только двадцать лет, но в тот момент я чувствовал себя еще моложе — чуть ли не ребенком, которому дали шанс встретиться

с его героями. Ведь это были игроки, наблюдая за которыми по телевизору, я рос и воспитывался, и вот совершенно внезапно и неожиданно для меня я должен быть готовым тренироваться вместе с ними перед отборочным матчаем чемпионата мира.

Что касается «Юнайтед», то Алекс Фергюсон вел себя выше всех похвал. Он был искренне рад за меня и велел мне только одно — не задирать нос и радоваться:

— Если тебе дадут шанс, играй хорошо. Просто играй так, как ты это делаешь у нас в «Юнайтед».

Я внял его словам, и когда встретился с остальной командой в тренировочном лагере, расположенном в аббатстве Бишем, то мое первое занятие со сборной Англии под началом Гленна было лучшим из всех, какие случались в моей жизни. Я запросто обводил всех подряд, четко навешивал на ворота, и каждый мой пас доходил до адресата. Я даже позволил себе парочку ударов с дальней дистанции, и чуть ли не всякий раз мяч влетал мимо Дэвида Симэна в верхний угол. Это была такая тренировка, о которой можно только мечтать или увидеть во сне: все шло настолько идеально, что казалось даже немного сверхъестественным.

Не знаю, насколько последующее решение Гленна соотносилось с впечатлением, которое я произвел на него во время той тренировки, но на первую и потому особо ответственную для него игру на посту старшего тренера английской сборной Гленн Ходдл поставил меня в стартовый состав, дав тем самым возможность впервые выйти на поле в форме сборной. Конечно, мне очень помогало то, что вокруг меня были игроки, которых я хорошо знал, вроде Гэри Невилла, Гари Поллистера и Пола Инса. И мы отлично начали встречу: Гэри Невилл и я приняли участие в комбинации, которая привела к первому голу, забитому Ником Бармби. Буквально несколько минут спустя Газзи заколотил второй, и мы отнюдь не собирались останавливаться на этом. Во второй половине Алан Ширер добавил еще и третий. Как и положено в дебютной встрече, я не показал ничего особенно захватывающего или эффектного, но в целом я сразу же почувствовал себя абсолютно на месте. Помогал я и в организации третьего гола для нашего шкипера Ширера. Возможно, по той причине, что у меня не было долгих лет нетерпеливого ожидания возможности выйти на международный уровень, нервы не стали для меня в том матче проблемой — я просто продолжал играть в свою игру, как и напутствовал меня наш отец-командир. В общем, 1 сентября 1996 года, в воскресенье днем в городе под названием Кишинев на ухабистом поле и перед аудиторией примерно в 10 тысяч человек я стал футболистом,

выступающим за сборную.

Гленн Ходдл, видимо, тоже был вполне доволен мною. С того времени я выходил на поле в каждой встрече отборочного цикла перед чемпионатом мира «Франция-98», и через тринадцать месяцев сложилась такая ситуация, что нам требовалось сыграть в Риме со сборной Италии вничью, чтобы пройти дальше в качестве победителей отборочной группы. После того как у себя на «Уэмбли» мы уступили Италии 1:0 после удара Дзолы, все в команде знали, что нам просто необходимо выиграть ответную встречу, если мы хотим попасть на чемпионат. И перед указанным матчем большинство людей как в самой команде, так и вне ее считало, что, невзирая на обстоятельства, нам это все же по плечу. А «обстоятельства» были таковы: Италия выиграла последние пятнадцать встреч, проведенных на Stadio Olimpico (Олимпийском стадионе), а наш капитан и забойщик Алан Ширер из-за травмы не мог играть, и вместо него на поле в тот вечер вышел Иан Райт. Но даже для английских фанатов, совершивших неблизкое путешествие и веривших, что мы сможем сделать требуемое, реальное развитие событий на поле стало сюрпризом: никто не ожидал, что мы заиграем так, как нам это удалось. Тот вечер превратился для Англии в нечто феерическое.

На трибунах стадиона собралось более 80 тысяч человек, и перед игрой в толпе итальянских тиффози имели место изрядные беспорядки, но к моменту нашего выхода на газон атмосфера была просто прекрасной. В нашей команде было полно молодых игроков, но мы смогли выступить на действительно профессиональном уровне. На мой взгляд, мы превзошли итальянцев в манере, присущей скорее им самим: все проявляли дисциплинированность, каждый знал свой маневр и что он должен делать в данный конкретный момент, а вдобавок мы демонстрировали культуру паса и на протяжении всей встречи просто блестяще держали мяч. Все играли хорошо, но — особенно вначале — тон всей команде задавал Пол Гаскойн. Каждый раз, когда он получал мяч (а Пол не уставал искать его по всему полю), он подолгу владел им и не спешил расставаться. Ему прекрасно удавались финты и обводка, он не раз пробрасывал мяч между ног противника и обходил его, как будто издевался над соперниками или бросал им вызов: «Смотрите, мы играем в футбол ничуть не хуже, чем вы». И это было именно то, в чем нуждались остальные наши ребята.

Мы сохраняли хладнокровие, хотя итальянцы не давали спуску ни себе, ни нам и жестко шли в отбор, стремясь к победе с таким же огромным желанием, как и мы. А потом, уже в конце второго тайма, у них удалили Анджело Ди Ливио. Те, кто сидел

на трибунах или наблюдал за игрой дома по телевизору, должно быть, подумали, что для нас дело уже в шляпе. А фактически все обстояло совсем не так. и всерьез я занервничал только после того, как это случилось, причем не мог успокоиться до самого конца встречи. Иан Райт смог проскочить через оборонительные порядки итальянцев, обвел вратаря, но затем с острого угла попал в штангу. Неужто это будет один из наших знаменательных вечеров? Мы так близки к этому. Но что это? Похоже, они прорываются на нашу половину и вот-вот забьют?

В последнюю минуту матча итальянцы действительно ворвались в нашу штрафную, и Кристиан Виери получил возможность без помех пробить головой, но мяч пролетел над самой перекладиной. И буквально через несколько секунд прозвучал финальный свисток. Все, кто сидел на скамейке, повскакивали со своих мест и выбежали на поле праздновать победу вместе с нами. Гленн и его второй номер, Джон Горман, прыгали, как мячики: они и на самом деле потрясающе поработали, готовя нас к этой встрече. Пол Инс с головой, перевязанной до самых бровей, после того как его во время игры ударили локтем, выглядел настоящим героем битвы. Райти танцевал нечто невообразимое, обнимая всех и каждого, до кого только мог дотянуться. Наши болельщики, сидевшие в специально отведенном для них секторе позади навеса для наших же тренеров и запасных, тоже танцевали, сопровождая дикарские телодвижения нестройным пением марша из «Большого побега». Я озирался вокруг, пытаясь осознать все случившееся. Уже более года я играл в сборной Англии, и вот мы здесь чуть ли не сходим с ума, проложив себе путь во Францию на чемпионат мира, который состоится следующим летом. Я был невероятно горд тем, что принял участие во всем этом.

Должно быть, особенно замечательным был этот вечер для Пола Гаскойна. Он вернулся на домашний стадион римского «Лацио» в составе сборной Англии и сегодня праздновал победу. Многие и здесь, и в Англии задавались вопросом, не остались ли уже позади его лучшие годы, и вот сегодня он дал спектакль из разряда тех, которые никогда не забываются. Вспоминая, как Газзи играл в тот вечер — его мастерство, его напор и страсть, — я до сих пор спрашиваю себя, а не этого ли нам позже не хватало на турнире «Франция-98». Я думаю, что у Гленна Ходдла имелись свои причины не включать Пола в состав команды, но все равно считаю, что мы выглядели бы там куда лучше, будь рядом с нами Газзи. Даже если бы он выходил на поле со скамейки для запасных всего лишь на двадцать минут. Ведь Пол умел привнести в команду нечто такое, чего не мог сделать никто

другой. Он умел в одиночку изменить характер игры. И я знаю, что нам всем нравилось, когда он был в команде и находился рядом с нами.

Еще хуже повлияли на ситуацию те обстоятельства, при которых Пол и некоторые другие парни узнали, что они не попадают в число двадцати двух, окончательно отобранных для участия в главном четырехлетнем турнире. Поведение администрации сборной немного напоминало мясной рынок: «Тебя берем. Тебя нет». Это было совершенно неправильно, так не делается. Мы, то есть двадцать семь футболистов, которые вместе готовились к чемпионату мира, проводили сбор в Ла-Манге на юге Испании, после чего старший тренер должен был принять решение об окончательном составе команды. Каждый из нас нервничал, постоянно думая о том, кто же не поедет во Францию. Это может быть кто-то из моего клуба или товарищ по команде. А могу быть и я. Однажды днем, после тренировки, всем нам назначили рассчитанные по времени индивидуальные «свидания» в отеле — пятиминутные интервалы, в течение которых мы должны были войти в номер старшего тренера, увидеться с Гленном и узнать от него, что случится с каждым из нас. Почти с самого начала этот график не соблюдался, а потом и вовсе полетел кувырком. Помню, как в какой-то момент я сидел в коридоре на полу вместе с пятью другими ребятами, ожидая своей очереди. Согласитесь, это было просто смешно — отнестись к сборникам таким вот образом.

Когда, наконец, подошла моя очередь, встреча длилась недолго. Если оглянуться назад, кажется еще более маловероятным, что события развивались для меня именно таким образом, как это произошло, когда чемпионат мира начался. Я вошел, и первые слова Гленна были такими:

— Ну, Дэвид, ты, само собой разумеется, попадаешь в команду.

И этим все кончилось. По крайней мере, мне хоть не назначили второй беседы. Я оказался в числе двадцати двух; но как обстоят дела у остальных? Всевозможные слухи на сей счет циркулировали целый день, что неудивительно в ситуации, когда каждый только и жаждал узнать, какова его судьба. Да и в нашем лагере постоянно имели место какие-то утечки — ведь в газетах то и дело появлялись разные истории, которые могли исходить только изнутри, от кого-либо из сборной Англии. Люди говорили, что в результате всего того отбора не миновать громкого скандала, поскольку одна широко известная и высококлассная фамилия останется за пределами списка. При этом намекали на то, что вроде бы это будет Газзи. Однако наверняка не знал никто

— ни пресса, ни игроки. Немного раньше в тот же день мы спустились в бассейн, и я уселся рядом с Полом. Внезапно он повернулся ко мне вместе со своим шезлонгом:

— Знаешь что, Дэвид, — я тебя люблю. Ты отличный молодой игрок и отличный парень. Мне нравится играть в футбол рядом с тобой. Я только и сделал, что посмотрел на него. Это говорилось мне, и говорилось одним из самых великих игроков, которых знала Англия.

— Мне действительно хочется поехать на этот чемпионат мира, Дэвид. Хочется поиграть в нем вместе с тобой. Он повторил эту мысль не один раз. До него, должно быть, дошли слухи, что его могут пробросить. Только позже все мы узнали, что стряслось, когда старший тренер сказал Газзи насчет его непопадания в окончательный заявочный список. После этого Пол буквально обезумел. Гэри Невилл жил в номере по соседству с Газзи и слышал его выкрики и звуки, которые явно издавала расшвыриваемая им мебель. Со своей стороны, я должен честно признать, что к тому времени, когда все эти новости перестали быть таковыми, сделавшись общеизвестными фактами, меня больше беспокоили несколько моих товарищей по команде «Манчестер Юнайтед».

То, что Гэри и Фил Невиллы, Пол Скоулз, Ники Батт и я были очень близкими друзьями, лишь еще более усугубляло ситуацию, когда Фил и Батти не попали в сборную. За несколько дней до этого кто-то из администрации даже подмигнул Филу, как бы давая ему тем самым понять, что он войдет в команду. Из-за этого ему было еще тяжелее вынести постигшее его разочарование. Едва узнав эту невеселую для моих друзей весть, я тут же пошел навестить их. Через час им обоим предстояло вылетать домой, и они стояли в своих номерах с уже упакованными сумками. Я крепко обнял Фила Невилла. Мы пятеро росли и воспитывались вместе, и вот теперь двоих из нас отправляли домой. Думаю, Гэри должен был испытывать еще большие душевные муки, говоря «до свидания» своему брату-близнецу. И когда я размышляю об этом теперь, то понимаю, что у Батти и Фила впереди все же было, как вы понимаете, еще много времени для выступлений на международном уровне. А вот Пол Гаскойн только что упустил последний шанс представлять свою страну.

Огорчения из-за ребят, которых не взяли в сборную, и того способа, каким их поставили об этом в известность, оказались не единственными. На следующее утро нас ждала очередная тренировка, хуже которой я не в состоянии вспомнить. Атмосфера была жуткая. Ожидалось, что мы с ходу станем работать на всю катушку. Я понимал, что чемпионат мира начинается буквально

через несколько дней, но чувствовал, насколько всем нам необходимо время, чтобы немного отдохнуть, расслабиться, побыть вместе и ощутить себя единой командой. Но у Гленна интенсивность занятий никогда не снижалась. Да и надзор тоже. Даже когда вечер у нас выдавался свободным, нас всех загоняли и большую комнату с баром на первом этаже отеля, где мы торчали за закрытыми дверями и задернутыми шторами, чтобы никто не мог добраться до нас. А ведь иногда мы нуждались в чем-то совершенно другом: хотелось часок-другой посидеть в холле, подписывая автографы детям и болтая на вольные темы с болельщиками из Англии. По правде говоря, чувствовали мы себя погано и ходили, как в воду опущенные, но никто не вымолвил ни словечка о возникшей ситуации. Часть ребят исчезла, а Гленн молча ждал, пока мы забудем об эмоциональной стороне случившегося, и вел себя так, как будто ничего не произошло. Это все порождало в нас довольно странные чувства, и хотя тренировки шли вроде бы как обычно, мне казалось, что у большинства игроков голова день за днем была занята чем-то другим.

В первые месяцы моего пребывания в сборной Англии Гленн Ходдл относился ко мне по-настоящему хорошо. Я получал удовольствие от методов его работы на тренировках — и, думаю, был в этом смысле отнюдь не одинок, — а также гордился тем, чего мы достигли под его руководством, успешно пройдя отборочную стадию и попав в главный турнир. Почему все это изменилось, причем так внезапно, я не понимал в то время и не пойму, видимо, никогда. О том, что дела в сборной идут совсем не так, как я мечтал и ожидал, размышляя о предстоящем чемпионате мира, мне в первый раз подумалось после товарищеского матча с местной наспех собранной командой, который был организован в нашем тренировочном лагере в Ла-Боле за несколько дней до начала турнира. Встреча прошла на очень низком уровне — хуже некуда. Мы проиграли этот матч, и я первый готов признать, что сам тоже играл далеко не блестяще. Впрочем, ничего страшного вроде бы не случилось. И сказано по данному поводу тоже ничего не было, но я нутром почувствовал тогда, что старший тренер стал относиться ко мне чуть более сдержанно. Иногда при контактах с руководителем у тебя возникает такое чувство, что он имеет на тебя зуб, и ты чувствуешь себя не в своей тарелке — таким образом, словно тобою пренебрегают или тебя почти демонстративно избегают. Именно такое чувство возникло у меня после той ничего не значившей разминочной игры, но я даже на мгновение не подумал, что не буду играть в нашем первом матче на турнире.

Ведь я, в конце концов, выходил на поле в каждой встрече из числа тех, которые привели нас на чемпионат мира.

Но я был неправ. Полностью неправ. За несколько дней до нашего первого по календарю матча против Туниса, запланированного в Марселе, старший тренер усадил нас в кружок на тренировочном поле, чтобы поговорить о стартовом составе. Мне в тот момент показалось странным, когда он начал с того, что ожидает от игроков, которые не будут выбраны, чтобы те уклонились от пресс-конференций и вели себя таким образом, как будто команда еще не объявлена. В некотором смысле такой аспект уже известного нам подхода Гленна к своей работе не был для меня неожиданностью. Он вообще любил играть в игру под названием «угадайка». Перед матчем против Италии в Риме я немного шмыгал носом из-за простуды. Гленн сообщил средствам массовой информации, что я чувствую себя плоховато, и даже заставил меня покинуть тренировку за десять минут до ее окончания, чтобы журналистам и всем прочим показалось, будто мое состояние хуже, чем оно было на самом деле. Я не хотел пропускать ни одного занятия, но он настаивал. Ему казалось, что мы получим психологическое преимущество, если итальянцы не будут до последней минуты знать, кто у нас выйдет на поле. Тем не менее, здесь, в Ла-Боле, за два дня до начала чемпионата мира его тактика стала иной. И я, конечно, почти сразу понял, что игра, которой Гленн развлекался на сей раз, состояла совсем не в стремлении заставить прессу или тунисцев заняться гаданием. Его интересовало нечто другое: он хотел проверить молодого игрока на изгиб, — и для меня это определенно делало ситуацию более трудной, чем она должна была и могла быть.

Он объявил состав, которому предстояло начать игру против Туниса, — просто прочитал фамилии игроков из списка, составленного заранее на листочке бумаги. Как мне кажется, я знал, точнее, чуял где-то глубоко внутри, что случится именно таким образом. Уже несколько дней все шло наперекосяк. Но тем не менее, когда невзирая на все плохие предчувствия, моей фамилии действительно не оказалось в числе одиннадцати отобранных, у меня возникло такое ощущение, словно кто-то врезал мне под дых. Я боялся, что меня вырвет и даже какую-то долю секунды надеялся, что просто не расслышал, когда Гленн произнес «Бекхэм». Потом посмотрел на Гэри Невилла. Он ответил мне взглядом. Стало быть, он тоже был удивлен? Или всего лишь наблюдал за моей реакцией? Конечно, это был удар по моей гордости — такой удар, которым проверяется, достаточно ли ты зрел, чтобы выдержать его. Но что меня действительно поразило, так это возникшая где-то на задворках сознания мысль

о том, что я совершенно не понимаю, почему старший тренер принял такое решение. Я всегда старался относиться к тренировкам профессионально. Я люблю их почти в такой же мере, как играть. Однако в то утро это была пустая трата времени. Я чувствовал себя невероятно скверно. И был настолько зол, что не мог принудить себя работать надлежащим образом. Гленн, вероятно, и сам разобрался, что я не справляюсь с теми упражнениями, которые мне велено было делать. А вдобавок я почти наверняка знал, что случится дальше, — как только мы закончили занятие, он объявил, кто будет в этот день отвечать на вопросы прессы. И конечно, в том списке стояло мое имя. Это было ужасно. Я никогда не принадлежал к тем, кто умеет хорошо скрывать свои эмоции. Если у меня плохо на душе или чувствую себя как в воду опущенный, окружающие сразу ощущают это. Я участвовал в той пресс-конференции и не сказал ничего из ряда вон выходящего, но, по-видимому, газетчикам было почти очевидно, что многое идет как-то не так. После ее окончания нескольким другим игрокам сразу позвонили журналисты, которым эти ребята помогали готовить дневники чемпионата мира. «Что случилось с Дэвидом? — спрашивали они. — Его убрали из команды?»

Многие из старших тренеров играют в психологические игры с прессой и с командами противников. Здесь же, как мне показалось, старший тренер сборной Англии разыгрывал некий психологический спектакль с одним из собственных игроков. Именно это расстраивало меня больше всего. В тот момент я возможно, не понимал этого со всей отчетливостью но в любом случае после этой злополучной пресс-конференции я уже не мог в полной мере наслаждаться своим участием в турнире, который пресса кратко именовала «Франция-98». И не знал, как мне вести себя. Я даже не мог решить, с кем бы мне поговорить в надежде получить поддержку или совет. Первым делом я позвонил Виктории. Она была потрясена и — думаю, чисто инстинктивно — сказала, что мне надо уезжать и немедленно отправляться в Америку где гастролировали «Спайс Герлз». Правда, она не настаивала, и это было хорошо: ведь я чувствовал себя настолько скверно, что ее предложение почти соблазнило меня, и я мог поддаться искушению. Потом я побеседовал с отцом. Он тоже не мог поверить услышанному, но крайних мер не предлагал, а лишь успокаивал и просил, чтобы я не реагировал слишком бурно или резко. А еще он сказал мне, что ему очень понятно, поему я так огорчился.

Я осознал, что должен поговорить с Гленном. До сих пор помню, как я стоял в вестибюле отеля, не обращая внимания ни

на что и ни на кого вокруг. Затем я увидел, что мимо идет старший тренер, направляясь поиграть в гольф.

— Мне нужно переговорить с вами об этом. Почему Вы не включили меня? Я должен знать причину.

Гленн посмотрел на меня:

— Не считаю тебя в достаточной мере собранным.

Мне потребовалось несколько мгновений, чтобы понять сказанное.

— Как вы могли подумать такое? Как вы могли подумать, что я не сосредоточен на самом крупном футбольном соревновании в мире? Я же не помышляю ни о чем другом. Да и как может быть иначе?

Только позже я узнал, что именно, скорее всего, скрывалось за всем случившимся. На предыдущей неделе мы получили свободный день, чтобы отдохнуть, расслабиться, поиграть в гольф, повидаться с семьями и вообще делать все, что нам хочется. Большинство ребят отправились на трассу с лунками. Я не больно великий специалист по гольфу, не говоря уже о том, что в любом случае хотел использовать представившуюся возможность, чтобы побыть с близкими. Виктория прилетела на этот день во Францию, и мы вдвоем провели все это время неподалеку от нашего жилого комплекса, плавая, загорая и бегая друг за другом. Гленну это пришлось не по душе. Все другие ребята играли в гольф. А я нет. И в его глазах это означало, что я не сосредоточился на делах сборной Англии до такой степени, как ему бы того хотелось: «Они все вместе играют в гольф, а он развлекается со своей подружкой — это не может быть полезным для духа товарищества, необходимого в команде».

Мне такая логика представляется бессмысленной, и я по сей день так и не понимаю ее. Если он хотел чтобы мы все находились в одном месте, и считал это настолько важным, то зачем тогда предоставил нам выбор? Возможно, для него это был еще один способ проверить игроков и, в частности, меня. Но для чего нужно вообще играть в подобные психологические игры с 23-летним парнем — или с кем угодно в команде, — особенно если учесть, что ты сам считаешь наличие в нашем лагере командного духа таким важным фактором?

И вот, стоя в холле отеля, я чувствовал себя так, словно меня выбросили за борт на волю волн. Но такого я просто не мог позволить.

— Знаете что? Я абсолютно не согласен с вами. Моя карьера еще не слишком длинна, но у меня такое чувство, что вся она выстраивалась к этому турниру. Как вы можете думать, что я приехал сюда, беспокоясь о чем-то другом? Ведь это же

чемпионат мира. Вот какие у меня на сей счет чувства. А вы можете делать, что хотите.

Впрочем, Гленн так и поступал. Сперва он убрал меня из команды, а теперь спешил уйти, чтобы поиграть в свой гольф. Его явно не интересовало, что я имею сказать. Мои соображения его не волновали, и он, думается, не испытывал в них нужды. На меня повеяло холодом, страшным холодом.

— Видишь ли, я просто не думаю, что ты собран. Вот и все.

Нам предстояло отправиться на стартовую игру в Марсель, и я обнаружил, что не больно рвусь туда. Конечно, болельщику, сидящему во мне, хотелось увидеть, как сборная Англия выступит успешно, и я совсем не хочу, чтобы мои слова звучали так, словно я относился ко всему происходящему только с эгоистической точки зрения. Тем не менее, не могу и не хочу притворяться: меня полностью выбил из колеи тот факт, что я остался за бортом основного состава. У меня дома есть фотография, где я стою рядом с навесом для запасных во время встречи с Тунисом, и выражение моего лица говорит о многом: оно такое, как будто я собираюсь все это бросить и вообще отказаться от участия в чемпионате. До такой степени я был разочарован. А также приведен в замешательство и сбит с толку — я чувствовал себя потерпевшим большую жизненную неудачу и в возникшей ситуации ощущал самый настоящий стыд. Ведь чемпионат мира — это самое крупное событие, в котором только может участвовать футболист, а мне было жаль, что я вообще туда попал.

Уже сам факт непопадания в команду был достаточно плохим. Но что меня действительно убило, так это предполагаемая причина, по которой меня пробросили. Неужто я очутился на скамейке запасных только потому, что хотел провести тот день с Викторией? Разве Гленну или кому-либо другому есть до этого дело? Даже те, кто мог бы критиковать мой образ жизни вне футбола, согласятся, что как только дело касается выступлений за команду, ничто не в состоянии помешать моей сконцентрированности на игре. Каким же образом наш старший тренер мог настолько неверно оценить меня?

Наш следующий матч был против Румынии, и поскольку мы обыграли Тунис, было трудно ожидать, чтобы в победивший состав внесли изменения и, в частности, выбрали на эту игру меня. Я говорил о случившемся с Гэри, с отцом и Алексом Фергюсоном — все они отнеслись ко мне весьма благожелательно и поддержали в трудную минуту. И проявили полное единодушие в том, что со мной поступили нехорошо. А судя по информации, поступавшей из страны, у меня сложилось впечатление, что

болельщики хотят видеть на поле более молодых игроков вроде меня и Майкла Оуэна и ждут от тренера, чтобы тот дал нам шанс. Когда во время матча против Румынии стоя возле боковой линии я испытал настоящий прилив сил, когда услышал болельщиков Англии которые скандировали мое имя. Вдобавок случилось так, что после получаса начала этой встречи Пол Инс получил травму, и вместо него вышел я, сыграв весьма достойно. Примерно то же самое произошло и с Майклом, причем, хотя мы и проиграли 2–1 он в самом конце матча забил гол.

Я был счастлив начать свои выступления в финальной части чемпионата мира и гордился тем что болельщики так дружно и шумно приветствовали меня когда я выходил на поле в той игре — второй для нашей команды. Но на «Франции-98» все было не ясно. Я смог почувствовать, что дела начинают идти в соответствии с моими надеждами, как меня ждал очередной удар. Гленн Ходдл сообщил прессе, что в нашей третьей встрече, против Колумбии, планирует с самого начала выпустить на поле Майкла Оуэна и меня, с тем чтобы мы играли оба тайма. Он, видите ли, надеялся, что к тому времени мы уже в любом случае попадем в следующий раунд турнира. Из его речей получалось, что нам двоим дают возможность стать более или менее полноправными членами команды лишь поскольку старший тренер хочет дать отдохнуть своим ведущим игрокам. Впрочем, в любом случае было приятно узнать, что я смогу отыграть весь матч. Другое дело, что объяснение Гленна насчет того почему он нас выставил на игру, снова добавляло к этой радости привкус горечи.

На нашей базе в Ла-Боле было маленькое тренировочное поле, которое использовалось не слишком интенсивно. Это позволяло иногда выйти на него с мячом и без помех позаниматься самостоятельно. За день перед игрой с Колумбией я купил несколько батареек и прихватил с собою большой переносной стереопроигрыватель. Но не только — нес я и две сумки с мячами. День выдался ужасно жаркий, солнце стояло еще достаточно высоко, так что на мне были только шорты и майка. Я поставил свой стереоаппарат чуть подальше, зарядил в него компакты американского рэппера по фамилии Тупак, запустил это дело на полную катушку и затем провел несколько часов, самостоятельно занимаясь штрафными ударами: ставил мяч на всевозможные точки и затем раз за разом подрезал его в углы ворот.

Игра пришлась на день рождения моей мамы, И перед тем как отправиться на стадион, мы с ней разговаривали по телефону:

— Забей для меня гол, — попросила она.

Штрафной удар в игре против Колумбии был моим первым голом, забитым в форме сборной Англии. Думается, я навечно запомню о нем буквально все: и само нарушение, и выстроившуюся стенку, и довольно острый угол, под которым наносился удар. Но даже непосредственно в тот момент он означал для меня нечто более важное, чем просто гол. Едва пробив, я уже понял, что у этого удара есть шанс, — и через секунду помчал к угловому флажку, чтобы праздновать успех. Грэм Ле Со пытался ухватить меня за талию, а потом Сол Кэмпбелл запрыгнул мне на спину. Сола я знал с тех пор, как нам обоим было по двенадцать лет, когда мы вместе тренировались в «Тоттенхэме». Он, как и все остальные ребята, понимал, насколько этот мяч был для меня важным в тот момент. Впрочем, даже забив, я не мог просто и естественно радоваться удаче. Какая-то часть меня хотела побежать к скамейке, где сидел Гленн Ходдл, и прокричать: «Вот, получите! Ну, и что вы скажете теперь?»

Жалко, что я этого не сделал, поскольку по дороге к нашему навесу я бы, возможно, вспомнил о необходимости сделать обещанное перед игрой: если я забью, подойти и обнять Терри Бирна и Стива Слэттери, массажистов сборной Англии. Терри и Слэтти говорили со мной — и выслушивали меня — во время всех взлетов и падений, которые я переживал до этого момента. Они были отличными компаньонами и, главное, честными: они говорили только то, что думали, а не то, что, по их мнению, мне хотелось услышать. И с готовностью выслушивали мои соображения до тех пор, пока у меня было, что сказать. Терри стал мне за эти годы действительно близким другом. После игры я позвонил каждому из них. Я был страшно доволен и собственными действиями, и тем, что мы, победив, прошли в следующий раунд. Что же касается моих взаимоотношений со старшим тренером, то я чувствовал, что тем штрафным ударом тоже доказал ему кое-что.

Но попаду ли я в основу на игру против Аргентины, которая предстояла нам на следующем этапе турнира? Я все еще не до конца разобрался в том, как относится ко мне старший тренер. А у нас с ним, прежде чем мы переехали в Сент-Этьенн, случился еще один не больно приятный эпизод. Иногда Гленн хотел, чтобы мы после обеда прогулялись, чтобы отдохнуть и отвлечься, просто походили в спортивных костюмах и кроссовках. На сей раз, однако, мы отправились на тренировочное поле, и он внезапно объявил, что хочет отработать новый способ розыгрыша штрафного удара, при котором кто-либо легонько подбросит мне мяч, а я ударом с лета переправлю его через стенку в ворота.

Меня волновало чрезмерное напряжение подколенных и ахилловых сухожилий — ведь фактически никто из нас перед этим не разогрелся. Поэтому, когда тренер велел мне сделать задуманное им, я просто перебросил «свечку» через стенку, вместо того чтобы ударить по мячу в полную силу. Тут Гленн всерьез рассердился:

— Ты что, не можешь сделать этого? Ладно, раз не можешь, забудем об этом.

Я же не выполнил то, чего он от меня хотел, только потому, что травма уж точно была последним, в чем я нуждался в тот момент. В результате, хотя Гленн впоследствии и не упоминал о случившемся на тренировочном поле, атмосфера отношений между нами снова накалилась. Да и вообще это была одна из таких стычек, о которых игроки помнят долго, причем не только те, кто был в нее непосредственно вовлечен, но и их товарищи по команде, стоявшие рядом и вроде бы только наблюдавшие за происходящим. Несмотря на это, я чувствовал, что заработал себе место в следующей игре, и просто-напросто скрестил указательный и средний пальцы, чтобы не сглазить.

Англия против Аргентины — это всегда острейшая встреча, причем по самым разнообразным причинам, Далеко не все из которых связаны с футболом. Эта конкуренция — одна из самых старых и самых драматичных в футболе. В Аргентине то, что мы называем «дерби», именуется classicos; это не только игры между соседями вроде матчей «Манчестер Юнайтед» против «Манчестер Сити» или Англии против Шотландии, но и любые противостояния, имеющие за собой длительную и непростую историю, наподобие игр «Юнайтед» с «Ливерпулем» либо сборных Англии и Германии. Но в их номенклатуре числится только один такой classico между командами с двух разных континентов, и это как раз матч, где встречаемся Мы и Они. Неудивительно, что он всякий раз становится большим событием, и игра в Сент-Этьенне, состоявшаяся в 1998 году, не являлась в этом смысле исключением. Я чувствовал себя действительно на взводе и с нетерпением ожидал предстоящей встречи. Конечно, за время, прошедшее с начала турнира, мне «помогли» проникнуться неуверенностью и нанесли несколько эмоциональных травм. Но в данный момент я не испытывал ничего, кроме ощущения готовности к матчу против Аргентины. И, разумеется, даже не представлял, что заготовила мне судьба как на время этой встречи, так и после нее.

Вечер начался очень хорошо: отличная игра, и мы, как минимум, ничем не уступаем соперникам. После того как Аргентина вышла вперед, когда всего через пять минут после

начала матча Батистута забил пенальти, Алан Ширер сравнял счет, также с одиннадцатиметровой отметки. Прошло уже больше года с тех пор, как он в последний раз пробивал пенальти в составе сборной Англии, но мы все знали, что если придется, это дело будет поручено именно ему. Затем, пять минут спустя, я послал мяч вперед на Майкла Оуэна, который забил тот знаменитый, фантастический второй гол. Они ответили результативным ударом, и на перерыв мы ушли при счете 2:2. В раздевалке было сказано несколько слов о способах защиты при штрафных ударах, с одного из которых Занетти забил нам второй гол. Во всех остальных отношениях события развивались нормально, надо было только, когда встреча возобновится, не ждать их ошибки, а самим идти вперед: этот матч мы вполне можем и должны выиграть. Откуда мне было знать, что меня ждала впереди самая настоящая катастрофа?

Я считаю Диего Симеоне хорошим игроком. Хорошим, но при этом еще и отлично умеющим вызвать раздражение и злость у того, против кого он играет: всегда он где-то около тебя и действует очень плотно, не жалея твои лодыжки и все время прихватывая тебя. Такими замашками он, что называется, «доставал» игроков многих команд-соперниц и сам знал об этом. Возможно, знал он также и о высказывании Гленна Ходдла перед турниром насчет того, что его беспокоит мой характер и психологическая устойчивость в ситуациях, где на меня оказывают сильное давление. Но по ходу игры у меня действительно не возникало никаких проблем или неприятностей, но только до тех пор, пока почти сразу после перерыва Симеоне не врезался в меня сзади. А затем, пока я лежал на земле, он наклонился ко мне и сделал такое движение, как будто ерошит мои волосы. И при этом сильно дернул их. В ответ я совсем несильно пнул его ногой. Это была инстинктивная, хоть и неправильная реакция. Ты просто не можешь себе позволять какие-либо ответные меры. Разумеется, меня спровоцировали, но почти в тот же самый момент, когда я совершил свое ответное действие, я уже понял, что не должен был делать этого. А Симеоне, конечно, тут же рухнул, как подкошенный.

Я совершил сейчас большую ошибку. Меня могут выгнать. Гэри Невилл подошел ко мне сзади и шлепнул по спине:

— Что ты натворил? Зачем ты это сделал?

Он вовсе не наезжал на меня. Гэри всего лишь хотел знать, почему я ударил Симеоне ногой. Но в тот момент — да и по сей день — я не знал ответа на этот вопрос. Рефери, Ким Нильсен, не сказал мне ни слова. Он только вытащил из своего кармашка

красную карточку. Я не забуду этого зрелища никогда, пока буду жив. Теперь можно посмотреть все это на видео: Симеоне, который выглядит и ведет себя так, словно находится в отделении интенсивной терапии; Верона, докладывающего судье, что здесь, по его мнению, произошло; самого арбитра с этой злосчастной карточкой в руке; Батистуту, кивающего головой и словно бы показывающего этим, что правосудие восторжествовало; и меня, без затей уходящего с поля, с глазами, уже нацеленными на туннель. Я не выглядел и не был разозленным. Одного взгляда на мое лицо было достаточно, чтобы понять: я пребывал совсем в другом мире. Симеоне подложил мне свой капкан, а я прыгнул прямиком в него. И что бы еще ни случилось со мной в жизни, те шестьдесят секунд всегда будут со мной.

Даже раньше, чем я достиг боковой линии, Терри Бирн уже бежал ко мне со скамейки. Он положил мне руку на плечо и вместе со мной спустился в раздевалку. Как только мы добрались туда, я тут же позвонил Виктории в Штаты. Разумеется, я не видел неоднократных повторов этого момента по телевизору, и мне для начала хотелось знать, что случилось. Она наблюдала за игрой в каком-то нью-йоркском баре. В том, что она рассказала, было нечто нереальное. Никто не мог осмыслить того факта, что меня удалили с поля. Почему это случилось? Но тут не очень-то было, что сказать.

Терри остался со мной. Я пошел принять душ. Долгий-долгий душ, словно я намеревался каким-то образом смыть с себя все это. Внезапно к нам влетел Стив Слэттери с криком:

— Мы забили! Сол забил!

Я выскочил из-под душа, но несколько мгновений спустя он вернулся и сообщил, что гол не засчитали. Я надел тренировочный костюм, и тут зашел какой-то француз, должностное лицо ФИФА, и сказал мне, что я должен пройти в специальное помещение для проверки на допинг и наркотики. Там хоть, по крайней мере, стоял телевизор, так что я мог досмотреть матч. Когда девяносто минут истекли, они мне сказали, что я могу идти, после чего я ушел и наблюдал за тем, как развивались события в дополнительное время, из туннеля, ведущего на поле. Не могу сейчас пересказать того, что разворачивалось передо мной: состояние у меня было такое, как будто удаление с поля стерло из памяти все иные воспоминания, какие могли бы остаться после этой встречи. Но тот момент, когда Дэвид Батти смазал свой пенальти, и аргентинцы, помчавшиеся к их вратарю, чтобы праздновать победу, — это запечатлелось. Завтра я поеду домой.

Тот вечер был худшим в моей жизни, но вскоре меня ждало нечто по-настоящему потрясающее: встреча с Викторией, которая ждала нашего первого ребенка. В тот день, когда сборная Англии прибыла в Сент-Этьенн перед игрой с Аргентиной, мы вышли из самолета, и тут на моем мобильном телефоне появилось следующее сообщение:

— Дэвид, это Виктория. Свяжись со мной, пожалуйста, как можно быстрее.

Я вошел автобус и тут же перезвонил ей.

— У меня есть для тебя кое-какие новости, — сказала она.

— Какие именно?

— Мы беременны.

Я не мог поверить этому. Мне хотелось встать на своем месте во весь рост и кричать об этом всем и каждому. Это была просто фантастика. Я не мог поверить тому, что мне сказала минуту назад моя дорогая девочка. А чтобы разрядиться, зашел в крошечный туалет в автобусе и стал там прыгать, как безумный, радуясь и поздравляя себя. Я был так счастлив, что не передать. И хоть моя новость была из разряда тех, которыми хочется поделиться с окружающими, я, разумеется, не мог рассказать о ней ни единой душе.

В моей памяти осталось о том вечере в Сент-Этьенне кое-что конкретное, высвечивающееся перед моим умственным взором настолько ясно, как будто я вижу это все в лучах прожекторов, горевших тогда по периметру стадиона: само удаление и свой уход с поля, разговор по телефону с Викторией, во время которого я ни на секунду не забывал, что мне предстоит стать отцом, и потом, с отцом в паркинге. Но все остальное? Вероятно, ради сохранения моего душевного здоровья оно как бы само по себе смазалось в памяти: я вроде бы и вижу ход игры, но так, словно наблюдаю за происходящим через противоположный конец подзорной трубы. Помню, хоть и туманно, собственный гнев, разочарование и ощущение позора. А также неспособность поверить, что такое могло случиться со мной.

Когда все кончилось, игроки сборной Англии пошли к той трибуне, где собрались наши болельщики. Я не чувствовал в себе сил принимать хоть какое-то участие в этом, а потому, повернувшись, вернулся в раздевалку. Как раз в это самое время Гленн Ходдл давал телевизионное интервью, в котором он сказал, что если бы игра шла одиннадцать на одиннадцать, Англия наверняка бы победила. Газеты и все прочие, конечно же, перетолковали эти слова таким образом, как будто он заявил, что только по моей вине Англия проиграла Аргентине.

Все наши ребята вернулись в раздевалку, и в ней повисла

смертельная тишина. Рядом со мной присел Алан Ширер. «Прости, Ал», — только и смог я выдавить. А Алан опустил голову и уставился в пол. О чем тут было говорить? Только каждый конкретный игрок знает, какие мысли бродили у него в голове после той игры. Я никогда не забуду, что единственным, кто специально подошел ко мне поговорить, был Тони Адамс. Когда я в первый раз попал в состав сборной Англии, Тони напугал меня буквально до смерти. Помню, как в Грузии, где нам предстояло сыграть на выезде отборочный матч, он за несколько минут до того, как надо было выходить на поле, поднялся в раздевалке и произнес: «Держитесь, мужики! Это наш матч. Мы его заслуживаем. Мы приехали сюда с одной целью — выиграть!» И дело не только в том, что Тони говорил громогласно, — его голос переполняли страсть и решимость. Я прямо не мог поверить в жесткость, даже свирепость его тона. Это было одно из тех мгновений, когда ты по-настоящему потрясен и одним рывком выходишь на совершенно новый уровень преданности делу и чувства долга. И не то чтобы ты не понимал этого раньше или оно тебя не волновало. Но возможность находиться здесь, в раздевалке, и оказаться свидетелем того, насколько все эти вопросы важны для Тони, несомненно, воодушевляла парня, который только начинал свои выступления в составе сборной. Поражение Англии в Сент-Этьенне было для Тони таким же горьким и тяжким испытанием, как и для любого другого сборника, и даже еще усугублялось его опасениями по поводу того, что ему уже больше никогда не удастся выступить за свою страну. Словом, в раздевалке царила в тот вечер гнетущая атмосфера. Не могло быть большего разочарования, чем то, которое нас постигло. Но Тони все же подошел и положил мне руку на плечо:

— Что бы здесь ни произошло, я все равно считаю, что ты — отличный парень и превосходный молодой игрок. Я горжусь, играя с тобой за сборную Англии. Благодаря случившемуся ты можешь даже стать сильнее. И можешь после этого сделаться лучше как спортсмен.

Мы покинули стадион и направились к автобусу, перед которым меня ждали мама и папа. Я рухнул в объятия отца и разрыдался. Буквально не мог остановиться. Сейчас, думая об этом, я испытываю некоторое смущение, но в тот момент ничего не мог поделать с собой. В конце концов я все же успокоился, и папа затолкал меня в автобус. Я сел и подставил голову прохладному ветерку, дувшему из окна. Гэри Невилл тоже вошел и сел рядом со мной. Он, конечно, видел, как я плакал. И чувствовал, что вот-вот я могу начать снова.

— Не позволяй никому видеть тебя в таком состоянии. Нечего раскисать. Ты не сделал ничего плохого. Что случилось, то случилось, — сказал он.

Я посмотрел на него.

— Виктория беременна.

Глаза у Гэри открылись чуть пошире.

— Ну и прекрасно. Отправляйся туда и будь с нею. Это самая лучшая новость, какую ты только мог услышать. Думай только об этом. То был всего лишь футбольный матч. А это — новая жизнь.

Помню, когда в «Юнайтед» пришел Себа Верон, мы с ним говорили о реакции аргентинских игроков или, по крайней мере, некоторых из них, когда они увидели меня в тот вечер рядом с моим отцом. И когда их автобус выруливал с автостоянки, мы могли видеть, как они, голые по пояс, оглядываются на автобус сборной Англии, смеясь и размахивая футболками над головой.

Мы отправились прямиком в аэропорт и затем прилетели обратно в Ла-Боль на свою последнюю ночевку в турнире «Франция-98». Некоторые из ребят сразу пошли в свои номера, другие отправились чего-нибудь выпить. Я оказался в комнате для игр — вместе с Терри, Слэтсом и Стивом Макманаманом. Обычно мы после матчей пили горячий шоколад и вскоре после полуночи укладывались спать. Однако в этот вечер Терри велел мне выпить что-нибудь покрепче. Я решился на пару кружек пива. Как правило, я не пью, но в тот момент алкоголь помог хоть чуть-чуть снять боль. Так мы и торчали вчетвером, не особенно и разговаривая между собой — не очень-то и было, о чем, — и я, насколько помнится, досидел где-то приблизительно до четырех утра, невзирая на то, что в девять нам предстояло встать и готовиться к обратному полету в Англию на «Конкорде».

Я позаботился о том, чтобы в тот же вечер вылететь в Штаты. Англия тоже вылетела — из чемпионата мира. Я хотел провести с Викторией как можно больше времени до начала тренировок перед новым сезоном. Мои родители вылетели в Англию прямо из Сент-Этьенна и на следующий день должны были встретить меня в лондонском аэропорту «Хитроу». Когда «Конкорд» приземлился, кто-то в аэропорту был настолько любезен, что предложил нам воспользоваться своим кабинетом в течение тех нескольких часов, которые оставались до вылета моего самолета в Штаты. Тем временем я разыскал родителей, отдал им часть своих вещей и совершил все формальности для последующего полета в США. Я знал, что не увижусь с родителями, по меньшей мере, две недели, а ведь у меня имелась для них новость, которую хотелось сообщить им лично, а не по телефону. В общем, я сказал им, что Виктория беременна.

Они выглядели очень удивленными. И взволнованными тоже. Возможно, потому, что уже каким-то образом настроились на то, чтобы как-то сгладить мою реакцию на удаление с поля, когда я окажусь в кругу близких. Джоан приехала вместе с родителями, она обняла и поцеловала меня, но мама не проронила ни слова, а папа, помнится, только и сказал:

— А ты уверен, что это не слишком быстро?

Мы должны были попрощаться. Я без всякой спешки и суеты отправился в зал вылетов, предварительно обратившись туда, где должен был сдать свой багаж и пройти контроль. Меня предупреждали, что пресса будет искать встречи со мной, но все выглядело так, словно все пройдет тихо. Пройдя положенные процедуры, я считал, что дело в шляпе и никто из журналистикой братии не сможет прорваться на ту сторону, где находятся пассажиры, уже прошедшие иммиграционный и паспортный контроль. И ошибался. Краем глаза я увидел изрядную группу фотографов и несколько операторских бригад с камерами, направляющихся в мою сторону вслед за невысоким парнем, которого я распознал по нашим предыдущим контактам: он всегда бежал вприпрыжку рядом и шептал тебе всякое разное, пытаясь спровоцировать хоть какую-нибудь реакцию.

— Ты думаешь, что подвел команду, Дэвид? Или подвел всю страну? Ты хоть понимаешь, что ты наделал, Дэвид? Разве ты должен уезжать из страны именно сейчас?

До моего зала мне требовалось прошагать примерно метров двести. Я забросил свою сумку через плечо, смотрел прямо перед собой и маршировал в нужном направлении, не проронив ни слова. Со стороны это, должно быть, выглядело диковато — я, а за мной куча всякого сопровождающего меня народу. Возможно, в газетах или по телевидению это тоже смотрелось плохо — вроде того, что я пытался сбежать. Но я знал, что должен не обращать внимания и продолжать идти вперед. В нынешней ситуации я никак не мог себе позволить отреагировать неверно. И мне абсолютно не нужны люди, рассказывающие мне, как плохо я должен себя чувствовать. Я и без них уже чувствовал себя далеко не лучшим образом, причем с каждой минутой все хуже. Мне хотелось закрыть глаза и оказаться наедине с Викторией. Что я мог сделать, кроме как отворачиваться от камер?

Я пересек долгожданную финишную черту и через несколько минут снова очутился на борту «Конкорда». Поток настырных грубиянов, накинувшихся на меня в аэропорту «Хитроу», позволил мне хотя бы отчасти представить, что меня ожидало, останься я дома. Когда сверхзвуковой лайнер оторвался от взлетной полосы, я подумал, что оставил все случившееся позади

— не только свое страшное разочарование в Сент-Этьенне, но и ту назойливость, с которой средства массовой информации старательно совали мне все это в лицо и вешали на меня всех собак.

Было немного страшновато прилетать в Нью-Йорк, в аэропорт Кеннеди. В Америке я уже бывал, но на сей раз впервые приехал сам по себе, один. Не спеша прошагал к контрольно-пропускному пункту, где проверялось все, связанное с безопасностью. Там стоял персонал из соответствующей службы, с оружием и в темных очках. Выглядели они действительно серьезными парнями, которые хотели знать, что у меня в этой сумке и что в той. Я позаботился, чтобы меня встретил водитель. Но не успел я выйти через вращающиеся двери в зал прибытия, как увидал целую толпу фоторепортеров, телеоператоров и представителей прессы, которые меня поджидали. Это же Нью-Йорк. Такого не может быть и не должно.

Я вскочил в автомобиль и хотел закрыть дверь, но какие-то люди вцепились в нее, не давая этого сделать. Это было просто смешно. Я занимался перетягиванием каната с неизвестными личностями, державшими дверцу с другой стороны. Затем, когда мне, все-таки удалось ее захлопнуть, кто-то рывком распахнул дверь с другой стороны машины, и женщина-фотограф начала лихорадочно снимать меня сидящим на заднем сиденье. Я не мог поверить в происходящее. Мне думалось, что как только я доберусь до Америки, все у меня будет в порядке. Вместо этого я очутился в центре того, что напоминало сцену из плохого кинофильма; мне никогда не доводилось испытывать ничего подобного у себя дома.

Когда мы, наконец, смогли после долгой борьбы закрыть двери и запереть их изнутри, появилась возможность отъехать от аэровокзала, и мы направились прямиком в знаменитый зал «Мэдисон Сквер Гарден» на концерт «Спайс Герлз». Я ни о чем не позаботился заранее и не организовал свой приезд как следует, так что даже не знал, каким образом мне туда войти и как попасть в нужное место. Мы подкатили к главному подъезду, и я долго блуждал в поисках служебного входа, пока не натолкнулся на одного из менеджеров гастрольного турне. Он завел меня внутрь, и мы отправились по длинному коридору к раздевалкам Спайс-девушек.

А затем случилось нечто весьма странное: мы себе шли, и вдруг навстречу мимо нас процокала каблучками Виктория, которая спешила по каким-то своим делам. Она не узнала меня — я был в незнакомой ей широкой куртке и в шляпе, низко надвинутой на глаза после того безумия, с которым довелось

столкнуться в аэропорту. Виктория не ожидала, что я появлюсь там так рано, и ей понадобилось несколько мгновений или, скорее, несколько ударов сердца, чтобы понять случившееся. Я обернулся ей вслед, а она уже бежала ко мне. И тут я буквально вцепился в нее и не хотел отпускать. Мы прошли к их гримерной, где я поприветствовал других девушек. А затем Виктория и я следом за ней прокрались в крошечную душевую, примыкавшую к основному помещению, и она показала мне изображение нашего ребенка, полученное на УЗИ. Это было нечто потрясающее. На картинке наш малыш походил на маленькую горошинку: сканирование было сделано намного раньше того времени, когда его разрешено производить в Англии. Я весь трепетал от волнения и возбуждения. Любой отец подтвердит, что это чувство невозможно вообразить, пока его не испытаешь сам.

Мы возвратились в комнату, где были остальные девушки, и внезапно они всей стайкой налетели на меня, обнимая и целуя. Я едва мог взять в толк все происходящее.

— Ой, я хотела кое-что сказать. Через минуту сюда должны прийти, чтобы встретиться с нами, — сказала Виктория.

И почти сразу вошла Мадонна. Она села и стала непринужденно болтать с Викторией и другими девушками, а я тем временем сохранял спокойствие и старался следить за тем, чтобы у меня не отвисала челюсть и вообще рот был по возможности закрыт. Но тут она сама обратилась ко мне:

— О, так ты ведь футболист, верно?

Откуда Мадонна знала, кто я такой? Не могу сказать, что я не испытал в этой связи некоторого удовольствия. Что же касается ответа, то я малость остолбенел уже до этого, а тут и вовсе онемел. Подумать только, Мадонна секунду назад обратилась ко мне так, словно знакома со мною. Это была одна из тех ситуаций, когда ты уверен, что независимо от того, какие слова ты произнесешь, они все равно покажутся глупыми:

— Да.

А теперь девушкам уже пора было поспешить на сцену. Концерт получился классным. «Спайс Герлз» всегда выглядели на сценических подмостках великолепно: их энергия, талант и вложенный труд — все это высвечивалось и сияло ярким блеском. Идет ли речь о футбольном состязании или о поп-концерте, но люди, которые купили билет на подобное мероприятие, заслуживают того, чтобы за свои деньги получить нечто ценное и достойное. И «Спайс Герлз» каждый раз давали это своим зрителям. Я стараюсь во всех своих действиях на поле быть профессионалом. Виктория с подругами тоже относились к своим представлениям с невероятным профессионализмом. В течение

двенадцати дней я превратился для «Спайс Герлз» в фаната номер один. Этот мой отпуск оказался далеко не столь бездельным, как большинство тех, которые мне приходилось проводить до сих пор, но я был в восторге от каждой его минуты: от разъездов на автобусе по разным точкам маршрута, где проходило турне, от времяпрепровождения с Викторией в роскошных гостиничных номерах, а затем, причем каждый вечер — от возможности в очередной раз восхищаться их удивительным Концертом.

Никогда не забыть, как в тот первый вечер в «Мэдисон Сквер Гарден» я, не отрывая глаз, следил за Викторией и радовался, что на огромной сцене, перед плотно забитыми рядами зрителей в одном из самых известных в мире концертных залов она смотрится и звучит просто блестяще. И в то же самое время в центре всех этих огней, шума и многих тысяч восторженно подпрыгивающих зрителей существует одно небольшое тихое местечко, целиком принадлежащее мне, где, как я знал, внутри Виктории спрятан наш с ней ребенок. И весь тот вечер в голове у меня жило и переливалось первое увиденное мною изображение нашего Бруклина.

Весьма возможно, что вплоть до того лета 1998 года жизнь, которую я вел, можно назвать волшебной. В самом деле, с какими разочарованиями мне доводилось сталкиваться до сих пор? Я рос, мечтая играть в «Манчестер Юнайтед», и эта мечта сбылась. Едва попав на «Олд Траффорд», я сразу очутился в одной команде с целой группой воодушевленных мальчиков моего возраста, и мы без особых проблем выигрывали по нарастающей разные чемпионаты и кубки, все более и более значимые. А затем почти неожиданно меня пригласили выступать в сборной Англии по футболу и принять участие в целой серии матчей, позволивших моей стране попасть в финал самого престижного из всех турниров. Задним числом можно сказать, что госпожа удача всегда была на моей стороне. Вместе с тем у меня не было большой практики сверхответственных встреч и того давления, с которым мне пришлось недавно столкнуться. Я знаю, как разочарованы были тем вечером в Сент-Этьенне и игроки сборной Англии, и ее болельщики. Оказавшись в центре шторма, я тоже был раздавлен случившимся. И уж к чему я наверняка не был готов в свои двадцать три года, так это к тому, чтобы всю вину за поражение во встрече против Аргентины свалили исключительно на меня.

Моя жизнь, как и у всякого другого человека, полна уроков, которые надо из нее извлекать. Ведь с карьерой высококлассного футболиста, каждый шаг которого привлекает к себе общественное внимание, неразрывно связана одна особенность, и

состоит она в том, что мне отведено меньше прав на ошибки и меньше времени на то, чтобы смириться с ними и достичь внутреннего согласия. И нечего тут жаловаться на случившееся, поскольку тот же самый вихрь, который пронесся через мою жизнь после удаления с поля и матче против Аргентины, вполне мог промчать следом за мною через Атлантику и вырвать меня из рук той женщины, которую я любил. Спустя двадцать четыре часа после наихудшего момента моей жизни, какой только можно было вообразить, я сидел в «Мэдисон Сквер Гарден» с шершавым и как-то по-больничному выглядящим «Полароидом» в кармане, такой же возбужденный и счастливый, каким мог бы чувствовать себя на моем месте любой парень. Да, в один далеко не прекрасный вечер на одном из футбольных полей во Франции моя жизнь вдруг разбилась на мелкие кусочки. Но уже на следующий вечер, несмотря на эту душевную рану, я позволил себе погрузиться в самое лучшее чувство из всех, какие только возможны: мне предстояло стать отцом. Я не мог знать того, что ждало меня дома, в Англии, или предвидеть, как мне удастся совладать со всем этим. Но если я собирался стать хорошим отцом для того маленького комочка новой жизни, который был виден на фотографии УЗИ, то теперь для меня настало время учиться тому, как быть мужчиной.

7. Спасибо за поддержку

«Когда мы разгрузимся, в воротах вас будет ожидать полиция».

Алекс Фергюсон обладает всеми лучшими качествами, которые необходимы старшему тренеру и администратору. А если вспомнить «Францию-98», то в особенности выделяется одно из них: шеф остался верным своим игрокам, он стоял за них горой и поддерживал даже в самые худшие времена.

— Просто возвращайся в Манчестер, — сказал он мне. — И пусть тебя не волнует, что говорят всякие люди. Приезжай сюда, где все тебя любят и поддерживают. А остальным ты сможешь дать ответ, после того как начнется сезон.

Некоторые считают, что в любом деле и во всяком человеке найдутся стороны, достойные критики, но я могу сказать только одно: лояльность нашего отца-командира по отношению к своим игрокам — главная причина, почему они питают к нему огромное уважение как к человеку и абсолютно верят в него как в старшего тренера. Одной из основных причин, по которой я остановил свой выбор на «Юнайтед», было его отношение к юным и подающим надежды претендентам на попадание в команду: шеф вызывал в тебе такое чувство, будто ты приходишь в семью, а не просто в футбольный клуб. И во всех испытаниях, в горькую и сладкую пору, независимо от любых разногласий или конфронтации между нами мы на «Олд Траффорде» всегда ощущали локоть друг друга. И причина тому — наш отец-командир. Сознание того, что он действенно поддерживает меня, очень помогало мне прорваться и выжить в то лето 1998 года и в начале следующего сезона.

Пока я был в Америке с Викторией, у меня была возможность просматривать часть английской прессы и следить за тем, как она освещает события, имевшие место в Сент-Этьенне. Возможно, я поступил бы правильнее, послушавшись тех, кто советовал мне не делать этого. Даже на расстоянии тысяч миль некоторые из заголовков вроде «ДЕСЯТОК ГЕРОИЧЕСКИХ ЛЬВОВ, ОДИН ГЛУПЫЙ МАЛЬЧИШКА» больно ранили меня. Я и без того понимал, что натворил, но в то же время мне казалось, что реакция средств массовой информации была явно чрезмерной и перехлестывала все разумные пределы: в конце концов, ведь за всем этим стоял всего-навсего футбольный матч. Да, очень важный футбольный матч. Но разве это оправдывало то, каким

образом трактовали меня газеты, как они относились ко мне? Я ожидал встретить нападки и отрицательную реакцию, но был потрясен и шокирован их интенсивностью. Я понимал разочарование Англии, выбывшей из борьбы за Кубок мира, но кое-какие из материалов — особенно наутро после игры с Аргентиной — напоминали бикфордов шнур, призванный поджечь и взорвать часть наших граждан. Для них ненависть казалась естественной и заразительной.

Как вы понимаете, я был далеко, по другую сторону Атлантики, но это не остановило отдельных лиц от оказания давления на совершенно непричастных людей. Из бесед с родителями по телефону я узнал, что к тому времени, когда они вернулись в Лондон из Сент-Этьенна, возле их дома разбили лагерь уже больше тридцати человек. Моих родителей задергали телефонными звонками, и каждый раз, когда они открывали парадную дверь, репортеры совали свои камеры прямо им в лицо. Пишущая братия даже поставила для себя на тротуаре стол и стулья, чтобы при случае выпить кофейку. Они торчали там все время, пока я был с Викторией в Штатах. Я-то сам уже начал привыкать к такого рода вниманию, когда оно проявлялось к моим отношениям с Викторией, но для родителей оно было чем-то абсолютно новым. Для них обоих это стало самым настоящим испытанием, и притом серьезным, но благодаря поддержке, которую они оказывали друг другу, у них хватило сил пережить его. Даже теперь они не рассказали мне и половины того, что кипело вокруг них в те первые несколько дней после матча с Аргентиной. Возможно, они не хотят, чтобы я это знал. Возможно и другое: они не хотят больше думать о том и снова вспоминать те ужасные для них события. И невзирая на все, чего мне удалось добиться с тех пор и через что довелось пройти, кое-какие обрывки сюжетов из масс-медиа тех времен все еще часто преследуют меня. Закрою глаза и вижу свое лицо в качестве мишени для игры в дартс или чучело, свисающее с фонарного столба, отвратительные, явно инсценированные интервью с болельщиками:

— Бекхэм — это позор для нашей страны. Он никогда не должен больше играть за сборную Англии.

Многое из того, что было тогда сказано и написано обо мне, появилось на первых полосах газет или в разделах новостей и исходило не от авторов, специализирующихся на футболе, хотя парочка из них тоже проявили изрядную мстительность. У меня все их тексты собраны и подшиты. Это вовсе не черный список или что-нибудь в таком роде, но уж коль ты собираешь разные материалы о себе, то должен собирать все. Дом моих родителей

всегда был полон газетных вырезок, ожидавших, когда их вклеят в альбомы. Мы собирали их еще с тех времен, когда я был мальчиком. После 1998 года нашлось несколько человек, которые выступили публично и заявили, что они сожалеют о своем участии в разгоревшейся тогда свистопляске.

Редактор «Миррор» Пирс Морган, газета которого придумала ход с мишенью для игры в дартс, был достаточно честен, чтобы признать: «Да, мои люди зашли слишком далеко». Я помню другие публикации, которые сильно травмировали меня в тот период, и остается только надеяться, что журналисты, которые их написали, поступят так же, как Пирс. Теперь я иногда чувствую себя немного странно, выступая на пресс-конференциях в качестве капитана сборной Англии. У меня, думаю, сложились вполне приличные отношения с теми, кто освещает деятельность национальной сборной, и я горжусь возможностью выступать там и говорить с представителями прессы, радио и телевидения от имени своих товарищей по команде. Многие из этих журналистов крутились в том же бизнесе и пять лет назад, в то трудное для меня лето, и я уверен, что они не хуже меня помнят, какие баталии разыгрывались в то время между СМИ и мною. После возвращения в Англию я в течение года или около того полностью уклонялся от всяких разговоров с прессой, в том числе электронной. И это был не только способ отомстить кому-то за то, что говорилось и писалось обо мне. Я знал, что нахожусь под постоянным наблюдением, причем таким пристальным, как никогда прежде, и мне не хотелось очутиться в ситуации, где я мог бы ляпнуть нечто такое, о чем буду позже сожалеть.

Еще перед тем как выйти из самолета после пребывания в Штатах, я получил собственное представление о том, через какие испытания пришлось пройти моей семье за то время, пока я был за океаном. На обратном пути в Лондон главный стюард за час до приземления и «Хитроу» подошел ко мне:

— Когда мы разгрузимся, в воротах вас будет ожидать полиция.

Я подумал, что он шутит. «На кой там нужна полиция? Арестовывать меня, что ли? Защищать меня?» Согласитесь, в любом случае это зашло далековато, не так ли? И правда, в порту ждали полдюжины офицеров в форме, готовых встретить и проводить меня. Мы начали свой путь через здание вокзала небольшой группой: я в середине, они все вокруг меня. Единственное, о чем я сожалел, так это о невозможности громко расхохотаться. Что здесь происходит? Ответ я получил достаточно скоро. Когда мы вышли из зоны прибытия, нам навстречу хлынула толпа фотографов и журналистов,

выкрикивающих просьбы позировать для снимков, сказать что-либо и вообще хоть как-нибудь отреагировать. Полицейские буквально протащили меня через зал и сунули на заднее сиденье поджидавшего автомобиля. Это было нечто ужасное, но оказалось только началом.

Несколько дней спустя я вернулся на «Олд Траффорд», чтобы приступить к предсезонным тренировкам. Теперь хоть, по крайней мере, я каждый день в течение нескольких часов мог сконцентрироваться только на футболе и выбросить из головы все остальное. В раздевалке меня ждала положенная скромная порция беззлобного подшучивания, но мои товарищи по команде знали, насколько серьезно я пытался преодолеть последствия случившегося, а в такой ситуации игроки всегда поддержат друг друга. К тому же я был счастлив снова быть с ними и играть в футбол. Смятение не мешало мне принимать бравый вид перед родителями, которые и так нахлебались достаточно, чтобы еще вдобавок видеть меня по-настоящему расстроенным всем происходящим. Полиция им посоветовала перебраться на время в Манчестер, потому что для меня было небезопасно находиться одному в доме, расположенном в Уорсли. Отец обычно отвозил меня на тренировки, которые проходили на «Клиффе», и после их завершения забирал обратно. Сам я не просил их об этом. Более того, я предложил им взять себе нечто вроде отпуска и уехать из Англии, чтобы хоть немного отключиться от всего происходящего. Но, как мне кажется, мои родители чувствовали себя уютнее, находясь там вместе со мной.

Думаю, что многим людям было бы трудно поверить, как выглядела моя жизнь в те первые месяцы после чемпионата мира. Даже моим друзьям оказалось достаточно трудно вообразить себе это, пока они не испытали всего на собственной шкуре или не получили информацию из первых рук. Спустя несколько дней после возвращения из Америки я встретился после тренировки с Дэйвом Гарднером, и мы решили пойти пообедать куда-нибудь в центре Манчестера. Мы пошли в одно известное нам обоим местечко, которое называлось «Ливинг рум», иначе говоря, «Гостиная». Обычно там был довольно дружелюбный климат, и мы ходили туда регулярно, поскольку тамошние завсегдатаи знали нас, но оставляли в покое, давая возможность спокойно поесть. Однако когда мы с Дэйвом, беспечно прогуливаясь, забрели туда в тот день, события развивались на манер классической сцены из вестерна, когда герой заходит во враждебно настроенный салун где-нибудь в Гнилом ущелье. Посетители разом развернулись в нашу сторону и все, как один, смотрели волком. Это не могло не огорчать. Мы забились в угол и

сунули головы в меню.

— Я больше не приду сюда с тобой, мой друг, — прошептал Дэйв. — Тут можно потерять нечто большее, чем собственную жизнь.

В течение последующих нескольких месяцев мы постоянно шутили по поводу того, что из дому нам следует выходить лишь облачившись в пуленепробиваемые бронежилеты и защитные каски. Необходимо было отыскать какой-то способ смеяться над всем этим — просто для того, чтобы не позволить состоянию напряженности накрепко ухватить тебя за горло.

Что же касается чисто футбольного аспекта всей этой ситуации, наш отец-командир предпочитал не столько говорить, сколько действовать. Он не тратил времени впустую и посвятил лето подписанию контрактов с новыми игроками, в результате чего клуб пополнили Яап Стам, Дуайт Йорк и Йеспер Бломквист — все до одного футболисты известные и заслужившие себе имя на международном уровне. И наши новобранцы, как и мы, отлично знали, что нам требуется сделать: восполнить недоработки минувшего сезона и достичь тех вершин, которые не покорились нам годом раньше. Ведь тогда наши показатели не были достаточно высокими ни для нас самих, ни для клуба, ни для наших болельщиков. Мы понимали, что сезон 1998/99 годов просто обязан стать сезоном больших достижений. А для меня лично это было справедливо еще в большей степени; я вступал в него с таким чувством, что для меня теперь, после чемпионата мира, ситуация — по крайней мере, применительно к моей футбольной карьере в Англии — выглядит совершенно однозначно: пан или пропал.

В новом сезоне свою первую игру в премьер-лиге мы проводили дома против «Лестер Сити». Не думаю, что я когда-либо так же нервничал перед футбольным матчем, как в тот день. У меня всегда складывались хорошие отношения со зрителями, заполнявшими «Олд Траффорд», но как они встретят меня теперь? Не было у меня уверенности и по поводу своей ответной реакции. В последний раз мне довелось выступать в действительно важном и напряженном матче в памятной игре на поле Сент-Этьенна. И сейчас, этим осенним утром, где-то в моей голове шевелилось неприятное сомнение: а не случится ли со мною снова то, что произошло во встрече против Аргентины? Ведь я так и не понял до конца, почему отреагировал на провокационные действия Симеоне именно таким образом, и поэтому не знал теперь наверняка, смогу ли я сдержать себя и остановиться, если попаду в такую же ситуацию. На самом деле у меня в ту пору еще не было достаточно опыта, чтобы понять

простую истину: я был пока относительно незрелым человеком, который на поле горел единственным желанием — побеждать. И сейчас я отчаянно рвался начать игру против «Лестер Сити», но одновременно страшно боялся предстоящих девяноста минут.

Как оказалось впоследствии, нам предстояло провести на поле больше, чем девяносто минут. Манчестерские болельщики приняли меня в тот день просто фантастически. Каждый раз, когда я шел к угловому флажку подавать корнер, тысячи человек поднимались со своих мест, чтобы приветствовать меня. Зрители хотели дать мне почувствовать, что они — на моей стороне. И это значило для меня невероятно много. Я испытывал удивительное ощущение. Когда за тебя 60 тысяч болельщиков «Юнайтед», ты готов покорить весь остальной мир. А игра тем временем шла — не без сложностей, но вполне благополучно для нас: к перерыву счет стал 2:0 в нашу пользу. Сначала Тэдди Шерингэм заколотил один гол, а затем, уже в добавленное время в конце тайма, мы получили право пробить штрафной удар в паре метров от границы штрафной площадки лестерцев. Я начал разбегаться, и в этот момент неумолчный гул толпы зрителей разом прекратился, как отрубленный, и на стадионе воцарилась тишина — невероятная и даже немного жутковатая. Уверен, что все, кто там был, запомнили это странное ощущение. Единственный голос, который я мог расслышать, звучал у меня в голове: «Ну, пожалуйста, влетай. Прошу тебя, прошу — влетай».

И когда я пробил внутренней стороной правой стопы, мяч облетел стенку по кривой и нырнул в угол ворот — мне показалось, как при замедленной съемке. И того времени, которое потребовалось мячу, чтобы пролететь мимо вратаря, было вполне достаточно, чтобы я понял, какой же это прекрасный, просто идеальный момент в моей жизни. Я побежал к угловому флажку с протянутыми вверх и широко разведенными руками, подпрыгивая и совершая по дороге какие-то неуклюжие пируэты. И я совершенно точно знал, что мне хотелось сказать болельщикам «Юнайтед», если бы я мог перекрыть их рев: «Я не знал, чего мне ожидать. Спасибо за поддержку. Этот гол — для вас». Выходя на поле, я всегда умел держать под контролем себя и свои действия. И как бы трудно ни складывались отношения с болельщиками во встречах на выезде, я мог взять себя в руки и продолжать игру. Если я наносил удар или давал пас, никто и ничто не могло хоть каким-то образом воздействовать на меня. Однако за пределами футбольного поля мое самочувствие в этот период становилось все более и более странным. Виктория основное время проводила в различных турне, а мама с папой возвратились в Лондон, на работу. По вечерам я сидел дома один. Особенно мне запомнился

один такой вечер. Наш дом в Уорсли был оборудован системой сигнализации, так что я не беспокоился по поводу нежеланных посетителей. Но где-то ближе к ночи меня разбудил громкий звук, раздавшийся, похоже, в саду — бам-м! Я почувствовал в нижней части живота гадкий холодок, не зная, чего ждать, но опасаясь худшего. Полиция дала мне экстренный телефон на случай каких-нибудь неприятных происшествий, но я решил для начала сам проверить, в чем дело. Не хотелось вызывать полицейских, если это оказалась бы всего лишь кошка, пытающаяся влезть в ящик для мусора.

Я встал с кровати и чуть ли не ползком спустился по лестнице. Потом наклонился и выглянул из проема, предназначенного для погрузочно-разгрузочных работ. Верхом на заднем заборе сидел, скрестив руки, какой-то тип и смотрел прямо на меня. Первое, что я хорошо помню: на мне не было ровным счетом никакой одежды. А он глазел на меня. Это выглядело некой сверхъестественной разновидностью гипноза. Он не двигался, и я тоже не мог шевельнуться. В конце концов я прокричал:

— Чего вы хотите?

Он не двинул ни единым мускулом. И ничего не ответил. Просто оставался на месте и продолжал смотреть на меня, нисколько не озаботившись тем, что я его вижу. Думается, эти мгновения были самыми страшными. Не знаю, насколько долго мы там находились, разглядывая друг друга. И не знаю, к чему бы это все привело, равно как не представляю, что мне следовало предпринять. В итоге я позвонил в полицию, но к моменту их прибытия мой странный посетитель исчез. Я до сих пор чувствую озноб, когда думаю об этом происшествии.

Я уже рассказывал о своем волнении перед той игрой с «Лестер Сити», хоть она и проходила на «Олд Траффорде», в самом сердце большой семьи «Юнайтед». Наш первый выездной матч в этом сезоне был из разряда тех, которых с нетерпением ожидают буквально все любители футбола, — с «Вест Хэмом» на стадионе «Эптон Парк», где наши сегодняшние соперники уже не единожды испытывали игроков «Юнайтед» на прочность, особенно с тех пор, как к ним перешел Пол Инс. Именно там, в соответствии с ожиданиями очень многих, мне предстояло испытать настоящее психологическое давление. Тем не менее, на удивление мне самому, я с нетерпением ждал этого матча. У меня было такое чувство, что если я намерен покончить со своей внутренней неуверенностью и позабыть о ней до конца сезона, то должен проверить себя до конца именно в наихудшей возможной ситуации. Я знал, что нас, и меня лично, ждет трудное

испытание, самый настоящий вызов, и хотел мужественно встретить его.

Никогда не забуду, как мы приехали на «Эптон Парк» на игру. Первым, кого я увидел, выходя из автобуса и пытаясь разглядеть, что происходит снаружи, был полицейский, который торчал прямо у двери и ждал меня. Сначала я даже подумал, что он стоит па ходулях. Этот человек был настолько огромным, что, казалось, заслонял солнце. Все выглядело так, будто уже сами его габариты были предупреждением о степени враждебности. Они ждали меня на автостоянке — сотни людей, на чьих лицах не отражалось ничего, кроме гнева и злобы. Меня это тогда по-настоящему поразило и еще больше поражает теперь, когда я сам стал родителем: толпа отцов, выкрикивающих и мой адрес различные оскорбления и обзывающих меня всеми гнусными прозвищами, какие только существуют, а рядом с ними стоят их сыновья — шести-семилетние мальчишки — и видят перед собой подобный пример.

Только некоторое время спустя я увидел фотографии той толпы и смог по достоинству оценить, насколько сильные чувства царили в тот день на «Эптон Парке». Одно особо красноречивое фото, хранящееся у меня дома, до сих пор все еще пугает меня: я подаю угловой, и можно хорошо разглядеть выражения лиц людей, сидящих на трибуне позади меня. Можно почти физически ощутить их агрессивность; на том снимке удалось ее прекрасно уловить. И дело даже не в том, что вот рядом с ними оказался некий дерьмовый футболист, из-за которого мы вылетели из чемпионата мира и который не должен и не имеет права никогда больше играть за сборную Англии. Суть их мимики, их взглядов — вовсе не в этом и вообще не имеет ни малейшего отношения к футболу. Эти лица говорят только одно:

— Будь у нас такая возможность, мы бы поимели тебя, Бекхэм, по полной программе!

Такая противоестественная ненависть заставляет задаться вопросом, какова же ценность футбола и существует ли вообще такое понятие, коль эта игра порождает подобные эмоции. Если бы я как футболист не сосредоточился на игре и в полной мере осознал суть такого рода моментов, то как мне следовало бы поступить? Уйти с поля? Подобное вообще не приходит мне в голову. К счастью для меня, я воспринимаю все, с чем мне приходится сталкиваться, спокойно, не унывая и не падая духом. Когда мы покидали поле, после того как матч закончился со счетом 0:0, я почувствовал явное облегчение. Вероятно, в моем воображении рисовался намного худший вариант исхода этого дня, и потому мне показалось, что реальная действительность в

конце концов оказалась вовсе не такой страшной, как она мне рисовалась. После неудачного для нашей сборной завершения турнира «Франция-98» мы в тот день, выступая против «Вест Хэма», не могли избежать упреков от болельщиков. Но для меня как игрока «Манчестер Юнайтед» такое отношение было, вероятно, в любом случае неизбежным.

Этот сезон начался для меня с того, что я вообще не испытывал уверенности в том, удастся ли мне дотерпеть до следующего мая. А закончился он как самый немыслимый сезон, какой только доводилось когда-либо отыграть любому из нас — и, возможно, любому из футболистов, выступавших на полях Англии. Не знаю, сможет ли «Манчестер Юнайтед» — или кто-то еще — когда-нибудь снова сделать триплет и выиграть сразу все три почетных звания. Однако в любом случае они никогда не будут завоеваны тем способом, каким это совершили мы. Всякой иной команде придется написать собственный сценарий, ибо только та конкретная группа игроков «Юнайтед» смогла заставить события развиваться именно так, как они происходили.

А для меня лично приключения того сезона дополнительно обладали еще и неким чисто персональным оттенком, который в конечном итоге и придал происшествиям весны и лета 1999 года их специфический и почти невероятный характер. И еще одно. Как раз в тот момент, когда люди начали понемногу допускать, что футбольная команда действительно в состоянии добиться сразу всех этих невообразимых успехов в жизнь Виктории и в мою жизнь вошел Бруклин. А еще через несколько месяцев после невероятно завершившегося для «Юнайтед» вечера на «Ноу Камп» — вечера, когда произошло нечто невозможное, — я, Дэвид Роберт Джозеф Бекхэм, дал торжественную клятву и женился на девушке моей мечты.

На протяжении многих лет существовало несколько команд, с которыми «Манч Юнайтед» привык соизмерять себя на европейском уровне. С двумя из них мы в 1998 году попали в одну и ту же отборочную группу Лиги чемпионов, и это были потрясающие встречи: перед Рождеством мы дважды сыграли вничью 3:3 с «Барселоной», а также 1:1 и 2:2 с мюнхенской «Баварией». И хотя мы не выиграли ни одного из этих матчей, они показали, что мы можем конкурировать на равных с лучшими в то время коллективами. Даже за пределами «Олд Траффорда» люди начали привыкать к мысли о том, что этот год вполне мог бы стать годом «Манчестер Юнайтед». Мы сами никогда не думали об этом, во всяком случае, не на той, ранней стадии. Впрочем, одной веры в себя еще недостаточно для того, чтобы во всеуслышание заявлять всем и каждому о том, как блестяще мы

намерены выступить.

В тот сезон мы смогли показать в премьер-лиге несколько образчиков по-настоящему большого футбола. Дуайт Йорк и Энди Коул не переставали регулярно забивать голы; между ними с самого начала установилось прекрасное взаимопонимание. Помню, как мы разбили «Эвертон» на его стадионе «Гудисон» со счетом 4:1, а «Лестер» на «Филберт Стрит» — даже со счетом 6:2. Затем мы отправились в гости на домашний стадион команды «Форест» и разгромили их 8:1. Это была стартовая игра Стива Маккларена в качестве второго тренера нашей команды, после того как Брайан Кидд пошел на повышение и занял пост старшего тренера в «Блэкберне». Именно в тот день случилось знаменательное событие: Оле Гуннар Солскьер вышел на замену и приблизительно за десять минут забил четыре гола. После завершения того матча Стив в раздевалке не очень-то уверенно поглядывал вокруг — он был новичком в нашем клубе и не совсем четко представлял себе, что ему надлежит сказать. В конечном итоге у него получилось вот что:

— Совсем неплохо, мужики. Вот бы так каждую неделю, а?

Разумеется, когда к нам пришел Стив, чтобы заменить Кидди, дела у нас и без того шли уже по-настоящему хорошо. А в ходе того первого сезона, проведенного Стивом в «Юнайтед», он преуспел хотя бы в том что ничуть не разрушил того, чего уже сумели к тому времени добиться босс и Брайан. Он просто сконцентрировался на сохранении того импульса, который двигал нас вперед. Я считаю Стива одним из лучших тренеров в стране, и он, пожалуй, в гораздо большей мере помог нам сделать в конце того сезона триплет, чем это многим представляется. Мое поколение смогло по-настоящему узнать специалистов вроде Эрика Харрисона и Брайана Кидда, и потому нас волновало, сможет ли наш отец-командир найти достойного продолжателя дела, начатого этими двумя наставниками. Вообще-то слухи о том, что Стив, работавший в ту пору с «Дерби», должен перейти к нам, ходили довольно давно. Кстати говоря, я помню игру против этой команды на «Олд Траффорде», проходившую непосредственно перед тем, как Стив это сделал. В тот момент он сидел на скамейке запасных «Дерби» вместе с их старшим тренером, Джимом Смитом. Стив постоянно говорил что-нибудь своим игрокам или, в крайнем случае, всем тем, кто находился в пределах слышимости. Я до сих пор явственно вижу его пристроившимся на самом краешке под навесом для запасных и гостей — с неизменной записной книжкой в руке. Он поспешно, словно одержимый, что-то чиркал в ней, продолжая в то же самое время безостановочно болтать. В течение одной половины

встречи я играл на той стороне поля, которая располагалась вблизи от их навеса, и мог слышать все его речи. «А чтоб тебя, друг ты наш милый! Ты когда-нибудь закроешь рот?»

Несколько дней спустя Стива представили нам в качестве нового тренера первой команды. Когда тебе столько помогали в отработке самых различных элементов игры, как это было в моем случае, причем начиная с первых дней, еще в команде «Риджуэй Роверз», было бы неправильно говорить о «наилучших методах тренировки» или о «самом лучшем тренере». Но о чем бы я все же сказал наверняка, так это о том, что Стив Маккларен привнес в эту непростую работу очень своеобразные — и очень личные — качества. Его техническая оснащенность, его организованность, его умение снабжать подопечных информацией на тренировочном поле были и остаются абсолютно непревзойденными. Кроме того, ему присущ действительно открытый ум. Как только Стив слышал о чем-то новом, он немедля это опробовал. И если оно срабатывало, мы использовали такое новшество в дальнейшей работе. Но и в противном случае мы, предпринимая попытку, ничего не теряли. И когда в феврале 1999 года он пришел на «Олд Траффорд», то очень быстро завоевал у всех спортсменов подлинное уважение.

«Юнайтед» — это команда, всегда способная и готовая к борьбе, даже на тренировках. Игроки то и дело активно прессингуют друг друга, а также тренерский штаб. Мы жестко идем в отбор. Время от времени отец-командир должен вмешиваться в тренировку и остужать страсти, потому что атмосфера слишком накаляется. Причем в этом клубе дела обстоят именно так на всех уровнях, начиная с молодежных команд. Так уж мы все воспитаны — в духе отчаянного желания победить, невзирая на то, что это всего лишь игра пять на пять, на тренировке в пятницу утром. Стив сразу уловил этот дух и понял также, что в нашем стиле главным является владение мячом, а посему он заботился о том, чтобы весь тренировочный процесс сосредоточивался именно на этом. Кроме того, новый второй тренер не раз заставлял нас веселиться. В моменты свободного полета своей фантазии Стив Маккларен выглядел на поле действительно весьма элегантно; мне кажется, он считал себя кем-то вроде Гленна Ходлла, когда раздавал хитроумные пасы на тренировочных полянах Каррингтона. Когда Стив пришел в клуб, мы уже набрали приличный ход, но он прекрасно поддержал парней, полностью нацеленных на «Ноу Камп», хотя сам смог наложить действительно свой, сугубо оригинальный отпечаток на игру команды только в следующем сезоне.

«Манчестер Юнайтед» в последние сезоны навлек на себя

немалую критику в связи с отношением клуба к розыгрышу кубка федерации, особенно после того, как команда не стала защищать звание его обладателя в 2001 году, когда нас попросили участвовать в новом чемпионате мира среди клубов, организованном ФИФА в Бразилии. Могу сказать в этой связи лишь то, что наш отец-командир — равно как и каждый футболист «Юнайтед» — любит участвовать в самых различных соревнованиях, и не в последнюю очередь по той причине, что они сыграли столь важную роль в том сезоне, когда мы сделали триплет и победили сразу в трех главных турнирах. И в кубке федерации наша рубка в третьем круге с «Ливерпулем» была одним из самых впечатляющих событий сезона 1998/99 годов. «Ливерпуль» благодаря усилиям Майкла Оуэна забил нам почти сразу после начала игры, а затем мы в течение последующих восьмидесяти минут так и сяк давили на них, но не сумели создать при этом ни единой действительно хорошей голевой ситуации. Надо сказать, атмосфера на стадионе была настолько же благоприятной, как если бы я играл в родных стенах «Олд Траффорда». Возможно, на ход матча повлиял тот факт, что это была кубковая встреча, а «Ливерпуль» имел в этом турнире больше болельщиков, чем в премьер-лиге. Но в этот, уже почти безнадежный момент на замену вышел Оле Гуннар Солскьер (мне сейчас кажется, что в том сезоне он всегда выходил на поле со скамейки запасных). И мы почти сразу сравняли счет. Затем Оле в самом конце основного времени забил победный гол, и публика пришла в неистовство: на сей раз драматизм сюжета был столь же напряженным, как и соперничество двух конкурентов. Но победил все же «Юнайтед».

Кубковым матчам вообще присуща особая острота. Лига чемпионов становится намного более захватывающей и для болельщиков, и для игроков именно на той стадии, когда соперники играют на вылет. В 1999 году нам в четвертьфинале по жребию выпало играть против миланского «Интера». В любом случае это был бы захватывающий матч, но здесь с самого начала особый шум вызывал тот факт, что предстояла первая встреча на футбольном газоне Дэвида Бекхэма и Диего Симеоне, который на уровне клубного футбола выступал тогда за «Интер», попав в его состав как раз после чемпионата мира и матча в Сент-Этьенне. Никого, похоже, особенно не интересовало, кто победит в этой паре; по меньшей мере, половина предматчевых прогнозов посвящалась вопросу о том, кто перед началом первой встречи, намеченной на «Олд Траффорде», будет и кто не будет пожимать руку конкретного соперника.

Что же касается меня, то единственной проблемой, которая

для меня действительно имела значение, была сама игра. Впрочем, существовало одно соображение, по поводу которого я принял решение заранее: я попробую после финального свистка заполучить футболку Симеоне (теперь она красуется у меня дома рядом с формой всех других видных футболистов, против которых я выступал на протяжении своей карьеры). В голове у меня сидела в тот вечер еще одна мысль — единственная мысль, которая, быть может, казалась мне более важной, чем футбольный матч, в котором я готовился выступать. Виктории предстояло произвести на свет нашего ребенка, и это могло произойти в любой день. Я сидел в имевшемся на «Олд Траффорде» зале для игроков, ожидая, когда нужно будет пойти на общее собрание команды перед началом встречи, и в этот момент зазвонил мой мобильный телефон. На экране дисплея высветился номер Виктории. Это оно. Оно произошло. Как оказалось, Виктория сообщила мне, что у нее был приступ резкой боли, но в целом все обстоит хорошо. Она чувствовала себя прекрасно и желала мне удачи, и я отправился на собрание команды со спокойной и ясной головой.

Перед играми Лиги чемпионов игроки хозяев поля, прежде чем мяч будет введен в игру с центра поля, продвигаются вдоль шеренги соперников, обмениваясь с ними рукопожатиями. Я до сих пор помню настоящий взрыв фотовспышек, когда я лицом к лицу оказался с Симеоне. В ходе самого матча мы не очень-то часто видели друг друга вблизи, исключая единственный эпизод, когда мы почти столкнулись, и он попал мне бутсой по лодыжке. Мне никогда не узнать, сделал он это умышленно или нет. Важным здесь было то, что я никак не отреагировал. Этот вечер превратился для нас в большой успех. В первой половине я сделал два хороших навеса, которые отлично использовал Дуайт Йорк, и заключительный счет так и остался 2:0. «Интер» оказался командой, против которой действительно трудно играть, но указанный результат был вполне справедливым. Я чувствовал себя счастливым человеком, когда после окончания встречи снова разговаривал с Викторией по телефону. Она рассмеялась от удовольствия, после того как я сказал ей, что заполучил футболку Симеоне и что тот даже чмокнул меня в щеку, когда мы в конце покидали поле. А с моей Спайс-девушкой мы договорились, что на следующий день я после тренировки отправлюсь в Лондон.

Эта победа, потом хороший ночной сон, приятная разминка утром — и вот я внезапно почувствовал, что начинаю приходить в себя после того удаления с поля и всего, что за ним последовало. Разумеется, это еще вовсе не означало, что всем прочим людям тоже больше не было дела до меня. Нет, только к лету 2002 года

я, наконец, смог навсегда оставить позади то, что случилось в Сент-Этьенне. Но сейчас, хорошо отыграв против «Интера» — и с футболкой Симеоне на заднем сиденье автомобиля, — я в эту предобеденную пору мчал по автостраде М6, не думая ни о чем на свете. Через парочку часов мне предстояло быть с будущей мамой моего первенца.

Помню, как я что-то жевал в придорожном баре «У льва», когда прозвучал звонок по телефону. Я чуть не подавился.

— Дэвид? Это Виктория. Доктор говорит, что я должна отправиться в больницу и сегодня вечером родить ребенка.

В течение моей футбольной карьеры со мною случалась куча самых разных вещей, которые имеют шанс испытать на себе не так уж много людей. В то же время каждому отцу знакомы чувства, нахлынувшие на меня в то мгновение, когда Виктория сообщила мне о том, что вскоре ждало ее и меня. Волнение, восторг, страх и ощущение счастья — все то, что сопутствовало самому важному событию в моей жизни, которому предстояло произойти, — свело у меня живот и вызвало ощущение, близкое к тошноте. Я выбросил остаток плитки шоколада, подождал, пока меня перестанет шатать, и крепко вцепился в рулевое колесо. Правда, теперь я не мог ехать в Лондон настолько быстро, как мне бы того хотелось.

Когда я добрался до дома родителей Виктории в Гофс-Оук, она лежала в ванне. Боли превратились в нечто другое. Она знала, что это означает. Моя дорогая девочка подняла на меня взгляд:

— Дэвид, я и вправду нервничаю.

Ты — не первая и не единственная. Я не знал, что сказать. Мы захватили с собою все, что давно лежало наготове, и отправились в лондонскую больницу под названием «Портленд». Виктория собиралась сознательно и добровольно пойти на вовсе не обязательное в ее случае кесарево сечение: доктор решил, что это самый безопасный вариант как для нее, так и для ребенка. Все произошло очень быстро. У нас едва хватило времени поставить сумку Виктории в ее палате, как нас уже завели в маленькое помещение около операционной, где Виктории уже успели поставить капельницу и сделать перидуральную анестезию. Думаю, это были самые напряженные несколько минут из всей процедуры родов. Потом возникла небольшая суета по поводу того, чтобы непременно одеть меня во что-нибудь казенное. Закончилось это дело тем, что я облачился в пару синих больничных брюк, которые были по крайней мере на пять размеров больше, чем нужно. Пожалуй, в любом случае было правильнее волноваться и хихикать над этим, чем слишком

сильно задумываться о том, что ждало нас по другую сторону массивных двойных дверей.

Викторию привезли на каталке и затем переложили на кровать, стоявшую в операционной. Я сопровождал ее до конца. Потом пожал ей руку и сказал, что люблю ее.

— Что со мной происходит? — спросила она у меня. — Ты ведь знаешь, я сама ничего не чувствую.

И это было хорошо, потому что к тому времени ей уже сделали разрез. Я никогда раньше не был в столь необычном, чуждом и почти потустороннем помещении, среди медицинского оборудования и хирургов в халатах, но пробовал отвлечься от всего этого и сосредоточиться только на Виктории. Она посмотрела на меня:

— Послушай, я ужасно хочу есть. Как ты думаешь, тебе удастся достать мне сейчас хотя бы маленький кусочек копченого лосося?

На протяжении всей беременности у нее был волчий аппетит, причем в первую очередь на всяческие морепродукты, и я уверен, что именно по этой причине Бруклин всегда предпочитает рыбу говядине, баранине и прочему мясу. Но я никак не ожидал от нее проявления такой тяги к еде именно в данный момент. Мне оставалось только ждать и наблюдать. Я лишь чувствовал, как сердце ухает у меня в груди. Зато наша молодая мама вдруг почувствовала голод. И буквально в следующее мгновение наш ребенок был уже с нами — медсестра подняла его вверх и показала всем. Я сразу же смог увидеть его, а вот Виктория сначала не могла. Поскольку это было кесарево сечение, медики должны были уложить Бруклина на специальный стол и вставить ему в рот и нос трубки, чтобы прочистить малышу дыхательные пути. Медсестра завернула его в полотенце туго, как только могла, и передала мне. Поскольку Виктории в этот момент еще накладывали швы, именно я первым получил возможность подержать новорожденного. Знаю, что это прозвучит эгоистично, но это была для меня такая удача и такое удивительное чувство! До сих пор я испытал его уже дважды, и ничто в моей жизни — ни на футбольном поле, ни где-нибудь еще — даже не приближается по силе чувств к тому переживанию, к тому трепету и благоговению, которые накатывают на тебя, когда ты в первый раз держишь на руках своего сына. Я сделал несколько шагов и перенес Бруклина к его маме, потом положил головку малыша на подушку рядом с нею и залюбовался двумя самыми драгоценными для меня людьми, которые выглядели такими похожими и такими красивыми. Эта картина навсегда останется в моем воображении.

Мне всегда хотелось иметь детей. Возможно, это желание возникло у меня в связи с тем, что в нашем доме была младшая сестренка, поначалу совсем маленькая. А может быть, я просто приобрел эти отцовские чувства от своих родителей, от мамы и папы, не знаю. Помню, еще только придя в команду «Юнайтед», я испытывал чувство ревности к старшим игрокам в те нередкие на протяжении сезона дни, когда они могли привести своих детей на тренировки, а малышня имела возможность сидеть у боковой линии и наблюдать за игрой своих папочек. Мне тоже до чертиков хотелось этого. И, буду тут честен, я всегда жаждал иметь сына. А на самом деле даже двух сыновей — ведь как бы я ни любил Джоан, но я знаю — и она тоже знает, поскольку мы иногда разговариваем на эту тему и вместе смеемся, — что мне всегда хотелось иметь еще и младшего братика тоже. И в тот день в «Портленде», пристально глядя на Викторию, уткнувшуюся носом в нашего новорожденного сына, я знал: что бы в дальнейшем ни случилось в моей жизни, я счастлив, ибо мне дарован ребенок.

Помню, как Виктория повернулась ко мне, пока я качал Бруклина на руках, и произнесла:

— Что бы ты ни делал, что бы ни произошло, пожалуйста, не покидай его.

В последнее время нам не раз угрожали — это началось еще с лета и снова повторялось, в том числе непосредственно перед рождением Бруклина. Мы обговорили все заранее, продумав, как обеспечить нашу безопасность, так что теперь я пошел вместе с медсестрой, когда та взяла Бруклина, чтобы выкупать его, привести в порядок и подготовить к дальнейшему, хотя для этого пришлось оставить Викторию одну. Буквально все наши родственники собрались в тот вечер в больнице. Нас словно бы укутали и защитили те люди, которых мы больше всего любили. Потом я остался в палате на ночь. Здесь не было еще одной кровати; Виктория лежала на больничной койке, потому что к ней после операции все еще были подсоединены разные трубки и мониторы, а Бруклин безмятежно спал в своей специальной кроватке. Я дремал на полу, использовав в качестве подушки свернутое полотенце и прижав голову к двери таким образом, чтобы ее нельзя было открыть. Возможно, мы нервничали излишне, но никогда не знаешь, чего ждать. В любом случае я был безмерно счастлив: здесь, в этой маленькой палате находились только я, Виктория и Бруклин, мы пробудем вместе до самого утра, я слышу их дыхание и охраняю их сон.

Едва ли не первый звонок по телефону, который я сделал, был адресован Алексу Фергюсону — просто чтобы сообщить ему, что на белом свете появился еще один парень по фамилии

Бекхэм, причем парень совершенно великолепный. У него были собственные сыновья, и, как мне думается, он отлично понял, какие чувства я испытываю. После поздравлений он велел мне не беспокоиться по поводу скорейшего возвращения в Манчестер для тренировок, а оставаться пока с Бруклином и Викторией и вернуться за день до следующей игры. В субботу я сражался против «Челси», а затем примчал назад в Лондон. Сначала у Бруклина возникли проблемы с кормлением, поскольку он срыгивал все молоко. Помнится, в тот вечер Виктория нарядила его в малюсенький бело-зеленый комбинезончик, и я пришел очень вовремя, чтобы увидеть, как все, недавно съеденное им, тут же извергается обратно, залив всю его одежку и постель. Это походило на некое приветствие, специально организованное для меня, чтобы я лучше понял, насколько весело и прекрасно быть папой.

День, когда Виктория и Бруклин возвратились домой, был по-настоящему безумным и, честно говоря, ничего хорошего он в моей памяти вообще-то не оставил. Мы примерно представляли себе, каким образом могут развернуться события на выезде из больницы «Портленд». Достаточно было выглянуть из окна, чтобы увидеть огромный плакат, повешенный напротив поперек витрин сразу нескольких магазинчиков: «К БРУКЛИНУ — СЮДА». Мы предварительно договорились с больницей и с полицией, которые на пару сделали все возможное, чтобы помочь нам: позаботились насчет прохода до автомобиля, повесили на всех окнах вокруг задних сидений занавески. В общем, они сделали все, что мы смогли придумать, пытаясь прорваться через целую армию газетчиков, фотографов и доброжелателей, не причинив при этом вреда малышу, которому исполнилось только несколько дней, и его очень утомленной мамочке. Все наше возвращение превратилось в нечто подобное армейской операции, и везде, где требовалось мое участие в ней, я старался внести свою скромную лепту. Но мне никогда до сих пор не приходилось крепить в машине специальную колыбель для грудного ребенка. В результате я все время хватался не за те ремни, устанавливал эту штуковину не так, как следовало, неправильно пользовался застежками, и в конце концов вместо меня это пришлось сделать акушерке.

Устроившись кое-как в машине, мы плотно задернули занавески и потому — если не считать сотен вспышек фотокамер — фактически не видели всей суеты вокруг нас, пока, добравшись домой, не узрели эту картинку по телевидению. А пока мы с визгом вылетели за ворота — налево, затем направо, потом еще раз направо — и выскочили на Мэрилбоун роуд. Пресса

разместила по пути следования свои автомобили-перехватчики, которые мчались рядом с нами так, чтобы фоторепортеры могли нащелкать нужные им кадры. Полиция, однако, предвидела то, что потом действительно случилось, и, считая ситуацию опасной для нас и всех прочих автомобилистов, она на несколько минут закрыла главную дорогу для движения, чтобы мы могли оторваться от преследователей. Откровенно говоря, наш водитель проявил себя во всем блеске — он надавил педаль газа до пола, и приблизительно через сорок минут мы были там, куда хотели попасть, — в опрятной и безопасной гостиной Тони и Джекки, где каждого ждала чашка ароматного чая. Мы фактически и без того жили в доме Адамсов, пока незадолго до родов не купили себе собственное гнездышко в южной части Лондона. Но где молодая мама может лучше устроиться, чем в доме своих родителей?

Бабушка с дедушкой крутились возле ребенка, и на несколько минут мы с Викторией остались наедине, потягивая чай и глядя друг на друга. Уверен, что подобный момент доводилось пережить каждому свежеиспеченному родителю. Ты ощущаешь в этот миг дуновение реальной жизни, и никто не может сказать тебе, что сейчас нужно делать и как поступать. Тебе остается только глубоко вздохнуть: «Ну вот, все правильно. у и что теперь?»

Виктория кормила малыша грудью примерно с месяц. Я в любой ситуации проявляю подлинную заботу о своих близких, но те первые дни, когда я наблюдал за своей будущей женой, нянчащей нашего мальчика, и видел, как она питает его своим молоком и любовью, сделали эти чувства еще более сильными, чем когда-либо прежде. Однако какими бы потрясающими ни были эти ощущения, через несколько недель я начал задаваться вопросами: «Знаете что, люди? Мне тоже хочется поучаствовать в этом деле и кормить своего малыша».

Для Виктории, как и для каждой матери, кормление грудью было по-настоящему утомительным занятием, так что она, не особо сопротивляясь, позволила мне совершить набег на магазинные и аптечные полки с товарами для младенцев. Я возвратился с уймой всякого добра: бутылочек, подогревателей, насосов, стерилизаторов и прочего. Со стороны я, должно быть, совершая все эти покупки, напоминал какого-то полубезумного ученого-химика. Но я был доволен проделанным. Игра стоила свеч: мне оставалось только добавить в бутылочку немного материнского молока — и вот вам результат: мне никогда не забыть, как Бруклин лежал в тот день рядом со мной на кровати. Это был мой мальчик, я держал его на руках и кормил из соски, а он довольно урчал, словно вся его жизнь зависела от меня и от

этого несложного действия.

Это было удивительное время. У нас в «Юнайтед» события разворачивались захватывающим образом, а я каждый раз, когда мог, приезжал в Лондон, чтобы увидеться с Викторией и Бруклином. Так было до того момента, когда они перебрались в Манчестер, чтобы находиться рядом со мной в новой квартире, которую мы купили на Олдерли-Эдж. А пока я старался не переусердствовать в поездках туда-сюда, хотя всегда находил вождение машины в большей мере отдыхом, чем утомительной работой. Кроме всего прочего, это было мое личное время, когда я мог остаться наедине с собою, а у меня его не так уж и много. Но даже с учетом всех этих соображений я никогда не ездил в Лондон в последние дни перед игрой. Возможно, некоторые люди считали, что и этого слишком много, но каждый раз, когда я видел двух самых дорогих и важных людей в моей жизни, я испытывал удивительный прилив новых сил. Это позволяло мне словно подзарядиться энергией, чтобы потом возвратиться на «Олд Траффорд» готовым к еще большим свершениям. Если что-нибудь тогда и давило на меня, так это невозможностью проводить с ними больше времени.

Первые несколько месяцев Бруклин тяжело давался Виктории. Она так много и так долго работала в составе «Спайс Герлз», вложила столько усилий в успешную карьеру — и вдруг ей пришлось остановиться, а вместо этого сосредоточить всю свою энергию и внимание на только-только появившемся на свет крохотном ребенке, который полностью зависел от нее. Уверен, что любой матери знакомы подобные чувства. Вовсе не хочу сказать, что Виктория не хотела заниматься малышом, но в любом случае новая ситуация была сильнейшим шоком для ее нервной системы. Вся ее жизнь и всё вокруг вдруг разом изменились, причем в том направлении, к которому она не была готова. И без того непростые обстоятельства стали еще сложнее, когда она перебралась в Манчестер и очутилась вдали от своих родных и друзей.

Дом Тони и Джекки очень похож на усадьбу в сериале «Соседи»: туда то и дело заходят разные люди, и там всегда что-нибудь да происходит. На Олдерли-Эдж все обстояло совершенно по-другому. Мы редко выходили куда-либо, и у нас мало кто появлялся, если этот визит не был оговорен заранее. Я уходил на тренировки, а Виктория оставалась одна, порой чувствуя себя в нашей квартире так, словно ее заманили в ловушку. Даже окрестные сады не были частными. Внезапно в них могли появиться фотографы, нацелив свои объективы на заднюю калитку. Думаю, что Викторию это порядком раздражало. Тем не

менее, она терпеливо выносила осаду, и я благодарен ей за это и горжусь ее действиями. Ведь мы с ней решили, что для Бруклина будет лучше всего, если мы втроем — вся наша небольшая семья — будем вместе столько, сколько сможем.

Начиная с апреля 1999 года, я играл по два матча в неделю, и в такое плотное расписание было довольно трудно втиснуть еще и поездки в Лондон. Это отчасти послужило причиной, по которой Виктория решила привезти Бруклина на север, ко мне. Для меня же возможность иметь их рядом, в то время как сезон раскручивался, становясь все более интенсивным и захватывающим с каждым очередным матчем, значила очень многое. И я, как только появлялось окно, мчался домой, где меня ждали мой малыш и его мама.

В ту весну было очень много важных и ответственных игр, но одна из них выделяется из всех остальных, ибо она сделала возможными все последующие события. Спросите любого игрока «Юнайтед», любого болельщика клуба — и они скажут вам, какую именно встречу я имею в виду: переигровку полуфинала кубка федерации против «Арсенала», которая состоялась вечером в среду, 14 апреля 1999 года на стадионе «Вилла Парк». Мы были разочарованы, не сумев победить в первый раз, в воскресенье днем (тот матч закончился со счетом 0:0), но когда мы выходили на поле в день, а точнее, вечер переигровки, любой сторонний наблюдатель мог сразу сказать, что предстоит нечто особенное.

Выступать в полуфиналах — это всегда захватывающее событие, а благодаря тому, что мяч вводили в игру довольно поздним вечером, при свете прожекторов, зрелище выглядело еще более драматическим. В таблице премьер-лиги «Арсенал» располагался ближе всех команд к «Юнайтед», и потому здесь мы были готовы не просто к жесткой борьбе, но к дополнительному времени и, если будет необходимо, к серии пенальти, чтобы выяснить, кто поедет на «Уэмбли» для участия в финале кубка. На карту было поставлено столько, что у нас возникало чувство, словно победитель сразу же делает дубль, а не получает право побороться за него; в общем, для обоих клубов эта игра значила очень многое. Помню, как мы сидели в раздевалке за сорок минут до начала. «Я никогда не выступал в подобных матчах против них. А каково было бы забить «Арсеналу» гол именно сегодня вечером?» Поле «Вилла Парка» всегда приносило мне удачу — именно здесь я забил победный мяч в нашем последнем полуфинале против «Челси». Вот и теперь, в игре с «Арсеналом», мне пришлось ждать своего шанса всего четверть часа. Неподалеку от штрафной площадки отскочивший от кого-то мяч катился в мою сторону, и я, не раздумывая, хлестко пробил,

причем впервые за весь матч, да так, что мяч просвистел мимо Дэвида Симэна. Но чувство, которое я при этом испытал, оказалось вовсе не таким, как я ожидал. Разумеется, я стал подпрыгивать, празднуя успех, но в то же самое время у меня возникло такое ощущение, что я должен прекратить это дело и просто посмеяться над случившимся на пару с моим тезкой Дэйвом. Мы ведь с ним и так часто подшучивали друг над другом, совместно отрабатывая удары по воротам на многочисленных тренировочных занятиях сборной Англии. Если ему удавалось прочитать мое намерение, он запросто ловил мяч, да еще с таким видом, как будто хотел мне сказать: «Неужто это лучшее, что ты в состоянии сделать?» Если же Дэвид не мог угадать направление удара и я забивал, то он хватался со страдальческим видом за боковую стойку ворот, словно не мог устоять на ногах. И какая-то моя часть ужасно хотела в тот вечер на «Вилла Парке» подбежать к Дэйву, вскочить ему на спину и шлепнуть как следует. Я был по-настоящему доволен этим голом, но после всего, что служилось позже в ходе этого матча, только я один, похоже, и помню его сегодня.

Когда ты забиваешь в очень важной встрече, то всегда надеешься, что твой мяч будет победным.

Но «Арсенал» смог восстановиться, усилил игру, и во второй половине, казалось, переломил ход событий в свою пользу. Деннис Бергкамп смог проскочить сквозь наши защитные порядки и сравнял счет, а через пять минут после этого Рой Кин отправился отдыхать, получив вторую желтую карточку. Можно без преувеличения сказать: им уже казалось, что они сломили нас и мы вот-вот посыпемся. А нам оставалось только одно — держать оборону и надеяться на лучшее: «Что бы ни случилось, им не выиграть».

И вот незадолго до окончания основного времени «Арсенал» получил право на пенальти — как раз в те ворота, куда я забил свой гол, который казался мне теперь таким давним, словно это произошло в каком-то другом матче: «Только не это. На точку выходит Бергкамп. А он никогда не промахивается».

К счастью для нас, Питер Шмейхель знал лучше и нырнул именно в левый угол, сумев отбить мяч. Я подбежал к нему, чтобы поздравить нашего голкипера и обнять его крепкий торс.

— А теперь мы должны забить! — проревел он мне.

После этого он оттолкнул меня. Хочу сказать, что он действительно толканул меня, по-настоящему. Я буквально отлетел от него. После великолепного сэйва Питера нам предстояло защищаться от углового удара, и, наверное, каждый из наших ребят был слишком занят, сконцентрировавшись на

перекрытии всех подходов к воротам, чтобы заметить, как я, спотыкаясь, оказался довольно далеко от них.

Девяносто минут так и закончились со счетом 1:1, после чего было назначено дополнительное время. Проще говоря, происходящее на поле немного напоминало тренировочную игру типа «нападающие против защитников», в которой «Арсенал» прочно обосновался вокруг нашей штрафной. Но потом, приблизительно за десять минут до пробития уже казавшейся неизбежной серии пенальти, Патрик Виера (вообще-то, что ни говори, один из лучших полузащитников в мире) ошибся в поперечной передаче где-то на полпути между нашей штрафной площадкой и центральной линией. Райан Гиггз перехватил мяч и что есть силы помчался к их воротам. Гиггзи был у нас одним из немногих, у кого оставались еще относительно свежие ноги, потому что играл он не с самого начала, а вышел на замену после примерно часа игры. Райан продвигался вперед, обошел несколько защитников и, после того как мяч удачно отскочил от его голени, увернулся от Мартина Киоуна, который резко пошел на него. Теперь Райан оказался уже недалеко от ворот «Арсенала», слева и под довольно острым углом. Сейчас он пойдет направо через штрафную площадку к вратарской.

Вместо этого он мощно пробил по мячу в направлении ближней штанги, и тот влетел прямо в верхний ближний угол. Вся трибуна болельщиков «Юнайтед» просто взорвалась. Гиггзи бежал перед ней, размахивая своей футболкой в воздухе. Масса болельщиков прорвалась на поле. Я тоже, хоть и с трудом, добрался к нему, и до сих пор помню запах болельщиков, окруживших нас; в частности, один из мужиков, должно быть, непрерывно смолил всю игру сигарету за сигаретой, а теперь заграбастал меня. Я потом до конца матча не мог избавиться от запаха табачного дыма, пропитавшего всю мою футболку и проникшего, как мне казалось, даже в ноздри.

Когда раздался финальный свисток, болельщики «Юнайтед» снова хлынули на поле, и на какое-то время нам стало даже немного страшновато. Несколько человек подняли меня на плечи. Кто-то пытался стащить с меня в качестве сувенира одну из бутс, кто-то еще вцепился в мою футболку. Во всем этом гаме и неразберихе я наклонился и, пытаясь перекричать шум, сказал одному из болельщиков, который нес меня: «Пока ты тут главный из тех, кто тащит меня, мы не могли бы попробовать двинуться в сторону раздевалок?»

Как я уже говорил, все это выглядело малость пугающим, и мне показалось, что меня катали на чужих плечах по полю чуть ли не целый год. Думаю, я был последним из футболистов, кто

покинул его. Вместе с тем эти минуты доставили мне истинное удовольствие. Такого рода моменты случаются не слишком часто, даже если ты играешь за «Юнайтед», и мне, конечно же, хотелось испытать все это. Наконец, я все же сумел попасть в раздевалку. Атмосфера там была совершенно фантастическая, но полностью отличалась от безумия, бушевавшего снаружи. Никаких прыжков, никаких выкриков или возгласов; все, включая нашего отца-командира, просто сидели, где попало, расслабившись и ощущая приятную истому. Ведь только что со всеми нами произошло нечто особенное, почти небывалое. Это был один из самых лучших футбольных матчей, в которых мне когда-либо доводилось выступать. А теперь, как оказалось, нам — уже в другом турнире — предстоял еще один полуфинал, который приходился на вечер следующей среды.

Мы не особенно хорошо отыграли в первой полуфинальной встрече Лиги чемпионов против «Ювентуса». Они приехали на «Олд Траффорд» и добились ничьей 1:1, а этот счет был почти равнозначен победе, особенно благодаря голу, забитому ими на выезде. Теперь мы должны были побеждать в Турине. А ведь фактически почти никому не удавалось добиться там победы. Вот и тогда уже через пять минут после начала игры «Ювентус» повел 1:0 и продолжал давить нас. Прошло еще десять минут, и счет стал уже 2:0, причем их давление по-прежнему не ослабевало. Я даже вернулся мысленно назад, к тем полуфинальным встречам против «Дортмунда» и шансам, которыми мы так и не смогли воспользоваться. Неужто мы второй год подряд пролетим мимо финала?

Иногда в трудно складывающемся матче, когда ты и вся команда продолжают упорно бороться, кому- то удается неожиданно блеснуть, как это смог сделать Райан Гиггз на «Вилла Парке», и переломить ход встречи. В других ситуациях на такой всплеск оказывается способной вся команда в целом, как это и случилось на туринском «Стадио делла Альпи». Не знаю, возможно, «Ювентус» немного расслабился, но у нас впервые в этой игре удались несколько проходов вперед. Прошло приблизительно двадцать минут, и мы все еще проигрывали 0:2, но у нас уже не было такого чувства, словно они нам не по зубам. Помню, как я проходил вблизи от Гэри Невилла и, повернувшись к нему, сказал:

— Они уже не так хороши, Газ. Знаешь, мы вполне можем дожать их.

Буквально спустя несколько минут после этого эпизода я подавал слева угловой, и Рой Кин смог просто потрясающе пробить головой и сократить разрыв в счете до 2:1. Не сосчитать,

сколько великолепных матчей провел Кини за нашу команду. Но, тем не менее, тот вечер стал особенным даже по его стандартам. Он забил гол, но вскоре после этого получил предупреждение. В этот момент и он, и мы все знали, что это означало: он будет вынужден пропустить финал, если мы туда попадем. Но Кини ни на мгновение не опустил голову. Единственное, что его сейчас наботило, это победа «Юнайтед» в данной встрече. Но какие аргументы мы должны были предъявить в этом труднейшем споре? И какие мог противопоставить нам «Ювентус»? Как только мы забили один ответный гол, можно было буквально нутром ощутить, что игра переломилась. Они начали паниковать.

Йорки еще до перерыва сравнял счет, а затем Энди Коул приблизительно за пять минут до конца забил победный гол.

У любого игрока есть честолюбивые амбиции и желание участвовать в таких матчах, которые являются самыми знаменательными, самыми важными для его клуба и его страны. Таков финал европейского кубка чемпионов; у «Юнайтед» он всегда был сверхзадачей. Каждый из нас знал, что завоевание этого трофея было для нашего шефа самым желанным событием в футболе. Когда в конце игры в Турине мы вышли вперед и победили со счетом 3:2, то понимали, что уже почти достигли вожделенной цели. У нас имелось достаточно хороших игроков; и у всех ребят возникло такое чувство, что, когда в этом возникает нужда, спортивная удача начинает склоняться в нашу сторону. А еще в тогдашней команде царил такой дух, особенно в том сезоне, благодаря которому мы ощущали себя непобедимыми. Каждая игра, которую мы проводили в течение нескольких последних месяцев сезона 1998/99 годов, была в некотором смысле финалом кубка: если бы мы проиграли любую встречу — в премьер-лиге, в кубке федерации или в кубке европейских чемпионов, это означало бы, что нам уже не удастся сделать триплет. Никто не знал, будет ли у нас когда-либо снова такая же благоприятная ситуация, и потому ни один из нас не хотел пропустить ни единой игры из оставшихся, хотя наш отец-командир постоянно подходил к нам и говорил, что может предоставить каждому возможность передохнуть, если только кто-либо чувствует себя утомленным. Но все мы были на таком взводе, что закончив одну трудную встречу, уже на следующий день могли бы отыграть очередную, какими бы тяжелыми ни казались ноги.

Титул чемпиона премьер-лиги разыгрывался между нами и «Арсеналом», причем борьба была такой же упорной, как в полуфинале кубка федерации, и они почти до самого финиша шли на грудь впереди. Каждой из наших команд оставалось

провести по две игры, и за день до того, как нам предстояло посетить Блэкберн, «Арсенал» отправился в Лидс. В течение многих недель мы ждали, когда же они, наконец, споткнутся. Я наблюдал за той встречей на «Элланд Роуд» по телевизору. Напряжение ужасное, особенно потому, что сам ты ничего сделать не можешь. И вот в самом конце Джимми Флойд Хассельбанк забивает «Арсеналу» гол, а у меня в тот момент было такое чувство, словно это сделал я сам. На следующий вечер мы вышли на стадион «Эвуд-Парк» и свели матч вничью 0:0, а это означало, что если в последний турнирный день сезона мы побьем «Шпоры», то снова станем чемпионами. Вопрос о триплете должен был решиться за десять майских дней, которые начинались на «Олд Траффорде», где нам предстояла заключительная встреча в премьер-лиге, определявшая, завоюем ли мы звание чемпиона.

Вся пресса трубила, что нам будет легко: ведь «Тоттенхэму» не хотелось, чтобы лигу выиграл «Арсенал». Но в тот день, особенно в первой половине встречи, наша задача отнюдь не казалась нам легкой. Как мы могли зайти столь далеко и играть так ужасно? Я упустил по-настоящему хороший шанс забить головой. Дуайт Йорк угодил в штангу, сразу после этого «Тоттенхэм» перевел игру на другой конец поля, и Лес Фердинанд забил нам гол. Это было совсем не то, на что мы рассчитывали. Потому мы бросились отыгрываться, и перед самым перерывом мяч переадресовали мне, а я с ходу хлестко пробил в верхний угол и побежал праздновать свой успех. Позже я просматривал видеозапись этой игры и, взглянув на собственное лицо, после того как мне удалось сравнять счет, испытал некоторый шок. Я видел подобное выражение на лицах других игроков: в Престоне, после того как забил со штрафного удара, в Блэкберне в тот вечер, когда я совершил ошибку, вступив в пререкания с Роем Кином. Я видел его и на лицах болельщиков «Юнайтед», которые до предела заполняли «Олд Траффорд» в дни решающих встреч. Но я не думал, что когда-либо увижу такое же выражение на своей физиономии, увижу это неудержимое желание победить — настолько отчаянное, что оно напоминало ярость. Улыбайтесь, парни. Мы только что забили. Но в тот момент все наше разочарование собственной игрой в первом тайме испарилось, равно как и огромное напряжение из-за понимания того, сколько поставлено на карту в этом матче и какие возможности находятся под угрозой. А я тем временем просто побежал к нашим болельщикам, крича что-то несуразное.

Наш отец-командир был чуть более спокоен, чем я, и в перерыве между таймами хладнокровно внес изменения в наш

состав и тактику. Мы, равно как и толпа наших приверженцев, были удивлены, что он снял Йорка и выпустил на поле Энди Коула. Но потребовалось всего несколько минут, чтобы доказать его правоту: почти в самом начале второй половины встречи Энди изящно переиграл их вратаря и забил гол, который оказался победным. В конце нас ожидало еще несколько нервных моментов, но в целом работа была сделана. А позже, уже в раздевалке, никто не вспоминал о встрече с «Ньюкаслом», предстоявшей на «Уэмбли», или с «Баварией» на «Ноу Камп». Никто ничего не говорил о триплете и даже не намекал на него. Да это и не требовалось. Это слово и без того витало в воздухе; оно заполняло собой всю раздевалку, неумолчно звенело в голове у меня и, как я предполагаю, у всех остальных. Вот оно, совсем рукой подать. Теперь надо только сделать это.

Два кубковых финала за неделю — я был, разумеется, счастлив. Помимо всего прочего, это означало еще и два новых костюма. Думаю, это Гэри Невилл договорился с фирмой Prada: синие костюмы, белые футболки, синие галстуки — в общем, совсем неплохо для субботнего вечера на «Уэмбли». Я сам вызвался предложить вариант прикида на европейский финал. Мне хотелось, чтобы для лиги чемпионов мы принарядились в нечто действительно оригинальное. Единственное указание в мой адрес поступило от старшего тренера: независимо от того, что я выберу, на верхнем кармане куртки обязательно должна быть клубная эмблема «Юнайтед». Ранее в этом же году Донателла Версаче, которая очень дружила с Викторией, пригласила меня в Италию для участия в весенней демонстрации мод. Когда я позвонил ей, чтобы сообщить, что мы вышли в финал европейского кубка, мне ответили, что уже и так проектируют нашу экипировку: светло-серый костюм, белая футболка и угольно-черный галстук с небольшой эмблемой «Юнайтед» на нем и с гораздо большей эмблемой на куртке. Возможно, я не совсем объективен, но, на мой взгляд, они делали важное дело. За свою футбольную жизнь я очень хорошо понял, насколько значим внешний облик. Я просто не мог позволить, чтобы Стюарт Андервуд, Эрик Харрисон или наши парни вкупе с отцом-командиром чувствовали себя не в своей тарелке, когда им придется выходить на «Ноу Камп».

Финальный матч против «Ньюкасла» оказался проще, чем ожидал любой из нас. Мы были на подъеме и играли действительно хорошо. Когда Тэдди забил первый гол, каждый из присутствущих на стадионе знал, что дубль уже никуда от нас не денется. В середине недели, предшествовавшей этой встрече, шеф сказал, что хочет предоставить мне отдых. Однако из-за травм

нескольких наших парней и санкции, наложенной на Кина, нам в следующую среду явно не хватало игроков в средней линии. В конечном итоге он все же принял решение, чтобы я с первой минуты вышел на поле и в субботу тоже, но я до сих пор помню, сколько времени мне пришлось буквально умолять его: ведь это был, как ни говори, финал кубка федерации. И я не хотел пропустить ни единого момента этого триумфа.

В ходе того победного для нас матча с «Ньюкаслом», состоявшегося в ту субботу днем и завершившегося со счетом 2:0 в нашу пользу, случилась одна неприятность. Я старался отобрать мяч у Гэри Спида, и он локтем ударил мне в лицо. У меня оказалась рассеченной губа. Всю остальную часть игры я испытывал жгучую боль — иногда просто нестерпимую, — и когда мы поднимались по ступенькам перед королевской ложей для получения кубка федерации, моя губа довольно сильно кровоточила. Гэри Невилл обмотал своей футболкой кулак и хотел хоть немного вытереть мне кровь — я даже не представлял, как скверно все это смотрелось со стороны. Губа моя воспалилась, сильно болела, и до нее нельзя было дотронуться. Вернувшись в гостиницу, где мы остановились на этот вечер, я встретился с Викторией, которая пришла на ужин. Мы сидели в нашем номере, я сделал глоток из стакана с минеральной водой и внезапно понял, что она просочилась сквозь мою губу. Сначала я не мог поверить в это. Рана была сквозной. Я закрыл рот и надул щеки, а вода просто била струйкой через дырку в губе — с таким почти сверхъестественным трюком можно было выступать на вечеринках, и такова была моя плата за победу и завоевание кубка.

Мысленно возвращаясь назад, я испытываю такое чувство, словно после этого матча у нас было несколько недель на подготовку к финалу кубка европейских чемпионов против «Баварии» из Мюнхена. А фактически игра на «Ноу Камп» проходила в следующую среду. Просто время тогда, как нам казалось, текло очень медленно; для всех нас это было нечто новое, и я думаю, что мы в течение тех нескольких дней воспринимали каждое мгновение сильно растянутым. Но на самом деле нами владело что-то абсолютно необычное. Уже выиграв чемпионат премьер-лиги и Кубок федерации, мы испытывали такое чувство, словно на нас больше ничего не давит. Хорошо помню, что все мы были спокойными, расслабленными и просто ожидали, хоть и с нетерпением, предстоящее событие. И я никогда не забуду того, что сказал нам отец-командир в раздевалке непосредственно перед тем, как нам предстояло выйти через туннель для выступления в этом самом важном

матче за всю нашу жизнь:

— Поверьте мне, сегодня вечером после игры вы не пройдете, отвернувшись от европейского кубка. Если вы не завоюете его сейчас, это будет самый болезненный удар, который вам доводилось и доведется испытать в футболе. Сделайте так, чтобы в конце матча вам не пришлось испытать горькое разочарование и лишь со стороны смотреть на этот трофей, не имея возможности прикоснуться к нему, чтобы не пришлось осознать, что вы имели шанс завоевать его, но не воспользовались им.

Не знаю, насколько напутствие шефа помогло нам сосредоточиться на том, что мы должны были сделать. Сам факт, что оно так ясно запечатлелось в моем мозгу, уже говорит, как мне кажется, о многом. И уж наверняка я знаю, что каждое слово, которое он сказал по поводу болезненного разочарования, было на сто процентов верным. А для того чтобы убедиться в их справедливости, нам вовсе не требовалось самим испытать все это, — достаточно только посмотреть видеозапись той игры. Гляньте на игроков мюнхенской «Баварии», как они идут получать свои медали проигравших. Некоторые из них украдкой бросают взгляд на трофей, стоящий чуть поодаль в ожидании футболистов «Юнайтед», и хорошо видно по их глазам, насколько они опустошены и раздавлены. Многие не могут даже заставить себя поднять голову и оглядеться вокруг.

Бруклину было только два месяца, и Виктория не собирались приезжать в Барселону. Она в тот период не присутствовала на большинстве выездных матчей, которые проводил «Юнайтед», — мы проявляли осторожность. Тем не менее, она все-таки решилась — в конце концов, это был финал европейского кубка чемпионов, и к тому же у нас появилась возможность сделать исторический триплет. Нянчить малыша остались Тони и Джекки, а вдобавок у Виктории нашлось еще несколько подруг и знакомых, готовых позаботиться о нашем сыне. Моя жена не очень-то разбирается в футболе, но всегда поддерживает меня и к тому же ощущает радостное волнение, сопутствующее особенно важным встречам. Обстоятельства барселонского финала и его смысл тоже были ей хорошо понятны. Я был по-настоящему доволен тем, что она решилась ехать со мной, хотя перед самым началом игры стал нервничать. Если Виктория приходит на матч с моим участием, я не могу расслабиться и спокойно предаться игре, пока не отыщу ее среди зрителей и не буду знать, что у нее все в порядке. Я все время смотрел туда, где, как мне думалось, она должна быть, но не находил ее, и только когда мы уже расходились по своей половине поля и мяч вот-вот должны были ввести в игру, я увидел ее и смог спокойно сосредоточиться на деле. Думаю, что

Виктория была довольна своим поступком. Помню, как после игры она мне сказала:

— Это было нечто немыслимое. Я никогда в жизни не испытывала ничего подобного.

Она словно вынула эти слова у меня изо рта: то, что происходило на поле, было именно немыслимым. Из-за травм и превышения у некоторых наших ребят лимита желтых карточек меня в матче против «Баварии» поставили в центре средней линии. Я знаю, что независимо от моего собственного мнения и соображений по этому поводу других специалистов наш старший тренер всегда предпочитал, чтобы я действовал справа, хоть и достаточно широко. Но в ситуации, когда Скоулзи и Кини вынуждены были в тот вечер пропускать встречу, он поверил, что я смогу сыграть в центре, и для меня много значило, что впоследствии, выступая перед прессой, он похвалил мою игру на этой позиции. Да и мне самому очень понравилось действовать здесь, причем рядом с Ники Баттом. Я все время находился в центре событий и так или иначе участвовал в большинстве сколько-нибудь важных эпизодов матча.

А нам приходилось трудно. Невероятно трудно. И, честно говоря, это был далеко не лучший наш матч. «Бавария» забила ранний гол. Она показала себя сильной командой и к тому же очень хорошо организованной, как и все немецкие дружины. Мы хорошо знали их, и они ничуть не хуже знали нас: ранее в этом же турнире, на групповой его стадии наши команды дважды сыграли между собой вничью. Тем не менее, возникало такое чувство, будто баварцы были уверены, что именно они контролируют ход событий. А последнее развивались таким образом, что, особенно в середине второго тайма, у «Баварии» было больше шансов забить второй гол, чем у нас — сравнять счет. Питер Шмейхель действовал великолепно и несколько раз буквально спасал наши ворота; баварцы упустили несколько почти идеальных возможностей. И все же тот двадцатиминутный отрезок времени не сломил нашу команду, а вызвал у нас подъем. Они нанесли коварный удар, после которого мяч попал в перекладину и отскочил от нее в руки Питера. Почему они при таких возможностях никак не могут забить нам снова? Нет, надо продолжать действовать, и не известно, как оно повернется. И на нашей улице может случиться праздник.

Внезапно — никто из нас не знал, как мало времени оставалось в тот момент до финального свистка, — мы получили возможность переломить игру. Я перехватил мяч, обыграл своего соперника и сделал дальний пас налево. Оле, который вышел на замену всего за несколько минут до этого, тоже сыграл удачно и

заработал право на угловой. Я совершил спринтерский рывок, чтобы побыстрее подать его. В этот момент я хорошо помнил, что хотя поле на «Ноу Камп» очень большое, около угловых флажков едва хватает места, чтобы разбежаться при подаче корнера. А еще я видел, что Питер прибежал помочь нашим атакующим порядкам в штрафную площадку «Баварии», и, увидев его решимость, попытался успокоиться и взять себя в руки: «Только не напортачить. Надо хорошо и повыше подкрутить мяч и постараться направить его в опасную область».

Я нанес удар. Мяч полетел к Гиггзи. Тот промахнулся и не попал по нему, а мяч подпрыгнул и отлетел к Тэдди Шерингэму, второму нашему запасному, который сразу же пробил с нескольких ярдов. Тэдди был очень близок к тому, чтобы оказаться вне игры. Но этого не случилось, и мы сравняли счет — на табло загорелось 1:1. Все мы ощутили прилив сил. А я так просто обезумел. Клянусь, я испытывал желание то ли кричать, то ли плакать. И одновременно мы все в тот момент почувствовали, насколько дают себя знать труды всего этого сезона. Я был совершенно без сил. А взглянув на Гэри, увидел, как тот празднует наш успех в одиночку. Он был счастлив, но не мог заставить себя добежать до остальных ребят, лежавших кучей на Тэдди. Те, кто сидел на нашей скамейке, повскакивали и выбежали на газон. Но все находившиеся на поле и сидящие на трибунах, должно быть, думали об одном и том же: «Ясно, что нас ждет. Дополнительное время».

После почти безнадежной ситуации мысль о еще тридцати минутах игры едва только родилась, но уже готова была укорениться в наших головах. Пожалуй, только наш отец-командир был в тот вечер единственным человеком на «Ноу Камп», который пока еще не ждал финального свистка об окончании основного времени. Я бросил взгляд на нашу скамейку. Стив Маккларен пытался что-то сказать шефу, советуя реорганизовать команду. Шеф от него отмахнулся и попросил не приставать. Неужто мне померещилось, или же Алекс на самом деле действовал так, словно знал, что мы снова забьем? Он кричал нам, требуя поскорее возвращаться к центру поля и дать немцам возможность побыстрее ввести мяч в игру.

Почти сразу же после этого мы заработали еще один корнер. Это случилось настолько быстро, что когда я шел подавать его, то видел, как болельщики «Юнайтед» все еще продолжают прыгать, выкрикивая радостную весть в свои мобильные телефоны и празднуя гол, забитый Тэдди. А игроки «Баварии», как мне подумалось, пока лишь старались осмыслить произошедшее. В мгновение ока я ударил по мячу, Оле первым добрался к нему, и

мы снова забили. И хотя наш второй гол влетел в их ворота уже в середине добавленного судьей времени, а после празднований до конца оставалось совсем немного, «Бавария» нашла в себе силы перевести мяч на нашу половину поля и еще раз двинуться вперед. Мои ноги были уже на пределе. Да и у всех они были налиты свинцом: «О, нет. Только не забейте, пожалуйста, теперь».

Кто-то сумел отбить мяч подальше от нашей штрафной площадки, и тут же раздался свисток. Не знаю, как это получилось, но этот пронзительный звук подействовал на меня подобно удару током, и я ощутил последний взрыв неизвестно откуда взявшейся энергии. Я пробежал — и не как-нибудь, а по-спринтерски — с распростертыми руками почти через все поле по направлению к трибуне с нашими болельщиками. Большинство остальных наших парней просто попадали на газон, поскольку не держались на ногах, они были в изнеможении и совершенно лишились сил. Вероятно, это было лучшим, что можно было сделать в данный момент, но я не мог сдержаться. Рев, поднявшийся среди болельщиков «Юнайтед», когда игра закончилась, был настолько оглушительным, что у меня заложило уши и возникло такое чувство, словно с трибун палят в меня из пушек. Не знаю, доведется ли мне когда-либо снова испытать хоть что-то подобное или увидеть такое бурное празднование успеха.

Мы в полной отключке провели на поле какое-то время, показавшееся нам часами, а потом устроили там же, на открытом воздухе, под дуновениями теплого испанского вечернего ветерка нечто вроде короткой вечеринки без еды, но с участием всех: и ребят, которые только что завершили игру, и тех, кому не удалось выйти на поле, и тысяч болельщиков «Юнайтед», пришедших в тот вечер на «Ноу Камп». Это были именно те мои приверженцы, которые приветствовали меня на «Олд Траффорде» в начале текущего сезона; те, кто оставался верным мне после «Франции-98», несмотря на перекрестный огонь, под который я тогда попал. Мы могли видеть на лицах этих людей, как много значило для них только что случившееся, и они могли видеть, насколько счастливы игроки «Юнайтед» праздновать эту победу здесь и вместе с ними. Для меня лично эти чувства носили особенный характер: ведь если бы не поддержка со стороны болельщиков в той первой игре, открывавшей на «Олд Траффорде» сезон 1998/99 годов в премьер-лиге, то я не уверен, что участвовал бы сегодня на «Ноу Камп» в завершающей встрече. Я никогда не забуду того, что эти люди сделали для меня. И я знаю, что они тоже никогда не забудут того, что мы все сделали для них в заключительные минуты самого великого матча из всех сыгранных нами.

Когда мы, наконец, смогли пробраться в раздевалку, там воцарилось настоящее безумие. Шампанское лилось рекой. Альберта, отвечающего у нас за комплектование формы и прочего спортивного снаряжения. бросили в джакузи. Каждый, не обращая внимание на других, пел, кричал и смеялся. Мы много лет играли вместе в футбол, и теперь было самое подходящее время, чтобы вместе побеситься. В конце концов, народ все-таки начал переодеваться. Мы с нетерпением ждали встречи со своими близкими. Помню, как я просто сидел в раздевалке на своем месте, наблюдая за всем происходившим вокруг меня, и пытался осознать то, что мы сделали. Потом посмотрел в дальний угол — на европейский кубок, который просто стоял там, на самой обычной скамейке, и рядом с ним никого не было. Это мой шанс. Я нашел нашего клубного фотографа:

— Ты бы не мог сделать парочку снимков, на которых я его держу?

Я вернулся через туннель, прошел мимо небольшой часовни и снова оказался на поле. Половина прожекторов все еще были включены, половину уже вырубили. На обширном газоне лежали странные тени, отбрасываемые непонятно чем, а в темноте едва вырисовывались пустые трибуны. И все же вполне еще можно было воссоздать в своем воображении эхо выкриков зрителей и их приветствия, скандировавшиеся на протяжении всей встречи. Это было поразительное чувство: «Сорок минут, час назад, в этом месте было полно людей. Мы там играли. И нас там чуть не победили». Затем я опустил взгляд на кубок, который до этого установил на траве прямо перед собой. На мгновение я почувствовал себя тринадцатилетним мальчиком, который впервые бегал вразвалочку по этой же лужайке, озабоченный предстоящей встречей со звездами, игравшими в «Барселоне», и пытался тогда вообразить, какие чувства его охватят, когда он сам сможет играть на их поле. Я поднял европейский кубок, и фотограф несколько раз щелкнул затвором. Сейчас я переживал один из самых торжественных моментов, какие могут выпасть на долю футболиста в ходе его карьеры, и стоял там, при половинном освещении, с медалью победителя на шее, ощущая смирение и почтительный трепет перед тем, что только что произошло. В тот вечер я испытал такое же ощущение еще раз, немного позже, когда все игроки собрались гостинице на ужин. Наряду с родственниками и самыми близкими друзьями всех футболистов там находилась и Виктория, а также мои родители. Все присутствующие встали со своих мест за столами и долго рукоплескали. Моя жена — не тогда, а вскоре — назвала это событие немыслимым. Она совершенно правильно уловила его

суть.

Мои мысли все время вертелись вокруг нашего трофея. Думаю, что мог бы взять на себя его благополучную доставку с этого стадиона. Может быть, именно поэтому я вышел на автостоянку поискать наш автобус. Казалось, все остальные и всё остальное отплыло куда-то далеко прочь, и в воздухе разлилась жутковатая тишина, внушающая суеверный страх. Те несколько голосов, которые можно было расслышать, звучали так, будто доносились откуда-то издалека, за несколько миль отсюда. Я стал озираться по сторонам и увидел приближающегося отца. Он словно бы сам собой возник из темноты, как бы из ниоткуда, шагая рядом с мамой и еще кем-то. При этом мы вовсе не договаривались встретиться сразу после игры; я ожидал увидеть их уже после возвращения в гостиницу. Девяносто тысяч человек, собравшихся на «Ноу Камп» в тот вечер, — и твои мама с папой, с которыми ты вдруг сталкиваешься совершенно случайно. Мы оказались единственными, кто там находился.

Отец не мог вымолвить ни слова. Он просто обнял меня. У меня возникло такое чувство, будто он плакал или, по крайней мере, очень старался не сделать этого. Да и у меня в глазах тоже пощипывало. Мы оба знали, как это было, когда встретились меньше года назад на совсем другой автостоянке, после игры с Аргентиной в Сент-Этьенне. Мои родители знали лучше всех остальных, что случилось со мной тогда и что происходило, начиная с того вечера. Ведь это очень сильно задело и их тоже. Так уж оно бывает, когда что-либо приключается с вашими детьми. Их жизнь становится самой важной частью вашей собственной жизни. Теперь я, конечно, и сам знал, что это означает — быть отцом. Так что я всего лишь поставил кубок и просто обнял своего отца.

8. Согласен

«Бекхэм. Я здесь. Прошу слова».

«Виктория ненавидит этот север…»

«Дэвид переходит в «Арсенал»…»

«…либо, если он этого не сделает, то должен будет купить вертолет, чтобы летать в Манчестер три раза в неделю».

Когда мы купили себе дом почти на самой окраине Лондона, возникло множество предположений или, вернее сказать, спекуляций. Правда была куда проще, но зато и намного менее пикантной или спорной. Но газеты, как всегда, нуждались в чем-нибудь экстраординарном, а это, как я предполагаю, подразумевало, что любую скучную и ординарную историю вроде нашей надобно приукрасить и раздуть, дабы людям было о чем посудачить. На самом деле у Виктории не возникало вообще никаких проблем в связи с Манчестером или с моими выступлениями в «Юнайтед». Что же касается меня, то я не имел абсолютно никаких намерений когда-либо расставаться с этой командой. Думаю, что даже отец-командир увидел за нашей покупкой нового жилища гораздо больше скрытого смысла, чем это было в действительности. Он знал о циркулирующих сплетнях и однажды отвел меня в сторону:

— Почему ты купил его?

Главным предметом его беспокойства были, вероятно, опасения, что у меня могут возникнуть трудности с регулярными поездками из Эссекса на тренировки в Манчестер. Но даже после того, как мы с ним переговорили на эту тему, он, как мне кажется, на протяжении года или даже больше был фактически убежден, в игру, то фактически ничем не отличаюсь от любого другого футболиста. Так уж оно бывает, когда ты становишься профессионалом: твоя жизнь вращается вокруг тренировок и игр. И так оно должно быть. Даже один из самых значимых дней моей жизни — я имею в виду день моей свадьбы — должен был втиснуться на свое место, отведенное ему в промежутке напряженного календаря «Юнайтед». Хорошо хоть, по крайней мере, что лето 1999 года, выбранное нами с Викторией для этого,

не было временем проведения чемпионата мира или кубка европейских чемпионов, так что мы могли не особенно спешить. Когда я спустился с невероятных высот «Ноу Камп», куда сумел взлететь в мае того года, и смог, наконец, снять с себя медаль обладателя европейского кубка, которую много дней носил на шее, мы смогли сосредоточиться на своей дальнейшей жизни и провести собственный, весьма волнующий финал кубка Бекхэмов, в котором Дэвид и Виктория четвертого июля вступили в брак.

Надо честно сказать, что этот Большой День потребовал некоторых организационных мероприятий. К этому надо так же честно добавить, что я занимался этим делом совсем не так уж много. Мы знали, чего нам хотелось, и общая идея праздника у нас была. Жизнь превратилась в сказку, с тех пор как Принц встретил свою Принцессу, и мы оба хотели, чтобы это как-то отразилось на церемонии. Но когда речь зашла о деталях, то тут основную часть трудной и не всегда благодарной работы проделала Виктория. Правда, для начала мы вместе придумали много чего необычного и запоминающегося, причем не только для нас самих, но и для наших родных и друзей. А потом ежедневное вдохновение исходило исключительно от невесты. Да, мы много думали, говорили и планировали. Но не было ничего такого, что обрушилось бы на меня в последнее мгновение. Кроме того, в разгар всей этой суматохи и приготовлений мне время от времени разрешали высказаться. Однако именно Виктория, а также ее мама и сестра Луиза взяли на себя ответственность за то, чтобы все прошло как полагается.

На протяжении сезона 1998/99 годов и после всего, что случилось в связи с чемпионатом мира, мы должны были привыкнуть к необходимости думать о своей безопасности. Но мы не собирались идти на компромисс в день, столь важный для нашей родни и друзей, другими словами — ускользнуть и пожениться втайне от всех. Наоборот, мы хотели, чтобы эта свадьба запомнилась как нам самим, так и всем тем, о ком мы больше всего думаем и заботимся. Однако серьезный день означал и необходимость серьезных мер безопасности, и это подтолкнуло нас к принятию двух серьезных решений. Каждый участник торжества должен был договориться по поводу своих фотографий с журналом «ОК!», мы понимали, что желание этого журнала защитить свои эксклюзивные права будет в то же время сильно способствовать тому, чтобы защитить нас от постороннего вмешательства в нашу личную жизнь. Второе решение заключалось в том, что мы должны найти человека, который смог бы взять на себя часть забот и облегчить давление на невесту. В результате мы наняли специального свадебного координатора,

которого звали Перигрин Армстронг-Джонс. Не могу сказать, чтобы я когда-либо прежде встречал человека по имени Перигрин. С виду он был довольно необычной личностью, но мужик оказался действительно классный и смог проделать для нас просто фантастическую работу: он понял, о чем мы мечтаем, и обеспечил именно то, что нам нужно.

По обоюдному согласию Виктория и Перигрин нашли в Ирландии замок, расположенный в Латрелс-тауне. Здесь имелось все, в чем мы нуждались, и, что еще лучше, кое-что такое, о чем мы, возможно, никогда и не подумали, если бы этого там уже не было. Правда, ехать до местной церкви было далековато, но зато от самого замка и всего его окружения можно было рехнуться — такое там все было древнее, благородно полуразрушенное и немного волшебное. Именно те декорации, в которых вы бы мечтали сказать заветное «согласен». Как только невеста и ее помощник увидели это сооружение во всей его аристократической красе и ветхости, решение было немедленно принято, и Перигрин принялся за работу. Вместо слабого ручейка там появился плавный поток, игриво извивающийся возле искусственных руин — паркового украшения в виде причудливо украшенного павильона, причем он создал это таинственное обрамление, позаимствовав его из иллюстрированной книги тех минувших времен. Повсюду вверх тянулись причудливо изогнутые ветви, повсюду мерцали волшебные огни и вились цветы. В самом замке было предусмотрено достаточно места для скромного, но необычного праздника с участием приблизительно тридцати членов наших семей и самых близких друзей. Это был просто финиш.

Я получал огромное удовольствие от каждой минуты подготовки; мне нравилось дегустировать блюда, пробовать вина и выбирать музыку. Все шло по-настоящему гладко, без сучка и задоринки. И такая организованность выглядела просто удивительной, если учесть, насколько сложной была вся подготовка, вплоть до задуманной доставки свадебного платья невесты через Ирландское море. При этом надо иметь в виду, что я, в соответствии с замыслами, не должен был видеть подвенечного туалета Виктории до самого совершения обряда. Люди, работавшие в журнале «ОК!», наняли маленький частный самолет, чтобы доставить нас в Ирландию без лишнего шума. Бруклин, я, Виктория, ее мама и папа, а также сестра Луиза с дочуркой Либерти и брат Кристиан успели втиснуться в него, прежде чем экипаж самолета сообщил нам, что большущая коробка с Большой Тайной не влезает в багажный отсек. А это означало, что платье надлежит вынуть из упаковки и внести его в

салон через пассажирскую дверь. Посему меня отправили на взлетно-посадочную полосу с закрытыми глазами, где я простоял как минимум двадцать минут. А потом мне пришлось всю дорогу до самого Дублина сидеть спиной к этому таинственному сокровищу и, конечно, когда мы приземлились, всю эту процедуру пришлось полностью повторить еще раз в обратном порядке. Мне не полагалось видеть этого наряда, и, само собой разумеется, мы должны были позаботиться, чтобы не смогли этого сделать также фото- или видеокамеры. Очень жалко: погода в тот день вполне позволяла отснять очень даже приличное немое кино.

Мы попали в замок за два дня до нашей свадьбы. Сначала прилетели мои родители, а на следующий вечер начали прибывать другие гости. Вечером перед главным событием мы устроили для всех торжественный ужин. После него мы с Викторией вышли прогуляться. Сначала направились к специальному шатру, где намечался основной прием. Там была устроена небольшая искусственная рощица, украшенная остролистом и цветами, через которую должны будут пройти гости, чтобы попасть внутрь просторного сооружения. С собой я захватил пару бокалов и бутылку шампанского. И снова стал говорить Виктории, как я люблю ее, когда внезапно начался теплый тихий дождик. В этот почти жаркий летний вечер он был очень к месту, и мы чувствовали себя превосходно. Невозможно было вообразить ничего более романтичного.

В соответствии с замыслом, невеста и жених должны были на ночь разойтись. Когда мы возвратились в замок, Виктории, конечно же, выделили лучшее помещение — наши свадебные апартаменты. Мне предстояло обойтись одной из гостевых комнат, расположенной внизу. Прежде чем я лег спать, собралась небольшая компания игроков «Юнайтед» и некоторых моих ровесников, но мы не очень-то бушевали, как это иногда бывает на сугубо мужских вечеринках. Все ее участники изрядно устали, так что ограничились несколькими бокалами вина и парочкой бильярдных партий. Это заняло часа два, после которых я был совершенно трезв. Мне хотелось на следующее утро выглядеть более или менее прилично — уже хотя бы для того, чтобы запомнить каждую секунду происходящего.

Я вернулся в свою комнату и начал ломать голову над предстоящей речью. В первую очередь мне хотелось поблагодарить маму и папу за все, что они сделали для меня, а также Линн и Джоан, поблагодарить Джекки и Тони, брата и сестру Виктории за то, что они так сердечно приняли меня в свою семью, — а уж Кристиан стал для меня кем-то вроде брата,

которого я всегда мечтал иметь. И затем поговорить о Виктории, которая на этой стадии торжества уже должна была стать моей женой. Но тут я подумал, что для подыскания подходящих слов, которые бы верно описывали мои подлинные чувства, возможно, есть смысл взять в руку бокал шампанского, пришпорив вдохновение, и рассчитывать исключительно на чистую импровизацию без всякой подготовки. Я позвонил Перигрину:

— Извини, Перигрин. Я о своей речи. У меня пока нет уверенности, что я сумею сказать то, о чем хочется. Да еще изложить это надлежащим образом.

Он еще бодрствовал или, по крайней мере, удачно притворялся:

— Никаких проблем. Сейчас приду.

Пять минут спустя я стоял возле своей кровати, а Перигрин поставил передо мной стул:

— А теперь давай. Позволь мне послушать твою речь, и, надеюсь, я смогу дать тебе несколько ценных указаний. А пока побуду твоей аудиторией.

Я немного смущался, но он заверил меня, что днем мне предстоит ощутить примерно такие же чувства, так что сегодняшняя репетиция послужит для меня хорошей практикой. Почти сразу после того, как я начал говорить, мой слушатель стал громко прочищать горло и кашлять. По мере того, как я входил в раж, он начал подкидывать комментарии вроде:

— Это как-то не очень весело.

Потом Перигрин стал грохотать своим стулом — словом, он вытворял буквально все возможное, чтобы сбить меня с толку. В конечном счете он пришел к выводу, что речь моя практически в полном порядке. Мы, правда, поменяли кое-какие мелочи, но на самом деле я на следующий день даже не воспользовался своей заготовкой. А Перигрин, понятное дело, всего лишь пытался дать мне представление о том, с какими трудностями я могу столкнуться, представ со своим спичем перед аудиторией. К тому времени, когда Перигрин закончил терзать меня, я был готов рухнуть на кровать. Но, как бы то ни было, он мне все же помог. А вот моему шаферу, Гэри Невиллу, еще предстояло попотеть, прежде чем пройти через подобную экзекуцию.

На следующее утро я мерил шагами коридор, нервничая по поводу того, что ждало меня впереди. Прохаживаясь туда-сюда, я оказался возле комнаты Гэри и услышал его голос. Он не мог вести разговор по телефону, поскольку в его комнате не было аппарата, а толстые каменные стены замка не давали пользоваться мобильником. Я удивился и решил выяснить, чем же он там занимается. Приоткрыв дверь как можно тише, я увидел,

как Гэри стоит перед зеркалом и держит прямо перед собой наподобие микрофона баллончик дезодоранта, отрабатывая свою будущую речь. После предыдущего вечера я, конечно, по собственному опыту знал, какие чувства он испытывал. Но все равно не смог сдержаться и рассмеялся. Гэри сделал то же самое. А пока по всему было видно, что нас ждет знаменательный день. Я понял, насколько серьезно относится к предстоящему событию мой друг, когда в его комнату явилась маникюрша. Да, меня на самом деле уважали: Газ ради моей свадьбы впервые в жизни решил привести в порядок свои ногти.

Тут начали прибывать гости, приглашенные для участия в церемонии, которая была намечена в павильоне. Я пошел осмотреть его. Снаружи он выглядел просто здорово, а главное, давал мне возможность думать о чем-то другом, кроме того, насколько я нервничаю. Кое-что поправив в своем туалете и полностью завершив тем самым подготовку к торжеству, я отправился в главный вестибюль, чтобы приветствовать гостей. Едва ли не первыми явились Мелани, Эмма и Мэл Б. из «Спайс Герлз». Они всегда прекрасно относились ко мне, хотя сам я несколько смущался, когда оказывался рядом с ними. Зато хоть, по крайней мере, в обществе Спайс-девушек я не должен был выдумывать темы для беседы. Это была целиком их забота. Правда, они выглядели возбужденными ничуть не меньше меня, особенно потому, что им не терпелось узнать, как же все это будет происходить. Вскоре должны были также появиться мои родители — прежде всего для того, чтобы помочь мне держать себя в руках.

Обычно машину с молодым ведет шафер, не так ли? Но я решил, что у нас будет иначе. Я вообще являюсь наихудшим пассажиром в мире, а в данном случае, хотя от замка до павильона было всего две минуты езды, я опасался, что для Гэри этого будет достаточно, чтобы мы где-нибудь застряли. К тому же в качестве автомобиля жениха был выбран «Бентли Континентал». Я не собирался упустить возможности посидеть за рулем такой классной машины. В конце концов, ведь платил за все это не кто-нибудь, а я. Мы благополучно доехали, и тут я в первый раз увидел, как павильон выглядит внутри. А снаружи хорошо прослушивался рев вертолетов, сновавших над нами в поисках возможности отснять какие-нибудь кадры. Но как только ты поднимался по этим замшелым древним ступенькам и заходил в дверной проем, все остальные звуки заглушало громкое журчание ручья, протекавшего под нами. Все кругом выглядело так, словно ты вдруг ступил на страницы сказки: где-то в вышине мерцали огоньки, повсюду цвели красные розы, по стенам карабкался

плющ, и все пропитывал лесной аромат. Виктория предусмотрела все до последней тонкости, и получилось невероятно красиво. Я впервые за этот день проглотил комок в горле.

Епископ графства Корк, совершавший обряд, был уже там, облаченный в свои одеяния глубокого пурпурно-фиолетового цвета. Это был очень приятный человек. И, разумеется, фанатичный болельщик «Манчестер Юнайтед». Именно он позаботился о том, чтобы предварительно освятить павильон и тем самым сделать возможным проведение в нем свадебного обряда. Всего там присутствовало двенадцать ирландских епископов, и после совершения нашего бракосочетания остальные одиннадцать присвоили епископу Коркскому прозвище «Спайс-пурпур». Я уже стоял перед алтарем, который Перигрин изготовил из зеленых ветвей, а тем временем гости проходили внутрь. Звучали скрипка и арфа. Все было пронизано ощущением чего-то возвышенного и умиротворенного, и я почувствовал, что трепещу, словно листик на ветру. И потею тоже: там было по-настоящему тепло. Я посмотрел вокруг: собрались только все наши родственники, тети, дяди, мои бабушка с дедушкой, Спайс-девушки, мой друг Дэйв Гарднер, родители Гэри Невилла — в общем, всего несколько дюжин человек. И все мы замерли в ожидании. Тут я услышал, как к павильону подъезжает другой автомобиль — с Викторией.

Задрожал я еще раньше, чем увидел ее. Да и в музыке почувствовалось какое-то нарастание, а потом она сделалась тише. Я иду, я близко. Сначала вошел Тони, отец Виктории. Смотрите. Я вхожу.

И тут внутрь ступила Виктория. Я смотрел во все глаза. На руках я держал Бруклина и вдруг почувствовал, что у меня пощипывает под веками. Обернувшись, я увидел Эмму Бантон — она плакала навзрыд. Конечно, мне не хватало только того, чтобы и самому окончательно раскиснуть. Я стал сморкаться, и кто-то вручил мне салфетку. А затем я узрел Викторию. Я женился на ней, потому что обожаю в ней все: ее облик — особенно ножки — ее индивидуальность, ее чувство юмора. Я не просто чувствовал, но знал и понимал, что это та женщина, лучше которой я никогда не встречал и не встречу. Мы навсегда предназначены друг для друга. Но в момент, когда она шла через павильон к алтарю, я увидел в ней совершенно другого человека. Это было одно из самых невероятных событий, которые мне довелось пережить за всю мою жизнь, и его очень трудно изложить словами. Я видел эту восхитительную личность посвежевшей и полностью обновленной будто впервые в жизни. Сыграло ли здесь роль ее потрясающее платье? Весь антураж? Или тот факт, что мы вот-вот

собирались стать мужем и женой? Виктория означала для меня все, что я знал в этой жизни, и все, чего я хотел, но внезапно она показалась мне кем-то намного более значимым. Я думал, что знаю чувства, которые питаю к ней, но оказался абсолютно не готовым к нахлынувшим на меня в тот момент чувствам. Виктория выглядела куда красивее, чем я когда-либо осознавал или вообще мог вообразить.

Конечно же, теперь мою тряпочку-салфеточку можно было выжимать. Виктория подошла ко мне и встала рядом, и тут я уже ничего не мог поделать с собою. Потом наклонился и поцеловал ее. Невеста посмотрела на меня так, словно хотела сказать: «Мы ведь репетировали все это вчера вечером, и я как-то не помню, чтобы тебе полагалось сделать это сейчас».

Церемония началась, и все шло прекрасно, пока мы не добрались до той точки, когда надо было окончательно сказать: «Согласен». В этот решающий момент наша пара не сработала. Голоса дрогнули, и снова закапали слезы, на сей раз у обоих.

Мы оставались в своем свадебном облачении вплоть до главного приема, на который явились все остальные приглашенные. Не смогли этого сделать в тот день только Элтон Джон и его партнер Дэвид Ферниш. Вообще-то Элтон обещал, что будет петь на приеме, но утром в день нашей свадьбы расхворался. Нам их обоих очень не хватало, но в большей степени волновало здоровье Элтона, чем их отсутствие на свадебных торжествах. А вот сам Элтон, как я думаю, в большей мере нервничал из-за того, что подвел нас, чем по поводу собственного скверного самочувствия. В любом случае мы были просто счастливы, когда оказалось, что с ним не произошло ничего серьезного.

А потом в шатре собрались на обед почти триста наших друзей и родственников. И какое же это замечательное чувство — обводить взглядом просторное помещение и видеть сразу так много людей, которые кое-что значат в твоей жизни, видеть, как они все вместе наслаждаются обществом друг друга. Все вкусно поели, а перед самым десертом мы с Викторией пошли переодеться. Мне нравился мой костюм, и я бы, вероятно, оставался в нем, но у Виктории были на сей счет иные планы, так что я не особенно мог выбирать. Да и ей требовалось немного расслабиться и сменить пластинку. Частью наряда моей жены был корсет, сделанный для нее человеком по имени Перл — занятным невысоким господином, который сам каждый день носил корсет и даже удалил себе ребро, чтобы его талия казалась тоньше, хотя он и без того выглядел человеком. давно сидящим на голодной диете. Экипировка Виктории стала душить ее и сделалась просто

невыносимой, так что мы вместе с Бруклином поднялись в наш свадебный апартамент и оделись так, чтобы чувствовать себя удобно весь вечер.

Для нас были приготовлены настоящие троны, а еще высокий стул для нашего мальчика, чтобы он сидел на одном уровне с нами, расположенные во главе стола. Все это было, конечно, задумано с лукавинкой и даже немного издевательски; но ведь мы же пребывали в замке, не так ли? И наша пара была сегодня не лишь бы кем, а Владыкой и Владычицей Поместья. Что же касается нашего маленького сквайра, то он был выряжен в оригинальный костюмчик бледно-лилового цвета и выглядел в нем просто фантастически. Думаю, этот наряд подходил ему ничуть не хуже, чем мне — длинная женская стрижка «под пажа», которая украшает мою голову на фотографии совсем другой свадьбы в семействе Бекхэмов, сделанной много лет назад. Однако в тот момент, когда мы, снова вернувшись на прием, уютно устроились на нашем почти королевском престоле. Бруклин съел какое-то блюдо, которое не пришлось ему по вкусу, и сразу же решил избавиться от этой пищи, исторгнув ее на себя и на меня, причем по-крупному. Человек всегда может рассчитывать на своих деток, если хочет, чтобы никому из присутствующих, в том числе и ему самому, не угрожала опасность воспринимать какие-то вещи или ситуации слишком серьезно.

Кроме того, невозможно было придумать лучшего способа подготовиться к предстоящим речам, чем пытаться почистить себя и Бруклина.

Думаю, что именно благодаря моему сыну, а также Перигрину мне удалось избежать в своем выступлении всяческих неприятностей и подводных камней. Впоследствии оказалось, что в мой текст вкралась единственная шутка, а именно, каждые несколько минут я говорил:

— Итак, леди и джентльмены, я хотел бы для начала сказать…

Следующей шла речь Тони, и вот она была, действительно, к месту и полна любви. Мы с Викторией снова ощутили комок, подкатывающий к горлу. Думаю, и он тоже понимал, какие чувства обуревали нас:

— Дэвид и Виктория росли на расстоянии пятнадцати минут езды друг от друга. И хоть они никогда не встречались, очень многое в их происхождении, моральном облике, человеческих качествах и воспитании было одинаковым. Оба они старались кем-то стать и упорно трудились над тем, чтобы выстроить собственную жизнь. Когда Виктория посещала балетную школу,

Дэвид ходил на футбольные тренировки. Каждый из них очень много и упорно работал, чтобы достичь того, к чему они пришли. А теперь им действительно повезло — после всех этих трудов найти друг друга.

Затем очередь дошла до Гэри. А надо вам сказать, что мой шафер, никак не предупредив меня, заранее попросил Викторию дать ему на время один из ее саронгов. К тому моменту, когда ему предоставили слово, каждый из присутствующих успел выпить достаточно вина, чтобы пребывать в надлежащем настроении. Я понятия не имел, что именно он собирается сказать. Или сделать. Во всяком случае, когда он поднялся со своего места облаченным в саронг, это уже было хорошим началом. Выглядел Гэри действительно забавно, хотя самое забавное в его проделках, возможно, получалось случайно. Каждый раз, отпуская какую-либо шутку, он забывал убрать микрофон от губ. Как случилось, что все его упражнения с баллончиком дезодоранта пошли насмарку? В результате все могли слышать, как сам Гэри чуть ли не заходится от собственных шуток. Впрочем, он нервничал ничуть не меньше меня, но в итоге мой шафер оказался великолепным. Как и весь этот день.

Хотя мы одолжили на нынешний вечер у Перигрина его няньку, мы с Викторией сами решили приготовить Бруклина ко сну. Потом возвратились в шатер, где вечеринка была в самом разгаре. Повсюду красовались подушки и подушечки, портьеры и драпировки, и все здешнее убранство носило ярко выраженный ориентальный, в основном индонезийский характер. Невеста и жених, конечно, должны были в этот вечер вместе прокружить первый танец, в то время как остальные гости блуждали от одной группки к другой. Наступили те несколько часов, когда каждый мог пройти по кругу и поговорить со всеми, передать привет общим знакомым, нащелкать новые фотографии и обменяться сделанными прежде, а потом, после того как пробила полночь, все дружно выкатились наружу, где предстоял большой фейерверк. И он впрямь оказался удивительным зрелищем, причем даже Виктория и я не знали в точности, чего следует ожидать. Это шоу получилось захватывающим и доставило всем огромное удовольствие, став блистательной вершиной нашего восхитительного дня.

Я был так счастлив и так горд — или, если хотите, так доволен и удовлетворен, — как никогда в жизни. Мы с Викторией были взволнованы, ощутив себя Хозяином и Хозяйкой, Мистером и Миссис. А ведь когда человек испытывает такие чувства, как мы в эту минуту, ему кажется, что и все остальные восхищены ничуть не меньше. В конце концов, в футбольном мире старшие тренеры

обычно рады видеть, как их игроки женятся, после чего устраивают свою жизнь и немного успокаиваются. Однако в первые дни и недели после нашей свадьбы мне, казалось бы, самой судьбой предназначено было стать тем исключением, которое доказывает правило.

Предсезонные тренировки были уже буквально на носу, а я, как и любой молодожен, страстно жаждал медового месяца. Расширенный состав первой команды был тем временем разбит на две группы: большинство ребят отправились за три моря в Австралию на своего рода гастрольное турне, тогда как контингент, входивший в сборную Англии, который успел потренироваться летом во время подготовки к выступлениям на международной арене, получил немного больше свободного времени. Возможно, это было с моей стороны ошибкой, но я попросил еще парочку дней, чтобы мы с Викторией смогли вместе провести недельку за границей. Фактически с этой просьбой обратился к руководству клуба даже не я сам, а мой агент, Тони Стивенс. Он по своим делам встречался с председателем правления «Юнайтед» Мартином Эдвардсом, и по ходу они заговорили о свадьбе, причем Тони как бы мимоходом упомянул, что я хотел бы получить несколько дополнительных дней отдыха и съездить в какое-нибудь экзотическое местечко. Нам вовсе не хотелось садиться в самолет и лететь куда-то лишь затем, чтобы тут же развернуться и отправиться обратно. Мартин Эдвардс не счел это проблемой, но когда наш отец-командир услышал обо всем, то рассмотрел подобное обращение к начальству как действие за своей спиной и через голову. Он не был особенно доволен таким поворотом событий и с ходу дал мне знать о своих чувствах по данному поводу. Стараясь не принимать близко к сердцу взрыв эмоций, обрушившийся на меня из телефонной трубки, я окунулся в вихрь медового «месяца», а затем доложил о прибытии — прежде, чем другие члены сборной Англии, и в тот момент, когда остальная часть первой команды еще выступала по другую сторону земного шара. После этого я немедля стал тренироваться вместе с запасными.

Да, мы сумели добиться огромного успеха и сделать триплет. Сумели вступить в новый сезон, полные веры в то, что нам по силам проделать то же самое снова. Но наш отец-командир словно забыл обо всем случившемся и собирался, не обращая внимания на прошлые достижения, добиться, чтобы никто не посчитал само собой разумеющимся немного расслабиться. А своими действами по отношению ко мне он, вероятно, просто старался вернуть меня на землю: ведь я только что пережил самые удивительные шесть месяцев своей биографии и

испытывал такое чувство, что мои дела просто не могут идти лучше — будь то на «Олд Траффорде» или у семейного очага. Если бы шеф спросил, я сказал бы ему, что не нуждаюсь в том ударе, который он из лучших побуждений нанес мне в начале сезона. Я всегда был неотъемлемой частью того, что происходило в «Юнайтед», и воспринимал это как свое личное дело. Так что любой намек, любое подталкивание со стороны кого бы то ни было равного или вышестоящего — товарища по команде, члена администрации или самого отца-командира — было лишним и даже вредным. Я не думал и не считаю, что шеф действовал тогда правильно, но понимал, почему он отреагировал именно так, а не иначе. Как всегда, этот человек делал то, что, по его мнению, было лучшим для команды. А мне оставалось только одно: не лезть в бутылку и решительно взяться за дело.

Начиная с того поразительного полуфинала против «Арсенала», наша команда чувствовала себя неудержимой: мы выходили на каждую игру уверенными в том, что выиграем. И на этой уверенности въехали в новый сезон 1999/2000 годов. Мы великолепно начали его и в течение следующих девяти месяцев практически не оглядывались назад. Даже странное и досадное поражение (до сих пор помню, как мы легли 0:5 в матче против «Челси») не остановило нашего наступательного порыва. То счастье, которое я испытывал дома, каким-то образам помогало мне чувствовать себя счастливым и в игре в футбол — как за «Юнайтед», так и в сборной Англии. После злополучного турнира «Франция-98» я — даже в самые трудные для меня времена никогда не задавался вопросом о том, продолжать ли мне выступать за свою страну. И независимо от разговоров окружающих я был горд возможностью играть на международном уровне и никогда ни на миг не задумывался о прекращении таких выступлений, даже если бы это могло каким-то образом ослабить давление, оказываемое на меня. Мои единственные сомнения касались того, имею ли я в перспективе какое-то будущее в сборкой Англии, если ею будет руководить Гленн Ходдл. Я всегда испытывал такое чувство, что рано или поздно он найдет возможность от меня избавиться.

Если возвратиться к осени 1998 года, то мы довольно-таки бледно начали отборочный цикл к следующему чемпионату Европы. Английские болельщики были далеко не в восторге от наших выступлений, а некоторые СМИ, как мне тогда казалось, проводили самую настоящую кампанию в пользу смены старшего тренера. Но даже в этой ситуации замена наставника сборной, равно как и способ, каким это было сделано, стали для всех нас настоящим шоком. Не знаю, сколько во всем этом было вины

самого Гленна, а в какой мере его уторила пресса. Когда я впервые услышал из газет его высказывания об искалеченных игроках и их конченой жизни, то немедля понял, что добром это не кончится, и нас ждут грандиозные события. Внезапно оказалось, что у каждого человека, включая премьер-министра, есть на сей счет собственное мнение. Как только эти мнения попали в заголовки новостей, сюжет данной истории стал раскручиваться настолько быстро, что ни у кого попросту не было ни времени, ни возможности хоть немного подумать. В начале февраля, спустя всего несколько дней после того, как интервью Гленна было опубликовано, он ушел со своего поста. Объявили об этом на сумасшедшей пресс-конференции, состоявшейся в федерации футбола, откуда одного из болельщиков сборной Англии пришлось вытащить силой, невзирая на то что он бешено отбивался ногами и кричал что есть мочи. И, несмотря на наличие у меня реальных расхождений с Гленном как старшим тренером английской сборной, я понимал, что для него этот день должен быть очень трудным, и сочувствовал ему.

Говард Уилкинсон пришел на пост старшего тренера совсем ненадолго и скорее как опекун нескольких своих любимчиков. Но когда федерация сделала свой выбор и назначила уже не временного, а постоянного тренера, то она, пожалуй, не смогла бы найти специалиста, более отличающегося по своим качествам от человека, который только что ушел. Я всегда восхищался тем, как играют команды, возглавляемые Кевином Киганом, и получал удовольствие, слушая его разговоры о футболе. Я уважал его страстность и честность. И мне было действительно приятно впервые играть в составе сборной Англии с Киганом в качестве старшего тренера — это произошло на «Уэмбли» в отборочном матче против Польши. Я всегда думал, что в неком идеальном мире было бы хорошо иметь возможность сочетать сильные стороны Ходдла и Кигана. Гленн — очень хороший тренер, который, как мне думается, испытывал трудности во взаимоотношениях с отдельными игроками. Кевин же демонстрировал абсолютно фантастические качества руководителя, умеющего контактировать со всеми футболистами вместе и с каждым в отдельности. Уже в самом начале наших первых тренировок в аббатстве Бишем, перед встречей с Польшей, Кевин смог заразить своим энтузиазмом буквально всех. Он вдохновенно рассказывал тебе о том, чего ты в состоянии достичь как игрок сборной Англии. Наконец, когда пришла долгожданная суббота, и на «Уэмбли» нас ждал отличный газон и прекрасная весенняя погода, все мы были на подъеме и готовы к борьбе. Болельщики тоже были на подъеме. Скоулзи смог сделать хет-

трик, и мы просто задавили Польшу. Не думаю, что в стране был хоть кто-нибудь, кто не считал бы Кевина подходящим человеком для работы со сборной Англии. И победа со счетом 3:1 лишний раз убедила всех, что он именно тот, кто требуется на посту ее постоянного старшего тренера.

При Кевине в лагере сборной Англии воцарилась прекрасная атмосфера, но нам предстояло хорошо потрудиться, чтобы попасть на чемпионат Европы 2000 года. В конечном итоге мы завершили отборочный цикл решающим выездным матчем против Шотландии. А пока, в субботу, мы на стадионе «Хэмпден Парк» победили их 2:0, но затем во встрече на «Уэмбли», состоявшейся в следующую среду, Дон Хатчисон забил нам гол незадолго до перерыва, и, честно говоря, до самого конца мы висели на волоске. Тем не менее, главную задачу нам все же удалось решить — мы попали в основной турнир. Теперь в нашем распоряжении имелось шесть месяцев, чтобы забыть о том, с каким трудом мы проскочили, и, вместо того чтобы рвать на себе волосы, сконцентрироваться на приведении себя в порядок, поскольку до чемпионата еще было время. Я надеялся, что мы восстановим форму, и верил в Кевина на посту старшего тренера английской сборной. А уж после того как мы сумели обойти сборную Шотландии, я тем более имел серьезные основания питать к нему абсолютное доверие — не только как к специалисту, но и как к человеку.

В середине октября 1999 года нас ждала трудная неделя, в течение которой предстояло сыграть два очередных отборочных матча к турниру «Евро-2000». Сначала мы играли на «Уэмбли» с Люксембургом, а затем, четыре дня спустя, в среду, выступали в Варшаве против Польши. В пятницу вечером я сидел в своем номере в гостинице, где разместилась сборная Англии, готовясь к первой из тех двух встреч, которые мы все считали действительно важными для нашей команды. Вдруг мой мобильный телефон подал голос. Это была Виктория, звонившая от своих родителей. Она знала, что вечером непосредственно перед игрой ее не пропустят в гостиницу и не позволят пройти ко мне. Нашему разговору отнюдь не помогал тот факт, что на линии были сплошные помехи, но среди шипения и потрескиваний я все же расслышал то, о чем она хотела мне сказать. Полиция связалась с ней и сообщила о предупреждении, которое они получили. Полицейские полагали, что кто-то собирается похитить Викторию и Бруклина на следующий день — как раз в то время, когда я буду на «Уэмбли» играть в футбол за Англию. Внезапно у меня возникло чувство, словно пол уходит из-под ног: «Что я делаю? С кем говорю?» Вероятно, Виктории ничуть не стало легче от того,

что я был буквально в шоке и с трудом понимал, о чем она мне рассказала. Я просто не знал, что ей ответить:

— Подожди, я тебе сейчас перезвоню.

Первым человеком, к кому я обратился, был Гэри Невилл. Не раздумывая ни секунды, тот сразу отреагировал:

— Ты должен обо всем рассказать старшему тренеру. Ступай к Кевину.

Я проскочил через весь отель к его номеру. Постучал в дверь и сразу, не ожидая разрешения, вошел. Уверен, Кевин с первого взгляда смог понять, что у меня какие-то проблемы. Я пошатывался и чувствовал себя плохо. С трудом набрав воздуха, я все-таки смог сообщить ему, что случилось. Первым делом Кевин дал мне знать, что хорошо понимает, какие чувства меня обуревают. А в моей ситуации, когда я буквально потерял контроль над собой, мне было необходимо первым дело услышать именно такие его слова:

— Дэвид, я сам бывал в подобном положении. Когда я играл в Германии, мне и моей жене угрожали, нас собирались убить. Я знаю, это ужасно. Нам следует немедленно отправиться к твоим жене и сыну. Мы поедем вместе. Не беспокойся, я все улажу.

К тому времени было уже десять вечера. Через пару минут мы вышли из гостиницы и сели в машину — я, Кевин и Рей Уитворт, офицер, отвечавший за охрану сборной команды Англии. А я тут же позвонил Виктории и сказал ей, что мы уже едем. Вскоре мы добрались до дома Тони и Джекки. Хотя Кевин никогда прежде не встречался с Викторией или ее родителями, но как только мы вошли, он сразу взял ситуацию под контроль. Он видел меня и теперь мог лично убедиться, в каком состоянии находится Виктория, а потому понимал, насколько мы оба нуждаемся в нем, чтобы хоть немного успокоиться и знать, что все делается правильно.

— Лучшее место для вас сейчас — это наша гостиница. Мы заказали для команды все здание. У нас есть своя служба безопасности. Никто не в состоянии проникнуть в гостиницу. Уложите вещи. Берите Бруклина. Мы с Дэвидом сейчас же поедем туда, подготовим для вас место и встретим, как только вы будете готовы.

Тони и Джекки тоже поехали. А Кевин в тот момент, когда мы больше всего нуждались в нем, проявил себя просто блестяще. Он сделал все необходимое, ни секунды не раздумывая, хотя на следующий день нас ждала важная встреча. И речь тут вовсе не о его качествах как старшего тренера. Это был просто человек по имени Кевин, который старался сделать для нас все возможное только потому, что был в состоянии это сделать, а не потому, что

считал себя обязанным по долгу службы. Я никогда не забуду его поведения в ситуации, которая возникла в тот вечер, — никто из нас не мог попасть в более надежные и верные руки. У нас с ним установились хорошие отношения до того, как это случилось, и теперь, разумеется, они остаются таковыми. Но я совершенно уверен: он сделал бы то, что сделал, для любого из игроков сборной Англии. Более того, я твердо убежден, что если бы Кевин оказался в аналогичной ситуации и был способен помочь, он сделал бы то же, что для нас с Викторией, и для любого другого человека. Он — настоящий мужчина.

Виктория и Бруклин спали в моем номере. На следующее утро единственным, что беспокоило Кевина, было мое самочувствие и мое собственное мнение по поводу того, как я должен поступить перед предстоящей встречей.

— Дэвид, я понимаю, через что тебе пришлось пройти вчера вечером. Если ты хочешь играть, — это прекрасно, я хочу видеть тебя в составе команды. Если ты не чувствуешь в себе уверенности на сей счет, — это тоже хорошо. Хочу, чтобы ты сам подумал об этом. Тебе лучше известно, как ты себя чувствуешь. Действуй, как считаешь нужным.

Я вышел на поле, и мы разгромили Люксембург 6:0. Это означало, что нашу судьбу в отборочной группе решит игра в Польше, которая должна была состояться на следующей неделе. Это была встреча огромной важности, и на Кевина давили со всех сторон и любыми способами, требуя нужного результата. Но даже в такой ситуации он в воскресенье вечером, незадолго до нашего отъезда, снова провел со мной аналогичную беседу:

— Если ты хочешь быть рядом с семьей, не волнуйся. Ты вовсе не обязан ехать туда с нами. Если нужно, можешь остаться здесь и позаботиться о Виктории и Бруклине.

Я уединился с Викторией и спросил, как, по ее мнению, будет лучше. Мой инстинкт советовал остаться, но она видела сложившуюся ситуацию такой, какой она была на самом деле:

— У нас все будет в порядке. Теперь рядом со мной есть люди, которые смогут присмотреть за нами. У тебя — своя работа. Речь идет об Англии. Ты должен ехать.

Так я и сделал, а Виктория была полностью права. Именно так мне и следовало поступить, хотя в конечном итоге наше выступление в Варшаве оказалось ужасным и завершилось нулевой ничьей. А это означало, что нам следовало несколько месяцев ждать результата выступлений сборной Швеции, которая должна была у себя дома обыграть Польшу, и только после этого мы получили бы возможность сыграть две решающие стыковые встречи против Шотландии.

К Рождеству 1999 года ситуация окончательно разрешилась, и хотя хвастать было нечем и отыграли мы далеко не блестяще, Англия попала на европейский чемпионат, который должен был состояться следующим летом. Тем временем близился Новый 2000 год, и «Манчестер Юнайтед» отправлялся за океан, на другую половину земного шара. Поскольку наш клуб являлся обладателем кубка европейских чемпионов, его попросили принять участие в первом клубном чемпионате мира, который ФИФА собиралась провести в Бразилии. Несомненно, это была большая честь для нас, хорошо для «Юнайтед» и столь же хорошо для репутации английского клубного футбола. Проблема заключалась в том, что это мероприятие планировалось провести в Бразилии, причем в январе. С самого начала это вызвало настоящую бурю, особенно когда в новостях сообщили, что по этой причине мы будем отсутствовать в стране вплоть до уик-энда, отведенного для третьего раунда игр на кубок. В результате английская футбольная федерация решила позволить «Юнайтед»» пропустить без всяких санкций весь сезон кубка федерации 1999/2000 годов.

Это был спор из разряда тех, которые порой вспыхивают вокруг футбола, когда каждый хочет высказать свое мнение. Всем известно, что Кубок федерации — это феерический турнир, а к тому же и самое старое в мире соревнование, построенное по принципу выбывания. И кое-кто говорил, что поскольку «Юнайтед», будучи обладателем данного кубка, не собирается участвовать в борьбе за него, то традиция кубковых сражении и доверие к этому турниру рухнут. И что имеет место некое особое отношение к одному клубу за счет всех остальных. Иногда возникало такое чувство, словно эта проблема используется только в качестве оправдания всеобщего наезда на «Юнайтед»» с целью подорвать его популярность. Лично я не вижу, что иное мы могли сделать в сложившейся ситуации. Думается, все понимали, что мы должны ехать в Бразилию. Даже при условии, что новый турнир порождает неудобства, это было мероприятие мирового масштаба — соревнование на уровне ФИФА, — и пропустить его означало лишь навредить себе. Это также повредило бы и английскому футболу в целом.

Честно говоря, мы у себя в раздевалке «Юнайтед» говорили об этом ровно столько же, как и все прочие поклонники футбола за пределами «Олд Траффорда», или даже больше. Мы с нетерпением ждали поездки в Бразилию, с нетерпением ждали возможности помериться силами с клубами всех континентов. Но никого из нас не радовала перспектива пропустить Кубок федерации Все мы возвращались мыслями к предыдущему сезону

с его драматическим полуфиналом против «Арсенала» и финалом против «Ньюкасла» — эти встречи, да и все соревнование в целом означали для нас очень многое. Мы не хотели отказаться от защиты завоеванного трофея. Не знаю, возможно, федерации следовало дать нашему клубу разрешение пропустить все кубковые матчи вплоть до четвертого раунда, то есть в течение того времени, пока мы будем отсутствовать, а затем, после возвращения домой, позволить подключиться к турниру. Этим вопросом должны были разобраться между бой федерация и клуб. Но получилось так, что нас этому делу не допустили, — все было решено без нас. Мы подчинились, и вышло так, как вышло. Все мы росли и воспитывались в рутинных рамках английского футбольного сезона. И как раз в то время, когда обычно мы готовились к убийственным сражениям здешних гигантов, к выступлениям на тяжелых полях и в наихудших погодных условиях, нам пришлось отправиться туда, где нас ждали яркое солнце, песчаные пляжи и сорокоградусная жара.

Не знаю, как остальные, но я сам ничуть не сожалею об участии в этом состязании. Несмотря на то, что случилось со мной лично, и несмотря на тот факт, что о самом этом турнире с тех пор давно забыли, я бы не хотел пропустить его. Для начала — он сделал много хорошего для нас как команды, поскольку мы смогли в течение довольно длительного времени побыть вместе и как бы заново подзарядиться на оставшуюся часть сезона, которую нам предстояло провести дома. Думаю, премьер-лигу мы бы выиграли в любом случае, но после Бразилии мы возвратились действительно в хорошем настрое. И с вполне приличным загаром тоже. Как оказалось, события там повернулись таким образом, что для меня лично пребывание на том турнире превратилось в настоящий отпуск. Уже в первой нашей встрече, против клуба «Несаха» из Мексики, меня удалили с поля, и отсюда вытекало, что я пропускал следующий матч, а затем всего на двадцать минут вышел на газон против нашего последнего соперника, команды из Мельбурна, причем к этому времени мы уже вылетели из турнира.

Это было ужасное чувство — впервые увидеть перед собой красную карточку, будучи в форме «Юнайтед». Около самой центральной линии я пошел в борьбу за высоко летевший верховой мяч. И у меня не было в тот момент никакого другого намерения, кроме стремления овладеть безадресной передачей, а посему, когда рефери дал мне знать, что удаляет меня с поля, я был потрясен этим, пожалуй, больше любого из присутствовавших. После матча я не раз видел этот эпизод в видеозаписи и должен согласиться, что на экране телевизора мои

действия выглядели неважно. Тем не менее, я не считал, что там имело место серьезное нарушение с моей стороны, и испытал облегчение, узнав, что отец-командир придерживается того же мнения. После той игры он был действительно зол — но не на меня, а на тех, кто судил матч. Думаю, немалую роль в моем удалении сыграло то, каким образом отреагировал на мои действия футболист соперников. Мне, вероятно, следовало в большей мере осознавать, что мы находимся в Южной Америке и что там многие вещи могут восприниматься совсем не так, как у нас в Англии. Но в тот вечер я был просто убит случившимся, хотя должен признать, что на протяжении нескольких последующих дней я не без удовольствия бездельничал возле бассейна, в то время как остальные наши ребята были вынуждены сидеть в своих гостиничных номерах перед игрой с клубом «Васко да Гама». И, по правде говоря, я не чувствовал особого разочарования в связи с таким ходом событий.

Пребывание в Бразилии было сплошной фантастикой. Помню, как однажды вечером я один бродил по пляжу Копакабана. Конечно, я все про это слышал и знал, но то, что я увидел, просто невозможно вообразить, пока сам не побываешь там. Пляж, который тянется настолько далеко, что его конец не виден и за несколько миль. И по всему пляжу то тут, то там расставлены стойки ворот и обоймы прожекторов. И насколько мог видеть глаз — тысячи детей, играющих к футбол на песке. Ничего удивительного, что Бразилия — многократный чемпион мира. Все эти подростки проводили двухсторонние игры или отрабатывали всевозможные трюки и финты вроде бесконечного жонглирования мячом, не давая ему приземлиться, Ибо «играли в теннис» одними головами, или же парами и тройками шлифовали мелкий пас и игру в стенку. Уровень их природных способностей был невероятно высок. Несколько ребят узнали меня и попросили пробить хотя бы несколько штрафных ударов, в то время как их приятели поочередно становились в ворота. Если у футбола есть душа, то она живет именно там — на этом пляже. Я никогда не забуду вечер, проведенный с этими талантливыми детьми.

Бразилия в январе — жаркое местечко. Отличная погода для отпуска или вечерних прогулок у моря. Но играть здесь ответственные футбольные матчи? Думаю, что это был хороший урок для всех нас. Иностранцы частенько смеются по поводу англичан, выезжающих за рубеж, и подтрунивают над тем, как мы выглядим на солнце. Если говорить о пребывании «Юнайтед» в Рио-де-Жанейро на клубном чемпионате мира, то все эти шутки не столь уж далеки от истины. Когда мы в первый раз ехали на

стадион «Маракана», то вспотели уже после неспешной прогулки от автобуса до дверей, ведущих под трибуны. Мы зашли в раздевалку, и я помню, что кое-кто из наших парней сразу завел оживленный разговор о том, как здесь жарко. Следующее, что мы увидели, заставило всех замолчать: посреди помещения стояли семь кроватей с висящими над ними кислородными масками. Не думаю, что хоть кто-либо из нас знал, как на это реагировать: «Что мы здесь делаем?»

Когда мы вышли разогреться (а это совершенно формулировка, учитывая, что дело было в час дня и при температуре свыше сорока градусов), Альберт Морган отвечавши в «Юнайтед» за экипировку, одел нас в обычную нашу форму. Мексиканцы бегали вокруг легкой трусцой в майках-безрукавках, а мы носились по полю в своих черных тренировочных костюмах, безуспешно пытаясь спрятаться в крошечных островках тени у боковой линии, которую отбрасывали трибуны. Альберт, конечно, великий дока в своем деле, но в последствии мы ему еще долго напоминали о том проколе. Никому из нас не забыть те тридцать дней, проведенных в Бразилии. Это была для нас большая честь — играть там за свой клуб и встречаться с самыми разными людьми, подростками, живущими в фавелах, бразильских трущобах. Этих ребят мы посетили в рамках особого проекта.

Мы возвратились из-за океана в прекрасном настроении. Ведь как бы хорошо я ни проводил там время, мне не терпелось снова увидеть Викторию и Бруклина. А еще мне не терпелось вновь ощутить сочетание грязи, ветра и дождя, сопутствующее окончанию сезона. Правда, перспектива еще раз завоевать Кубок федерации перед нами не маячила но за время нашего отсутствия никакая другая команда не смогла догнать нас, или хотя бы реально угрожать нашему лидерству, так что звание чемпиона премьер-лиги не должно было от нас уйти. Кроме того, оставалась еще и лига чемпионов. Первая наша игра после возвращения состоялась на домашней арене против «Арсенала», и они едва не воспользовались тем, что мы отвыкли от холода. Тем не менее, нам удалось свести матч вничью 1:1, но это была такая встреча, в которой выиграть должны были скорее они, чем мы. После того никаких особенных сбоев больше не было, и у нас появилось такое чувство, словно мы продолжили действовать ровно с того момента, где остановились до отъезда. Я ощущал себя настолько непринужденно и получал от футбола такое удовольствие, что мне и в голову не приходило задуматься над какими-то событиями, которые могли бы погасить наш запал. На самом же деле меня, как потом выяснилось, поджидала своего рода засада, но вряд ли я был бы к ней лучше подготовлен, даже

если бы предвидел, что произойдет.

В субботу 12 февраля мы получили изрядную взбучку в Ньюкасле, проиграв 0:3. Вряд ли этот результат помог улучшить настроение нашего отца-командира — или кого-либо другого — на предстоящую неделю, когда мы готовились к еще одной трудной и важной встрече, ждавшей нас в очередной уик-энд, — на выезде с «Лидсом». Как и в большинстве футбольных клубов, нам давали какое-то свободное время, когда в середине недели не было игры, и я поехал домой, в Лондон. собираясь вернуться в среду вечером, чтобы уже и четверг утром начать тренироваться. Надо сказать, что весь день Бруклину нездоровилось. Когда растишь первого ребенка, особенно болезненно реагируешь на все, что с ним происходит, поскольку с трудом распознаешь разные симптомы, да и вообще родительские обязанности тебе внове. Пожалуй, теперь, имея дело с Ромео, я бы не разволновался так сильно, как это случилось тогда, в то время, о котором я рассказываю. В ту среду у Бруклина примерно в семь вечера поднялась температура, его лихорадило, и он стал какой-то весь вялый и обмякший. Я взял его к себе на колени, но почему-то не почувствовал никакой ответной реакции. Мы просто не понимали, что происходит, а главное, не знали, каким образом поступить. Любой матери или отцу известно, насколько страшно становится в такие минуты. К тому времени, как приехал доктор и сказал нам, что у Бруклина гастроэнтерит, я уже решил остаться на ночь дома и выехать в Манчестер назавтра рано утром.

Бруклину было настолько плохо, что я просто не мог видеть его в таком состоянии. Когда мы в конце концов уложили его спать (кто знает, в какое время нам это удалось, и был ли это вечер или была уже ночь), я остался в его комнате и поспал несколько часов на кушетке рядом с его кроваткой. На следующий день в шесть утра я проснулся и подумал, что смогу еще немного поспать на заднем сиденье автомобиля, когда мы отъедем чуть подальше на север. Но я постоянно думал о том, как Бруклин страдает и как скверно я поступил, покинув его и Викторию в такую минуту. Правда, Виктория сказала, что я должен ехать, а с Бруклином она обойдется и без меня, но все мои инстинкты говорили, что сейчас мое место — дома, рядом с ними, по крайней мере, до тех пор, пока я не удостоверюсь наверняка, что с Бруклином все в порядке. Мне было необходимо своими глазами увидеть улучшение его состояния. Через двадцать минут я попросил водителя развернуться. И, честно говоря, даже если бы я знал в тот момент, какими последствиями все это обернется, то все равно принял бы точно такое же

решение.

Я позвонил в «Юнайтед» Стиву Маккларену. В конце концов, за все девять лет профессиональной карьеры я пропустил всего лишь один день тренировок и был уверен, что, если объясню ситуацию, клуб поймет меня. Но я не смог поймать Стива и потому оставил следующее сообщение: «Бруклину плохо. Что будет, если я не явлюсь? Думаю, мне следует остаться с ним».

Никто не связался со мной по телефону в ответ на мой звонок.

Задним числом я понимаю, что не предусмотрел одну вещь: мне следовало сказать в своем сообщении, что я звоню из Лондона, а вовсе не из Манчестера. С другой стороны, некоторая напряженность, существовавшая между мной и нашим отцом-командиром на предмет моей семейной жизни, заставила меня в тот момент предположить, что одного только упоминания Лондона будет достаточно, чтобы привести его в бешенство. К десяти часам Бруклин проснулся, и было очевидно, что ему намного лучше. Я снова сел в машину и отправился в Манчестер. По дороге позвонил Стиву и на сей раз поймал его. Было около полудня, когда ребята уже заканчивали занятие, и я спросил у него, приезжать ли мне сегодня после обеда в Каррингтон, чтобы потренироваться самостоятельно. Стив сказал мне, что делать этого не нужно:

— Но я должен сообщить тебе, Дэвид: старший тренер недоволен.

Не думал тогда и не думаю сейчас, чтобы я сделал что-либо не так, но, разумеется, у Стива в тот момент не было времени на разговоры об этом по телефону. А я считал, что в любом случае к следующему утру все рассосется само собой. И ошибался.

В пятницу утром я пришел на тренировку, и Стив Маккларен сказал мне, что шеф сердит на меня и хочет видеть. Я продолжил тренировку, полагая, что смогу поговорить с отцом-командиром позже. Но все получилось иначе. В то время, когда мы выполняли обычные упражнения по коллективному владению мячом, тот налетел, как ураган, сказал что-то Стиву и затем прокричал мне:

— Бекхэм! Иди-ка сюда. Хочу сказать тебе парочку слов.

Случилось так, что я оказался в самой середине шеренги, которую образовал полный состав первой команды «Манчестер Юнайтед», а перед ней — ее старший тренер. Я попробовал стоять на своем, но шеф и не собирался вступать в дискуссию:

— Ступай и тренируйся с запасными.

Поступить вот так, перед всеми остальными ребятами, — это страшное оскорбление и удар по чувству собственного достоинства для любого игрока, особенно того, кто не считал себя

в чем-либо провинившимся. Я отказался, после чего прошагал назад через все тренировочные поля, зашел в раздевалку, переоделся и отправился к своей машине. Но тут что-то все же заставило меня остановиться: «В субботу ответственная игра. Не усугубляй ситуацию. Будь профессионалом и в этом».

Я вернулся внутрь, снова надел спортивный костюм и пошел в тренажерный зал, чтобы поработать самостоятельно. Приблизительно через полчаса сюда по пути в раздевалку заглянул Рой Кин. Я не знал, что вообще творится и как я должен реагировать. Поэтому я спросил у Роя, как, по его мнению, мне надлежит поступить. Он сказал совершенно четко:

— Тебе надо пойти и потолковать со старшим тренером.

На самом деле это должен был сделать сам Рой. А мне следовало проигнорировать его совет. Но я отправился в кабинет нашего отца-командира, постучал в дверь и с ходу попал под самую большую головомойку, с какой мне вообще доводилось сталкиваться в своей карьере. С его точки зрения, я совершенно неправильно расставил приоритеты. Я же, хоть и попросил извинения за свое отношение к возникшей ситуации, однако не отступил:

— Дело не в том, что я не хочу здесь работать, но, на мой взгляд, главным моим приоритетом все-таки должна быть моя семья. У меня был болен сын, и именно поэтому я пропустил тренировку.

Шеф думал по-иному:

— Твоя обязанность — быть здесь, в клубе, а не дома со своим сыном.

Поймите меня правильно: даже если я и не соглашался, то вполне мог понять точку зрения отца-командира, который в это важное время, в самый разгар сезона должен был думать обо всем клубе в целом. Но у него был в запасе еще один аргумент, который на деле превращал принципиальный спор в банальную, хоть и шумную перебранку. Это была фотография, помещенная в тот день в газетах: на ней фигурировала Виктория на каком-то благотворительном мероприятии, проходившем в четверг вечером, то есть сразу наутро, когда я пропустил тренировочное занятие. К вечеру Бруклин окончательно пришел в себя, и Виктория решила, пока он спит, выполнить свое давнишнее обязательство, а это означало, что в течение нескольких часов ее не было дома. Однако шеф увидел ту ситуацию совершенно иначе:

— Ты сидишь с ребенком, в то время как твоя жена где то слоняется и кокетничает с мужчинами.

Именно такие слова: «кокетничает с мужчинами». Думаю,

именно тот глумливый тон, которым они были произнесены, и заставил меня взорваться:

— Не говорите о моей жене подобным образом. Как бы почувствовали себя вы, прояви я подобную непочтительность по отношению к вашей супруге?

Я не сразу смог поднять глаза и посмотреть на него. Входя в кабинет, я ожидал, что он будет зол на меня. Но не ожидал, что и сам потеряю самообладание. Он велел мне не рассчитывать на игру с «Лидсом» и не встречаться с остальными членами нашей команды.

Я спустился вниз, снова переоделся и уехал. Невозможно было поверить, что из-за случившегося шеф не допустит меня к матчу на «Элланд Роуд». Но он поступил именно так. В день той встречи я, как обычно перед игрой, поднялся с постели немного позже, надеясь, что все утрясется. Накануне вечером я вместе со всеми отправился в Лидс, и на следующее утро шеф объявил в гостинице состав команды — меня там не было. Когда мы вышли на поле, он объявил замены, и меня опять не было — даже на скамейке. Тем временем вся эта история попала в газеты, и там напечатали фотографии, где я сидел в тот день на трибуне, наблюдая за тем, как мы побеждаем со счетом 1:0. Мысленно возвращаясь к тем событиям, я полагаю, что именно чрезмерная гласность и шумиха, сопутствовавшие данной истории, способствовали ее раскручиванию. Остается только гадать, а не эти ли фотографии, где я был изображен уходящим с тренировочного поля в ту пятницу, и россказни, которые их сопровождали, заставили нашего отца-командира форсировать события и выполнить свою угрозу об отстранении меня от игры. Возможно, события развивались бы совсем по-другому, если бы все решалось доверительно, в частном порядке.

После встречи с «Лидсом» я должен был уехать в связи со своими обязательствами по сборной. Когда все мы вернулись в Манчестер, я встретился с шефом, Стивом Маккларином и Гэри Невиллом, чтобы уладить это дело. Эта встреча проходила вне общественного внимания, и данное обстоятельство, как я уверен, только помогло расставить все на свои места. После того как каждый высказался, отец-командир подвел итог разговора:

— А теперь давайте все это забудем. И давайте-ка продолжим наше общее дело, ладно?

Я испытал огромное облегчение. Шеф был совершенно не тем человеком, с которым я хотел качать права. И не только потому, что он становился страшным, когда выходил из себя, равно как и не потому, что размолвка с ним могла бы означать для меня пропуск игр. Если говорить о моей футбольной карьере, то

именно наш отец-командир был тем, кто сделал для меня все возможное: с первого дня моего пребывания в «Манчестер Юнайтед» он заменил мне отца в том месте, которое стало для меня второй семьей. «Олд Траффорд» был к этому моменту моим домом в течение почти такого же времени, как до этого родительский дом, где я жил с мамой и папой. И сколько бы шеф на меня ни сердился или как бы я сам ни обижался на отношение ко мне, я неизменно понимал, что все его действия диктуются желанием приложить все усилия для блага «Юнайтед». И я всегда знал и помнил, сколько он сделал для меня лично как футболиста и человека с тех пор, когда я еще мальчиком пришел на «Олд Траффорд». Возможно, как раз понимание всей важности наших взаимоотношений и стало причиной того, почему у меня произошел столь сильный перегрев эмоций.

Во второй половине того же дня, после тренировки, и делал покупки в универсаме «Траффорд Центр». Когда я выходил оттуда, мне позвонили — это был шеф:

— Где ты, черт подери?

— Что-что?

— Где ты, говорю, черт подери?

— В своей машине.

— Не ври мне. Ты ведь в Барселоне, верно? Я едва не рассмеялся вслух:

— Да я же в своей машине. Как раз отъезжаю от «Траффорд Центра».

Но отец-командир не внимал моим словам:

— Мой приятель видел тебя в барселонском аэропорту.

Что я тут мог сказать? Я описал ему автостоянку в «Траффорд Центре», рассказал, в каких отделах побывал. Последовала длинная пауза: — Хорошо. До свидания.

Позже я узнал, что за пять минут до того, как связаться со мной, шеф звонил Гэри, чтобы узнать, где я нахожусь, и рассказать, какие слухи до него дошли. После всего того, о чем мы говорили на встрече, состоявшейся чуть раньше, в то же утро, Гэри только и оставалось положить телефон и подумать про себя: «Дэйв, после всего, что произошло, прошу тебя, пожалуйста, не будь в Испании».

Такими вот немыслимыми, почти сверхъестественными, оказались в этом сюжете ядовитые стрелы клеветы. Я не мог поверить в нашу только что состоявшуюся телефонную беседу с шефом. Да, он знает кучу людей по всему Манчестеру и знает все, что касается его игроков. Все, кому не лень, постоянно рассказывают ему массу вещей и непременно утверждают, будто они сами это видели или слышали. Вот кто-то из них только что и

ляпнул ему, как я выходил из самолета в Барселоне. Проблема с такими историями состоит в том, что в действительности они не могут не заводить шефа, причем независимо от того, верны они или нет. А это никак не помогает ни мне, ни кому бы то ни было еще, кого касаются подобные выдумки. Не думаю, что с чисто профессиональной точки зрения я мог бы устроить свою жизнь лучше: ведь я всегда следил за собой, проявлял осторожность в таких вещах, как выпивка или слишком позднее возвращение домой, и прочее. Когда я езжу в Лондон, чтобы повидаться со своей семьей и друзьями, то никогда не допускаю, чтобы такие вояжи мешали моей работе. Если игра назначена на субботу, то вечер среды — крайний срок, когда я могу себе позволить вернуться в Манчестер. Тем не менее, слухи, приведшие к той распре, которая, как я надеялся, подошла к концу, убедили отца-командира, будто я чуть ли не через день разъезжаю туда-сюда по автостраде Манчестер-Лондон. Он не обозлился на меня просто так или исключительно из-за моих поездок — в этом я не сомневался, — но только по причине его искренней убежденности в том, что жизнь, которую я веду вне футбола, мешала достижению успеха там, где это действительно имело значение, мешала одерживать победы в играх за «Юнайтед». И никакие слова в свое оправдание не могли убедить его в собственной неправоте. Потому единственное, что я мог сделать для восстановления прежних отношений, это играть, и играть хорошо.

Тем временем мы были на подъеме. Клубный чемпионат мира оказался полезным перерывом, позволившим нам передохнуть от напряженных выступлений в премьер-лиге, и, как мне кажется, мы возвратились из Бразилии, чувствуя себя действительно сильными. После встречи в Лидсе я вернул себе место в команда, и в период между этой игрой и концом сезона мы в лиге свели только два матча вничью и выиграли все остальные. В итоге мы с большим запасом финишировали в ранге чемпионов, опередив на восемнадцать очков «Арсенал», и такой разрыв в верхней части таблицы красноречиво говорил обо всем. За год мы проиграли только три встречи, и никто не был в состоянии с нами конкурировать. Разумеется, визит в Бразилию заранее подразумевал, что мы не сможем защитить Кубок федерации. Но, как потом оказалось, самое большое разочарование этого сезона состояло и другом: мы не защитили и свой титул в лиге чемпионов. Наш опыт в европейских турнирах свидетельствовал, что мы научились преодолевать групповую стадию, даже если проигрывали какой-нибудь матч или не показывали лучшую игру. Однако, как только мы выходили в ту стадию, где поражение означало нокаут, все менялось: там надо было играть в

настоящий кубковый футбол и обязательно выигрывать, причем не у середнячков, а у некоторых лучших команд. Так, в четвертьфинале кубка чемпионов 2000 года мы по жребию вытянули в качестве противника мадридский «Реал».

Первую из предусмотренных двух встреч, проходившую на стадионе «Сантьяго Бернабеу», мы свели вничью 0:0. Они временами показывали великолепный футбол, но мы имели шансы победить (против «Реала» у тебя всегда бывают такие шансы) и отыграли хорошо. Гол на выезде, забитый в тот вечер в Испании, сделал бы ситуацию совсем иной. Но и так все выглядело неплохо, и ребята действительно с нетерпением ждали их приезда на «Олд Траффорд». Мы считали, что вполне можем сокрушить их. Так же думали и наши болельщики. Точно так же считала пресса. Но не мадридский «Реал». Это было еще перед тем, как в их команде появились Зидан, Фигу и Роналдо! Но «Реал» и тогда имел в своем составе отличных футболистов (помнится, шеф сказал, что. по его мнению, Рауль является лучшим в мире игроком на своей позиции). И они забили в Манчестере превосходные голы и задавили нас прежде, чем мы смогли по-настоящему заиграть. Вроде бы в проигрыше такой команде не было никакого позора. Ведь они продолжали одерживать победы и в конце концов выиграли весь турнир. Но мы были раздавлены. У нас имелся шанс, но мы им не воспользовались.

Немного похоже выглядела первая половина нашей встречи в Мадриде, проходившей в 2003 году: они доминировали все время точно так же, как это было на «Олд Траффорде» в первые пятнадцать минут после перерыва, когда у них, казалось, выходило буквально все, чего они хотели, а мы не могли даже подобраться к ним. Помню, как их левый полузащитник, аргентинец Редондо, пробил невероятно подкрученный мяч таким образом, чтобы тот пролетел мимо Хеннинга Берга. Получился идеальный навес, и Раулю оставалось только подставить ногу, чтобы вбить его в сетку. Это было просто блестяще. Мы получили в свои ворота один гол в первой половине встречи, затем Рауль забил свой второй мяч и не успел завершиться час игры — которая, нам казалось, никогда не кончится, — как мы проигрывали уже 0:3. За последние полчаса мы. правда, едва не отыгрались: сначала забил я, потом Скоулзи реализовал пенальти — но они продержались и прошли дальше, а мы вылетели.

Хотя мой гол в тот вечер никак не компенсировал поражения, но я был им доволен. Ведь прежде, чем резким ударом послать мяч в верхний угол, я смог пробросить его далеко за спину Роберта Карлоса и обежать его. Мне довелось несколько раз

играть против этого футболиста — и в матчах «Юнайтед» с мадридским илом», и во встречах сборных Англии и Бразилии. Все говорят о том, как здорово Роберто Карлос, и он неоднократно это доказывал — а в тот вечер особенно, — что умеет и защищаться. На самом деле, Роберто — лучший левый задний игрок в мировом футболе. Кое-кто заявляет, что за его спиной остается слишком много места, потому что он все время рвется вперед, но этот парень может дать противникам пять и даже десять ярдов форы и все равно успеть вернуться, чтобы выполнить свой фирменный подкат. Мне всегда нравилось играть против него; он всегда оставался Роберто Карлосом — будь то в мадридском «Реале» или в сборной Бразилии. Ты знал, что тебе и твоим товарищам по команде предстоит действовать против одного из лучших футболистов в мире.

После вылета из числа претендентов на Кубок европейских чемпионов важно было не рассиживаться, испытывая жалость к себе, как бы отчаянно мы ни хотели снова добыть этот почетнейший трофей. Думаю, одной из наших сильных сторон, всегда отличавшей «Юнайтед» от прочих команд, было то, каким образом мы реагировали на поражения. Требуется особый командный дух чтобы в ходе турнира команда ничем не выказывала, что ее обыграли. И после того как мы проигрывали какой-то матч, все знали, что, какое бы большое разочарование нас ни постигло, каждый из футболистов «Юнайтед» будет к следующей встрече готов восполнить понесенный урон. Это именно тот дух, который снова и снова зовет разных спортсменов, выступающих в форме «Манчестер Юнайтед», идти вперед и добиваться длинных беспроигрышных серий (наподобие удавшейся нам в 1999/2000 годы) и побеждать в чемпионатах. Очень многое делает для этого наш отец-командир. Да и весь тренерский состав в «Юнайтед» еще со времен Нобби Стайлза и Эрика Харрисона всегда умел вдохновить спортсменов на подобное отношение к игре. И мы также, еще выступая в молодежном кубке и полулюбительском футболе, всегда демонстрировали свою способность выбираться из самых трудных ситуаций как в ходе отдельных игр, так и после серьезных поражений.

Это качество можно назвать упорством или, если хотите, непокорностью. Мы закончили сезон 1999/2000 годов в качестве чемпиона премьер-лиги. Нежелание соглашаться ни на какое место, кроме первого, сила эмоции и неукротимое желание — все эти качества образуют собой психологический портрет нашего клуба. В «Юнайтед» профессиональное отношение к делу пронизывает все, что мы делаем. Думается, я не открою никакого

секрета, сказав, что особенно сильно, особенно очевидно эти свойства проявляются среди той группы игроков, которые вместе росли и воспитывались в девяностые годы: это я, братья Невиллы, Пол Скоулз, Райан Гиггз и Ники Батт. Рой Кин нередко доводил нас, со смехом говоря о «наборе 1992 года», но он, как никто другой, принадлежит к тем спортсменам, которые умеют распознать в других игроках своей команды бойцов, всегда готовых сражаться.

Среди нас существовало такое ощущение близости, что я не думаю, чтобы его удалось когда-либо купить или воспроизвести. Оно еще и росло со временем, потому что все мы так долго находились вместе в «Юнайтед». Мы полностью верили друг в друга. Ни один из нас не позволял себе чрезмерно увлечься или выпячивать свою индивидуальность. И не было для нас большего греха, чем подвести друг друга. А еще у нас всегда была одна общая черта: мы жили ради того чтобы играть в футбол, и не просто играть, а за «Манчестер Юнайтед». В последние годы, особенно после того как мы не сумели завоевать никаких трофеев или титулов в 2002 году, некоторые ученые мужи и даже отдельные приверженцы «Юнайтед» начали говорить о том, что, пожалуй, пришло время, когда лучше всего было бы раздробить «набор 1992 года». Как все знают — некоторым теперь пришлось покинуть эту группу, но что касается других, я искренне убежден, что клуб рисковал бы в таком случае потерять многие из тех качеств — и в первую очередь свой дух, дух «Юнайтед», — который создан для его успеха. Эти качества — из разряда тех, которыми располагают лишь немногие команды, и в «Манчестер Юнайтед» их было бы просто невозможно заменить.

9. Немцы

«Идите и получайте удовольствие от игры…

Они хорошая команда, но мы — лучше».

Как мне кажется, для многих зачастую перестает иметь значение, что футбол — игра командная. Когда дела идут не так, как надо, то вину за это всегда должен кто-нибудь взвалить на себя — или ее взвалят на него другие. Возьмем, к примеру, выступления сборной Англии. В чемпионатах мира последних лет таким человеком в 1998 году был я, а потом, в 2002 — Дэйв Симэн. Что касается европейского чемпионата 2000, то игроком, который стал козлом отпущения за то, что показанный нами результат не совпал с ожиданиями публики, сделали Фила Невилла. Складывается впечатление, что для СМИ и для некоторых болельщиков в каждом крупном турнире всегда должен отыскаться герой или же злодей. Я вовсе не говорю, что у людей нет законного права высказывать собственное мнение насчет сборной Англии или отдельных ее футболистов. Тем не менее, иногда становится интересно, а понимают ли эти люди, что слова, которые они произносят или пишут о нас, западают в память и оказывают свое действие. Футболисты могут порой заявлять, что они не читают газет и не слушают радио, но, уж поверьте, мы все отлично знаем, когда нас честят в хвост и в гриву. И какими бы сильными мы ни старались при этом быть — или хотя бы казаться, — но подобные тексты всегда оставляют несмываемый след и на нашей вере в самих себя и на психологических установках.

Конечно же, стремление отыскать положительную — или отрицательную — фигуру присуще футболу не только на международном уровне. Был осенью 2002 года такой период, когда «Юнайтед» действовал далеко не так, как хотелось бы. Для этого имелась масса причин, среди которых можно упомянуть не только травмы и дисквалификацию ведущих игроков, но и тот факт, что команда в целом отчасти утратила уверенность и необходимый уровень концентрации. У меня были собственные проблемы, речь о которых я поведу позже. Но некоторые люди почему-то решили, что во всем этом виноват Райан Гиггз. Никто в нашей раздевалке — ни футболисты, ни персонал — так не считал. Но изрядная часть зрителей, регулярно приходивших на «Олд Траффорд», была недовольна нашими выступлениями, а

газеты и радио, естественно, уцепились за это и быстро нашли виноватого. Для всех игроков и, наверняка, для самого Райана такие упреки оказались полной неожиданностью, тем более что болельщики «Юнайтед» многие годы проявляли себя с самой лучшей стороны, я бы даже сказал, потрясающе. А особенно лояльно и одобрительно относились они к «доморощенным» ребятам, которые пришли в клуб еще мальчиками и воспитывались при нем чуть ли не с футбольных пеленок.

Но как только газеты раздули из этого целую историю, большинство приверженцев «Юнайтед» не просто отстали от Гиггзи, но и поддержали его. Возможно, у него в тот период и был спад формы, но никто из тех, кто хоть мало-мальски разбирался в футболе, не сомневался, что в его лице мы имеем игрока мирового класса. Более того, никто из приверженцев «Манчестер Юнайтед» ни на секунду не усомнился в Гиггзи только потому, что команда в целом мало забивала и вообще действовала не так, как от нее ждали. Разумеется, у меня и в мыслях нет, что болельщики не имеют права высказывать свое мнение о «Юнайтед» и отдельных игроках клуба; в конце концов, это ведь именно от них зависят заработки футболистов и всех остальных, кто трудится на «Олд Траффорде». Футболисты должны соответствовать самым высоким ожиданиям своих болельщиков — в этом и состоит их работа. Однако когда все наезжают на одного спортсмена, то этого я просто не понимаю. Ведь тем самым ситуация становится еще более трудно разрешимой — и для данного игрока, и для остальной команды. Вообще-то, я бы сказал, что зрительская аудитория «Олд Траффорда» более терпима, чем на большинстве остальных стадионов. Она понимает игру и понимает игроков. Настоящие болельщики «Юнайтед» знали, что к Гиггзи вернутся его легкость, результативность, и он действительно доказал это в течение последних шести месяцев того сезона, когда в конечном итоге мы победили в премьер-лиге.

Вообще, если говорить об Англии в целом (по крайней мере, с тех пор как я всерьез занимаюсь футболом), то там всегда наблюдается одна и та же тенденция: как только команда начинает прихрамывать, всю вину взваливают на плечи одного человека. А уж когда подумаешь, что есть еще и международный уровень, где мы представляем нашу страну, а не только свои клубы, и что каждый раз, когда мы гоняем мяч на каком-то крупном турнире, миллионы болельщиков наблюдают за этим по телевизору, то понимаешь: в этом случае оказаться козлом отпущения и виновником всех бед страны — болезненно и оскорбительно. Помню, когда мы были помоложе, некоторые из

нас, участвуя в подготовке к выступлениям за сборную Англии, говорили — вроде бы наполовину шутя — о том, кто же будет расхлебывать кашу на сей раз, если мы продуем. Однако теперь, оглядываясь назад, понимаешь, что это вовсе не было смешно — даже наполовину. Думаю, когда кого-то заставляли отдуваться за всех, то тем самым копали яму не только для конкретных ребят, выбранных в качестве мальчиков для битья, — это вредило и команде Англии в целом. А возможно, и до сих пор продолжает вредить.

На игроков сборной Англии всегда оказывается психологическое давление, и мне это понятно — я ведь тоже патриот. Я болею за Англию и хочу, чтобы мы как страна добивались всяческих успехов. Но, на мой взгляд, в мировых и европейских чемпионатах это давление иногда запугивает игроков и не позволяет им испробовать новинки, заставляя избегать всякого риска и подлинного самовыражения. Страх перед неудачей и память о том, что, к примеру, приключилось в 1998 году со мной или с Филом Невиллом после турнира «Евро-2000», остается сидеть в головах отдельных игроков. Взгляните на Бразилию — их парни спокойны, что бы ни случилось. Помню, как в ходе четвертьфинала на чемпионате мира 2002 года я посмотрел на поле (это было в тот момент, когда мы вели 1:0) и увидел Роналдо смеющимся и перебрасывающимся шутками с рефери.

Конечно, практически ни один из ведущих бразильских игроков не должен после окончания ответственного турнира возвращаться в Бразилию и выступать на следующий сезон в своем клубном футболе. Возможно, это помогает им не особенно волноваться насчет того, что может с ними случиться, если дела их сборной сложатся на нем не так, как надо. Зато игроки главной английской команды отлично знают, какие тумаки могут обрушиться на них у себя на родине, и я искренне убежден, что озабоченность этими возможными последствиями сдерживает кое-кого из нас и мешает развернуться в полную силу. А если учесть, через какую бурю недоброжелательности пришлось пройти мне самому, то нет ничего удивительного в том, какие мысли бродили у меня в голове, когда я попал домой после чемпионата мира 2002 года. Скажем, что наговорили бы и настрочили обо мне, промажь я тот одиннадцатиметровый против Аргентины? Возможно, я здесь не совсем прав. Во всяком случае, с другими парнями-сборниками я на этот счет не беседовал. Просто у меня в самом есть такое чувство, что в самых ответственных, действительно решающих играх страх перед неудачей иногда останавливает нас, не позволяя действовать на

полную катушку и показать все, на что мы способны и чего ждут от нас болельщики. Но по тем или иным причинам турнир «Евро-2000» прошел совсем не так, как нам всем того хотелось. Часть вины за это взял на себя Фил Невилл. Кевин Киган тоже стал объектом множества критических выступлений. Но благодаря тому командному духу товарищества, который создал Кевин после своего прихода на пост старшего тренера сборной Англии, все мы чувствовали, что и у нас рыльце в пуху. А это означало нашу общую готовность взять на себя ответственность за то, что Англия оказалась выбитой из этого европейского первенства на такой ранней стадии. И хотя наша команда переживала трудные времена еще в отборочный период, мы все же уезжали на основной турнир с надеждами на успех. Перед прибытием в Бельгию и Голландию в нашем тренировочном лагере во Франции было намного больше спокойствия и непринужденности, чем в том, который организовал Гленн Ходдл за два года до этого, перед мировым чемпионатом. Ко времени начала европейского турнира все мы испытывали настоящее воодушевление и с нетерпением ждали его открытия.

Если вы посмотрите на стартовые двадцать минут нашей первой игры против Португалии, проходившей тем летом в Эйндховене, то наверняка согласитесь, что мы находились в надлежащей форме и надлежащем настроении. Нам противостояла превосходная команда, в которой выступали игроки мирового класса наподобие Луиша Фигу и Руи Кошты, и они с первых минут стали оказывать на нас чувствительное давление. Но каждый раз, когда мы переходили на их половину поля, всем казалось, что мы вполне можем забить. И действительно, я сделал парочку хороших навесов, первый из которых удачно замкнул Пол Скоулз, а после второго отлично сработал Стив Макманаман. В результате, прежде чем у кого-либо из нас было время по-настоящему почувствовать игру и распробовать ее на вкус, мы уже вели 2:0. Честно говоря, нас самих удивило положение, в котором мы оказались. Надо было просто продолжать начатое и доводить игру до победного конца, но почти сразу же после нашего второго гола Фигу прошел вперед и издали вбил неотразимый мяч в верхний угол ворот, после чего все переменилось. События стали развиваться совсем не по тому сценарию как надо было нам. А непосредственно перед самым перерывом они сравняли счет. Потом Майкл Оуэн покинул поле из-за травмы, за ним последовал Стив Макманаман. И португальцы смогли во втором тайме забить победный гол.

Для нейтрального наблюдателя это была великолепная встреча. Но для нас, равно как и для английских болельщиков,

она оказалась весьма неутешительной. Играть столь уверенно, как мы действовали вначале, и забить два хороших гола, а затем упустить нити игры и продуть уже, казалось бы, выигранный матч — это было невероятно обидно. И тот факт, что на отдельных отрезках мы показывали хороший футбол и уступили не лишь бы кому, а превосходной команде, нисколько не ослабил оказанное на нас давление. К примеру, хотя сам я считал, что провел эту встречу очень прилично, после ее окончания я тоже чувствовал себя по-настоящему подавленным: поражение со счетом 2:3 было совсем не тем началом турнира, на которое мы надеялись. В течение нескольких минут после финального свистка я как бы отключился и отрешенно погрузился в себя. Пожалуй, мне следовало тогда поднять голову повыше и даже ожесточиться, потому что пока я, понурившись, брел с поля, меня ждала неприятность.

Виктория специально приехала в Голландию на эту встречу. Разумеется, она хотела тем самым поддержать меня, но, с другой стороны, я хорошо помню, как занервничал из-за нее перед введением мяча и игру с центра поля. Вообще-то всем футболистам сказали, что наши родственники будут размещены в безопасной огороженной зоне, но этого не случилось. Я осмотрелся вокруг в надежде увидеть ее среди зрителей и убедиться, что Виктория — в безопасности. Она сидела вместе со своим отцом, и, как я потом узнал, у них были проблемы до и после матча: их толкали и оскорбляли люди, называвшие себя болельщиками Сборной Англии. Могу лишь сказать, что моя жена никогда больше не поедет на матч такого уровня при подобных обстоятельствах.

Некоторые из таких же точно идиотов поджидали и меня, когда я покидал поле. Направляясь к туннелю уже после того, как настоящие английские болельщики приветствовали нас аплодисментами, я столкнулся с несколькими мрачными типами, которые сидели па местах, расположенных за навесами для запасных. Они начали наезжать — сначала на меня, потом на Викторию. А затем — и это самое ужасное — стали кричать, разные гадости о Бруклине. Когда я вспоминаю, о чем они вопили, мне и сегодня делается плохо и что-то тянет в животе. Я был в бешенстве, но кусал себе губы, только бы не сорваться. Да и что тут можно поделать? Остановить их словоизвержение невозможно. Я только показал им средний палец и отправился прямиком вниз, к раздевалкам.

Начиная с турнира «Франция-98», случаи наездов на меня стали настолько частыми, что я почти научился жить с этим. Само собой разумеется, это всегда травмировало душу, но я, как

мне кажется, научился не замечать таких нападок. Но вот что действительно шокировало меня, так это поток грязи, обрушившийся на нас, с тех пор как мы с Викторией поженились и образовали семью. Вместо уважительного отношения к себе, эта перемена статуса, как мне показалось, только ухудшила наше положение. Хотелось бы спросить людей, которые нас оскорбляли, почему они это делали, что ими двигало. Зависть? Презрение? Или они не могли найти себе лучшего занятия? Я знаю только одно — в тот день в Эйндховене, после того как я провел на поле девяносто минут, выступая в составе сборной команды Англии, и мы не смогли показать в этом матче хороший результат, моя охрана явно огорчилась. Что же касается слов, которые произносили те гнусные типы, то они только травмировали меня и вызвали чувство отвращения. И поскольку я был настолько потрясен и даже шокирован ими, то не мог не отреагировать.

К тому времени, когда я вместе с остальной командой спустился в туннель, для меня лично весь этот неприятный эпизод казался законченным. Мне повезло в том, что когда мы покидали поле, Кевин Киган находился всего в нескольких шагах позади меня. Он слышал каждое словечко, которое эти типы изрыгали в мой адрес, но ничего не сказал на сей счет, когда мы очутились в раздевалке. Гораздо важнее для всех было поговорить о только что проведенной встрече и начать настраиваться на следующую, против Германии, которая ждала нас в Шарлеруа. Я переоделся и вместе с другими парнями прошел в автобус. Оттуда позвонил Виктории, и она стала рассказывать мне, что происходило с нею и Тони, когда они сперва подходили к трибунам, а потом покидали их. По-моему, я даже не успел доложить ей, какие гадости кричали мне, когда по проходу приблизился Пол Инс:

— Ты выставлял палец зрителям? Я только утвердительно кивнул.

— Они сфотографировали этот жест. Один из ребят, связанных с прессой, секунду назад сказал мне по мобильнику, что снимок завтра будет в газетах.

К моменту, когда мы вернулись в свою гостиницу, Кении тоже знал о предстоящих проблемах. Его спросили о данном эпизоде на пресс-конференции после игры. Мы всей командой усаживались на ужин, когда он подошел ко мне:

— Дэвид, я все слышал. Тебе не о чем волноваться или тревожиться. Не делай только никаких заявлений по поводу того, о чем прочитаешь в газетах. Я своими ушами слышал все, что говорилось на стадионе, до единого словца. Не волнуйся. Я тебя

прикрою.

Кевин повторял то же самое всем, кто об этом спрашивал. И сказал представителям печати (и, возможно, представителям футбольной федерации, которые беспокоились насчет последствий), что он в курсе всей этой истории и полностью на моей стороне. Именно Кевин позволил окружающим в полной мере понять, насколько серьезными были эти оскорбления и какими они были злобными. Он дал публике понять, что гадости, выкрикиваемые в чей-то адрес, ужасны, и их нельзя оставлять без внимания. В той ситуации, которая сложилась вокруг меня, никакой футболист не мог, пожалуй, рассчитывать на лучшую поддержку со стороны своего старшего тренера. Кевин Киган был готов стоять плечом к плечу рядом со мной. И точно так же поступил бы в подобных обстоятельствах Алекс Фергюсон. Думается, и Кевин, и наш манчестерский отец-командир понимают, насколько для игроков важно знать, что их старший тренер независимо от всяких личных соображений встанет на их защиту, когда дело дойдет до противостояния со СМИ.

Что же касается Эйндховена, то Кевин, на мой взгляд, посчитал для себя необходимым прикрыть меня не только потому, что я был одним из его игроков. У меня сложилось впечатление, что он был действительно потрясен и расстроен услышанным из толпы зрителей. И, как оказалось впоследствии, был в этом далеко не единственным. Конечно же, на следующий день в газетах поднялась большая суета и, конечно, нашлись люди, говорившие в мой адрес примерно то же самое, что они заявляли обо мне после происшествия в Сент-Этьенне: мол, это просто идиотизм, позорище, и такой человек никогда больше не должен играть за свою страну. Но на сей раз ситуация была совершенно иной. За меня горой стоял старший тренер сборной Англии и публика лучше понимала, почему я отреагировал на откровенное хамство именно таким образом. В Эйндховене меня достал не аргентинский полузащитник, а люди, державшие в руках английский флаг и носившие точные копии футболок сборной Англии. Пожалуй, широкая публика смогла наконец понять, почему я так среагировал, даже если мой поступок и был неправильным. Меня к нему подталкивали в течение, по меньшей мере, двух лет, меня накачивали и заводили, и вот я не выдержал. Впрочем, нашлось немало таких журналистов и болельщиков, которые сочли, что меня уж слишком затравили, и потому я заслуживаю той поддержки, которую оказывал мне Кевин. В результате я почти немедленно почувствовал смену отношения ко мне со стороны СМИ и общества.

Мне отлично известно, что иногда память может подвести,

либо сыграть с тобой скверную шутку. События далеко не всегда развиваются настолько быстро или драматично, как тебе запомнилось. Но я абсолютно точно знаю, что после Эйндховена все изменилось почти мгновенно. Того, что произошло, когда мы вышли разминаться перед игрой с Германией, я никогда не забуду. После моего удаления в матче против Аргентины английские болельщики не нуждались в особых подсказках или подстрекательстве, чтобы повернуться ко мне спиной или кое-чем похуже. Мои выступления на уровне клубного футбола в составе «Юнайтед» тут не помогали. Еще со старых времен все ребята из «Юнайтед», выступая на «Уэмбли», привыкли подвергаться нападкам. Некоторые лондонские болельщики непременно шикали, когда при объявлении состава команды звучали имена Гэри или Фила Невилла. Оскорбления, которые обрушивались на представителей нашего клуба в выездных матчах, обычно имели продолжение, когда мы оказывались в составе сборной нашей страны. Но в Шарлеруа все это изменилось — во крайней мере, для меня.

Спустя пять дней после поражения от Португалии мы встречались со сборной Германии — на крошечном стадионе в крошечном бельгийском городке. Я знаю, что до начала матча там на главной площади возникли какие-то проблемы с толпой зрителей, но нас они никак не затронули, и нам важна была атмосфера на стадионе. Чувство было такое, что мы находились на маленьком спорткомплексе одной из младших лиг, где зрители располагаются вплотную с полем. Шум стоял фантастический, причем исходил он по большей мере от английских болельщиков. Когда примерно за 35 минут до начала мы вышли разогреться, все места уже были заполнены. И тут случилось нечто, буквально потрясшее меня. Я бегал трусцой неподалеку от наших болельщиков и впервые в жизни услыхал их пение:

— «Один Дэвид Бекхэм. Есть только Дэвид Бекхэм…» У меня и теперь по спине пробегает дрожь, когда я вспоминаю эти минуты. А в тот момент я просто не мог поверить собственным ушам. Как я уже говорил, одновременно я и болею за Англию, и играю за Англию, так что когда наши болельщики скандировали мое имя, то для меня не могло быть счастья выше. И точно так же, как зрители «Олд Траффорда» помогли мне преодолеть последствия Сент-Этьенна, эти английские болельщики, собравшиеся в Шарлеруа, заставили меня позабыть обо всем том, что случилось после игры с Португалией в прошлый понедельник. Я испытал огромное облегчение, зная, что наши отечественные зрители — люди, которые платят хорошие деньги, чтобы

приезжать на крупные турниры и сопровождать команду Англии, — находятся на моей стороне. Убежден, что именно с того дня отношение ко мне навсегда изменилось. Мне никогда не узнать, насколько важной оказалась во всем этом поддержка Кевина, но я глубоко уверен, что события в Эйндховене наконец-то помогли людям понять, через какие муки мне довелось пройти на протяжении двух лет непрекращающихся оскорблений.

И, спускаясь обратно в раздевалку, чтобы подготовиться к началу игры, я чувствовал фантастический подъем. Когда мы снова вышли на поле, уже в форме сборной, я был готов ради моей страны пробить хоть кирпичную стенку. И, честно говоря, именно это мы и должны были сделать, играя против Германии, поскольку матч оказался упорнейшим и труднейшим. С чисто футбольной точки зрения эти девяносто головоломных минут были ужасающими. Но, принимая во внимание, что в официальных встречах нам не удавалось победить их с 1966 года, результат, горевший на табло после финального свистка, был более чем удовлетворительным: Англия 1 — Германия 0.

Я помогал забить оба наших гола в матче против Португалии и потому, если говорить о моей игре, чувствовал себя довольно уверенно. В Шарлеруа мы почти сразу после перерыва получили право на штрафной удар в нескольких ярдах от средней линии поля, на половине Германии. Гэри Невилл специально подбежал ко мне:

— Давай-ка побыстрее. Шевелись.

Такому парню не просто отказать. Гэри всегда готов подхватить мяч и двинуться вперед, желая поучаствовать в атаке, но именно в этот момент мне не хотелось просто отбросить мяч ему и продолжить позиционное нападение.

— Гэри, отвали в сторонку.

Не думаю, что он был очень доволен моим намерением послать этот штрафной далеко вперед, но я все же подошел к мячу и сделал именно так, как задумал. Мой кожаный друг долго висел в воздухе, удачно миновав при этом двух немецких защитников, а Алан Ширер смог подскочить на дальней штанге к приземляющемуся мячу и послать его в сетку. Этот гол оказался победным. В разгар нашего ликования по случаю забитого мяча ко мне подошел Гэри:

— Отличный навес, Бекс.

Как будто это с самого начала была его идея. Иногда с Гэри можно чокнуться, но мне трудно назвать кого-либо другого, с кем я предпочел бы тренироваться или играть в футбол. Он полностью, я бы сказал, идеально нацелен на игру. Едва прозвучал свисток об окончании встречи, мы все выбежали на

поле праздновать победу да и болельщики буквально сходили с ума: еще бы — мы одолели Германию и выиграли свою первую встречу на этом турнире. Тем не менее, радоваться было рано. Помню, как тот же Гэри снова подошел ко мне и сразу расставил все по местам:

— Пора нам сваливать с поля. Мы пока еще ничего особенного не сделали. Мы даже не вышли из группы.

И он был прав. Нам еще предстояло сыграть с Румынией. Нас устраивала в этой встрече даже ничья — ее было достаточно, чтобы пройти из группы дальше, но все теперь знают, какой оказалась эта встреча. Румыния — неплохая, техничная команда, даже без Георге Хаджи, который не мог играть тогда из-за переизбытка желтых карточек. Но все же мы никак не должны были попасть в такое положение, где они могли диктовать нам свои условия. Пропустив вначале гол, мы затем вышли вперед 2:1 и после этого должны были продолжать натиск, развивать успех и довести игру до победы. Однако мы стали играть на удержание, а они пошли вперед и сравняли счет. С этого момента возникло такое чувство, словно у нас не хватает веры в себя, чтобы снова переломить игру в свою пользу. Мы просто старались сохранить ничейный счет. Такая тактика была ошибочной, она позволила Румынии в самом конце забить гол и тем самым попасть в четвертьфинал вместо нас.

Я стоял неподалеку от центральной линии, когда Фил Невилл сделал сзади подкат против их игрока и судья дал одиннадцатиметровый штрафной. То был странный момент. Словно бы нереальный — возникло такое чувство, что этого просто не может быть, а случившееся происходит не с нами и не здесь, а является фрагментом другого матча — вовсе не того, который мы вели в течение последних девяноста минут. Я был страшно огорчен за Фила. Он провел в тот день хорошую игру, да и весь турнир действовал на уровне. Когда прозвучал заключительный свисток, я с первой секунды думал только о нем: «Мне известно, что сейчас произойдет и как станут теперь говорить о тебе».

Я догнал его и обнял, но все равно ничего не мог сказать или сделать, чтобы помешать ему взвалить на себя вину за наш проигрыш Румынии и вылет из соревнования. Преследования, которые обрушились на Фила, были не столь жестокими, как те, что достались мне после «Франции-98», но и их было достаточно.

Более чем достаточно. Неудивительно, что игроки сборной Англии иногда выходят на особенно ответственные игры, опасаясь совершить какую-нибудь ошибку, за которую их потом растопчут. Как я уже говорил, для того, чтобы английская

команда действительно могла добиваться более весомых результатов и пробиваться на высокие места в крупных турнирах, мы должны преодолеть подобное мышление. Но в тот день в Шарлеруа — как вокруг футбольного газона, так и потом, после возвращения в раздевалку — везде ощущалось недоверие. После того взлета, каким была победа над Германией, одержанная на этом же стадионе всего несколько дней назад, последовавший за ней результат матча против Румынии стал для нас настоящей катастрофой. Выигрыш встречи с немцами в предшествующую субботу высоко поднял планку всеобщих ожиданий — у болельщиков, СМИ и у самих игроков. И вот за какую-то долю секунды все это безвозвратно рухнуло. С этим было трудно смириться. Ничего не оставалось, кроме как мечтать вместе с английскими болельщиками и надеяться на лучшее, даже когда старший тренер и товарищи по команде вроде Гэри Невилла пытались вернуть меня на землю. Мы ничуть не меньше болельщиков чувствовали себя раздавленными необходимостью так быстро отправляться домой.

Минуты, проведенные тогда в раздевалке, а затем и первые дни нашего пребывания в Англии вспоминаются мне теперь туманно и расплывчато. Насколько я понимаю, вспоминая 1999 год, именно так должны были чувствовать себя футболисты мюнхенской «Баварии», после того как «Юнайтед» вырвал у них Кубок европейских чемпионов. Это совсем не то состояние, когда противник с самого начала перехватывает инициативу и забивает два-три безответных гола, полностью контролируя ход игры. Здесь все было совсем иначе. В какой-то момент все выглядит в розовом свете — и вдруг, в следующую минуту, ты оказываешься сраженным наповал. Происходит нечто ужасное, причем невероятно быстро, и у тебя уже нет ни капли времени, чтобы как-то справиться с бедой. Именно это и убивает. Я видел подобное чувство на лицах футболистов «Баварии» в тот вечер, когда «Юнайтед» в последние пару минут встречи выиграл у нее в Барселоне. Признаюсь, я питаю к ним огромное уважение: они преодолели то нестерпимое разочарование и несколько лет спустя все-таки завоевали желанный трофей. Чтобы так отреагировать на постигшую их огромную неудачу мюнхенцы должны были показать такую же силу характера, в какой нуждались игроки английской сборной после досадного поражения на «Евро-2000».

Когда мы вернулись в Англию, с критикой пришлось столкнуться не только игрокам. Старшему тренеру тоже довелось услышать немало замечаний так что он отвлек на себя часть давления, которое иначе целиком обрушилось бы на Фила

Невилла. Учитывая манеру игры команд под началом Кевина, включая сборную Англии, я лично думаю, что некоторые подобные события были неизбежны. То же самое произошло, когда он возглавлял «Ньюкасл». Всем нравится наблюдать за действиями его команд, но когда игра складывается неблагоприятно, легко заметить, что Кевин порой чрезмерно рискует и не уделяет достаточно времени отработке оборонительных действий. Думаю, мне нет необходимости снова повторять, как высоко я оцениваю его и как тренера, и как менеджера, и, наконец как человека. В глубине души все наши ребята знали, что за драму, разыгравшуюся в Бельгии, несем ответственность и мы, как бы ни хотелось очень многим указать пальцем исключительно на Кевина.

В футболе международного уровня никогда не хватает времени на то, чтобы рассмотреть итоги прошлых выступлении, всерьез разобраться в них и выдвинуть новые идеи. Как только закончился один турнир, нужно сразу же двигаться дальше и приступать к отборочным играм в попытке попасть на следующий. Осенью 2000 года мы уже проводили первые встречи на пути к чемпионату мира 2002 года. И первой серьезной командой, с которой нам предстояло скрестить шпаги, снова оказались немцы — на сей раз на «Уэмбли». После того как мы победили их в Шарлеруа, многие британские наблюдатели и спортивные обозреватели заявляли, что это была худшая немецкая команда, когда-либо выходившая на поле. Возможно, отсюда как бы вытекало, что нам не придется особо стараться, чтобы обыграть их и во второй раз. В общем, несмотря на то, что случилось этим летом на «Евро-2000», ожидания все равно оставались высокими. У того октябрьского дня имелась еще одна особенность, поскольку то была последняя игра, которую нам предстояло провести на «Уэмбли», прежде чем этот славный стадион снесут.

А ведь если оглянуться на историю этого спортивного сооружения, то обнаруживаешь, что с ним связанно очень многое, особенно самый лучший его день, имевший место в 1966 году. Разумеется, и сегодня «Уэмбли» был забит до отказа, и когда мы вышли разминаться, у всех было такое чувство, что здесь ожидается грандиозный пикник, а вовсе не отборочный матч чемпионата мира. А на самом деле игра сложилась ужасно — пожалуй, более огорчительно, чем любая, в которой мне когда-либо доводилось играть. Германия забила ранний гол, когда мяч со штрафного удара, пробитого Дитмаром Хаманном, проскользнул мимо Дэйва Симэна. А затем немцы только и делали, что сидели в обороне, старались подольше держать мяч и

«закупорить» игру, перекрыв все подступы к своей штрафной. Фактор своего поля для нас не сработал, и по правде говоря, мы никак не могли создать какого либо наступательного порыва. Соперники постоянно держали позади много игроков и, пожалуй, у них было больше шансов забить нам второй гол после быстрого прорыва, чему нас, чтобы сравнять счет. Не за долго до конца я получил сильный удар по колену и пришлось замениться.

Я ушел с поля и сидел на скамейке, укрываясь от презрительных взглядов. Финальный свисток и счет на табло, свидетельствовавшие о нашем поражении 0:2. И что услыхал старый «Уэмбли» от английских болельщиков, это было их дружное шиканье, когда мы, понурившись, покидали последнюю игру на «Уэмбли» — да еще проигрыш Германии — вот уж, действительно, одно из худших потрясений, выпадавших на мою долю в футбольной карьере. Я плелся вдоль боковой линии по направлению к раздевалке — всего в нескольких шагах позади Кевина Кигана — и потому отчетливо слышал оскорбления болельщиков, прорвавшихся на беговую дорожку, чтобы получше нас обсвистать. Правда, гадости, которые они выкрикивали в адрес игроков, не носили личного характера. Они орали Кевину, что думают о нем как о старшем тренере сборной Англии: всяческое низкопробное, позаимствованное с последних страниц бульварных издании, утверждавших, что у того нет ни малейшего понятия об игре. А разве можно сказать более резкое и оскорбительное человеку который был лучше каждого, и всех, кому можно было вручить бразды правления после ухода Гленна Ходдла в отставку.

Меня удивило заявление, которое прозвучало через пару минут, когда мы спустились в раздевалку, но поскольку я слишком хорошо слышал, что говорили ему эти горе-болельщики, мне сразу стало понятно, почему Кевин столь быстро решил, каким образом ему следует поступить. Несложно было понять, почему он после такого потока грязи спросил себя, стоит ли овчинка выделки, и без труда ответил на этот вопрос. Но, тем не менее, то, что произошло через час после завершения встречи с Германией, стало для всех сборников шоком. Мы даже не начали переодеваться. Большинство из нас ограничились лишь тем, что немного утолили жажду. Кевин вошел и встал посреди помещения. Затем он сказал, что расстается с нами:

— Я должен быть честным с вами. И честным перед собой. Я занимался этим делом столько, сколько мог. Теперь я прекращаю. Вас всех ждут хорошие времена. Вы — отличные игроки.

Я знаю, что это было с его стороны мгновенное и чисто импульсивное решение, поскольку даже его помощник Артур

Кокс, который знал Кевина лучше, чем любой из нас, не ожидал такого поворота событий.

Он был первым, кто заговорил:

— Нет, Кевин, нет. Не делай этого.

Помню и свою реакцию:

— Кевин, мы хотим видеть именно тебя старшим тренером английской сборной.

Все и без того разваливалось, а теперь мы еще вдобавок теряли Кевина Кигана. Лично я не чувствовал за собой никакой вины в случившемся. Я не сказал ни единого плохого слова об одном из лучших старших тренеров, с которыми мне когда-либо доводилось работать. Кевин, на мой взгляд, сам знал, как он должен поступить, и принял свое решение совершенно самостоятельно. Он сказал нам, что собирается уходить. Затем он сообщил то же самое Адаму Крозьеру, главе английской федерации футбола. А потом — и прессе. Каким же необычным оказалось завершение его эпохи в сборной! Все то значительное, что происходило на «Уэмбли», и все те хорошие времена, которые мы пережили рядом с Кевином, закончились беспрерывным дождем, лившим в тот день, обозленными и расстроенными болельщиками, а также необходимостью искать для команды Англии очередного нового тренера. Когда я оглядываюсь назад, вспоминая тот злополучный день, мне приходит в голову такая мысль: «Почему мы тогда не передумали и не провели на этом стадионе еще одну встречу? Почему не сумели дать «Уэмбли» еще один шанс расстаться с публикой так, как он того заслуживал?»

А ведь потом, в связи с задержками в возведении нового национального стадиона, оказалось, что именно так нам, пожалуй, и следовало сделать. Но этого уже не вернуть. И остается, увы, только надеяться, что наш проигрыш Германии окажется не единственной памятью об «Уэмбли», которая сохранится у людей. Гораздо справедливее было бы запомнить многочисленные напряженные финалы кубка федерации, матчи «Евро 96» или выигрыш чемпионата мира в 1966 году. Конечно, рассуждая с чисто футбольной точки зрения, если бы нам сказали перед той игрой в октябре 2000 года, что сегодня мы продуем команде Германии, но зато потом сумеем ее разбить, да еще в таком стиле, как нам это удалось в Мюнхене несколько месяцев спустя, то каждый из игроков без колебаний согласился бы на подобный вариант. Однако еще очень многое должно было случиться с командой Англии, прежде чем эта невероятная мечта смогла сбыться.

У известных английских футболистов, которые выступали за свою страну на международном уровне, у многолетних ее

лидеров и капитанов вроде Алана Ширера и Тони Адамса, карьера в составе сборной Англии на этот момент уже подошла к концу или была близка к завершению. В то же время на подходе к сборной возникла целая группа ребят, включавшая мое поколение игроков «Юнайтед», которые теперь имели опыт двух крупных турниров — и двух крупных разочарований. Следом за нами шло много талантливых молодых игроков, ждавших своего шанса. После ухода Кевина все, как нам казалось, соглашались в том, что надлежит предпринять, дабы английская сборная снова смогла выступать достойно. Перед окончательным назначением Свена-Горана Эрикссона, английскую команду на протяжении нескольких игр возглавлял Говард Уилкинсон, а затем перед выездной товарищеской встречей с Италией в качестве ее старшего тренера-опекуна появился Питер Тейлор. Все кругом говорили: «Надо встряхнуться самим и многое перетряхнуть. Следует вводить молодых игроков». Возможно, Питер с самого начала не хотел постоянно находиться на линии огня и подвергаться тем нападкам и обвинениям, которые неразрывно связаны с пребыванием на посту тренера сборной Англии, особенно когда ты появляешься там не от случая к случаю, а, как говорится, вкалываешь на полной ставке. Более вероятно, что у него попросту такая тренерская философия, — он стал тем, на кого возложили задачу сменить и серьезно обновить состав сборников, разобраться, что следует предпринять, а затем двигаться вперед и реализовать эти задумки, что бы ни говорили сомневающиеся. Все молодые игроки, которые пришли с тех пор в сборную, должны помнить, что именно Питер был первым, кто рискнул не просто дать шанс новому поколению игроков, но и в значительной степени опереться на них. Причем он не просто раздавал налево и направо новые футболки с эмблемой Англии. Им было сделано нечто большее — он дал этим молодым парням возможность объединиться и стать Командой. Роль и влияние Свена огромны, но начало положил именно Питер. У меня есть перед ним и личный долг, поскольку я тоже многим обязан ему. Из моей памяти никогда не сотрется, что именно Питер Тейлор впервые вручил мне нарукавную повязку капитана сборной Англии.

До этого я за всю свою карьеру только однажды выводил команду на поле. В первый год нахождения на «Олд Траффорде» я побывал капитаном той молодежной команды, которая выиграла в Северной Ирландии Молочный кубок. Впрочем, недостаток опыта никогда и никому не мешает мечтать. Как только я утвердился в качестве члена сборной Англии, у меня появились амбиции, которые я, конечно же, держал при себе) сделать

следующий шаг и занять пост, являющийся самым почетным из всех, какие возможны для играющего футболиста. Я всегда считал, что человек должен ставить перед собой самые высокие цели, и зашел в этом настолько далеко, что даже встречался с Кевином Киганом после того, как Алан Ширер объявил о своем окончательном уходе из сборной. Мне хотелось, чтобы старший тренер английской команды знал о моей готовности взять на себя обязанности капитана. Кевин не ответил ни «да» ни «нет». Но сказал, и вполне серьезно, что, по его мнению, я когда-либо непременно стану шкипером английской дружины.

На мой взгляд, к тому времени, когда Кевин сложил с себя обязанности тренера сборной, многие начали говорить о возможности привлечь меня на капитанский мостик главной команды страны. Должен также сказать, что в тот период было, по крайней мере, столько же людей, кто выступал против данной идеи, как и ее сторонников. Кроме того, этот вопрос со всей очевидностью был не из тех, которые я мог решить самостоятельно, — мне, как и всем прочим кандидатам, оставалось только ждать и следить за развитием событий. В ночь, перед тем как Питер Тейлор объявил состав своей команды на неофициальную встречу с Италией, Виктория была в отъезде, и я остался на ночь дома у Гэри Невилла. Мой телефон зазвонил около восьми часов утра. Я не отношусь к ранним пташкам, так что моя первая рассеянная реакция была не самой дружелюбной: «Кто это, черт возьми?» Но трубку я взял и сумел пробормотать:

— Алло. Привет.

Голос на другом конце линии явно принадлежал тому, кто уже давно бодрствовал:

— Привет, Дэвид. Это Питер Тейлор. Я мгновенно пришел в себя и вскочил с кровати:

— О! Привет, Питер. Как дела?

Но наш заботливый старший тренер звонил, безусловно, не только для того, чтобы поболтать. Я никогда не забуду слов, последовавших за этим:

— Извини, что звоню так рано, но я собираюсь объявить состав. Знаешь, я отобрал молодую команду и несколько совсем новых молодых игроков. Поэтому им, на мой взгляд, нужен и новый капитан. Думаю, будет правильным поручить это дело именно тебе. У меня нет абсолютно никаких сомнений, что ты готов к такому назначению. Мне хотелось, чтобы ты узнал об этом прежде, чем я сообщу о своих планах кому-либо еще.

Мне пришлось снова сесть и проторчать в такой позе по меньшей мере минут пять. Появились даже такие мысли, что, пожалуй, я все еще продолжаю спать. А может, этого звонка по

телефону в действительности не было вообще? Я прямо обалдел от только что услышанного — столько восторга, столько гордости и смирения принесла мне одна лишь мысль о капитанской повязке сборной. Я тут же позвонил Виктории. Потом маме и папе. Такого рода события не случаются по-настоящему, пока ты не поделишься ими со своими близкими. Но и после этого я все еще продолжал сидеть на кровати и думал: «Вот уж действительно фантастика. Но я не хочу быть капитаном Англии только на один матч. Хочу сохранить этот пост за собой».

И как только эта мысль пришла мне в голову, я немного успокоился. Не хочу, впрочем, сказать, что от радости я стал носиться по дому как угорелый или, скажем, подпрыгивать на кровати, принадлежавшей Гэри. Позже мы с ним завтракали, и я попросту рассказал ему, что случилось, — сухо и почти между делом:

— О, кстати, вот еще что, Газ. Меня сделали капитаном сборной. Передай-ка мне кукурузные хлопья.

Должен признаться, что я всегда видел именно Гэри в роли капитана — будь то в «Юнайтед» или в сборной Англии. Но оказалось, что сначала это случилось со мной. Он был настолько же рад за меня, как я бы радовался за него. Согласитесь, такой звонок от тренера — неплохой способ начать новый день, прежде чем сесть в машину и ехать тренироваться. Думаю, эта новость добралась до Каррингтона раньше меня, поскольку все ребята из «Юнайтед» с ходу набросились на меня, настаивая на том, чтобы все оставшееся утро называть меня исключительно «шкипер».

На самом деле я ни с кем не обсуждал, как относиться к капитанским обязанностям. Просто я видел, как это делали другие. Но я — не они. У меня собственный характер, и потому я должен был найти свой подход. Мне было ясно, что крики, вопли и понукания — не для меня. Единственное, что мне оставалось, — это выходить на поле максимально собранным и играть, не жалея сил, в надежде повести за собой ребят собственным примером. Впервые встретиться на газоне с остальной командой в качестве ее капитана — это было особенным чувством. И прекрасным ощущением, даже невзирая на то обстоятельство, что я поставил перед собой трудную задачу — ни в коем случае не расслабляться и не позволить себе просто наслаждаться моментом, поскольку я все время помнил, что отнюдь не хочу ограничиться одноразовым капитанством. Мне нужно постараться сделать все, чтобы наш новый, постоянный старший тренер согласился с решением, принятым Питером Тейлором.

Я был на седьмом небе от того, что Питер дал мне нарукавную повязку, а задним числом еще и благодарен ему, что

он отобрал именно такой состав. Я возглавил в качестве капитана сильно омоложенную команду и при этом чувствовал, что обладаю необходимым опытом и могу взять на себя эту дополнительную ответственность. Возможно, мое назначение показалось кому-то несколько необычным, тем более, если учесть, что в сборную все еще привлекались гораздо более старшие игроки вроде Пола Инса, Тони Адамса или Алана Ширера, которые сами побывали капитанами. Возможно, я отнесся к этой новости слишком спокойно или же чрезмерно легко взял данный барьер. Но и любом случае некоторые околофутбольные люди не были уверены, что я справлюсь с новой ролью. И тут мне сильно помог Питер, заявивший, что он верит в меня. Мне казалось, что такие же чувства испытывали все мои товарищи по команде. Кроме всего, меня окружало достаточно много действительно молодых парней, чтобы я мог почувствовать себя в основе сборной Англии почти стариком.

Выход во главе английской дружины на поле «Стадио дель Альпи» (невзирая на то что встреча носила товарищеский характер, а трибуны вовсе не были заполнены под завязку) был для меня одним из самых торжественных моментов во всей моей карьере, и мою грудь переполняла гордость. Возможно, Питер Тейлор и рисковал — как в случае со мной, так и с командой в целом, — но я не думаю, что мы подвели его или Англию. Правда, мы уступили 0:1 очень сильной итальянской команде, но заслуживали лучшей участи. Эмиль Хески весь вечер напролет терзал их защиту, и мы создали множество благоприятных возможностей, но так и не смогли забить. Лично я, выступая за сборную Англии, никогда не чувствовал себя так, как в этой игре. После того вечера многие говорили мне, что увидели во мне большие перемены почти сразу же, едва только я надел на себя нарукавную повязку английского капитана. Я знаю об инциденте, который они имеют в виду, когда говорят это.

Прошло приблизительно десять минут второго тайма, и счет еще не был открыт. Мы уже несколько раз натыкались на явные грубости и взывали к судье требуя от него назначить пенальти. На сей раз мяч был навешен на линию штрафной площадки и, срикошетив от чьей-то спины, вновь оказался в воздухе. Я не понял, откуда и кто налетел на меня, но хорошо помню как резко меня оттерли от мяча, когда тот летел ко мне. Это произошло уже четко в пределах итальянской штрафной, и несколько игроков нашей сборной стали кричать о явном нарушении правил. Я тем временем лежал на траве. Когда я поднимался на ноги, игрок который, как я предполагаю, толкнул меня, Гаттузо стал кричать или, скорее, вопить на меня, сопровождая свои восклицания

выразительной жестикуляцией. Возможно, он считал, что я слишком уж легко рухнул на газон, или думал, что, изображая раздражение и злость, сможет проще избежать неприятностей от судьи. Я поднялся и хотел отбежать подальше, но он уцепился за мою футболку. Я обернулся и посмотрел на него. Была какая-то доля секунды, в течение которой я в прошлом мог бы отреагировать неверно. Но в данный момент об этом не было и речи — я просто хотел покончить с данным эпизодом, поскольку носил капитанскую повязку сборной Англии, и мне следовало быть выше этого. Легкой трусцой я убежал от него и от неприятностей. Что касается арбитра, то он оставил действия Гаттузо без внимания, и тот избежал наказания. А несколько минут спустя он перешел с мячом на нашу половину и, нанеся примерно с тридцати ярдов удар, который не мог не вызвать восхищения забил гол, оказавшийся победным.

Питер Тейлор поработал перед итальянским матчем прекрасно. Но в Турине новый тренер сборной Англии сидел в тот вечер не на скамейке близ поля, а на трибуне. Спор о том, чтобы поручить управление национальной командой иностранцу, Свену-Горану Эрикссону, продолжался в течение нескольких недель. Он дошел даже до раздевалки английской сборной. Я понимал озабоченность многих людей. Знаю, почему им хотелось, чтобы ответственность за руководство сборной командой Англии и ее результаты взял на себя англичанин. Но ситуация, в которой мы оказалась, состояла и том, что вся страна отчаянно нуждалась в успехе и до смерти хотела видеть, что ее национальная команда показывает хотя бы приличный футбол. Поэтому мы должны были взять на пост ее шефа самого лучшего человека независимо от его прошлого или происхождения. А Свен был и остается одним из наиболее уважаемых тренеров в этом виде спорта. К счастью, большинству сомневающихся потребовалось не слишком много времени, чтобы забыть о своей обеспокоенности шведским происхождением и паспортом Свена, — очень скоро этому поспособствовали результаты и, что не менее важно, качество игры сборной Англии.

Я никогда не встречался со Свеном до того, как он стал работать со сборной Англии. Мне даже не кажется, чтобы я играл против какой-нибудь клубной команды из числа тех, которые он тренировал. Тем не менее, будучи всю жизнь связан с футболом, ты непременно знаешь тренеров по их репутации — ведь о самых лучших быстро начинают говорить. Мнения о Свене вкупе с трофеями, которые завоевали его команды, свидетельствовали, что этот новый для нас человек вполне заслуживает уважения. Что касается самих игроков сборной, то мы понимали, в чем

нуждаемся и чего можем ожидать, поскольку знали, каких успехов он уже к этому времени достиг в нашей игре. Впервые меня представили м-ру Эрикссону, когда мы собрались перед первой для него встречей на посту старшего тренера сборной — товарищеским матчем против Испании на стадионе «Вилла Парк». Когда мы устроились в гостинице, выделенной для сборной, мне сообщили, что он хотел бы увидеться со мною.

Пока он ограничился лишь тем, что поприветствовал меня и немного рассказал, каким образом он планирует подходить к своей работе. Свен все время разъезжал по стране, просматривая многие десятки игр. Перед тем его первым матчем в качестве тренера сборной о Свене ходило множество самых разных разговоров. В эфире Манчестера даже прозвучал липовый телефонный звонок от работавшего на радио ди-джея, который прикинулся Кевином Киганом. Один из вопросов касался меня — оставит ли меня новый тренер в качестве капитана? И Свен ответил утвердительно. Разумеется, я не принял это за чистую монету и продолжал волноваться всю неделю — вплоть до нашего первого свидания. К счастью для меня, те фразы, которые мне страшно хотелось услышать, я услышал почти сразу:

— Вы останетесь капитаном. Думаю, вы сможете стать отличным капитаном английской сборной. Вы — достаточно хороший игрок, и другие футболисты смогут ориентироваться на вас. А если кто-то сомневается в этом, ваша задача — доказать, что они не правы.

Что же касается мыслей, которые он высказал мне и повторил остальным членам команды, то они были предельно простыми. Свен хотел видеть сборную Англии играющей в добротный привлекательный футбол. Но ему также хотелось, чтобы этот футбол был эффектным. Тренировки не претерпели особых изменении, особенно потому, что поначалу в тренерский штаб по прежнему входили Стив Маккларен и Питер Тейлор. Вообще, ничего революционного не предпринималось. Свен держался спокойно, проявлял готовность давать другим возможность продолжать развивать то, что они считали нужным делать, а сам вмешивался только в тех ситуациях, когда требовалось предложить его собственную, оригинальную точку зрении и настоять на своем. Но когда он делал это, каждый игрок прислушивался к его словам. Даже не говоря о репутации Свена, уже в самой его осанке и внешности, в манере держаться было что-то такое, чем он внушал уважение и заставлял внимать ему. Футболисты сразу же поняли, что у руля сборной Англии встал именно тот человек, который требовался. Его правила были ясными и простыми, а тебе не следовало их нарушать. Нас

трактовали как взрослых мужчин, проявляли к нам уважение и в то же время ожидалось, что мы будем вести себя ответственно. На мой взгляд, это именно тот подход, на который готов откликнуться каждый игрок английской сборной.

Несмотря на то, что матч проходил всего лишь по графе товарищеского, в атмосфере на «Вилла Парке» отчетливо искрило, ведь это событие действительно было началом чего-то нового. И мы разгромили Испанию 3–0. Все мы знали, что первым реальным испытанием явится следующий отборочный матч к чемпионату мира. После поражения от Германии и последовавшей затем ничьей в Хельсинки матч против Финляндии на «Энфилде» был в значительной степени из разряда тех, где отступать было уже некуда, и требовалось или побеждать, или погибать. Если мы не наберем все три очка, у нас возникнут реальные проблемы насчет того, удастся ли команде попасть хотя бы на две стыковые встречи, не говоря уже о том, чтобы выйти с первого места, победив в своей группе. Это была по-настоящему важная игра для обеих сторон, и мы как команда должны были показать в ней свои лучшие качества — и нужный результат. А лично я как новый капитан английской сборной чувствовал, что тоже должен чем-то блеснуть.

Я не был удовлетворен своими действиями на «Вилла Парке», возможно, потому, что я отыграл только первую половину встречи, — хотя команда в целом действовала хорошо. На «Энфилде», уже перед тем, как мяч ввели с центра, все выглядело совершенно по-другому, не так, как обычно. Ставки были намного выше, и далеко не только я один был взбудоражен. После закрытия «Уэмбли» мы только начинали проводить игры английской сборной на различных клубных полях, разбросанных по всей стране. Каждый из нас играл ранее на «Энфилде», и считал, что тамошняя атмосфера будет в целом прекрасной, хотя никто не был до конца уверен, какой прием окажут игрокам «Юнайтед» на домашнем стадионе «Ливерпуля». Как оказалось, мы могли не волноваться. Собрались ли здесь только ливерпульские болельщики или же футбольные фанаты, съехавшиеся почти со всей страны, но тысячеголосый хор, скандировавший мое имя уже задолго до начала матча, заставил сердце рваться из груди, а волосы на затылке встали дыбом. Такой зачин был прекрасным для меня лично но, что еще более важно, он позволял всем нам почувствовать насколько все зрители сплотились вокруг сборной Англии и вокруг Свена.

С первых минут мы ринулись вперед и играли с огромной отдачей, а также создавали голевые возможности у ворот. В команде ощущалась большая энергия. Пасы шли именно туда, где

их ожидали. Все складывалось по-настоящему хорошо. А потом Финляндия забила. Мяч отскочил от колена Гэри Невилла и ускакал в сетку мимо Дэйва Симэна. Случайный гол, им просто повезло, но в любом случае это означало, что мы уступаем 0:1. О нет. Только не это!

Но затем, непосредственно перед самым перерывом Майкл Оуэн после навеса Гэри сравнял счет, а это означало, что мы уходили на отдых в довольно приподнятом настроении, видя для себя хорошие шансы. У нас даже имелась уверенность в окончательном успехе, хотя я знаю, что наши болельщики ее, скорее всего, не питали. Мы вышли на второй тайм, и вскоре я нанес удар, который, как оказалось, принес нам победу. Мяч низом влетел слева в заднюю половину их штрафной площадки, и я первым же прикосновением смог сбросить его себе на ход, располагаясь в этот момент под таким углом к воротам, откуда было легко решиться на завершающий удар. Я тут же нанес его, мяч пришелся в защитника и от него полетел в дальний угол, став для меня первым голом, забитым в составе сборной Англии непосредственно с игры. Я рывком повернулся, и первым, кого увидел, был Тэдди Шерингэм, разминавшийся около боковой линии. Я помчался к нему и от радости вскочил ему на спину, празднуя успех. Великолепно действовал в рамке Дэйв Симэн, спасший наши ворота ближе к концу матча. Он всегда прекрасно показывал себя в ответственных играх. У нас имелись и другие возможности. Но мой гол стал победным. А тот факт, что он был забит перед той трибуной, где по традиции собирались самые заядлые фаны «Ливерпуля», только делал успех еще слаще.

Победа над Финляндией пока давала нам только шанс. До встречи с Германией в Мюнхене оставалось целых пять месяцев, и мы знали, что не должны терять запала и продолжать преследование, по крайней мере, до личной встречи с ними. А пока нас ждали отборочные матчи в Греции и Албании, а также товарищеские встречи. Теперь пришло время показать себя как команду. Свен доверял молодым игрокам, которых унаследовал от Питера Тейлора (это было целое поколение ребят в возрасте двадцати с небольшим лет), и давал всем нам время и возможность поиграть, чтобы укрепить нашу веру в себя. В те первые месяцы его работы со сборной у меня возникло такое чувство, что действия Свена немного напоминают подход, издавна принятый в «Юнайтед». И оно все еще остается. Причем не только у меня, но и у Гэри, Фила, Батти и Скоулзи.

Трудно в точности сформулировать, что именно скрепляет и собирает воедино преуспевающую группу и делает ее таковой. Существуют очевидные факторы: хорошие игроки, хорошие

методы тренировки, хорошее административное управление. Тем не менее, для превращения отдельных индивидуумов, даже талантливых, в единую команду, должно случиться еще нечто неуловимое, особенно на международном уровне, куда игроки приходят из разных клубов, разбросанных по всей стране. Находясь вместе, выступая вместе и вместе побеждая и проигрывая в матчах, футболисты меняются и во многом становятся другими людьми. Тренер сборной должен постоянно опробовать новинки и давать своей команде возможность развиваться, несмотря на травмы, спады формы в играх клуба и на тот факт, как мало времени сборная команда Англии проводит вместе, собираясь лишь на несколько дней непосредственно перед матчами. Игроки тоже внесли свою лепту в становление новой сборной, а еще, как я уже сказал, тут, возможно, помог возраст команды. Но весьма значительна и заслуга Свена, по крайней мере, по части умения создать ощутимо более высокий командный дух и чувство товарищества, чем я могу припомнить в любой известный мне период прежней английской сборной.

Бывали в прошлом времена, когда мы встречались на сборах или перед матчем, и все наперед знали, кто будет с кем. Существовали сложившиеся группы, а также разделение по линиям старших и младших возрасту игроков или же согласно извечной конкуренции между клубами. Человеку естественным образом свойственно держаться рядом с теми, кто ему так или иначе близок. Мы были в этом смысле не хуже и не лучше других, да и вообще ребята из «Юнайтед» издавна славились тем, что горой стоят друг за друга. Теперь очень многое в этом смысле изменилось. Я бы сказал, что среди членов нынешней сборной Англии существуют реальные и притом прочные связи, реальное взаимное уважение, и это дает реальные результаты, когда мы выходим на игру. Мы все смогли почувствовать, что это помаленьку начало происходить, уже через пару месяцев после того как у штурвала стал Свен. Изменившиеся взаимоотношения между новым старшим тренером и вверенными ему игроками тоже во многом способствовали переменам.

Помню победу 4:0 во встрече с Мексикой на стадионе «Прайд Парк», состоявшейся весной 2001 года в промежутке между отборочными матчами. Был в той игре эпизод, который как бы подчеркнул новый дух, воцарившийся в лагере сборной Англии, а мне дал такое чувство, что мы вполне в состоянии отправиться и Мюнхен и добиться там нужного результата, позволявшего в следующем году спокойно ехать на чемпионат мира. Еще в самом ее начале один из мексиканских защитников сзади грубо выбил у меня мяч, что называется, вместе с ногами. Это было болезненно,

но не слишком серьезно — я только немного похромал и тут же продолжил встречу. Но не прошло и минуты, как Стиви Джерард коршуном налетел и врезался в того же игрока — абсолютно по правилам, ибо он сначала сыграл в мяч, — оставив его кататься на земле. Защищать своих товарищей — это как раз та психологическая установка, которая мне достаточно хорошо знакома по клубу «Юнайтед». Именно такую установку можно увидеть в каждой команде, которая выигрывает матчи и турниры.

Мы обыграли Грецию в Афинах и Албанию в Тиране, благодаря чему стали фаворитами в борьбе за второе место в группе, а оно позволяло рассчитывать на стыковые матчи, победитель которых попадал следующим летом на чемпионат мира. Но мы знали — чтобы победить в группе и тем самым автоматически пройти в Японию и Южную Корею, мы должны одолеть соперников в Мюнхене. И хотя под руководством Свена дела в сборной пошли на лад, не думаю, что было слишком много тех, кто оценивал наши шансы достаточно высоко. Никто ведь не побеждает немцев в Германии, верно? Вот и на сей раз ожидания публики были не слишком радужными, и это отчасти снижало психологическое давление, оказываемое на нас. Мы не должны были слишком беспокоиться о том, чтобы не подвести своих болельщиков и не огорчить их. Единственным человеком, который все время говорил, что, по его мнению, мы вполне можем победить в этой встрече был наш старший тренер. А ведь Свен никогда не принадлежал к тем, кто перед играми потчует прессу большими обещаниями. Однако, начиная с первого дня своего пребывания на посту, он каждый раз, когда его спрашивали о предстоящем матче с Германией заявлял, что, на его взгляд, мы играем достаточно хорошо, чтобы победить немцев. Возможно, за все эти месяцы и затем за пару насыщенных дней, которые предшествовали данной встрече, намеченной на первое сентября, его неизменная вера в нашу победу как бы сама собой, даже без нашего ведома укоренилось в умах игроков.

Какой бы ни была причина, но к моменту, когда мы садились ужинать в мюнхенской гостинице в пятницу вечером перед этой игрой, я смотрел вокруг, слушал непринужденные беседы и задавался вопросом: бывала ли когда-либо на моей памяти сборная Англии в таком наивном настроении? У меня имелись свои сомнения относительно встречи, намеченной на следующий день, но они касались совсем другого — буду ли я физически годен к тому, чтобы выйти на поле. Позже я поднялся в свой номер и потолковал по мобильнику на разные темы с моим другом Дэйвом Гарднером. Он спросил у меня, как, на мой взгляд, мы завтра выступим. Последние несколько часов,

проведенные с остальными ребятами, полностью убедили меня: думаю, мы определенно победим. Молчание на другом конце линии дало мне понять, у нас на родине вовсе не было такой же уверенности. Но я бы не заявил Дэйву ничего такого, если бы верил в свои слова. И мне очень хотелось принять участие в том, что, на мой взгляд, обязательно должно было случиться. Меня волновало, что паховые мышцы, беспокоившие меня неделю назад во встрече «Юнайтед» против «Астон Виллы», не смогут вовремя прийти в норму. Но проблема оказалась не столь уж серьезной, как мне показалась, когда я их растянул, так что я приехал на сборы английской команды вместе с остальными футболистами, хотя и не был достаточно здоров, чтобы тренироваться с ними в полном объеме. С неделю я занимался самостоятельно, по индивидуальному графику, принимая лечебные процедуры, надеясь на лучшее и ненавидя каждую минуту, которую я упустил из-за травмы. Капитанство только усугубляло волнение — ведь мне хотелось лично участвовать в игре. Вместо этого получилось так, что в первый раз я был в состоянии работать на стадионе вместе со всеми остальными лишь в конце дня перед тем общим ужином, который состоялся в пятничный вечер.

Я вышел из отеля на полчаса раньше вместе с Гэри и Аланом Смитом, входившим в бригаду врачей при сборной Англии, чтобы проверить свое физическое состояние: бегать, делать рывки, бить по воображаемому мячу. Это очень неприятное и противоречивое чувство, когда из-за такой мелочи под угрозой твое место в команде, готовящейся к столь ответственной игре. Тебе хочется прыгнуть выше головы, лишь бы только доказать себе и другим, насколько ты в порядке и готов играть, не опасаясь никого подвести. В то же время ты не можешь не сдерживаться, хотя бы чуть-чуть, потому что не хочешь сломаться в последнюю минуту и упустить свой шанс. Так или иначе, Гэри и Алан были мною довольны и дали мне «добро», позволявшее присоединиться к основным занятиям. Я был страшно доволен — ведь остальная часть команды была на таком хорошем взводе. А мне самому очень хотелось бы выйти против немцев прямо сию минуту.

Я боялся и в то же время почти ждал, как бы нервы не начали свою вредную работу, но ребята и во время завтрака испытывали такую же уверенность в себе, как это было на ужине в предшествующий вечер. И даже за час до начального свистка в нашей раздевалке все казались спокойными и раскованными. Мы вышли разминаться, и все шло хорошо. Все, кроме моей травмы. Я до сих пор не был окончательно уверен в себе. Знал, что мне хочется играть, но понимал, что должен поступить так, как это

будет лучше для команды. Однако те несколько минут, которые я посвятил бегу и упражнениям на растяжку, оказались решающими, и я переодевался в форму сборной окончательно убежденным, что в состоянии выступить. Когда подошло время и оставалась минута или две до звонка, приглашающего нас выходить на поле, Свен усадил всех. Напутственные слова, которые он произнес, были достаточно простыми, но они отлично совпали с общим настроением:

— Идите и получайте удовольствие от игры. Будьте уверены — хоть они и хорошая команда, но мы — лучше. Играйте хорошо. И получите свои три очка.

Свен всегда заканчивает этой фразой: «И получите свои три очка». Я поднялся и вывел команду в туннель.

Физиотерапевты в последнюю минуту уговорили меня натянуть лайкровые шорты для езды на велосипеде, чтобы лучше сохранять тепло и оказать мышцам дополнительную поддержку. Еще стоя в туннеле, я понял, что совершил ошибку, согласившись с ними. Я был из тех игроков, которым должно быть удобнее том, во что они влезли, и это относится не только к бутсам, но и к остальным частям формы. Если меня мучили волдыри, то все равно я не могу натянуть дополнительную пару носков или заклеить воспалившийся палец ноги пластырем. Возможно, все это — только капризы, но я знаю, что для меня они имеют реальное значение. И вот, стоя в ожидании этой важнейшей игры, я, укутанный во все это барахло, чувствовал себя связанным. Но это был не тот момент, чтобы передумывать или, тем более, переодеваться.

Мы начали с центра и почти сразу пропустили гол. В команде Германии блеснул забивший его Карстен Янкер. Мне даже не хватило времени на то, чтобы перестать волноваться по поводу своего самочувствия. Беспокоила меня вовсе не травма, а эти злосчастные шорты. Тем более что пах мог разболеться в любом случае. Я подбежал к боковой линии и сбросил их. Одна из газет поместила потом на следующий день фотографию, где я снимаю эти штаны под нашим навесом для запасных, и снабдила ее забавным заголовком о капитане сборной Англии, который поменял всю игру, сменив свои шорты. Избавившись от них, я действительно почувствовал себя совсем другим человеком, и все для меня переменилось — мне сразу же стало лучше, свободнее и я смог легче двигаться. И до самого конца встречи у меня даже мысли не возникло по поводу травмы.

Обычно пропущенный гол, да еще такой быстрый, — это худшее, что может случиться. Дайте Германии на старте выйти вперед — и будьте готовы к тому что немцы организуют прочные

защитные редуты будут стараться держать мяч и попробуют поймать вас на скоростной контратаке. Именно это ведь и произошло на «Уэмбли», не так ли? Но здесь, на Олимпийском стадионе, нас вообще не беспокоили такие мысли. Никто не запаниковал, никто не погрузился в лирические размышления. Настрой был таким же, как у «Юнайтед» на «Стадио дель Альпи» в тот вечер, когда мы проигрывали «Ювентусу» 0:2, но смогли сравнять счет, а потом и победить, выйдя тем самым в финал европейского кубка чемпионов. Майкл Оуэн был действительно на боевом взводе. Он вроде бы держал себя в руках, но еще перед начальным ударом по мячу я заметил огонь в его глазах. Теперь, когда мы отставали в счете он кричал любому, кто был в пределах слышимости:

— Давай-давай, вперед! Мы можем выиграть! Можем обыграть их!

И все мы знали, что он прав. Пять минут спустя Майкл сравнял счет, забив красивый гол — первый из своего хет-трика, — но мы не собирались останавливаться на этом и ни на секунду не оглядывались назад. Мы были уверены в себе. Думаю, что немцы уловили это, и нервишки у них начали пошаливать. Для Оливера Кана, одного из лучших вратарей в мире, этот вечер стал едва ли не худшим в его карьере. А сама эта встреча превратилась в одну из тех редких игр, в которых тебе удается все, что ты только захочешь. Гол Стивена Джерарда, забитый в самом конце первой половины, был результатом превосходного удара. Он вколотил мяч с двадцати с лишним ярдов — свой первый гол в сборной Англии. Еще лучше было то, что мяч влетел сетку противника в идеальное для нас время. Если напряженном матче удается захватить лидерство под самым перерывом, это дает команде, забившей гол, реальное преимущество в психологическом отношении. Из-за травмы Стиви пропустил много отборочных встреч, но целиком восполнил упущенное в тот вечер в Мюнхене. Когда этот парень присутствует в составе, мы гораздо лучше сбалансированы. Он еще молод, но чем-то похож на Роя Кина или Патрика Виеру — всегда готов жестко отобрать мяч и способен отбегать весь день; он умеет дать пас и забивает голы. Действуя в качестве полузащитника, он показывает в средней линии полноценную игру, и нет никакой случайности в том, что Англия редко проигрывает, когда в числе одиннадцати основных игроков на поле выходит Стивен Джерард.

Не знаю, как другие ребята, но я в перерыве между таймами нервничал больше, чем перед началом игры. Помню, как я ввалился в раздевалку при счете 2:1 в нашу пользу и не мог решить, как мы должны действовать в течение последующих 45

минут. После первого тайма Свен всегда разрешает каждому из футболистов пяток минут передохнуть: присесть, расшнуровать свои бутсы, чего-то глотнуть — словом, сделать то, что парень сам считает нужным. Между игроками немедленно пошли разговоры, и со всех сторон только и слышалось:

— Так что же нам делать? Стоять насмерть и удерживать 2:1? Или же наседать в расчете на еще один гол, который их добьет?

Думается, все мы понимали, что нам не следует ничего менять. Именно это сказал нам и Свен. А на поле нам удалось забить еще несколько мячей, хотя в то же время мы могли доверять своей защите, которая надежно обороняла подступы к нашим воротам. Второй тайм оказался из тех, который могут привидеться только в прекрасном сне.

Майкл забил свой второй гол спустя всего несколько минут после возобновления игры. А затем и третий. После этого еще и Скоулзи четко выкатил мяч вразрез на ход Эмилю Хески, который тоже не промахнулся. Помню, когда удар Эмиля достиг цели, я повернулся, чтобы посмотреть, как реагируют на это сидящие на нашей скамейке. А происходило под козырьком нашего навеса то же самое, что уже несколько минут продолжалось на трибуне с английскими болельщиками, а также, осмелюсь предположить, и перед телевизорами у нас дома, в Англии. Запасные и тренерский персонал сжимали друг друга в объятьях, и можно было прочитать по их губам:

— Пять-один! Против Германии! В Германии! Это невероятно!

А ведь еще оставалось двадцать минут. Двадцать минут на футбольных небесах. У меня были несколько странные ощущения — я, правда, участвовал в комбинации, которая привела к пятому голу, а также проделывал всю ту работу, которую мне полагалось делать по ходу игры. Но я не внес того вклада в решающие моменты игры, как это иногда бывало в других моих выступлениях за сборную Англии. Я играл, но меня не покидало такое чувство, словно я имею в то же время поразительную возможность наблюдать за всеми событиями как бы со стороны. Я был частью происходящего на поле, но наряду с этим еще и восхищался тем, что творят эти парни, играющие рядом со мной. Единственное, что нам сейчас требовалось, это держать мяч. Чем мы и занимались, доводя тем самым немцев до бешенства. Вообще-то мы не та команда, чтобы важничать и заноситься, а наши игроки не стремятся утереть кому-то нос и издеваться над противником разными трюками и финтами. Но тут мы продолжали перепасовывать мяч друг другу и, пока это шло у нас удачно, противники не могли даже притронуться к нему. Однако

в наших действиях сквозило отнюдь только стремление спокойно доиграть оставшееся время. Мы чувствовали себя так, словно хотели разгрома Германии со счетом, как минимум, 10:1.

Главный арбитр встречи, Пьерлуиджи Коллина, дал заключительный свисток об окончании матча и тут же подошел и попросил у меня футболку. Этот человек, надо думать, понимал, что только что стал частицей творившейся на его глазах футбольной истории. Поскольку я считаю его лучшим из действующих ныне судей, то был по-настоящему рад его просьбе. В конце концов, сегодня совсем не многие из присутствовавших на поле немцев были в настроении обмениться футболками. И мне показалось, что Коллина испытал восторг, когда взамен я попросил его рубашку. А потом мне хотелось только одного — поскорее подойти к английским болельщикам. Тысячи наших фанов приехали в Мюнхен, и во второй половине матча стадион звучал так, словно мы играли дома. Шум стоял фантастический. Я всегда говорил, что английские болельщики — лучшие в мире. Отбросьте, разумеется, в сторону крошечный процент идиотов. Но наши болельщики путешествуют с нами повсюду и оказывают нам просто удивительную поддержку. Уверен, что каждый английский болельщик, сидевший на Олимпийском стадионе Мюнхена, мог бы рассказать кучу истории об ужасных поездках в никуда, которые он предпринимал в прошлом, и о своем разочаровании никудышными действиями сборной Англии. Каждый из них знал и понимал, как себя чувствуют, проиграв соперникам вроде Германии или Аргентины. И такие болельщики заслужили 5:1 на Олимпийском стадионе в такой же мере, как и мы. Уверен, что для них, как и для наших футболистов, тот вечер был одним из лучших в их жизни.

Снова оказавшись в помещении, я обнаружил, что едва могу говорить. В горле першило так, будто меня силком заставили выкурить подряд двадцать сигар. Я знал, что во время игры много говорил и кричал. Но примкнул ли я в конце еще и к хору англичан которые до этого пели и вопили чуть ли не весь второй таим? Не помню. В общем, горло побаливало, но зато атмосфера в той раздевалке царила замечательная. Мы были столь горды и столь счастливы, что невзирая на усталость играючи даже не пробежали, а пропрыгали и проскакали вокруг поля, приветствуя зрителей, и теперь на душе у нас было спокойно. Одни игроки получали свою порцию массажа, другие смывали усталость под душем, а остальные, как и я, просто сидели развалясь, на своих местах, медленно стягивая с себя форму, потягивая воду из бутылок и наслаждаясь моментом.

И хотя Свен ничего на сей счет не говорил, мне думается, что

каждый игрок сборной Англии уже начал думать о следующей игре, предстоявшей через четыре дня, — против Албании. Те, кто сам не участвовал в предыдущем матче с албанцами, слышал о нем буквально все от Гэри Невилла и ему подобных говорунов. И хотя случившееся только что было чем-то невероятным, этот феноменальный успех ничего бы не означал, если мы не сможем победить албанцев в следующую среду у себя на «Сент-Джеймс Парк». И как болельщик, и как игрок ты живешь в футболе именно ради таких вот вечеров, когда на табло все еще продолжает гореть: Германия — 1, Англия — 5. Тем не менее, прокручивая в голове самые разные матчи и помещая на одну чашу весов исторические достижения и славу, нельзя забывать и о второй чаше, где пылится нечто противоположное, или, хуже того. Победа всегда означает одно и то же, любая победа. Как говорит м-р Эрикссон, это очередные три очка, полученные командой.

Я сидел, прислонившись к стене, и возвращался мыслями на «Уэмбли», в тот неимоверно сырой субботний день, когда мы встречались с теми же немцами менее года назад. И вспомнил Кевина Кигана, который в раздевалке после нашего печального проигрыша 0:1 говорил нам, что провел сборную Англии настолько далеко, как только мог. Вспомнил и множество наших болельщиков, заранее списывавших по статье «убытки» такое приключение, как участие в финальной стадии чемпионата Мира — даже прежде, чем толком началась отборочная стадия. В глубине души, в самой ее сердцевине я не забыл, что и тогда меня тянуло высказать свое несогласие с этими торговцами отвратительными предсказаниями, сулившими нам гибель или иной боковой исход. Тогдашнее поражение в матче с Германией было ударом судьбы. Мною лично (и всей командой Англии, как я тогда думал) этот проигрыш вкупе с утратой Кевина воспринимались как конец света. Теперь, одиннадцать месяцев спустя, мы были на грани того, чтобы, разгромив наших старых соперников, обойти их в гонке за первое место в отборочной группе.

Кто знает, что могло бы случиться, решись тогда Кении продолжить свое пребывание у руля сборной? Лично я верю в него как тренера и администратора. Только посмотрите, чего он достиг в «Манчестер Сити» за последние несколько лет. И я питаю безграничное уважение к нему как человеку. Тем не менее, иногда смена караула происходит не потому, что кто-либо этого хочет, а оттого, что так уж должно случиться. Мне очень нравилось играть за Англию при Кевине. Год спустя я оказался капитаном сборной моей страны под руководством Свена-Горана

Эрикссона. Новый старший тренер помог новому поколению игроков английской дружины преодолеть трудности и дал нам шанс расти и развиваться, как команде. Трудно найти двух тренеров, которые больше различались бы в своем подходе к отдельным игрокам, чем Свен и Алекс Фергюсон. Тем не менее, тот путь, который они прошли в попытке выстроить преуспевающие команды, оказался совершенно одинаковым. И если говорить о сборной Англии, ее выступление и потрясающая результативность, продемонстрированные в Мюнхене, оказались именно тем, что должны были увидеть все окружающие, в том числе и оппоненты Свена, дабы убедиться, насколько успешной оказалась шведская революция.

10. Моя нога дает маху

«Похоже, сегодня не наш день, верно?»

Все мы знали, что когда-либо это должно случиться, хотя лишь немногие из нас верили, что это действительно произойдет. Вскоре после того как отец-командир подписал в 1999 году свой новый контракт с клубом, он сказал, что эта бумага будет для него последней и что сезон 2001/02 годов станет заключительным в его работы с «Юнайтед». Соображения, ставшие причиной такого решения, выглядели достаточно очевидными: человек желал, как минимум, немного расслабиться и отдохнуть после двадцати с лишним лет деятельности на посту старшего тренера — сначала в Шотландии, а затем на «Олд Траффорде». Ему хотелось попутешествовать. Хотелось больше видеться со своими близкими. Вероятно, хотелось проводить больше времени у дорожки ипподрома. Даже до того, как скаковая лошадь «Скала Гибралтара» сделала его знаменитым в качестве коннозаводчика, мы знали, что он любит лошадей с ничуть не меньшей страстью, нежели футбол. В один из последних дней моего пребывания в составе «Юнайтед» шеф забрал нас всех на Честерские скачки. Был прекрасный день. И хотя к этому времени (на дворе стоял конец апреля 2003 года) я чувствовал, что мои выступления на «Олд Траффорде» подходят к финишу, близость с ребятами в течение тех нескольких часов была настолько же приятной, как и в любой другой период моего пребывания в клубе. Это был настоящий семейный пикник в кругу одноклубников из «Юнайтед». А уж ежели сам наш отец-командир так хорошо проводит время, то ты просто не можешь не поддаться всеобщему настроению.

Когда он впервые рассказал всем о своих планах относительно отставки, она казалась чем-то весьма отдаленным, лежащим в туманном будущем. Но в течение 2001 года о ней начали писать и говорить все больше. Ходили слухи о том, что шеф будто бы намеревается стать специальным посланником клуба, в первую очередь на Дальнем Востоке. Были и совсем иные публикации — о его разногласиях с правлением, и шеф даже будто бы говорил, что собирается порвать все связи с клубом. Игроки знали обо всех этих домыслах или, скорее, спекуляциях ничуть не больше, чем о них рассказывалось в газетах. И только после начала того сезона, который предполагался для него последним, слухи стали конкретизироваться, особенно после

того, как шеф усадил нас и официально заявил, что намерен покинуть клуб в мае следующего года. Но как только мы начали реальную работу, это заявление перестало быть тем, о чем игроки думали каждый день или беседовали в раздевалке, — скажу больше, ничего такого не было вообще. Мы не сильно поверили в его уход. Не думаю, чтобы хоть кто-либо из нас мог реально вообразить жизнь в «Юнайтед» без Алекса Фергюсона в роли старого тренера. Разумеется, у многих футболистов случались с ним споры и конфликты; я определенно не был в этом смысле единственным. И где бы ни пролегал ваш жизненный путь, но когда вы шагаете в середине колонны, которую возглавляет ваш босс, шеф или просто начальник, то вам не очень хочется видеть в этом качестве именно данного человека. Так уж устроены все люди. И тем не менее, если спросить игроков «Юнайтед», то большинство из них скажут, что работа под началом нашего отца-командира означает, что ты работаешь у самого лучшего спеца в мире.

В тот день, когда я подростком пришел в «Манчестер Юнайтед», впервые оказавшись вне дома, шеф уже знал мои имя и фамилию. Он знал моих родителей, а также моих сестер. Он знал обо мне буквально все. Он дал мне возможность почувствовать себя долгожданным. Дело выглядело так, словно я покинул одну семью и попал в другую. Это очень сильная сторона любого старшего тренера — вызывать у подопечных такое чувство, что он знает и понимает их, а также проявляет о них заботу. Взгляните, как наш отец-командир держался за Рууда ван Нистелроя, оставаясь с ним в контакте на протяжении всего процесса лечения после разрыва крестовидных связок. Он не уставал заверять травмированного бомбардира, что тот в конечном счете обязательно вернется на «Олд Траффорд». Игроки видят и ценят такого рода лояльность со стороны тренера. Неудивительно, что Рууд расплатился за внимание Алекса теми голами, которые помогли «Юнайтед» одержать в премьер-лиге победу в 2003 году.

Шеф всегда знал, как буквально с первого дня помочь мальчику-новичку почувствовать себя как дома. Но важнее всего то, что и после того, как прочные отношения с ним наладятся, ты никогда не почувствуешь, что он вдруг повернулся к тебе спиной. Как настоящий отец, старший тренер «Юнайтед» всегда рядом, если нужно защитить тебя, дать совет или поделиться с тобой толикой своего ума и житейского опыта, пока ты остаешься членом большой семьи, пока ты — частица клуба. И многообещающие юнцы, и сложившиеся звезды в этом смысле одинаковы — шеф помогает им всем почувствовать себя

особенными и специально занимается тем, чтобы те понимали, в какой особенный клуб им повезло попасть. Были такие игроки, скажем, Дуайт Йорк или Яап Стам, которые очень много сделали для «Юнайтед», но внезапно оказались вне клуба, без всяких шансов когда-нибудь вернуться. Стало быть, что-то из сказанного или сделанного ими убедило отца-командира, что они не подходят клубу в конце своего пребывания в «Юнайтед», возможно, и я стал одним из таких игроков, хотя в начале сезона 2001/02 годов я бы никогда не мог даже вообразить подобной ситуации.

Если судить по репутации, старший тренер «Манчестер Юнайтед» — человек несдержанный, вспыльчивый и вообще скверный. Что ж, время от времени шеф действительно бывает таким. Но разве то же самое нельзя сказать о каждом? А вот зато чего никогда не видят люди, сталкивающиеся с ним только за стенами раздевалки, так это того, каким вдохновенным он может быть, когда работает с игроками. Не видят они его и в те минуты, когда он смеется и шутит со своими парнями. Если он считает такое поведение правильным, то ведет себя в кругу своей команды по-настоящему непринужденно, умея снять у футболистов нервное напряжение, уменьшить стресс, успокоить. Если раздевалка вся гудит после важной победы, на лице у шефа будет самая широкая улыбка во всей компании. Еще я бы сказал, что шеф очень верно действует в смысле умения большую часть времени сохранять профессиональную дистанцию со своими подопечными. Он внимательно следит за тем, чтобы не оказаться ближе к одному из ребят, чем к другому, даже в том. что его взаимоотношения с кем-то из футболистов — вроде Эрика Кантона или Роя Кина — всегда отличались от отношений с остальными.

Наш шеф понимает футбол, как очень немногие другие люди. Это означает, что при любой ситуации, в которую может попасть команда в процессе сезона или в ходе отдельной встречи, у игроков есть такое чувство, что он точно знает, как сейчас надо поступить. Он осознаёт, что располагает властью изменять ход событий, и никогда не боится применять ее (даже когда лучше всего вообще ничего не делать) и действует независимо от того, какого мнения придерживается в данном вопросе кто бы то ни было. Думаю, все достаточно много слышали о клубных «головомойках» в его исполнении. Об этом говорится так часто, что кое-кто может вообразить, будто вся жизнь в раздевалке «Юнайтед» постоянно проходит в таком режиме. Это совершенно неверно. И люди, находящиеся за пределами «Олд Траффорда», должны понять истину, которая уже давно и хорошо известна

каждому, кто живет внутри клуба: что бы наш отец-командир ни делал, он считает это в данное конкретное время полезным и правильным для своей команды.

Помню одну поразительную встречу, состоявшуюся на стадионе «Уайт Харт Лейн» за неделю до того, как Англия в 2001 году играла с Грецией. Я был тогда с самого утра страшно взбудоражен: еще бы, мне ведь в первый раз предстояло выйти на поле в качестве капитана основной команды «Юнайтед» в матче против «Тоттенхэма». Способ, каким отец-командир сообщил мне об этом, был для него весьма типичен: незадолго до ужина, проходившего в гостинице нашей команды вечером перед игрой, он на ходу просто положил мне на колени пачку билетов на матч, которые бесплатно выделялись игрокам. Раздача этих билетов входила в обязанности капитана. У меня даже не хватило времени, чтобы обернуться ему вслед и как-то проявить свои эмоции, поскольку шеф был уже далеко. Но все равно меня переполняла гордость, тем более что я знал о намерении дедушки, который по-прежнему болел за «Шпоры», прийти на этот матч вместе с моими родителями.

Выход на поле с капитанской повязкой сам по себе являлся достаточно важным событием, чтобы этот день навсегда остался в моей памяти. И я действительно помню его именно благодаря этой полоске ткани, красовавшейся у меня на рукаве. Держу пари, что все остальные приверженцы «Юнайтед» позабыли этот важный для меня факт. Ведь кроме него, в ходе той памятной встречи случилось еще слишком много. К перерыву нам досталось по полной программе — «Тоттенхэм» вел 3:0, размолотив нас в пух и прах. Можно было ожидать что старший тренер, видя свою команду в таком разобранном состоянии, попробует как-то встряхнуть своих игроков или, наоборот, разделает их под орех. Но в тот день шеф вошел в раздевалку без эмоций, оценивая ситуацию совершенно спокойно. С его стороны не было никаких упреков и обвинений. Не было и сердитых слов. Я сидел прямо на полу и думал, что такая игра и такой счет — это уже слишком. Посмотрев вокруг, я увидел, что другие ребята сидят, опустив головы испытывая точно такие же чувства. Шеф вошел и взгромоздился на здоровенный ящик, куда паковалось все наше обмундирование и прочее добро перед поездкой в Лондон. Ничего особенного он не сказал:

— Ну, а теперь давайте-ка сокращать счет. Но он хорошо знал своих игроков и в достаточной мере доверял ребятам, чтобы позволить нам самим отреагировать на ситуацию таким образом, как он ожидал от нас. Уверен, что я был далеко не единственным игроком, который вдруг подумал: «Нет, я не собираюсь продувать

«Шпорам», да еще вот так».

Мы вышли на второй тайм, и Энди Коул в самом его начале забил быстрый ответный гол, после чего ход матча полностью переломился. В конечном итоге мы похоронили их 5:3. Это были одни из самых удивительных 45 минут футбола, в которых мне когда-либо доводилось поучаствовать. И по-настоящему важную роль в этом повороте событий сыграло то обстоятельство, что в перерыве между таймами шеф смог настолько успокоить и ободрить нас, — и это в момент, когда вы были бы вправе ожидать от него, да и от любого другого тренера, крика до небес. Вообще-то он очень требователен, наш отец-командир, но в течение всего того пребывания в «Юнайтед», он был тем человеком, который, как мне казалось, всегда верил в нас даже больше, чем мы сами в себя верили.

Как я уже сказал, шеф умел дать игрокам возможность почувствовать себя особенными, и когда он тебе говорил, что чем-то доволен, будь то в ходе матча или на тренировке, это значило для тебя немало. Я не уверен, какие именно мысли обо мне посетили отца-командира, когда мне поручили выполнять обязанности капитана сборной Англии. Он сам в то время ничего не говорил мне на сей счет, хотя я помню цитаты из его высказываний в газетах. А сказал он, что не видит меня в качестве капитана команды и не уверен, действительно ли эта идея так уж хороша. Однако после того как- мы в ходе отборочной кампании перед чемпионатом мира смогли разгромить Германию на ее поле, он посчитал для себя обязательным обратиться ко мне с такими словами: — Ты меня приятно удивил. Это назначение сделало тебя лучше как игрока. Возможно, даже лучше, как человека. Я никогда не думал, что ты сможешь быть капитаном.

Для меня услышать нечто подобное от нашего отца-командира значило многое — как и в те времена, тогда я был мальчиком и папа говорил мне, что доволен какими-либо из моих действий. Именно таким способом наш отец-командир всегда обращался с игроками, дабы поддержать их, поднимал дух и настрой, когда те в этом нуждались, а затем давал им щелчок по носу, если считал, что они стали слишком много о себе воображать. Когда я впервые стал в первой команде «Юнайтед» игроком, постоянно выходящим в основе, мой номер был 24. На следующий сезон мне дали футболку с номером 10. Это многое значило для меня — ведь до этого ее носили Деннис Лоу и Марк Хьюз. Возможно, то дыхание истории, которое пришло ко мне вместе с этим номером, было одной из причин, почему я забил так много голов, когда носил его. Тем не менее, я помню, как в то лето, когда клуб подписал контракт с Тэдди Шерингэмом, шеф не

поленился специально позвонить мне (я находился тогда в отъезде, вдали от Англии и проводил отпуск на Мальте) только затем, чтобы сообщить, что забрал у меня данный номер. При этом — никакого объяснения, никакой альтернативы и никаких споров. Помнится, я чуть погодя сказал Гэри Невиллу:

— Зачем он так сделал? И на кой позвонил, чтобы сказать мне об этом? Разве что хотел лично удостовериться, как испортил мне отпуск?

Я был совершенно выбит из колеи этим событием, пытаясь понять, что же плохого или неправильного я сделал. Затем, месяц спустя, когда мы собрались на предсезонные тренировки, он приготовил для меня новую футболку — с номером 7. На сей раз шеф вручил мне номер, под которым играл в команде Эрик Кантона. Удивление, вызванное этой неожиданно оказанной честь, заставило меня буквально замереть и на какое-то время и даже онеметь.

Наряду с подготовкой своей команды к конкретным матчам, наш отец-командир всегда проявлял также большое внимание к индивидуальной работе с каждым отдельным футболистом. В раздевалке, будь то перед матчем Лиги чемпионов или перед рядовой, ничего вроде бы не значащей предсезонной товарищеской встречей, он стремился четко довести именно до моего сознания, чего он ожидает от меня сегодня, дать мне информацию или совет, в которых я, по его мнению, нуждался, чтобы чувствовать себя полностью готовым к предстоящей игре. Он не жалел времени, которое считал необходимым потратить на общение с каждым из своих игроков. И не забывал сказать ребятам, что ценит тот вклад и те соображения, которые каждый отдельный игрок может принести в команду. К осени 2001 года я уже вроде бы очень давно знал нашего старшего тренера, однако его опыт и знания, тем не менее, способствовали тому, что почти каждый день я продолжал узнавать из его уст что-то новое. Посмотрите только на список его достижений — и здесь, в «Юнайтед», а перед этим в Абердине. По всем этим причинам требовалось некоторое время, чтобы привыкнуть к мысли о самой возможности его отсутствия в Манчестере. Как и все другие люди внутри и вне «Олд Траффорда», я не мог взять в толк, кто бы смог заменить его. Вокруг, конечно, имелись превосходные тренеры, и о многих из них, в частности о Мартине О'Ниле, Джованни Трапаттони и даже Свене-Горане Эрикссоне, говорилось как о кандидатах на приход в «Юнайтед». Однако работа на «Олд Траффорде» в качестве старшего тренера требовала чего-то большего, чем один только красивый послужной список. Любой новичок, вставший у руля клуба, должен был бы походить на

отца-командира в главном — быть человеком с ощущением собственной миссии. Именно благодаря этому качеству столь многие, причем самые разные люди так восхищаются им. И по этой же причине ему удается увлечь и завести столь многих из своего окружения. Что бы отец-командир ни говорил или делал, за этим никогда не стоит: я хочу этого ради Алекса Фергюсона. Всегда стоит нечто совсем другое: я хочу этого ради клуба. Он и есть «Манчестер Юнайтед», во всем и всегда. Любой, кого заботит судьба «Юнайтед», любой, кто действительно понимает и чувствует футбол, согласится с этим. Даже после того как мы одержали тройную победу и выиграли триплет, наш шеф, прекрасно осознавая, каким достижением это было для нас, как спаянной группы игроков, немедленно стал думать о будущем. О необходимости продолжать в том же ключе и соответствовать тому великому, что мы смогли создать в этом памятном сезоне, и затем раз за разом улучшать этот результат.

Желание приносить на «Олд Траффорд» успех за успехом — вот что звало и двигало вперед каждого из нас, впрочем, что касается меня и братьев Невиллов, Пола Скоулза, Райана Гиггза и Ники Батта этот порыв длится без малого пятнадцать лет. Мы никогда не останавливались на достигнутом, но шеф, тем не менее, всегда был более активен, чем любой из нас, — он никогда не сидел на месте и всегда был сконцентрирован на очередной задаче. Я бы сказал, что этот его внутренний мир был важнее для нашего успеха, чем что-либо иное, и не тратил слишком много времени на публичные разговоры о наших победах, но игроки знали, что шеф не просто ценит, но высоко оценивает то, чего мы достигли. В моем случае я был уверен, что он наверняка осознал следующее: независимо оттого, какие события произойдут в моей последующей жизни, я никогда не потерплю, чтобы команда «Юнайтед» пострадала по причине недостатка моего старания. Прежде всего я был игроком «Манчестера Юнайтед». И с тех пор как я пришел «Олд Траффорд», это, само собой разумеется, означало что я работаю на нашего шефа.

В начале сезона 2001/02 годов мы были не совсем форме. Многие ученые мужи скоропалительно пришли к заключению, что это объясняется неуверенностью и неопределенностью футболистов и персонала команды насчет старшего тренера. До наших ушей доносились в этой связи самые разнообразные слухи — вплоть до того, что шеф сожалеет по поводу своего решения рассказать нам о расставании с клубом, поскольку после такого сообщения мы, мол, перестали его бояться. Могу со всей откровенностью сказать, о это неправда. Никто из нас не хотел его ухода, но как только мы попали на карусель повседневной

рутины и неделю за неделей крутились между тренировками и календарными встречами, мысль о том. что приближается май и шеф собирается паковать чемоданы, отошла куда-то вдаль и практически не беспокоила нас. И уж определенно мы не могли использовать это обстоятельство, как оправдание проигранных матчей. Единственным, что беспокоило меня лично, был вопрос о том, кто придет ему на смену. Я занимался в ту пору новым контрактом с «Юнайтед» и опасался, что мои отношения с новым старшим тренером могут оказаться не столь же хорошими, как те, которые у меня всегда складывались с отцом-командиром. И хотя я испокон веков являлся болельщиком «Юнайтед», именно Алекс Фергюсон послужил одной из главных причин, почему я еще в бытность мальчиком по кинул Лондон и подписал контракт с этим клубом. Но даже в этом случае любые сомнения относительно собственного будущего не мешали мне играть за «Юнайтед» с полной отдачей — здесь и сейчас.

Если в команде был разлад, это объяснялось, по всей вероятности, тем, что за лето мы потеряли Стива Маккларена. Я уже говорил, насколько высоко ценю Стива как тренера. В июне 2001 года он ушел из «Юнайтед», чтобы стать старшим тренером в «Миддлсбро». Не думаю, что в ситуации, когда ожидался уход шефа, Стив желал иметь какие-то твердые гарантии своего назначения вместо Алекса Фергюсона. Ему только хотелось знать, что у него будут хорошие шансы. Вероятно, на сей счет негласно проходили какие-то закулисные совещания, после которых Стиву стало совершенно ясно, что «Юнайтед» не видел в нем кандидата номер один. Поэтому, когда Стиву предложили соответствующий пост в «Миддлсбро», никого не удивило его согласие. И все мы, включая отца-командира, желали ему только самого хорошего. Вот почему на протяжении того сезона шеф вмешивался в повседневный тренировочный процесс, и оказалось, что он, помимо других своих талантов, еще и очень приличный второй тренер. Таким образом, невзирая на предстоящую скорую отставку, наш шеф был в сезоне 2001/02 годов полностью вовлечен в конкретную работу, больше, чем когда-либо.

Но в любом случае, Стив был для нас большой фигурой. Ведь занятия под его началом были на столько хорошо продуманными, доставляли удовольствие и если судить чисто с формальной точки зрения, вымерянны до минуты. Он лучше, чем любой из тренеров, с которыми я когда-либо работал, знает, как донести информацию до футболистов. За годы, проведенные с нами, он произвел большое впечатление на «Олд Траффорде» и внес сюда большой вклад — точно так и в случае сборной Англии. Конечно, у меня еще оставался шанс поработать с ним на международной

арене, поскольку он, хоть и руководил «Миддлсбро», по-прежнему оставался в английской сборной вплоть до окончания чемпионата мира. Мы с ним снова встретились перед матчем против Германии в Мюнхене. А спустя четыре дня после этого мы выходили на поле «Сент-Джеймс», где нас ждала встреча с Албанией. Стив говорил о необходимости серьезно настроиться на нее. Тоже самое делал и Свен. После памятной субботней победы, в среду вечером настало время сделать результат реально значимым, а для этого надлежало брать очередные три очка. Однако быть готовым к достижению цели и действительно добиться ее — разные вещи. Игры с Албанией даже у себя дома оказалась для нас более трудным испытанием, чем мы того ожидали, к тому же, все наши игроки устали.

В воздухе снова витали безмерные ожидания, особенно после того, что произошло в Мюнхене. Большинство считало, что уж если мы смогли разгромить Германию 5:1 на выезде, то дома обязаны разгромить любого и каждого.

Да, мы победили Албанию, но это был напряженный, равный матч и отнюдь не то выступление, которое заслуживает добрых воспоминаний. Наши противники уже в любом случае не попадали в чемпионат мира и потому им нечего было терять. К тому же албанцам хотелось на прощание хлопнуть дверью. Тактически они оставили большинство своих игроков сзади и делали ставку на быстрые контратаки. Впечатление складывалось такое, что они получают удовольствие от собственных действий. Не могу сказать о таком же самоощущении у нас. Лучшее, что можно было в нас увидеть — это упорство. В итоге мы все же выиграли 2–0 и заработали свои три очка.

Так что теперь все сводилось к матчу против Греции на «Олд Траффорде». Победа над Албанией означала, что мы подошли к последней для нас отборочной встрече вровень с Германией по очкам, но возглавили группу благодаря лучшей разнице забитых и пропущенных мячей. Возможно, для нас (или, по крайней мере, для наших нервов) было бы легче, если бы мы смогли отыграть этот заключительный матч сразу же прямо в ближайший уик-энд. Конечно, мы устали, но в данный момент нас грызло настолько сильное разочарование качеством своего выступления против Албании, что хотелось обязательно отреагировать на это каким-то образом и нечто доказать — себе и другим. Короче, если бы мы играли с Грецией в следующую субботу, то мне, как клубному игроку кажется, что мы бы завелись и запросто расколошматили их в пух и прах. Но вместо этого нам предстояло ждать целый месяц. Месяц, в течение которого каждый из нас должен был сосредоточиться на игре в составе своих клубов. Месяц для

сомнений, неизбежных перед матчем, который мог стать решающим для Англии в свете предстоящего летом крупнейшего международного турнира — чемпионата или, как его еще называют кубка мира. Эти недели тянулись до бесконечности, пока команда снова собралась, чтобы за несколько дней, оставшихся до решающей встречи с греками, на нее настроиться.

Мы встретились в воскресенье и остановились в гостинице «Мариотт», расположенном в предместьях Манчестера. Все выглядело так, словно мы проторчали вместе (впрочем, сногсшибательно роскошную вечность) с единственной целью: дождаться время матча и сделать то, что нам надлежало. В отеле все только и говорили, что о значении игры, насколько для команды важно автоматически попасть на чемпионат мира с первого места в отборочной группе. Должны ли мы непременно победить? А может достаточно ничьей? А как насчет разницы мячей? От всей этой арифметики голова шла кругом. Во всех этих рассуждениях было одно: победа над Грецией означает, что уже не важно будет, как сыграют немцы. Именно на таком результате мы должны были сосредоточиться. Но этому ничуть не помогало то обстоятельство, что СМИ и английские болельщики, похоже, считали, будто главная и самая важная работа уже позади, а теперь, у себя дома, мы выиграем без всяких проблем. Но пока что нас ожидали пять дней нервотрепки и беспокойства, выделенных для подготовки. Наконец-то пришла суббота, и напряженность в нас и вокруг было гораздо больше, чем следовало бы ожидать.

Я был на таком же взводе, как и все остальные, хотя передо мной стояло больше проблем, чем у других игроков сборной Англии. Во-первых, игра проходила на «Олд Траффорде». В последний раз я выходил здесь в международном матче на замену, когда мы выступали на этом стадионе против команды Южной Африки, давно, еще в 1997 году. Теперь на дворе стоял октябрь 2001 года, и я был одним из ведущих игроков «Юнайтед», который к тому же выводил сборную Англии на поле в качестве ее капитана. Разве на трибунах нашелся бы человек, который не ждал с нетерпением этого момента? Во-вторых, нам предстояло играть во всем белом. На этой неделе ко мне обратился человек, отвечающий в английской сборной за форму, чтобы узнать мое мнение о том, должен ли он спросить у Свена, насколько нам годится такой цвет. Чисто белая форма — это одновременно и запасной вариант у «Юнайтед», и одна из версий облачения сборной команды Англии, и даже, к примеру, цвет мадридского «Реала». Мне всегда нравилась такая форма, и старший тренер Англии тоже не возражал, чтобы мы надели ее против Греции.

Кроме того, я с нетерпением ждал матча, который состоится на моем домашнем стадионе. Но вот о чем я не слишком много знал заранее, так это о встрече с ангелом, предстоявшей мне в тот день в туннеле «Олд Траффорда».

Первый раз я услышал о Кирсти Ховард от своего отца где-то в середине недели. Он специально позвонил, чтобы рассказать мне о ней:

— Она прекрасная девчушка, Дэвид, но вообще-то у нее не все ладно. Она собирается приехать в субботу, чтобы поддержать вас и ввести мяч в игру. Постарайся позаботиться о ней и отнестись тепло.

Отец участвовал в соответствующих переговорах с федерацией футбола и поэтому знал все о Кирсти и о детском приюте имени Фрэнсис Хаус, для которого она сумела собрать так много денег. Кроме этой телефонной беседы, мне больше ничего об этом не говорили. Когда в субботу днем мы добрались на «Олд Траффорд», то, прежде чем отправиться в раздевалку и переодеться, я спустился в туннель, чтобы встретить ее. Кирсти ждала меня со своими мамой и папой в сопровождении еще нескольких человек, занимавшихся благотворительностью. Она терпеливо стояла — совсем маленькая улыбающаяся девочка. Я увидел эту улыбку раньше, чем смог заметить кислородный баллон, который катили позади Кирсти на специальной тележке. Я сел на ступеньку рядом с нею, и мы в течение нескольких минут говорили о том, что ей приходится бороться с врожденными пороками — смещенным аномальным контуром кровообращения и неправильным расположением некоторых других ее органов. Она объяснила, каким образом ей удается собирать деньги для других детей, находящихся в том же приюте, где лечат и ее. Я спросил у Кирсти, как она себя чувствует, и прежде чем та смогла ответить, кто-то позади нас спросил:

— А тебе не хочется поцеловать его? В первый раз за всю нашу беседу Кирсти показалась мне немного смущенной, но все-таки она чмокнула меня в щеку, и мы с ней слегка обнялись. А сейчас мне уже пора было идти. Я встал и сказал:

— Мы ведь еще увидимся с тобой через пару минуток, верно? Когда выйдем на поле, да?

Вместо ответа Кирсти только взглянула на меня и продолжала кивать и улыбаться, а я вернулся в раздевалку. Только что я был в ста милях отсюда. Мне понадобилась минута-другая, чтобы понять, какой необычной, сверхъестественно тихой была царившая здесь атмосфера. Совсем не похожая на нынешнюю сборную Англии. Ни у кого, как мне показалось, не было желания что-то сказать друг другу. Только Свен произнес:

— Старайтесь побыстрее передавать мяч.

Это было именно то указание, которое мы в тот день так и не смогли выполнить. Раздался звонок, и пришло время выходить на газон. В туннеле я подошел к Кирсти и взял ее за ладошку. У нее были самые крошечные ручки, какие только можно вообразить, их хватало лишь на то, чтобы она смогла обвить мой большой палец. Так вот она и держалась за меня. Я спросил девочку, нервничает ли она:

— Нет.

Я не мог сдержать улыбку:

— Что ж, там на стадионе нас ждут 65 тысяч человек, надеющихся, что наша команда попадет на чемпионат мира. Если ты действительно не нервничаешь, то, должно быть, ты — единственный человек, кому это здесь удается.

— Нет, нисколечко. Я совсем не нервничаю, — сказала она.

Кирсти посмотрела на меня снизу вверх и подарил, мне улыбку. Этого было достаточно, чтобы я почувствовал, как она прекрасна. Мы вышли — и на нас обрушился рев толпы и солнечный свет. Все камеры были нацелены только на Кирсти, оказавшуюся в центре внимания. Мне не надо было спрашивать, в порядке ли она, — и без того было видно, насколько это удивительное создание владеет собой. Мне бы хотелось, чтобы мы, игроки, выходившие на поле, чувствовали себя столь же непринужденно, как эта девочка со слабым здоровьем — самый спокойный человек на «Олд Траффорде». Она была просто великолепна.

Начиная с этого дня, Кирсти, я и Виктория стали по-настоящему хорошими друзьями. Всякий раз, когда у нас есть возможность, мы помогаем ей собирать деньги, но мне бы не хотелось, чтобы кто-то подумал, будто в этом и состоят все наши отношения. Кирсти — поразительная личность, полная жизни и энергии. Рядом с ней не думаешь о наличии у нее каких-то трудностей или о том, насколько сложна ее жизнь, которой она рада, несмотря ни на какие превратности судьбы. Ты не замечаешь ни сопровождающего ее баллона, ни того, что можно было бы назвать ее ограниченными возможностями. А видишь совсем другое — ее индивидуальность, ее решимость менять к лучшему жизнь других людей, ее счастье перед лицом всего этого. Она — самый храбрый человек, которого я знаю. Я помню Игры Содружества наций, проходившие летом 2002 года в Манчестере, когда я вбежал на стадион с факелом и встретился с Кирсти прежде, чем мы встретили королеву. Совершая полный круг по бетонной дорожке, я был почти убежден, что сейчас произойдет какая-либо неприятность — то ли погаснет пламя факела, то ли с

меня соскользнут мои тренировочные брюки, то ли я неудачно наступлю на шнурок своих кроссовок. Однако как только я оказался лицом к лицу с Кирсти, все тревоги исчезли. Вдруг у меня возникло такое трудно передаваемое ощущение, будто кроме нас двоих на стадионе никого не было. Я пристально посмотрел ей в глаза, излучавшие спокойствие и вдохновение. Улыбка Кирсти уносит тебя из твоего мира в ее космос, где все трудности преодолеваются одним махом, без всяких усилий.

«Капитан сборной Англии? Ее величество королева? Тысячи людей, наблюдающих за тобою с трибун? Это я, Кирстин Ховард, рада видеть тебя, и рядом со мной мир может быть только прекрасным».

Так вот мы с ней и прокладывали себе путь к центру поля на «Олд Траффорде». Всю неделю я трясся от волнения и вдруг вообще перестал думать об игре. Перестал думать о том, насколько она важна или как отчаянно мы хотим победить. Мне хотелось только одного — чтобы Кирсти была в порядке, шагая рядом со мной. Эта девчушка не оставляет равнодушным каждого, кого встречает на своем пути. Она сияет. В моей памяти встреча с Кирсти в начале этого двухчасового отрезка времени неотделима от гола, забитого мною незадолго до его конца.

В итоге Кирсти все-таки пришлось уйти с газона, а я должен был напомнить себе, что мы пришли сюда играть в футбол, причем нам необходима победа. Пока игра не начнется, никогда нет уверенности, как она пойдет, но мы были правы, беспокоясь по поводу встречи с греками. Они действительно настроились на этот матч, несмотря на то, что уже потеряли всякие шансы на выход из группы. Я помню, как отдельные футболисты Греции после наших жестких действий по отбору мяча буквально набрасывались на наших ребят с какими-то выкриками, но, не зная греческого, понятия не имею, что именно они говори ли. Играли наши противники хорошо, а мы вот никак не могли раскрутиться. Парни действовали почти как в замедленной съемке, и зрители, конечно, заметили это. Игра шла довольно вяло — похоже, нам не хватало гола, чтобы расшевелиться. Беда была в том, что примерно после получаса такой вот возни я подумал, что толком не вижу, как мы сможем его забить. Через десять минут нас постигла катастрофа — забила Греция. Это был, правда, глупый гол, но за время, остававшееся до перерыва, мы так и не смогли ухватить хоть что-то похожее на тот ритм, который был нам необходим, чтобы взять нити игры в свои руки. Словом, начав с глубоких размышлений о необходимости победы, чтобы обеспечить себе место в финальной части чемпионата мира, мы очутились в положении, при котором приходилось

думать уже о ничьей, дающей команде шанс. В перерыве между таймами Свен, однако, не впал в панику:

— Нам необходимо взвинтить темп. Пока мы только ждем, когда что-нибудь произойдет. А нужно активно действовать и быть той командой, которая сама управляет ходом событий.

Начало второй половины выглядело получше, но не очень. Никто не давал мне никаких указаний, но я сам вбил себе в голову, что должен идти вперед и искать мяч. Я был зол. Зол в первую очередь на самого себя. Зол на греческих игроков, которые жестко, а то и грубо встречали нас. Зол на ситуацию, в которую мы сами себя загнали. Было жарко, поле совсем не продувалось, и мы выглядели усталыми. В такого рода ситуациях бессмысленно полагаться на дядю, ты должен сам постараться что-то сделать. Это был не тот случай, когда следовало удариться в размышления о том, в чем состоит мой долг и обязан ли я что-либо предпринять качестве капитана. Просто было такое чувство, что отступать некуда и пришло время рисковать. Раз я не получал мяч, действуя на своем обычном месте, стоит поискать счастья где-нибудь в других точках площадки. Помню еще, как Гэри Невилл кричал на меня:

— Тебя застанут врасплох! Мы должны держать тут зону, иначе они поймают нас на контратаке и забьют снова!

Практически в любой другой игре Гэри был бы прав. Но в этот день и в данной ситуации, в матче против Греции, которой мы уступали в счете, я решил не обращать внимания на Газа. Просто попробовал пойти вперед, увлекая за собой других наших ребят.

Мы заработали несколько штрафных ударов, причем в достаточной близости от греческих ворот. К сожалению, в этот день каждый пробитый мною штрафной шел или слишком высоко, или неточно, как бы я не старался подать его получше. У нас ничего не получалось, и игра шла вкривь и вкось, по меньшей мере, до двадцатой минуты второго тайма. Греки провели острую атаку и чуть не забили второй гол, после которого нам бы, скорее всего, уже не удалось подняться с колен. Но Найджел Мартин, стоявший в воротах, смог удачно взять мяч, после чего сразу же выбросил его мне, стоявшему в этот момент на левом крыле. Уверен, что Гэри в ту минуту думал: а что он там делает? Я пробросил мяч мимо одного игрока, затем финтом обошел другого, и в тот момент, когда до угла их штрафной площадки оставалось ярдов десять, судья усмотрел в действиях греков против меня какое-то нарушение, которого на самом деле, вероятно, не было. До ворот было слишком далеко, чтобы пробивать в рамку. В этот момент тренер решил вместо Робби

Фоулера выпустить на поле Тэдди Шерингэма. Ожидая выполнения этой замены и устанавливая мяч, я заметил на траве обрывок красной карточки. Импульсивно я схватил эту бумажку и отшвырнул ее подальше от себя.

Меня переполняли обида и разочарование, и этот жалкий мусор показался мне вдруг виновником всех наших неприятностей. Тем временем Тэдди, энергичной трусцой пробегам мимо меня, сказал:

— Следи за мной. Просто следи за мной.

Я понимал, что он имеет в виду, — мы ведь провели вместе так много игр в составе «Юнайтед». И подал штрафной удар как раз в то место, куда, как я знал, Тэдди сейчас сделает рывок. Теперь ему нужно было только хорошо подставить ногу — он в точности знал, куда шел мяч, и смог послать его мимо греческого вратаря в дальний угол ворот. Мы сравняли счет и опять увидели перед собой реальную возможность попасть в финальную стадию — если не напрямую, то хоть после пары стыковых матчей. Но эта возможность светила нам лишь в одну минуту. Едва мы отпраздновали успех, как греки перехватили мяч, быстро прошли впереди снова забили. «Ну, вот. Похоже, сегодня не наш день, верно? Придется играть стыковые встречи».

Я был просто убит. И видел, как в тот же момент плечи других наших игроков поникли — наверняка и у них в головах пробегали такие же мысли, что и у меня. Потом мы, конечно же, продолжали идти вперед. Другого выбора просто не существовало. Однако я не видел, каким образом мы сможем снова забить. Еще несколько штрафных ударов в моем исполнении, и еще несколько раз мяч пролетал слишком далеко от прямоугольника ворот: возможно, именно поэтому я носился кругом, как бешеный. Меня терзало разочарование из-за стольких упущенных возможностей. Ведь в течение игры я пробивал столько штрафных ударов — семь или восемь, — и ни разу не попал куда надо. Шла последняя минута основного времени, и у Найджела не оставалось времени ни для чего другого, кроме как сильно выбить мяч, — куда подальше. Принимал его Тэдди, и справился с этим успешно, после чего тут же рванулся вперед. Не знаю, действительно ли его толкнули в спину слишком грубо, но этого оказалось достаточно, чтобы мы заработали еще один штраф, почти по центру, чуть левее и в пяти ярдах от линии греческой штрафной площадки.

Я устанавливал мяч. Подбежал Тэдди, как будто желая забрать его у меня и самому выполнить этот удар:

— Я пробью.

Сегодня я смазал изрядное количество штрафных, но все

равно не собирался отдавать кому-то эту последнюю возможность.

— Нет, Тэд. Отсюда для тебя слишком далеко.

Не знаю, почему я так сказал, поскольку это была неправда, но Тэдди посмотрел на их стенку и уступил мне право на удар. Я понимал, что это наш последний шанс. Попробовал успокоиться и укротить нервы, сделав несколько глубоких вдохов. Тэдди занялся тем же, что делал всегда (тут он большой специалист): расположившись позади стенки, Тэдди смотрит, где располагается вратарь, и становится прямо перед ним, вместе с тем обходясь без блокировки. А потом в самый последний момент он дергается в сторону, и это каждый раз сбивает вратаря с толку и заставляет его менять положение. Если бы Тэдди не проделал этой хитрой операции, то, возможно, греческий вратарь среагировал бы вовремя и спас свою команду. Но это все было впереди. А пока я лишь концентрировался на том, чтобы мой удар наверняка пришелся в рамку ворот. Потом разбежался — и уже в момент контакта с мячом знал, что на сей раз вмажу.

Всем зрителям, которые были в тот день на «Олд Траффорде», и тем, кто наблюдал за игрой по телевизору, не нужно напоминать, что я после этого гола немного отрубился. Тэдди побежал вынимать мяч из сетки, а я отошел куда-то в сторону, празднуя свой успех вместе с Рио, Эмилем и Мартином Киоуном, совершенно забыв, что нам, может быть, нужен еще один гол и победа. На меня накатило какое-то странное чувство отрыва от реальности, и не только я один совершенно потерялся на несколько десятков секунд. Мартин — великолепный профессионал и замечательный человек. Я никогда не видел его в таком состоянии и до сих пор начинаю смеяться, когда вспоминаю его лицо и то, как он вытаращил глаза. И при этом повис на мне, хохоча и выкрикивая:

— Это потрясающе! Это просто потрясающе! Вот потому-то ты и есть настоящий мужик!

Но внезапно до нас дошло, что это может быть вовсе не конец. Не исключено, что нам нужно снова забивать. Ведь Германия играла в тот же день и в то же время у себя дома против Финляндии. В перерыве там была нулевая ничья, и если бы в Манчестере и Мюнхене ситуация осталась без изменения, то дальше проходили мы. Но в тот момент я был слишком возбужден, чтобы заниматься арифметикой. Отбежав к середине поля, я увидел Стива Маккларена, который стоял у самой боковой линии, и прокричал ему:

— Какой там счет?

— Ноль-ноль.

— Уже закончилось?

— Почти.

Греки начали с центра и через наши спины забросили мяч вперед. Помню, как я молился, чтобы они не окатили нас опять холодным душем. Едва только мяч вышел из игры, я обратился к Гэри Невиллу:

— Ну, и что теперь? Если они делают ничью, то нам надо побеждать?

Гэри понял меня и кивнул головой. Мы выбросили мяч из-за боковой на свободное место, и Стивен Джерард рванулся, чтобы принять его. Он тоже пока еще думал, что ничьей нам мало и нужно забивать. А поэтому закрутил мяч вперед, мне на ход — прямо в тот момент, когда раздался заключительный свисток об окончании матча. Я подобрал мяч и подфутболил его сколько было сил — так, что он взлетел чуть ли не до самого козырька. И тут все остальные игроки английской сборной ринулись ко мне. Эшли Коула к этому времени заменили, но он вскочил со скамейки сборной Англии и помчался в мою сторону, сопровождаемый другими ребятами. А я испытывал огромную гордость, что именно мой штрафной удар вывел нас в финал мирового первенства. Мы знали, что смогли достичь этой цели, еще перед тем как металлический голос диктора объявил по стадиону:

— Окончательный счет матча в Германии таков…

Внезапно во всей огромной чаше воцарилась тишина. Я и сегодня вздрагиваю, вспоминая этот момент.

— … Германия 0 — Финляндия 0.

Тут весь «Олд Траффорд» взорвался невообразимым ревом — я никогда не слышал ничего подобного — и этот звук следовал за нами до самой раздевалки. Но здесь странным образом все переменилось. Снаружи люди безумствовали, буквально лезли на стены, причем все — не только болельщики, но и тренерский состав вместе с запасными. А здесь, в тишине подтрибунного помещения, большинство игроков выглядели как спущенный мяч, если не хуже, — ведь мы знали, что наша сегодняшняя игра — далеко не лучшая, а жара и большая затрата сил только усугубляли психологическую усталость еще и физической. Я думал обо всех тех штрафных, которые смазал, а вовсе не о том единственном, который забил. Мы снова отправились на поле совершить круг почета, и это помогло нам поднять настроение — в конце концов, мы могли гордиться и радоваться тому, что примем участие в финале чемпионата мира. И в процессе всех этих безумных, хоть и патетических событий на залитом солнцем «Олд Траффорде» я сожалел только об одном: Майкл Оуэн

отсутствовал из-за травмы подколенного сухожилия и анализировал эту игру для телевидения в качестве комментатора. Нам очень не хватало его участия в этом торжестве — ведь его хет-трик в Мюнхене был так важен и позволил нам попасть туда, где все мы хотели видеть сборную Англии.

На «Олд Траффорде» возле раздевалки для хозяев поля висит телефон, и когда мы, наконец-то, возвратились туда, первым, что я сделал, был звонок Виктории. Она уехала по делам в Италию, и ужасно огорчалась, что ей приходится пропустить такую встречу. Виктория следила за развитием событий в Манчестере, но теперь ей хотелось услышать непосредственно от меня, какие чувства я испытывал на поле и сейчас. Сердце мое колотилось, адреналин все еще действовал на всю катушку и язык пересох, как кость в пустыне. Каждый раз, когда я пытался что-либо произнести, мой голос ломался и ничего путного не выходило. Но Виктория знала меня достаточно хорошо, и потому всяческих моих хрипов и чего-то среднего между кваканьем и карканьем вперемежку с отдельными нормальными звуками для нее было достаточно, чтобы в точности понять, как обстоят дела на моем конце телефонной линии. Может быть, Виктория не так уж сильно разбирается в футболе, зато в людях — отлично. И потому она прекрасно понимала, что означал для меня день, когда мы отыграли удачно завершившийся для нас матч против Греции.

Родители рассказали мне впоследствии, как праздновали этот успех болельщики вокруг них: оказалось, что я был далеко не единственным человеком, кто с трудом сдерживал слезы. Я был страшно доволен, что в тот день за мною с трибун «Олд Траффорда» наблюдало так много людей, которые были для меня важны в этой жизни. Если не считать моих родителей, которые сидели повыше, потому что предпочитают смотреть за играми именно так, я взял ложу для Тони с Джекки и Бруклина, а также для американского певца в стиле ритм-энд-блюз Ашера, который приехал на матч в качестве моего гостя. Когда Свен занял пост старшего тренера английской сборной, он был далеко не в восторге от музыки, звучавшей в раздевалке перед встречами. Более того, он фактически положил ей конец. Тем не менее, игроки не сдались, а продолжали так и сяк убеждать его, и, как мне кажется, в конечном итоге он понял, насколько позитивным элементом нашей подготовки может быть такая звуковая накачка. И в том году у игроков перед выходом на поле всегда стояли в плейерах компакт-диски Ашера. Летом 2001 года он выпустил новый альбом под названием «8701» и сейчас приехал в Англию, чтобы продвигать его на рынок. Я получил от него послание, где говорилось, что он хотел бы встретиться со мной, и потому

пригласил его на «Олд Траффорд». Я был — и до сих пор остаюсь — большим поклонником Ашера, а в этот день немного погодя даже встретился с ним в зале для игроков:

— Дэвид, Дэвид! Это самая потрясная штука, которую я когда-либо видел.

Я дал ему подписанную мной футболку, мы вместе сфотографировались, и он подарил мне свои сочинения. Ему повезло: если кто-то решил впервые в жизни посмотреть футбольный матч, он не мог бы выбрать ничего более драматичного, чем эта встреча с Грецией. Знакомство с Кирсти, сама игра, мой гол, последующее пребывание с моими близкими и Ашером — все это было прекрасно. Но случился в этот день и еще один эпизод, который тоже навсегда останется в моей памяти. Чтобы оказаться в помещении для игроков, мне следовало пройти по кромке поля — как раз мимо того места, где раньше на «Олд Траффорде» был старый туннель. Сейчас рядом с ним, точнее, налево от поворота, где надо подниматься вверх по лестнице, находится рабочая зона для прессы, и там в этот момент все еще оставалось несколько десятков футбольных журналистов, в поте лица работавших над своими отчетами. Когда я проходил мимо, кто-то из них не выдержал, поднялся и начал хлопать в ладоши. В следующий момент они уже все стояли на ногах и награждали меня лавиной аплодисментов. Такого просто никогда не случалось. Мысленно возвращаясь к последствиям «Франции-98», я подумал, что мне в ту пору и в голову не приходила возможность подобного поворота в отношении ко мне со стороны прессы. Надеюсь, после прочтения этих слов те ее представители, которые находились в тот момент на «Олд Траффорде», поймут, насколько теплые чувства они у меня тогда вызвали и какое удовольствие доставили.

Обычно английская пресса предпочитает, чтобы с ней держались в достаточной мере почтительно. Впрочем, в этом плане она не настолько требовательна, как Алекс Фергюсон. Когда мы вернулись в Каррингтон, первые слова из уст отца-командира были достаточно крутыми:

— Надеюсь, теперь, после возвращения в «Юнайтед», ты намерен поработать до кровавого пота.

Я слишком хорошо знал нашего шефа, чтобы он мог сильно меня удивить, но такой комментарий даже мне показался чрезмерным. Однако к тренировкам я приступил на подъеме, как и все наши игроки, входившие в сборную Англии. И благодаря такому настрою просто не мог дождаться следующей встречи в составе своего клуба. Мне доставляют большое удовольствие прекрасные моменты футбольной жизни, но я нисколько не

считаю себя человеком, у которого может из-за них закружиться голова. Я ведь не приходил на тренировки в ожидании, что кто-то станет хлопать меня по спине и говорить, как хорошо я играл. Я не из тех, кого переполняет самодовольство. Просто я вернулся к работе в «Юнайтед» в очень хорошем настроении. Но, очевидно, шеф смотрел на это совсем иначе. По крайней мере, он смотрел совсем иначе на меня. Ему казалось, что меня нужно силком заставить спуститься с облаков на землю.

Этот сезон, вероятно, показался нашему отцу-командиру достаточно необычным. Возможно, ему было жаль своей излишней разговорчивости, и он стал считать, что не должен был никому сообщать о своем намерении уйти на покой. Правда, как я уже сказал, мне не думается, что его информация повлияла на игроков «Юнайтед». Тем не менее, если шеф день за днем читал в газетах, что его длинный язык очень даже подействовал на нас, то он, возможно, и сам начал верить домыслам журналистов. Не знаю, что заставило его передумать. Помню только, как он рассказал нам об изменении своих планов. Это случилось в начале февраля 2002 года. Однажды утром в Каррингтоне мы после тренировки сидели в раздевалке.

— Я остаюсь, — сказал он.

Вот так вот простенько. Я помню, как Гэри Невилл захлопал в ладоши, а кто-то из ребят стал шутить:

— Ой, а на этот раз вы не передумаете?

Мы все были счастливы, причем я даже больше остальных, хотя задним числом понимаю, что для меня это решение Алекса Фергюсона, вероятно, означало завершение моего пребывания в клубе. Возвращаясь мыслями назад, скажу лишь, что тогда я и понятия не имел, какие события разыграются между мной и шефом в течение последующих семнадцати месяцев. До сих пор помню тот обед и смесь чувств облегчения и радостного волнения, которые сопровождали услышанные мною слова о том, что единственный старший тренер, под началом которого я здесь работал, решил остаться в качестве шефа «Манчестер Юнайтед». Алекс Фергюсон был в моих глазах человеком, который создал меня и воссоздал клуб. Почему бы мне не радоваться тому, что он продолжит свое дело?

Решение отца-командира определенно способствовало подъему в команде, и мы хорошо провели вторую половину сезона 2001/02 годов. Впрочем, недостаточно хорошо, чтобы выиграть чемпионат лиги: «Арсенал» был неудержимым и выиграл подряд последнюю дюжину встреч, а с ними — и титул. Выиграли «канониры» и Кубок федерации. Что же касается нашего выступления в этом турнире, то «Миддлсбро» под

руководством Стива Маккларена — так уж оно вышло! — выбило нас в четвертом круге. Лучшим нашим шансом оставалась Европа. На первой, групповой стадии Кубка европейских чемпионов мы играли с «Депортиво» из Ла-Коруньи и дважды проиграли им, но вместе с ними вышли из группы. А когда пришла весна, вытянули их по жребию в четвертьфинале, причем теперь те предыдущие результаты ничего не значили, кроме как чисто психологически. Сначала мы встречались с ними в Испании и победили 2:0. Наша команда играла просто хорошо, особенно принимая во внимание тот факт, что Рою Кину пришлось перед самым перерывом покинуть поле из-за травмы все того же подколенного сухожилия. Я в тот вечер забил один из самых красивых своих голов за время выступлений в «Юнайтед»: получил мяч приблизительно в тридцати ярдах от ворот и, не раздумывая, сразу пробил. Их вратарь не ожидал от меня такой прыти, и хотя ему удалось немного задержать мяч на линий ворот, тот все равно он опустился за его спиной в сетку.

Именно там, на стадионе «Риасор», я получил первый серьезный удар по левой ноге. До конца встречи оставалось приблизительно пять минут, и я владел мячом у боковой линии. В момент, когда я пробивал его вперед, Диего Тристан, их центральный нападающий, пошел на меня высоко поднятой прямой ногой и врезал по опорной ноге. Каждый игрок знает, как опасна такого рода атака, а резкая боль заставила меня подумать, что он, возможно, сломал мне лодыжку. Но, как потом оказалось, это была всего лишь сильная ссадина с порезом и большой синяк. Однако я все равно был вынужден передвигаться на костылях, и во время путешествия домой совершенно не мог опереться на ушибленную левую ногу. Помню, в газетах появились тогда фотографий и броские заголовки, задававшиеся вопросом о том, восстановлюсь ли я к чемпионату мира, не говоря уже об ответном матче на «Олд Траффорде». В качестве меры предосторожности, я прошел медосмотр с рентгеном и прочими просвечиваниями, но смог выйти на поле уже неделю спустя, и все было прекрасно. По крайней мере, так я считал.

Что касается ответной встречи, то я действительно ждал ее с нетерпением. Помимо всего прочего, матч против «Депортиво» — это всегда захватывающе. Первую четверть часа они по-настоящему наседали, пытаясь восстановить равновесие, но потом мы смогли перестроить игру, стали брать над ними верх и закончили победой 3:2, пройдя тем самым в полуфинал. Однако к тому времени, когда это случилось, я уже лежал на больничной койке. Как раз в тот момент матча в Испании, когда мы взяли себя в руки и начали овладевать инициативой, примерно на

двадцатой минуте игры, я, находясь где-то в пятнадцати ярдах от их штрафной площадки, пошел в отбор в ситуации, где шансы выглядели 60/40 в мою пользу. Думаю, что мой оппонент оценивал их несколько иначе или же решил переломить их силой. Его звали Альдо Душер — еще один аргентинский игрок средней линии, оставивший след в моей жизни. Единственное, о чем я думал в тот момент, так это о необходимости выиграть дуэль. В такие мгновения тебя никогда не волнует возможность получить удар по ногам. Я добрался до мяча чуть раньше него и отбил его довольно далеко, но тут двумя ногами вперед на меня налетел Душер и, словно кувалдой, врезал вместо мяча по моей левой ноге.

Помню, как я лежал там, скрючившись на траве и держась за ногу, которая причиняла мне убийственную боль. Попробовал подняться, но помимо того, что ногу страшно ломило, она еще как-то нехорошо болталась. Я не мог на ней стоять. Меня отнесли за боковую линию. Я все еще думал, что и на сей раз все обойдется:

— Просто побрызгайте на нее чем-нибудь обезболивающим. Или хотя бы немного полейте водичкой. Сейчас все пройдет.

Так наши медики и сделали, но когда я попробовал подняться на ноги, то едва не упал. Не было вообще никакой возможности опереться на эту ногу. Пронизывающая боль не позволяла даже коснуться бутсой земли. Тут уж надо мной склонился врач «Юнайтед». Он снял с меня обувку и стал прощупывать то место, куда, как я ему сказал, мне врезали. У меня было такое чувство, как будто там внутри что-то смещалось — какая-то штуковина, которой надлежало быть твердой и прочной, вдруг оказалась хрупкой. Я даже ощутил, что какая-то кость двигается. И прежде чем это сделал доктор, я сказал:

— Там перелом.

— Да. Думаю, что так.

Он кивнул, а я подумал: «Что же с чемпионатом мира?» И тяжело, неуклюже опустился на землю:

— Не могу поверить, что это случилось.

Меня положили на носилки и понесли вокруг поля к раздевалке, причем другого пути, кроме как мимо фотографов, не было. Я не мог вспомнить, когда в последний раз покидал поле из-за травмы — на протяжении всей карьеры мне в этом смысле страшно везло. Почему же теперь удача отвернулась от меня? Я посмотрел туда, где обычно сидела Виктория, когда приходила на «Олд Траффорд». Она вскочила, как только это произошло со мной, и сейчас я видел, что она, забрав Бруклина, пробирается вниз по лестнице. Оказавшись в медицинском кабинете, я

попросил одного из фельдшеров привести мою жену. Я знал, что она будет волноваться и расстроится еще больше меня, но Виктория всегда служила мне настоящей опорой в те моменты, когда дело пахло керосином.

— Не переживай, — сказала она. — Ничего страшного. Все будет хорошо.

Бруклин тоже был рядом. Он не совсем понимал, что происходит.

— Пап, а почему ты больше не играешь? Что случилось с твоей ногой?

Посмеяться вместе с моим мальчиком всегда было для меня невредно, тем более в такую минуту. Но вообще-то я знал, что сейчас мы отправляемся прямиком в больницу.

— Пока, Бруклин. Нам пора в машину скорой помощи.

Его глаза расширились:

— Нам?

В медицинским кабинете с нами был доктор Ноубл, хирург «Юнайтед». Мне хотелось сразу узнать, как мои дела:

— На какое время максимум я буду вырублен?

— Это мы узнаем, как только я увижу результаты рентгена.

Меня отнесли вниз, в санитарную машину, и медики согласились, что не будет ничего страшного, если Виктория и Бруклин поедут вместе со мной. Когда мы разместились, меня привязали к носилкам так, чтобы в дороге моя нога не двигалась. Я попросил водителя ради Бруклина включить мигалку. По крайней мере, хоть для него это происшествие сулило стать захватывающим. Должно быть, наш водитель ради нас поддал жару и надавил на педаль газа до упора — во всяком случае, хоть нам и предстояло пересечь весь Манчестер, чтобы попасть в Королевскую больницу на Уолли Рейндж, мне показалось, что мы оказались на месте через пять минут.

Рентген мне сделали почти сразу, как только мы добрались до больницы. Виктория пошла вместе с доктором Ноублом посмотреть на результаты и быстро вернулась, чтобы рассказать мне об увиденном:

— Плохая новость — перелом есть. Хорошая новость — если все пойдет нормально, то к чемпионату мира ты должен быть в порядке.

Первая новость отнюдь не удивила меня. Вторая же была именно той, что я ждал и надеялся услышать, начиная с момента, когда Душер меня грохнул. Объяснение характера травмы и все медицинские нюансы Виктория предоставила доктору Ноублу. Сломанной у меня оказалась вторая кость плюсны — крошечная косточка между большим пальцем и остальной частью ноги,

вокруг которой обычно имеется достаточно мягких тканей для того, чтобы уберечь ее от повреждений. Если верить медицинской статистике, она травмируется очень редко. Но попытайтесь сказать это Гэри Невиллу или Дэнни Мерфи: они оба пропустили чемпионат мира именно из-за такого же перелома. Доктор подтвердил, что, по его мнению, мне все-таки должно хватить времени, чтобы поправиться. Я цеплялся за эту надежду на протяжении нескольких последующих недель — даже когда меня терзали сомнения насчет того, буду ли я полностью готов. Ведь помимо того, что косточка должна срастись, мне необходимо было восстановить физическую форму, без которой невозможно играть ответственные матчи за сборную Англии.

На следующее утро я не мог поверить тому, какую бурю вокруг меня подняли. Что делала моя бедная нога на первых страницах газет? Свен оказался одним из первых, кто позвонил мне, хотя он, пожалуй, меньше других спрашивал: «Как ты себя чувствуешь?», — а больше: «Будешь ли ты готов?» Но все равно поговорить с ним было приятно. Он сказал, что независимо от того, буду ли я готов играть на чемпионате мира или нет, он хочет, чтобы я участвовал в подготовке к этому турниру и поехал на него. Поддержка со стороны Свена и тогда и позже многое значила для меня. В больнице мою ногу положили в гипс. Дуайт Йорк усаживал меня к себе в машину и возил на тренировки в Каррингтон. Бригада врачей «Юнайтед» вскоре сняла с меня гипс и заменила его приспособлением, которое называется воздушным лонгетом — своего рода надувным башмачком. Когда в него до отказа закачивали воздух, он защищал мою ногу ничуть не хуже гипсовой повязки. Но я мог через клапан стравить из этой штуковины воздух и снять ее, чтобы дать своей лодыжке и ноге нагрузку и разрабатывать их. Даже после двух дней в гипсе моя икроножная мышца, да и мышцы лодыжки как бы усохли. Новое приспособление служило для того, чтобы впоследствии атрофия указанных мышц оказалась не больше, чем это неизбежно. После выполнения разных физиотерапевтических процедур я мог снова надуть свой башмак на всю катушку и дальше хромать на костылях. Несколько дней спустя я серьезно поговорил с врачами о том, какие действия мне надлежит предпринять, чтобы максимально повысить свои шансы быть к нужному времени в полной боевой готовности. Я твердо обещал:

— Что бы вы ни велели мне делать, я это сделаю. Я не хотел отправляться в Японию как начальник группы поддержки и знал, что физиотерапевты «Юнайтед» окажут мне всю необходимую помощь. Мне нельзя было нагружать ногу весом тела в течение месяца или около того, но следовало самостоятельно выполнять

множество упражнений, способствующих полноценной подготовке к будущим матчам, после того как сломанная кость срастется. А пока меня оставили в Каррингтоне и обещали продержать там столько, сколько сочтут нужным физиотерапевты. Получив травму, я всегда был готов упражняться с максимальной нагрузкой, лишь бы поскорее войти в строй. Так было и сейчас. Вдобавок ко мне домой все эти дни приезжал Терри Бирн и следил за моими упражнениями. Например, я мог имитировать бег в глубоком конце своего бассейна, позаботившись о том, чтобы моя нога не касалась дна. Я мог также укреплять общий уровень физической подготовки, работая на тренажерах. И как бы я ни был сыт по горло рутиной ежедневных упражнений на всем этом оборудовании, мне с лихвой хватало той мотивации, которую давало желание попасть на чемпионат мира.

Обычно игрока, получившего травму, оставляют один на один сражаться с необходимостью ежедневно преодолевать ее последствия, причем делать все самостоятельно. Но в те месяцы ситуация выглядела так, словно несколько миллионов английских болельщиков подсматривают за мной, живя теми же заботами, что и я. Хорошие пожелания болельщиков, безусловно, помогали мне. Гэри Невилл тоже был готов подставить плечо — он позвонил, как только покинул «Олд Траффорд» после матча с командой из Ла-Коруньи. Две недели спустя я смотрел по телевизору нашу первую полуфинальную встречу Лиги чемпионов против «Байера» из Леверкузена — это был тот самый вечер, когда мой друг умудрился получить такую же травму. Уже в тот момент, когда Гэри рухнул, я знал, что с ним стряслось. И знал, что если я еще продолжаю висеть на волоске и могу попасть на чемпионат мира, то у Гэри нет никаких шансов. У него просто не хватало времени. Если бы на его месте находился я, это был бы для меня тяжелейший удар. Но у Газа психологические установки всегда очень позитивны, и какие бы чувства им терзали его, он старается не показывать вида и остается бодрым, жизнерадостным и оптимистичным. Право, Гэри заслуживал лучшей участи, чем необходимость пропустить вдобавок еще и три месяца следующего сезона, потому что ему понадобилась операция, чтобы устранить смещение костей.

Я волновался по поводу лета, но большим разочарованием для меня было то, что я пропустил конец сезона и в клубе «Юнайтед». Леверкузенский «Байер» выбил нас из Лиги чемпионов благодаря большему количеству голов, забитых на выезде. Уверен, что у нас имелось больше шансов обыграть мадридский «Реал» на стадионе «Хэмпден Парк», если бы мы смогли прорваться в финал. Словом, это было огорчительное

время для меня и огорчительное время для клуба, но я знал, что коль наш отец-командир остается у штурвала, «Юнайтед» в следующий раз попробует наверстать упущенное. При этом я не мог даже вообразить, что перестану быть полноценной частью этого процесса. В тот момент мы как раз вели переговоры по заключению нового контракта с «Юнайтед». Я знал, чего мне хотелось бы достичь в нем, и был вполне уверен, что знаю пожелания клуба. Тем не менее, современный футбол никогда не бывает столь прост, каким он иногда кажется людям со стороны. И сами переговоры, и газетные спекуляции вокруг них длились уже более года. Теперь пришло время перестать темнить и сказать все начистоту.

Я никогда не обдумывал всерьез никаких иных вариантов, кроме подписания нового контракта с клубом, который я любил с раннего детства. Вопрос состоял только в том, чтобы правильно расставить акценты и уточнить отдельные детали, ибо новая договоренность должна была означать серьезные обязательства с обеих сторон. Мне требовалось знать, что «Юнайтед» ценит меня, и я не думаю, чтобы у членов дирекции «Юнайтед» Питера Кениона и Дэвида Гилла, которые совместно занимались этими вопросами в клубе, возникали с этим какие-то проблемы. Они наверняка сделали все, что могли, дабы дела в наших взаимоотношениях шли гладко, и старались выполнить каждое свое обещание. Я очень благодарен им за это. А также благодарен судьбе, что в процессе переговоров на моей стороне стола сидел надлежащий человек — и самый лучший из возможных.

Тони Стивенс выполнял обязанности моего агента с 1995 года. В прошлом он занимал пост директора на «Уэмбли», а в то время, когда я впервые встретился с ним, работал в качестве консультанта проекта по возведению нового спортивного сооружения в Хаддерсфилде — стадиона «Макальпин». Особенно мне запомнился один случай. Тони пригласил группу молодых парней из «Юнайтед» — меня, Гэри, Фила и Бена Торнли — на концерт Брайана Адамса. Закончили мы тем, что, после того как публика разошлась, по блату прорвались на сцену, где провели замечательный вечер или, скорее, ночь. А вот Тони в тот же вечер провернул совсем другую и весьма важную операцию — в сфере бизнеса. Практически в то же самое время и неподалеку от нас он устроил переход Алана Ширера — игрока, о делах которого он уже довольно давно заботился, — из «Блэкберн Роверз» в «Ньюкасл Юнайтед».

Честно сказать, не уверен, когда или где мы познакомились с Тони Стивенсом. Зато я отчетливо и ясно помню одну фразу, сказанную Тони в ходе той самой первой нашей беседы. Она с тех

пор накрепко запомнилась мне, и не думаю, чтобы он забыл ее:

— Футбол, Дэвид, — самая важная для вас вещь. Он то, чем вы занимаетесь. Посему вам надо позаботиться, чтобы ничто и никогда не стояло у вас на пути в этом деле и не мешало вам.

Позже, когда мы беседовали о том, как и на каких условиях он мог бы стать моим представителем, Тони описал свою задачу следующим образом: обеспечить, чтобы я не волновался и не беспокоился ни о чем другом, кроме игры как таковой. Именно в этом он видел функцию агента — снимать всяческое давление со своих клиентов и тем самым позволить им спокойно заниматься делом. Как раз это он и делает для меня с тех пор. Тони — тот человек, в котором я могу не сомневаться, ибо питаю к нему абсолютное доверие невзирая на любые обстоятельства. Иногда у кого-то из моих близких может даже сложиться такое впечатление, будто он суетится чрезмерно, стремясь организовать в моей жизни буквально каждую мелочь. Такой уж у Тони характер — он может зайти в комнату, полную людей, которые совершенно не знакомы между собою и с ним и ровно через пятнадцать минут заставить их всех работать по единому плану и календарному графику. Любой другой на его месте мог бы растеряться, а у него все будет под контролем. И это качество — именно то, в чем я нуждался на протяжении последних восьми лет своей карьеры и продолжаю нуждаться теперь, причем даже больше, чем когда-либо прежде.

Если полагаешься на кого-либо в такой степени, как я на Тони, то честность и открытость, которые существуют между вами, означают, что ваши отношения должны быть чем-то большим, нежели только деловой договоренностью. Да, Тони — мой агент. Но он еще и один из моих самых близких друзей, человек, к которому, как мне хорошо известно, я могу обратиться за советом или даже за указаниями. Мы можем подробно и в деталях говорить о самых разных вещах — не только о моей карьере, но и о любом ином аспекте моей жизни. Во многих отношениях Тони знает меня лучше, чем кто-либо другой. Единственная проблема, которая возникла у нас с ним относительно «Манчестер Юнайтед», оказалась, тем не менее, довольно мудреной. Он и отец-командир не больно любили друг друга, во всяком случае, наш шеф уж точно не обожал его. И когда я впервые сообщал старшему тренеру, что отныне и впредь меня будет официально представлять м-р Стивенс (это случилось спустя несколько месяцев после нашего знакомства с Тони), то должен был понимать, что с этой секунды я играю с огнем и вообще нарываюсь.

— Для чего тебе нужен агент? Разве о тебе мало или плохо

заботились в клубе?

Тони считал для себя обязательным сразу доложить шефу о факте своего существования, поскольку и в мыслях не держал начать работу со мной без его ведома. Он отправился прямо домой к отцу-командиру, чтобы пообщаться с ним лицом к лицу. Ходят слухи, что шеф будто бы закончил их беседу тем, что гнался за Тони по улице. Такого никогда не было, но я знаю, что Тони действительно досталось от шефа на орехи еще почище, чем мне.

Я всегда сожалел, что старший тренер «Юнайтед» не желает говорить с моим агентом. Возможно, их общение сделало бы жизнь всех нас в последние годы более легкой. И еще я полагаю, что если бы они вместе сели за стол, то шеф, может статься, понял бы, насколько он недооценивает Тони. Да, он агент, и этим многое сказано, но он вдобавок тоже любит футбол и всегда понимал, что для меня «Юнайтед» был краеугольным камнем всего остального, происходящего в моей профессиональной жизни. Тони никогда не говорил и не делал ничего такого, что ставило бы под угрозу мои приоритеты. Я иногда возвращаюсь в мыслях к тем моментам, когда шеф волновался или злился на меня, вспоминаю ситуации, где между нами искрило и возникали ссоры или размолвки. Эти перепалки всегда, как мне казалось, раздувались посторонними сверх всякой меры. Ведь такие вещи случаются в каждом футбольном клубе, причем едва ли не постоянно, и вовсе нет необходимости делать из них сенсации и совать в заголовки газет. Думается, мы бы смогли лучше сдерживать пар под крышкой и быстрее улаживать разногласия, если бы у шефа и Тони сложились такие отношения, когда они могли бы позвонить друг другу по телефону.

Однако вовсе не ледяной холод между Тони и отцом-командиром был причиной, сдерживавшей переговоры по поводу моего нового контракта на «Олд Траффорде». Это был сложный набор документов, особенно потому, что в них надлежало как-то встроить мои права на собственное визуальное изображение, причем таким образом, чтобы клуб «Манчестер Юнайтед» тоже мог использовать в своих коммерческих операциях мое лицо и имя как индивидуума. В целом потребовалось два с лишним десятка совещаний, прежде чем все эти дела были улажены и приведены в порядок. Я просто счастлив, что мне пришлось показаться только на одном из них. Словом, ушло никак не меньше полутора лет на то, чтобы составить правильный контракт, но, насколько я в курсе, разговор все время шел о каких-то тонкостях и деталях. Тем временем мне было любопытно — и даже лестно — услышать, что другие клубы, причем не лишь

бы какие, а знаменитые европейские гранды, проявляли интерес к подписанию контракта со мной, если на «Олд Траффорде» что-либо не сложится. Но все это были пустые мечтания. Я никогда не хотел сделать ничего иного, кроме как поставить свою подпись под окончательной договоренностью с единственным клубом, за который я выступал в своей жизни. Я знал это. Тони знал это. И «Юнайтед» — тоже.

По мере того как завершался сезон 2001/02 годов, мы все ближе подходили к тому, чтобы заключить взаимоприемлемую сделку. Я хотел ударить по рукам, перед тем как смогу снова выйти на поле «Олд Траффорда». Ведь после всех многочисленных домыслов и спекуляций мне особенно хотелось, чтобы люди, действительно имевшие для меня значение — болельщики «Юнайтед», — своими глазами увидели, как выглядит ситуация на самом деле, тем более что, начиная с матча против «Депортиво», я был физически не в состоянии играть. Предпоследнюю домашнюю встречу мы проводили с «Арсеналом». Это был как раз тот вечер, к которому я настроился подбить бабки, и потому делал все, что мог, лишь бы поторопить Тони. Но как оказалось, в последнюю минуту возникло несколько мелких препятствий. Ну что ж, ничего не попишешь, жалеть не стоило. Хуже другое: «Арсенал» приехал и победил 1:0, а это означало, что они завоевали звание чемпиона лиги и, более того, сделали дубль. Для нашего клуба подобный итог был самым настоящим щелчком по носу — продуть настолько важный матч на своем собственном дворе. Но хотя я думаю, что такое мощное разочарование стало одновременно и мощным стимулом взять реванш в следующем году. Этот вечер явно не подходил для того, чтобы праздновать подписание нового контракта. Посему это дело дало следующей субботы, когда мы дома играли с «Чарльтоном». Все было безупречно. Солнце сияло. Шеф вышел на поле вместе со мной и заключил меня к объятия перед 65 тысячами болельщиков. Вне всяких сомнений, «Олд Траффорд» был тем местом, где я чувствовал себя своим и которому принадлежал с потрохами. Кто и как бы ни говорил, я всегда знал, что новый контракт обязательно появится, но момент, когда он действительно оказался на бумаге, а я взял авторучку, чтобы поставить свой автограф, в любом случае доставил удовлетворение.

Мое будущее выглядело устроенным. По словам экспертов-медиков, вторая косточка плюсны зажила и срослась. Наконец мой барометр после многих бурь стол показывать «ясно». Мне следовало просто сконцентрироваться на том, чтобы полностью подготовиться к выступлениям в составе сборной Англии на

чемпионате мира, до которого теперь оставалось лишь несколько недель. На следующий вечер у нас дома состоялись проводы, а в ближайший понедельник мы отбывали в Дубай, чтобы начать приготовления к турниру в Японии. Идея собраться в моем доме заключалась в том, чтобы сочетать прием для сборной Англии с мероприятием по сбору денег для моей основной благотворительной организации — NSPCC. Мы даже сумели продать каналу ITV права на трансляцию указанного вечера. Все полученные от этого деньги также пошли в NSPCC. Некоторые договоренности приходилось оставлять на последнюю минуту. Я не располагал информацией, кого Свен собирается брать на чемпионат мира, так что мы не могли знать наверняка, каких игроков приглашать, пока команда не была объявлена официально. Тем временем нам и без этого пришлось неслабо потрудиться, составляя список гостей. В него, разумеется, вошли многие друзья футбола, футбольные светила прошлых лет и звезды других видов спорта, а также некоторые широко известные музыканты и актеры.

Чтобы иметь возможность собрать побольше денег для NSPCC, мы устроили и несколько столов для платных гостей, размещенных чуть в стороне от основных. А заполнить их решили, вступив в контакт с моими спонсорами, с людьми того круга, где вращается Виктория, и с другими своими знакомыми по разным компаниям, которые, как нам казалось, желали присутствовать и были готовы расщедриться. Их удалось собрать очень быстро. Народ, как мне кажется, понимал, что этот вечер обещает быть особенным, а деньги пойдут на благое дело. И хоть я был в то время полубезработным калекой и вроде бы располагал временем, чтобы помочь, всю нагрузку взвалила на себя Виктория.

Я только накануне вечером добрался домой из Манчестера, так что у нас здесь наблюдалась некоторая суматоха. Тем не менее, нашлось время для одного стоящего подарка: я преподнес Тони хорошие часы, выразив тем самым благодарность за работу, которую он проделал, ведя переговоры о контракте, подписанном мною на поле «Олд Траффорда» за 24 часа до этого. Эта скромная церемония превратилось в весьма эмоциональную сцену, разыгравшуюся на нашей кухне в воскресенье. И это происходило в то время, когда собрались все наши родственники, дети носились взад и вперед, велись последние приготовления к вечеринке и повсюду были разбросаны наши сумки и чемоданы, наполовину упакованные перед вылетом в Дубай, намеченным на следующий день.

В конечном счете, мы все же оделись и выглядели вполне

готовыми. Для начала мы позировали для фотографий — вот вам еще немного денег на благотворительные цели — и затем направились к шатру позади дома, где все и должно было происходить. Чтобы туда добраться, следовало пройти через наш небольшой лесок, убранный в японском стиле. В том же стиле была оформлена и вся вечеринка. Поскольку многие спортсмены привели с собой детей, мы приготовили для них надувную крепость, разместив ее рядом с навесом для взрослых. Бруклин шагал рядом со мной. Мы вырядились одинаково: поверх брюк — длинная, до колен, японская куртка без застежек с широким красным кушаком вокруг талии. Не знаю, как я, но мой мальчик выглядел классно, просто супер. А еще на нас были резиновые шлепанцы с ремешком, пропущенным между пальцев, вроде «вьетнамок», потому что в этот момент моя левая нога все еще не чувствовала себя комфортно в обычной обуви. Это действо происходило в моем саду, но по замыслу Виктории мне полагалось сейчас чувствовать себя лишь одним из наших 400 гостей. Мне не терпелось увидеть сюрпризы, которые она заготовила для нас на пути через лес.

Среди деревьев повсюду горели разноцветные фонарики, вокруг цветочных клумб сновали гимнасты и акробаты. Было много танцоров и мастеров по восточным единоборствам, которые демонстрировали свое искусство. Звучали голоса поп-группы «Мис-Тик», певицы в стиле «ритм-энд-блюз» Беверли Найт, а также оперного певца Расселла Уотсона. Шатер, где подавался ужин, представлял собой два соединяющихся навеса. Первый был декорирован в восточном стиле: повсюду трепетали тысячи орхидей, прилетевших на самолете прямиком из Японии и Индонезии, а над водоемом, в котором плавали сазаны, возвышался небольшой мостик — его нельзя было миновать по пути в главный шатер. Еще нужно было пройти через огромные занавеси, развешанные по обе стороны. Гостей приветствовали прекрасные девушки, одетые под гейш. И только потом перед приглашенными открывались далеко простиравшиеся столы, очень красиво сервированные благодаря Виктории. Все было выдержано в красном, черном и белом цветах — одно из самых красивых сочетаний, какие мне когда-либо доводилось видеть.

Вот когда я начал нервничать всерьез — ведь кругом толпилась масса приглашенных нами людей, с частью которых я был совершенно не знаком. К примеру, я попросил прийти Рея Уинстоуна — и поскольку он такой великолепный актер, и просто из-за желания познакомиться с ним. Я знал, что мне предстояло выступить с речью — первой для меня после дня нашей свадьбы. Мне ведь, как никак, доверили пост капитана сборной Англии, и

все собравшиеся пришли на пирушку в мой дом. Тут уж я никак не мог открутиться от пары слов, верно? Вообще-то я знал, к чему хотел подвести свое краткое выступление: я задумал вручить Виктории один подарок и тем самым поблагодарить ее за то, что она организовала этот вечер. А перед этим? Ага, было еще несколько человек и организаций, кому полагалось выразить признательность, а потом следовало сказать пару слов о NSPCC и ЮНИСЕФ — благотворительном детском фонде при Организации Объединенных наций, с которым сотрудничал «Манчестер Юнайтед». Конечно, надо было сказать что-либо и о страдающих детях, для которых мы собирали деньги. Я настолько волновался, как бы что-то или кого-то не пропустить, что заранее записал все необходимое на небольших листочках. В конечном счете я дошел до какой-то более личной темы и смог отложить свои шпаргалки в сторону. Недавно я посетил детский приют в Южном Лондоне. Сидел там в просторном помещении перед несколькими дюжинами подростков, каждый из которых мог рассказать о себе ужасную историю. В воздухе чувствовалась некая застарелая враждебность — не ко мне конкретно, а ко всему миру. Эти дети держались вызывающе и открыто искали повода к ссоре, так что поначалу я задавался в душе вопросом, верно ли вообще поступил, согласившись прийти сюда. Вопросы были абсолютно прямыми: «Ну, так как там Пош?», «Какие у тебя тачки?», «Сколько бабок ты заколачиваешь?»

Их не волновало, как мог бы отреагировать на подобные вещи персонал их интерната, я сам или кто-то еще. Я знал, что не могу отказаться отвечать на подобные вопросы. Ведь им довелось пережить в своей жизни такое, с чем мне повезло не сталкиваться, — насилие, проституцию, наркотики, отсидку в тюрьме. Услышать от меня хоть несколько ответов — это был тот минимум, который они наверняка заслужили. Эти рано повзрослевшие пацаны смотрели на меня и ожидали, как я поведу себя. Да и их опекуны тоже.

«Прекрасно. Нет никакой нужды сначала отбирать вопросы. Пусть они спрашивают обо всем, что хотят узнать».

Вторая половина того дня превратилась в одно из самых полезных нефутбольных мероприятий, которые я когда-либо проводил. Естественно, никаких представителей печати там не было — разговор шел только между мною и детьми. Я почувствовал себя непринужденно. Они тоже. Думается, через некоторое время мы все решили, что любим друг друга, и закончили смехом и шутками — о футболе, о моей жизни и просто ни о чем. Мои оборонительные порядки за это время рассыпались в прах, их — тоже. Я не мог изменить ничего из уже

случившегося с ними, но для меня было важно что, по крайней мере, мы способны общаться между собой. Судя по тому, как они вели себя по отношению ко мне, сложилось впечатление, что для них это тоже имело значение. Возможно, мой рассказ об этих необычных часах, проведенных в интернате для трудных детей, звучал странновато в декорациях и обстоятельствах сегодняшнего вечера, но я считал себя обязанным донести его до собравшихся, чтобы объяснить почему я хотел провести этот прием. И отчего был заинтересован, чтобы каждый проявил свою щедрость, когда дело дошло до благотворительного аукциона. Так оно и случилось — в качестве аукционистов выступила смешно дурачившаяся парочка, Ант и Дек, а наши гости раскошелились больше чем на 250 тысяч фунтов.

Мы провели фантастический вечер. Виктория и я рассчитывали, что он завершится около полуночи. Кое-кто из спортсменов, а также другие гости, которые пришли с семьями, к этому времени уже разъехались, но оставалась еще масса тех, кто продолжал оттягиваться по полной программе, хотя мы уже вернулись в дом, чтобы подготовиться ко сну и предстоящему завтра рейсу на Дубай. Было уже, пожалуй, поздновато, но, как оказалось, самое время для меня, чтобы пообщаться с Реем Уинстоуном. Я услышал, как кто-то ковыряется у парадной двери. Спустился вниз, чтобы открыть, а там стоял Рей. Только когда он сделал пару шагов вперед, я понял, насколько классно он прикалывался. Возможно, сам актер этого не понимал. Он пришел исключительно с целью сказать всем спасибо, но вместо этого споткнулся о ступеньку и рухнул прямо к холле лицом вниз. Люди театра знают, каким образом строить красивый выход. В общем, как я уже говорил, вечер действительно выдался супер — и стал хорошим воспоминанием для всех нас перед отъездом в Японию. Я знаю, что медицинский персонал «Юнайтед» был в восторге от моего отлета вместе с остальной командой Англии в Дубай для подготовки к чемпионату мира. Думаю, наш отец-командир предполагал, что предстоящая неделя в Эмиратах будет для сборников (и уж точно для травмированного Бекхэма) сплошным праздником и что у меня больше шансов восстановиться, если я останусь в Манчестере и поработаю с физиотерапевтами в Каррингтоне. А я всегда знал, что даже уходя в сборную играть за свою страну, я все равно остаюсь игроком «Юнайтед». Посему, если бы клуб действительно занял твердую позицию и опусти передо мною шлагбаум, я бы, не задумываясь, сделал то, что мне велят. Свен хотел, чтобы я находился вместе с остальными членами сборной на протяжении всех двух недель, которые оставались до нашего первого матча, а Гэри Левин,

физиотерапевт сборной Англии, и доктор Крэйн, ее врач, считались двумя лучшим специалистами в своем деле. На какой-то стадии английская федерация футбола предложила забрать вместе со сборной бригаду врачей из «Юнайтед». Честно говоря, это был тот спор, в котором мне никак не хотелось участвовать, — пусть его ведут другие. Я не считал разумным втягиваться в любую свару и был готов согласиться с любым решением, которое примут за кулисами. А это решение, в конечном счете, состояло в том, что я поехал.

Итак, раннее утро, понедельник 13 мая 2002 года. Я лежу в постели рядом с Викторией в нашем особняке в Соубриджуорсе. В доме все тихо. Я слышу, как где-то вдалеке последние гости отправляются по домам после нашего приема и хлопают дверцами автомобилей. Я потянулся вниз и коснулся своей левой ноги — она стала немного побаливать, после того как мы с Викторией открыли первый танец. Через несколько часов нам предстояло ехать в аэропорт. Передо мной было восемнадцать дней — восемнадцать дней, чтобы окончательно прийти в норму и возглавить ту шеренгу, которая выстроится близ средней линии поля перед матчем против Швеции, который состоится 31 мая на другом конце земного шара. Я почувствовал где-то глубоко внутри, у самого основания спинного хребта холодок. Что это, волнение? Или страх? Четыре года назад я готовился выступать на последнем чемпионате мира. Сколько разного случилось с тех пор! 1998 год казался уже очень далеким — Аргентина, красная карточка и все прочее. Но в то же время казалось, будто очередное испытание застало нас врасплох. Уже сам шанс примять участие в чемпионате мира — это для любого игрока мечта и большая честь. И каждый футболист знает, что за тот месяц, который длится турнир, твоя карьера и вся твоя жизнь могут навсегда измениться. Со мной это имело место во Франции, в резком безжалостном свете прожекторов, заливавшем в тот вечер поле в Сент-Этьенне. Я закрыл глаза и погрузился в темноту. Что ждало меня и ждало Англию на сей раз, в Японии?

11. Бекхэм (пен.)

«Что здесь происходит? Я не могу дышать».

Теперь меня интересовало вот что: «А не поможет ли эта неделя в Дубае полностью прикончить меня, как игрока «Юнайтед» в глазах шефа?»

В общем, получалось так, будто я уехал со сборной Англии понежиться на солнышке, вместо того чтобы вернуться в Каррингтон и в одиночестве упорно накручивать там мили на «бегущей дорожке». Я знал, что наш отец-командир был, мягко выражаясь, не особо доволен этим. У меня имелось и такое чувство, что он вообще не был в большом восторге от той дополнительной ответственности (и дополнительного внимания), которыми сопровождалось мое капитанство в сборной Англии. Вероятно, не больно ему нравился и тот факт, что в Дубае со мной находились Виктория и Бруклин. Моя собственная убежденность в том, что брак и отцовство утихомирили меня и оказали положительное воздействие как на футболиста, в его глазах не имела ни малейшего значения. Шеф всегда считал, что моя семейная жизнь представляет собой всего лишь отвлечение от того серьезного дела, каким является футбол. С тех пор, как я встретил Викторию, мне достаточно часто доводилось слышать от него нечто подобное. Он придерживался мнения, что моя домашняя жизнь является не более чем помехой на правильном пути, причем и для меня и для него.

Я давно решил, что нет никакого смысла вступать с ним в препирательства. Да и вообще был ли когда-либо смысл полемизировать с нашим отцом-командиром? Я не собирался убеждать его, что если я полнее состоюсь как человек, то это принесет лишь пользу для меня как игрока. И уж совсем очевидно, что никакие речи, которые он произносил по данному поводу, не могли изменить той любви, нежности и внимания, с которыми я относился к своей семье. Что могло быть прекраснее, чем иметь рядом с собой в Дубае Викторию и Бруклина?

Свен тоже считал полезным, если игроки не будут расставаться со своими близкими. Ведь мы, в конце концов, надеялись пробыть в Японии долго, в течение всего чемпионата мира. Помню, как перед нашим отъездом из Англии мы говорили с ним на эту тему в тот момент, когда он планировал наш предстоящий график. Свен считал целесообразным, чтобы игроки проводили время со своими близкими, и уж тем более с детьми. В

большинстве других стран на эту проблему смотрели аналогичным образом. Помнится, на турнире «Франция-98» датская команда останавливалась в отеле прямо через дорогу от нас, и их семьи располагались в одном комплексе с ними. На первых порах Свен не был уверен в настроениях английских игроков в вопросе о том, брать ли им с собой семьи, так что он попросил меня как капитана выведать их отношение к этому. В Дубае нам устраивали по утрам вокруг бассейна разные мероприятия для детей, а по вечерам каждый мог сходить со своими близкими на совместные барбекю. Все семьи развлекались вместе, получая удовольствие от общества друг друга, и такое времяпрепровождение к тому же помогало сближению футболистов.

Благодаря присутствию Виктории и Бруклина, я был спокоен и мог полностью сосредоточиться на единственной вещи, которая в тот момент имела для меня значение, — на чемпионате мира и на своей физической готовности к нему. Каждое утро я работал по самостоятельной программе с одним из физиотерапевтов сборной Англии, Аланом Смитом. Я только начинал бегать, только начинал проверять на практике последствия перелома. Надлежало также усердно заниматься подготовкой непосредственно к футболу, к предстоящим матчам. Я был не в состоянии присоединиться к регулярным тренировкам команды, которые проходили каждый день в одно и то же время. В Дубае все было очень правильно сбалансировано — сначала напряженная работа, а затем пляж и немного солнца, причем рядом с нашими близкими, которые могли наслаждаться этими прелестями вместе с нами. Я все еще сомневался, буду ли готов играть в нашем первом матче против Швеции. Иногда я просыпался с ощущением полной готовности к этому, а временами чувствовал, что мне не хватает времени. Как капитан сборной Англии я отчаянно хотел — и старался — выступить в чемпионате мира. А также считал, что для меня и команды будет лучше всего, если я смогу играть с самой первой нашей встречи. Еще перед выездом из Англии я сделал все, что мог, чтобы максимально ускорить процесс восстановления. Теперь, в Дубае, я получил возможность дать травмированной ноге нагрузку. Помимо того, что я начал интенсивные пробежки, имелась еще одна работа, которую предстояло сделать, прежде чем я буду готов хотя бы только к обычной тренировке, не говоря уже об ответственном матче. Возможно, кто-то видел фотографии, где я прыгаю на батуте. В тот период я не был в состоянии многократно подпрыгивать. Цель этих упражнений заключалась в том, чтобы снова научить мою ногу умению поддерживать равновесие. Так

же, как мускулы без упражнений теряют силу, сухожилия и связки забывают, как выполнять свои обязанности. Я должен был стоять на одной ноге и сохранять равновесие, когда мне бросали мяч, стараясь мягко поймать его стопой другой ноги, а затем менять ноги. Следующей стадией после этого было точное возвращение мяча ударом с лета, вместо того чтобы просто ловить его. В конце каждого дня физиотерапевты садились с врачами сборной Англии и беседовали о том, чего нам удалось достигнуть. Медицинская бригада поступала бы точно так же с каждым из травмированных игроков. Затем доктор Крейн встречался вечером со Свеном, чтобы сообщить ему, как продвинулись мои дела за текущий день.

Я был доволен пребыванием среди своих ребят, которые не ломали себе голову ни над чем, кроме успешного старта в турнире. Ощущая волнение и возбужденность каждого из них, я мог более позитивно относиться ко всему, что следовало делать мне самому. Не знаю, то ли это обязанности капитана заставляли чувствовать себя старше, то ли просто давал себя знать тот опыт, который я приобрел четыре года назад на «Франции-98». Мне нравилось наблюдать за молодыми игроками сборной, за их озабоченностью своим внешним обликом, новыми костюмами, формой, всеобщим вниманием и прочим. Но если говорить о футболе как таковом, то чемпионат мира означал для них лишь несколько весьма ответственных матчей, которых они с нетерпением ждали. Эти парни ничего не боялись, благодаря чему они держались очень непринужденно. Другое дело я и Майкл Оуэн, Гарет Саутгэйт, Мартин Киоун и Дэйв Симэн, которые уже побывали на подобном турнире и понимали, что представляет собой на самом деле чемпионат мира и сколько здесь поставлено на карту для каждого и для нас всех.

Неделя в Дубае дала игрокам немного времени, чтобы отдохнуть после домашнего сезона, который закончился совсем недавно. Время это пролетело, как мне показалось, слишком быстро, и вот я уже должен был прощаться с Викторией и Бруклином, чтобы вместе с командой отправиться в путешествие на Восток. Там в течение чемпионата мира нам предстояло несколько разъездов, и мы посчитали это чрезмерным для наших семей. На время турнира мы собирались устроить свою базу в Японии, но пока остановились в Южной Корее для первой из двух намеченных для разминки товарищеских встреч. После оформления в отеле на лицах игроков можно было увидеть явную перемену настроения. Теперь мы были здесь, в том месте, где должен проходить чемпионат мира. Первый матч послужил для нас хорошей встряской, поскольку в Сегвипо мы всего лишь свели

встречу с корейцами вничью 1:1. Мы там кое в чем экспериментировали, и никто не работал на полных оборотах, но все равно было очевидным, что сборники из Южной Кореи сумеют играть, а вдобавок они были в отличной физической форме. Чего никак нельзя было сказать про меня. Я даже близко не подошел к своей обычной форме — и это всего за одиннадцать дней до нашей первой настоящей встречи.

Свен захватил с собой в качестве одного из четырех массажистов, которые отправились вместе с командой в Японию, крепкого голландца по имени Ричард Смит. Кто-то прицепил на двери Ричарда карточку с надписью «ДОМ БОЛИ», и этот остряк-самоучка был не так уж далек от истины. Ричард проникал очень глубоко в то место, где сидела ваша травма. Не могу описать, на что это было похоже и какие ощущения порождало. Болело так, что у тебя переворачивало все кишки. Но его действия давали результат. Благодаря Ричарду я в конце концов пришел в порядок, а позже Майкл Оуэн смог выйти на игру с бразильцами только потому, что Ричард славно потрудился над его травмой паховых мышц, случившейся за день до этого.

Наш второй товарищеский матч проходил в следующее воскресенье в Японии, на этот раз против сборной Камеруна. Хотя я еще не мог играть, бригада врачей сочла, что для моего психологического состояния будет полезно побыть с остальными ребятами, и поэтому именно я вывел команду на разминку. Игра оказалась вполне приличной и смотрелась, вопреки тому, что футболисты по очевидным причинам откровенно берегли себя при отборе мяча и в других столкновениях, а заключительный счет был 2:2. В тот день я мысленно вернулся к началу своей реабилитации после перелома. Вскоре после моей травмы, сборная Англии проводила на «Энфилде» товарищеский матч против Парагвая. Команда собралась в какой-то гостинице в Чешире, и Свен пригласил меня тоже. Он хотел, чтобы я принял участие в подготовке, поскольку ни на минуту не терял веры в то, что я выступлю в Японии. Я пришел на общий ужин, и мне было приятно видеть всех остальных ребят, но на той стадии основное время я проводил все еще на костылях. И когда команда на следующее утро ушла тренироваться, я остался сидеть в отеле и смотрел дневные телепередачи. В течение тех нескольких часов я самым настоящим образом погрузился в психологическую яму. Если я не мог даже пойти вместе со всеми и хотя бы понаблюдать за тренировкой, не говоря уже о том, чтобы участвовать в ней, то каковы мои шансы? Теперь я находился здесь, на месте и незадолго до первой официальной встречи. Но уверенности все еще не было. Пребывал ли я на расстоянии в несколько дней от

момента, когда весь тяжкий труд по реабилитации окупится? Или же на том же расстоянии от такого разочарования, которого я даже не мог себе вообразить?

До стартовой игры против Швеции в Саитаме оставалась еще целая неделя. Свен не подталкивал меня и не подгонял. Он хотел дать мне максимум времени, но не мог позволить, чтобы это мешало подготовке остальной команды. В случае долговременной травмы доктора всегда ставят перед тобой цели на каждую неделю. Отчасти они поступают так, чтобы иметь возможность контролировать, как ты продвигаешься на очередную стадию — будь то бег по твердому покрытию, энергичные вращения и повороты или удары по мячу в полную силу. Но задача врачей еще и в том, чтобы ни в коем случае не допустить угнетенного состояния игрока, которое может возникнуть, когда он сфокусирован слишком далеко вперед. В психологическом плане секрет состоит в том, чтобы концентрироваться на своем сиюминутном, каждодневном деле. Теперь, однако, я достиг роковой черты, откуда нет ни возврата, ни возможности ускорить процесс. Так сумею ли я к концу недели принять участие в настоящем напряженном матче? Свен знал — и я знал, — что пришло время принять решение. Если я не смогу участвовать в полноценных тренировках хотя бы в течение нескольких дней перед данной игрой, тогда, очевидно, вопрос о моем выходе на поле просто отпадает. Я знаю, что врачи были уверены в моей ноге, но не настолько уверены в моей полной готовности — я ведь долгое время отсутствовал на тренировках. Решение оставалось за старшим тренером. Настала среда — последний день, когда он еще мог позволить мне не работать вместе с остальными ребятами. Я не сомневался, что у Свена будет желание предоставить мне возможность сыграть, пока у меня есть шансы. Он знал, что не для того я приехал так далеко или работал настолько упорно, чтобы в самом конце вдруг улизнуть от ответственности и дезертировать. А я? Даже если я и не чувствовал себя готовым на все сто процентов, то в любом случае был уверен, что смогу работать в полную силу. После завтрака Свен спросил меня:

— Итак, ты готов?

Он знал ответ, и я не уловил в его голосе ни тени сомнения или напряженности. Он просто хотел услышать его от меня и знать, что я на самом деле уверен. У меня промелькнуло в голове, что если бы я сломал себе ногу на матче премьер-лиги в следующий уик-энд, не против «Депортиво» в середине недели, то этой краткой беседы между мной и старшим тренером сборной Англии вообще не произошло бы. Так близко лежали «да» и «нет».

Я набрал воздуха и попытался ответить так же кратко и бесстрастно, как Свен:

— Готов.

— Хорошо. Пошли.

Первое занятие с остальными ребятами оказалось для меня трудным. Я работал изо всех сил, бегая, гоняя мяч и выполняя удары. Это был первый раз, когда в двухсторонней игре мне предстояло рисковать физическим контактом с коллегами по команде. Мне требовалось самому посмотреть, что из этого войдет, и долго ждать не пришлось: как только мы начали игру, я тут же подвергся первой жесткой атаке со стороны Мартина Киоуна — кого же еще? Фактически он не тронул травмированного места и врезал мне по задней поверхности ноги. Но и этого хватило, и я не смог сдержать инстинктивной реакции. И, ожидая самого худшего, кубарем слетел с катушек, злой на Мартина, злой на Альдо Душера, злой на весь белый свет. Однако я мгновенно понял, что впервые за несколько месяцев у меня в организме появилась такая точка, где болело сильнее, чем в поврежденной ноге. Никогда еще причиненная кем-то боль не доставляла мне такого удовольствия. Как я уже говорил, от этого мужика следовало ждать чего-то в таком роде. Мартин всегда будет тем, кто проверит тебя на прочность: он сыграет в кость, набросится на тебя в безобидной ситуации, чтобы доказать свое превосходство или просто узнать, насколько крепки твои нервы. Он знал (и я знал), что когда наступит воскресенье, мне следует быть готовым к тому, что кто-либо другой выкинет со мной тот же номер, который только что проделал он. Разница будет лишь в том, что если так поступит шведский игрок, я могу больше не встать. Здесь же я собрал свои кости с травы, поднялся и продолжал играть. Если я смог пережить атаку Мартина, то, вероятно, сумею пережить и любую другую. Нога, правда, еще до окончания тренировки по-настоящему разболелась, но я был доволен, успешно пройдя через это испытание. Работа вместе с остальными ребятами подняла у меня настрой до конца недели.

В такую великолепную команду было приятно входить, особенно после того, как мы приехали в Японию и игроки начали с нетерпением готовиться к началу турнира. Атмосфера в группе, которая собралась в Японии, была особенной. Впрочем, а что происходило за стенами нашего тренировочного лагеря? Не думаю, чтобы даже самому многоопытному путешественнику из нас приходилось когда-либо видеть хоть что-нибудь подобное. Началось все уже в тот момент, когда мы вышли из самолета в Токио; достаточно было лишь пройти через аэровокзал, чтобы нахвататься невероятных впечатлений. Крутом стояли тысячи

японцев, ожидавших встречи с нами, — взрослые, дети и подростки, которые выбрали Англию в качестве своей команды на этом турнире. На них были наши футболки. Атмосфера сильно напоминала поп-концерт — фанаты размахивали руками, кричали и скандировали, проталкивались вперед, а полиция изо всех сил старалась сдержать их. Поднимаясь в автобус, я краем глаза увидел одну старую леди, которой было изрядно за семьдесят, но она буйствовала не хуже молодых, а ее белоснежные волосы наискосок пересекала яркая алая полоса. Родители держали детей над своими головами. Эта ребятня была слишком мала, чтобы иметь хотя бы малейшее понятие о том, кто я такой, но многие из них скопировали мою стрижку — белокурую прядь на фоне прически индейца из племени могикан. И на их футболках красовался номер 7. Все это выглядело несколько хаотично, но в пределах приличия, что является, пожалуй, вообще характерным для японцев. Они были взволнованы, видя нас, и очень позитивно настроены по отношению к нашей команде и к англичанам вообще. Думаю, что такая их психологическая установка во многом способствовала тому, что в ходе чемпионата мира не было никаких проблем со зрителями, хотя многие знатоки предмета задолго до турнира, беспокоились насчет возможных неприятностей и даже беспорядков. Вместо этого оказалось, что здешние жители питают подлинную страсть к футболу, и им нравится болеть за англичан и быть с ними вместе — ведь мы тоже островитяне и тоже относимся к футболу очень похоже, с настоящей страстью. Но не только игроков приветствовали здесь как долгожданных гостей. Прекрасно относились японцы и к прибывшим сюда английским болельщикам, а те не оставались в долгу и взамен платили местной публике самой искренней симпатией. Кругом царил тот самый дух, в котором и должны проходить мировые чемпионаты.

Конечно же, для футболиста главное в чемпионате мира — это сама игра. Те минуты, когда я выводил сборную Англии на стадион в Саитаме для участия в нашей первой встрече на турнире 2002 года против Швеции, навсегда останутся одним из тех моментов моей карьеры, которые вызывают особое чувство гордости. Торжественная обстановка, сама ситуация и оказанная мне честь возглавить наши ряды в качестве капитана команды своей страны на чемпионате мира дорогого стоят, и мое сердце взволнованно билось в груди. Сбылась мечта школьника, а это ведь такая мечта, которую ты даже не осмеливаешься иметь, не то что высказать. Но вот здесь она сбылась случилась наяву. Атмосфера царила потрясающая. Один угол стадиона заполнили несколько тысяч болельщиков Швеции, а остальные трибуны

были сплошь красными и белыми — здесь собрались наши отечественные болельщики плюс японцы, которые решили сделать своей команду Англии. Перелом плюсны? Ну и что? Я бы никогда не позволил себе пропустить такое событие.

К сожалению, сама встреча была далеко не столь впечатляющей, как то, что ее окружало. Временами мы показывали хороший футбол, особенно вначале, но в целом игра складывалась таким образом, словно она сама никак не может решить, в какую сторону ей склониться. Голевых возможностей было совсем не много. Куда подевались захватывающие единоборства и упорные противостояния? Честно признаться, вряд ли зрители их видели, но спустя 25 минут мы забили первый гол. Я подал угловой слева, а Сол Кэмпбелл четко вышел на мяч и нанес прекрасный удар головой. Сол помчался к противоположному угловому флажку праздновать успех. А я сходил с ума сам по себе, да так, словно это я только что забил. Я вертелся волчком и протягивал руки в направлении шведских болельщиков, которые осыпали меня бранью. А вдобавок еще и смеялись. Возможно, скандинавы предчувствовали, что их время еще впереди.

Забить — это большое дело. Но организовать кому-то гол, хорошо подать ему мяч — тоже замечательное чувство, и в тот вечер я был страшно доволен, что Сол воспользовался моим корнером. Мы уже пятнадцать лет вращаемся вместе, начиная с тренировок в «Тоттенхэме» еще в школьные годы, и он не так уж много забивает. В матче против Аргентины на чемпионате «Франция-98» он в добавленное судьей время, когда мы играли вдесятером, забил гол, который судья не засчитал, а в противном случае этот мяч стал бы, вероятно, для нас победным. Теперь Сол открыл счет нашим голам на мировом чемпионате 2002 года. Проблема состояла в том, что это не побудило нас к дальнейшим усилиям по развитию успеха. Мы вели в счете, но проявляли излишнюю осторожность, были напряжены и старались всего лишь сохранить свое минимальное преимущество. А затем, во втором тайме, словно бы совсем утратили форму. Мяч перестал держаться у нас, едва ли ни все пасы шли не туда, куда надо, и Швеция стала просто давить нас. В отличие от нашего гола в первом тайме, здесь было видно, что их гол назревал и вот-вот должен влететь в наши ворота. Мы, как команда, просто утратили собранность в самый неподходящий момент и, можно сказать, подарили шведам гол, который позволил им сравнять счет. Когда Дэнни Миллс неудачно отбил мяч и Никлас Александерссон буквально вколотил его в сетку, наблюдателям было потом легко обвинять защитника «Лидса» в этом голе. Я же не считал, что

случившееся явилось исключительно результатом его промаха. Этому предшествовали две или три другие ошибки. Я счел необходимым поддержать его:

— Действуй, Дэнни. Продолжай спокойно. Несколько минут спустя Свен снял меня. Сегодня была моя первая встреча с момента того злосчастного матча против «Депортиво» на «Олд Траффорде», и, честно говоря, я это чувствовал. Нога болела, но проблема в большей мере заключалась в другом — недостаточной физической готовности к матчу такого накала. В начале второй половины я подумал: что случилось с моими отяжелевшими ногами? Уверен, Свен хорошо видел, что я немного запыхался, и помнил про другие матчи, которые нам предстояли, а потому выпустил на поле Керона Дайера. Даже при таком самочувствии я вовсе не обрадовался тому, что меня заменили. Это был первый случай, когда я почувствовал раздражение решением м-ра Эрикссона. Наблюдая за игрой со скамейки, я испытывал все большее огорчение, поскольку игра эта неумолимо катилась к ничьей.

Окончательный счет 1:1 не был катастрофой для первого матча столь крупного турнира, но что нас действительно разочаровало, так это качество наших действий. Думаю, именно по этой причине мы после финального свистка не подошли к трибунам стадиона, не поблагодарили болельщиков сборной Англии. На следующий день газеты подвергли нас за это уничтожающей критике и обвинили в пренебрежительном отношении к своим приверженцам, но на самом деле то было не так. Нам оказали феноменальную поддержку, и, на мой взгляд, игроки поспешно скрылись в раздевалке, поскольку мы чувствовали, что не показали той игры, которая бы соответствовала зрительскому вниманию. Впоследствии мы, разумеется, поняли, что — независимо от причины — совершили ошибку, не поаплодировав своим болельщикам. Возможно, именно я как капитан должен был показать в этом пример остальным ребятам, хоть и сидел в тот момент на скамейке. Все наши игроки на следующий день говорили между собой об этом, и мы обещали себе и болельщикам, что в будущем не позволим себе забыть о их присутствии и поддержке.

Вернувшись в раздевалку, мы чувствовали и вели себя так, словно проиграли. Я не мог вспомнить сборную Англии в столь разобранном состоянии. Даже массажисты английской команды, Терри Бирн, Стив Слэттери и Род Торнли, не могли поднять настроение игроков. Я чуть ли не в первый раз увидел, как Свен действительно пробует раскачать футболистов и как-то вывести их из подобного расположения духа:

— Перед нами две очень важные встречи. Не смейте даже думать о том, чтобы после сегодняшнего позволить себе впасть в депрессию. Никакой проблемы нет. Мы сыграли вничью 1:1. Но ведь мы же не проиграли, а? Давайте-ка действовать. Что с вами случитесь, мужики?

Я и сам был далеко не в лучшем состоянии — отчасти потому, что все еще сердился на старшего тренера, снявшего меня с игры. Такого я вообще не ожидал. Тем не менее, слушая Свена в раздевалке, я понял, что как капитан обязан сделать все возможное, чтобы обрести позитивный настрой и внушить его команде.

Но этот вечер продолжался в таком же духе — достаточно скверном и печальном. Ведь все мы горели желанием здорово выступить на мировом чемпионате, и потому футболистов действительно огорчило, что в нашей первой встрече они позволили победе так бездарно ускользнуть.

На следующий день у нас не было иного выбора кроме как забыть об игре со Швецией. Мы располагали четырьмя днями, чтобы получше подготовиться к тому матчу, который обещал стать самым напряженным и важным в группе. Эту встречу нам действительно требовалось кровь из носу, но выиграть. Одно из лучших качеств Свена-Горана Эрикссона как старшего тренера — это его способность верно судить о том, в чем игроки нуждаются в каждый конкретный отрезок времени. Он говорит нужные слова, позволяющие надлежащим образом настроить каждого игрока на предстоящую встречу. Не менее важно и другое: он всегда, как мне кажется, досконально знает и о том в чем мы нуждаемся чисто физически. В конкретной ситуации, возникающей на чемпионате мира, он между матчами заставляет нас упорно трудиться, если команда извлечет из этого выгоду, но дает на тренировочных занятиях большие послабления, когда наши тела не в состоянии работать на полную мощность. Он не собирался «наказывать» нас жестким графиком тренировок за то, что мы не очень хорошо сыграли против Швеции. Он и Стив Маккларен всего лишь медленно и постепенно готовили нас к назначенному на пятничный вечер матчу против Аргентины в Саппоро.

На той неделе нам даже предоставили небольшой отдых от той строгой диеты, которая в наше время является неотъемлемой частью пребывания на сборах в тренировочном лагере. Должен признать, что это была самая лучшая идея за все лето. Мы были вдали от Англии — и вдали от быстрого питания — уже три недели и я начал скучать по доброму гамбургеру с жареной картошечкой. Мне сдается, что я был в этом не одинок, и кое-кто из наших парней испытывали сходные чувства. Я поговорил на

этот счет со Свеном, который считал, что маленькая обжираловка не причинит вреда, а затем перебросился парой слов с поварами сборной Англии. В среду вечером мы всей толпой двинулись на ужин. Над дверью столовой кто-то соорудил две громадные золотые арки. Мы вошли внутрь, и там нас ждала гора всякого добра из здешнего «Макдональдса». Больше гамбургеров, чизбургеров и чипсов мы вряд ли когда-либо видели в своей жизни в одном помещении. Для всех игроков подобная картина оказалась полной неожиданностью. Нам оставалось только с жадностью поглощать всю эту снедь, причем зрелище напоминало ораву маленьких детей, которые сходят с ума в кондитерской, куда их запустили подкормиться. А главное, это сработало. И мы проделали ту же операцию снова перед игрой с Данией. Возможно, именно быстрое питание было тем, чего недоставало в нашей подготовке к противостоянию с Бразилией.

В сборной Англии всегда уделялось много внимания и времени изучению команд-соперниц. Дэйву Секстону, старшему тренеру «Юнайтед» в семидесятых годах, поручалось подробно рассказывать нам об очередных противниках. Он обсуждал буквально каждого футболиста в их команде, насчитывавшей двадцать с лишним человек. Затем показывал нам видеокадры, представлявшие собой своеобразный эквивалент той визитной карточки отдельных футболистов, которую показывают некоторые спортивные телеканалы во время трансляции футбольных матчей. Эта визитка посвящалась данному конкретному игроку и показывала — замедленно и с повторами — его действия в нападении, а затем его же действия в защите. Далее Дэйв подробно объяснял, что, на его взгляд, мы должны делать, чтобы противостоять данному игроку. Это во многом напоминало планирование военной операции. Во время моего последнего сезона на «Олд Траффорде» Карлос Куэйрош привнес много таких же или сходных идей в нашу подготовку в составе «Манчестер Юнайтед». Такая работа с игроками проводится в футболе все чаще. Все, как мне кажется, внедряют теперь новейшую технологию. Инстинктивно я отчасти остаюсь приверженцем старой школы. Мне хочется просто выходить на поле и играть. Но я понимаю важность досконального знания сильных и слабых сторон наших противников. Малейшее преимущество — вот зачастую то единственное, что позволяет выиграть напряженный футбольный матч на высшем уровне.

Само собой разумеется, что мы не могли дождаться встречи с Аргентиной — тут и говорить не о чем. Именно перспектива следующего матча послужила тем катализатором, который вырвал нас из депрессии после встречи со Швецией. У меня

вызывало настоящее восхищение, как наши парни готовили себя к игре против одного из фаворитов мирового чемпионата. Вера в себя — это в футболе чрезвычайно важный элемент. Аргентина являлась одной из лучших команд на турнире, и вместе с тем каждый игрок сборной Англии был убежден, что мы непременно обыграем их. Такова была сила духа в каждом из нас, и она пронизывала всю команду в целом. Оказалось, что ничья в матче со Швецией сделала для нас ситуацию предельно простой — мы выходили в пятницу вечером на поле, зная, что должны только выиграть.

Англия против Аргентины — одно из великих противостояний мирового футбола. Между ними состоялась потрясающая встреча четыре года назад, на чемпионате «Франция-98». И теперь из-за событий, случившихся в Сент-Этьенне, подготовка к матчу в Саппоро шла еще более интенсивно. Вся предварительная шумиха сводилась к тому, что сборная Англии — и, в частности, ее капитан — получают шанс расквитаться. Газеты кричали о «мести», «судьбе» и «Бекхэме» уже с тех пор, как прошла жеребьевка. Половина игроков, которым предстояло сейчас выйти на поле в обеих командах, участвовала в сражении, состоявшемся четырьмя годами ранее. У аргентинцев в их число входил Себа Верон, который тем временем стал моим товарищем по команде в «Юнайтед». Всякий раз, когда я смотрю видеокадры или фотографии моего злосчастного удаления во «Франции-98», мне бросается в глаза, как Себа настоятельно убеждает судью показать мне красную карточку. Мы никогда не беседовали всерьез об этом инциденте. В конце концов, то удаление не имело никакого отношения к нашим совместным выступлениям в составе «Юнайтед». Но что мы себе действительно позволяли, так это шутить насчет конкуренции между нашими странами. Например, во время общекомандных пикников, проводившихся на свежем воздухе, железным номером был хор, включавший меня и других игроков сборной Англии, которые дружно пели «Ар-ген-тина», и Верон, сольно поющий в ответ «Ин-гер-ланд». Я виделся с Себой перед игрой в Саппоро, и мы продолжали держаться друг с другом непринужденно и дружелюбно. Он сначала попробовал достать меня:

— Ты, должно быть, очень устал, Дэвид. Держу пари, что твоя нога дает себя знать.

— Нет, я же классно отдохнул в конце сезона, не так ли? Никогда в жизни я не чувствовал себя настолько хорошо.

Мне приходилось немного бороться с нервами, и было вполне естественно, что в моей голове то и дело всплывали воспоминания четырехлетней давности. Я ничего не мог с этим

поделать. Каждый вопрос, который мне задавали, каждая беседа, которую я проводил с прессой и с английскими болельщиками, затрагивали, как мне казалось, тему Симеоне, красной карточки, а теперь еще и шансов восстановить справедливость. Кроме того, я все еще продолжал волноваться по поводу плюсны. Она пребывала в прекрасном состоянии, но мне не нравилось смотреть на поле в Саппоро и представлять себе, как будет проходить игра во влажной атмосфере стадиона под крышей. Беспокоило меня и то, какие бутсы обуть. Длинные шипы глубже погружались бы в дерн, но за девяносто минут это могло вредно сказаться на моей ноге даже притом, что я получу лучшее сцепление, да и мышцам будет легче сокращаться. В конце концов, я остановился на сравнительной новинке — отформованной подошве.

Прежде чем мы отправились на стадион, я говорил по телефону с Викторией. Она осталась дома — ведь на подходе был уже Ромео, наш второй сын. Но если существовал человек, который, даже находясь на другом конце земного шара, знал, каким образом помочь мне почувствовать себя в данной ситуации спокойнее, это была Виктория. Я рассказал ей о своем самочувствии, а она, понятное дело, пожелала мне удачи:

— Просто получай от этого удовольствие. Действуй, как ты умеешь. Здесь, в Англии, все сходят с ума. Мы не можем дождаться.

Я старался думать только в позитивном плане. Мы даже поговорили с ней о том, как бы это выглядело, если я смог бы забить победный гол. Уж пусть лучше в моей голове угнездится скорее эта мысль, чем противоположная: «Если сегодня вечером, Виктория, что-либо пойдет не так, как надо, то я просто не знаю, смогу ли я снова пройти через все то, что случались в прошлый раз».

А потом, уже в тот момент, когда мы собирались попрощаться, она сказала мне усмехаясь:

— Только ты не делай теперь никаких глупостей, ладно?

Я рассмеялся, и напряженность сразу прошла.

— Не знаю. Посмотрим, как оно пойдет. Возможно, мне придется просто самому выйти вон, предварительно пнув одного из них во имя доброго старого прошлого.

Я никогда не забуду ту страсть и чувство целеустремленности, которые захлестывали нашу раздевалку, перед тем как мы вышли на поле. Ритм альбома Ашера «8701» рокотал в головах у всех. Я взглянул на Майкла Оуэна — от него исходила аура чистой, ничем не разбавленной концентрации на предстоящем деле. Потом посмотрел на Рио Фердинанда, Сола

Кэмпбелла — на их лицах было спокойное, решительное выражение, а в глазах горел тот же огонь. Вот оно. Как это мы можем не выиграть сегодня вечером? Давай, Англия!

Ничего подобного я никогда прежде от нас не слышал. Шум отзывался эхом в туннеле, пока мы выстраивались в шеренгу перед матчем с Аргентиной. И в нем эвучали английские голоса — голоса футболистов. Это были не слова, а какие-то выкрики, порыкивания, подбадривающие друг друга — как будто нам предстояла самая настоящая битва. И с самого начала на поле действительно развернулась битва. Подкат Батистуты, выполненный сзади против Эшли Коула буквально на первой минуте игры, был просто ужасен. Если бы это произошло попозже, его бы наверняка удалили с поля. Не понимаю, как по-настоящему большой спортсмен мог себе позволить такой недостойный поступок. Перед началом игры мы говорили между собой о том, чтобы ничем не выказать Аргентине своего неуважения. Нам хотелось при этом рассчитывать, что и они, со своей стороны, не проявят по отношению к нам ничего подобного. Однако эта выходка футболиста под номером 9 рассеяла все чары и очень многое сказала нам о точке зрения аргентинцев на данный матч. Да и не только нам — его откровенная грубость потрясла всех, кто присутствовал на стадионе, как игроков, так и болельщиков. Причем тут Швеция? И причем то, что произошло четыре года назад? Равно как причем тут нога Бекхэма?! Нам бросили откровенный вызов с целью проверить, действительно ли у нас достанет сил его принять и противостоять ему. Атмосфера на стадионе «Купол» наэлектризовалась. Уверен, каждый болельщик сборной Англии мог ее ощутить, а каждый из наших игроков в этот момент, казалось, поднял голову и расправил плечи. Противостоять? Мы еще посмотрим, кто кому будет противостоять! Мне потребовалось больше времени, чтобы окончательно войти в игру, нежели моим товарищам по команде. К тому времени, когда моя нога разогрелась в достаточной степени, чтобы перестать надоедать мне уколами боли, мы действовали уже по-настоящему хорошо, ничем не напоминая ту команду, которая меньше недели назад боролась сама с собой. В равной игре мы все-таки обладали инициативой, а особенно выделялся Ники Батт, который носился по всему полю постоянно ввязываясь в стычки и подгоняя нас вперед. Невзирая на счет 0:0, у нас уже возникло такое чувство, что сегодняшний вечер — наш. Оуэн Харгривз вскоре после начала матча получил травму и на его место вышел Тревор Синклер. В иной встрече это могло бы нарушить уже сложившийся ритм игры. Другому игроку могло бы понадобиться время, чтобы уловить темп матча на уровне

чемпионата мира и подстроиться к нему, но только не Тревору. Вместо всего этого он сразу же, буквально в одно мгновение врубился в игру, и начал наседать на аргентинцев, терроризируя их опытных защитников вроде Плаценте и Пабло Сорина. Тревор был давно готов к такому выступлению. Это был его вечер, когда оказалось, что все те мили, проведенные им в «Боинге-747», когда он то входил в команду, то выбывал из нее и, наконец, снова попал и теперь оказался на поле, действительно стоило налетать.

Аргентина имела парочку неплохих возможностей для взятия ворот; у нас они были куда лучше. Майкл обманул всех в штрафной площадке и выстрелил мимо аргентинского вратаря Кавальеро. Я уже высоко подпрыгнул, будучи уверенным, что это гол, но мяч попал дальнюю штангу и отскочил в поле. Затем уже я сам оказался с мячом примерно в шести или семи ярдах от аргентинской штрафной площадки. Бить, пасовать или проходить вперед? Я хотел, чтобы мяч продолжал перемещаться, запутывая их оборону, и пробил на выход Майклу, который уже забегал за спину одного из аргентинских защитников, но внезапно для самого себя оказался на земле. Кто-то подбежал сзади и скосил меня, врезав по пяткам. Я даже понятия не имел, какой из аргентинских футболистов это сделал, но в любом случае был уверен, что сейчас назначат штрафной. Хорошее расстояние, да и расположение относительно ворот тоже для меня удобное. Я выкрикнул что-то, обращаясь к Пьерлуиджи Коллине, судье матча. Тот действительно определил данное нарушение против меня, но успел заметить и кое-что такое, чего я еще не подсек и что было гораздо важнее. На расстоянии в двадцать ярдов от меня мяч пролетел вперед и попал к Майклу Оуэну, а тот внезапно пробросил его мимо Почеттино, стоявшего сразу за линией штрафной площадке, и стал обегать того. Защитник выставил ногу, и Майкл, споткнувшись об нее, рухнул на газон позади соперника.

— Пенальти!

Уверен, что это слово выкрикнул я. И знаю, что точно так же поступил каждый болельщик сборной Англии. Едва увидев падение и акробатический кульбит Майкла, я знал, что Коллина тоже заметит случившееся и у него хватит храбрости дать одиннадцатиметровый. У этого арбитра достало выдержки, чтобы не остановить игру, когда я кричал ему по поводу фола против меня. А еще в голове на какую-то долю секунды возникло ощущение самого настоящего deja vu: выходит, я знал, что мне предстоит сегодня забить, разве не так? Я ведь говорил Виктории по поводу победного гола и возможности наконец-то разобраться с Симеоне и Сент-Этьенном. А может, вся эта сцена приснилась

мне прошлой ночью? Или я мысленно увидел то что случилось с Майклом, непосредственно перед тем, как оно реально произошло? И так же быстро, как эти мысли появились у меня в голове, они тут же исчезли. Мне надо брать в руки мяч. Я должен стать тем человеком, который забьет. Где-то в нижней части живота возникло чувство, немного похожее на голод, — это был благоговейный страх, даже ужас. И хотя в моих ушах или мозгу не звучал никакой голос, но в то мгновение я хорошо понимал: «Все прочее, что я сделал в своей жизни, все, когда-либо случавшееся со мной, — все было ради этого».

Я знал, что Майкл будет готов сам пробить пенальти:

— Ты хочешь, чтобы это сделал я?

— Нет. Я сам.

И вот я стоял там, с мячом в руке, устанавливая его на точку. «Что я сказал? Что я наделал?»

Я был доволен, что сегодня судил Коллина. Он не из тех, кто позволит кому-то валять дурака или нарушать правила здесь, в Саппоро. Южноамериканские игроки великолепно умеют давить на противников, всячески запугивать их и выводить из себя. У меня имелись серьезные основания знать об этом лучше, чем большинству других, так что меня случившееся вовсе не удивило. А тем временем передо мной, а точнее, между мной и воротами из всех людей остались стоять только трое: судья, вратарь и Диего Симеоне. Я сделал два или три шага назад. Симеоне прошел возле самого мяча, направляясь прямо ко мне. Он остановился и протянул мне руку, будто ожидал, что я пожму ее. «Мне это надо? Ни в коем случае».

Я смотрел мимо него — сквозь него — на ворота, стараясь не замечать соперника. Затем, когда я повернулся, Батти и Скоулзи подошли сзади и оттащили Симеоне за штрафную. «Мои друзья. Это мне нравится».

Перед тем как разбежаться, я посмотрел вниз, на мяч. Все кругом затихло. А во мне все, наоборот, пульсировало, каждый нерв напрягся до предела. «Что здесъ происходит? Я не могу дышать…»

Помню, как я заставил себя дважды глубоко вздохнуть, чтобы попробовать успокоиться и взять себя в руки. Два последних пенальти, выполнявшиеся мною в составе «Юнайтед», я пробивал прямо по центру ворот, и вратари, ныряя в один из углов, оказывались полностью не у дел. «Тоже самое и теперь, Дэвид». Я слишком нервничал. И нервничал отнюдь не за себя самого, а за команду, в которой был капитаном. Никогда прежде я не чувствовал такой ответственности и такого напряжения. Я побежал на мяч, и послал его в направлении ворот, сколько было

силы.

Есть.

Рев.

ЕСТЬ!

Не самый лучший одиннадцатиметровый удар из тех, которые вы видели. Но для меня и для всех нас он был в тот вечер абсолютно идеальным. Я разбежался, пробил по мячу и, зная чисто инстинктивно, что это гол, продолжил бежать к угловому флажку. Нервы, напряжение ситуации и четыре года воспоминаний — все это вмиг ушло. В первые несколько секунд, после того как мяч обосновался в сетке аргентинских ворот, и с трудом мог что-либо видеть из-за настоящего пожара фотовспышек, вспыхнувшего вокруг по всему стадиону. И по мере того как каждый такой маленький взрыв угасал на фоне неясно расплывшегося многоцветия трибун, он уносил с собою далеко в вечернее небо все, что со мной произошло, все, что было сказано или написано обо мне, начиная с той красной карточки в Сент-Этьенне. Лица моих родителей в «Хитроу», когда я вернулся в Англию, памятная фотография с моим перечеркнутым изображением, которая висела у входа в паб, злобный рык зрителей на «Эптон-Парке» и все прочее из этого страшного прошлого — все ушло, кончилось навсегда. Фильм, который так долго крутился в моей голове, остановился и замер. Насовсем. Даже пленка напрочь сгорела. Впервые за четыре года у меня в мозгах не вертелся этот сюжет.

Протянув руки вперед, я по-спринтерски мчался через газон по направлению к нашим болельщикам, а сборная команда Англии, все ее игроки в красных футболках изо всех сил старались перехватить меня, прежде чем я исчезну в толпе зрителей. Впрочем, я не желал никакой заварушки. Надо пережить это и играть дальше. Беда, случившаяся со мной в 1998 году, во многом помогла мне сделаться тем человеком, которым я стал, — капитаном сборной моей страны на следующем чемпионате мира 2002 года. Но теперь благодаря одному удару ноги все былое свалилось с моих плеч — навсегда. Поверьте, в тот момент я был уверен, что если бы я как следует подпрыгнул, то смог бы полететь. Но внезапно в воздух взмыл совсем не я, а чуть ли не полкоманды, и тут же ребята приземлились у меня на спине. Первым оказался Сол, за ним Тревор Синклер. Не обошлось и без Рио, который держал меня так крепко, что я потом с трудом смог отдышаться. Это был не только мой праздник. Это был праздник для нас всех. А затем, так же внезапно, как вспышка радости, пришло понимание того, что мы вовсе не находимся сейчас в ситуации «золотого гола». Аргентина готовилась

начинать с центра. Минуту спустя должен был раздаться свисток, но только на перерыв, а не на окончание встречи. В раздевалке не было никаких криков. Атмосфера была спокойной, но заряженной, наэлектрилизованной — как будто помещение было недостаточно большим, чтобы вместить всю энергию, переполнявшую игроков. «Как было бы прекрасно, если бы мой гол стал победным!» Мы вышли на поле и продолжали во втором тайме оставаться такими же собранными, какими были до самого конца первого. На сей раз — никаких попыток играть на удержание счета, как это произошло в матче против Швеции, никакого отказа от борьбы за владение мячом и инициативой — во всяком случае, не в начале тайма. Мы пошли вперед, стремясь забить еще один гол. Английская четверка, действовавшая сзади, была непробиваема, словно кирпичная стенка. Наша следующая линия перехватывала пасы аргентинцев и затем мимо них посылала мячи вперед. Тэдди Шерингэм вышел вместо Эмиля Хески и почти забил. Если бы их вратарь Кавальеро не выбил кулаком удар Тэдди с лета, произведенный с линии штрафной площадки, после того как мы перевели мяч с одного фланга поля на другой, это был бы один из самых красивых голов, забитых когда-либо сборной Англии.

Лучшим игроком на поле был Ники Батт. Он демонстрировал фантастическое мастерство на этой огромной сцене. На тот момент у него не было гарантированного места даже в стартовом составе средней линии «Юнайтед», не говоря уже о сборной Англии, но сегодня ему представился шанс благодаря тому, что Стивен Джерард пропустил весь турнир из-за травмы. Ники — спокойный, тихий парень, с очень сдержанным, но от этого не менее глубоким чувством юмора. Он никогда не принадлежал к тем, кто готов сказать: посмотрите на меня, взгляните, что я могу сделать! Но здесь и сейчас, в матче против команды которую многие считали лучшей в мире, Ники управлял игрой, держа в руках (или, скорее, в ногах) все ее нити. Многие специалисты и просто поклонники футбола впервые увидели в Японии то, что мы в «Юнайтед» знали давным-давно.

В последние двадцать минут Аргентина прочно завладела мячом и начала играть всерьез. И дело было вовсе не в том, что они вдруг стали выглядеть особенно хорошо или заиграли здорово — аргентинцы просто вцепились в мяч и владели им в большей мере усилием воли, нежели мастерством или чем-то еще. Мы казалось, не могли остановить наступательного порыва соперников, который устремлял их вперед. «Пожалуйста, не забивайте». Я начинал чувствовать настоящую усталость — ведь это была только вторая моя игра с тех пор как я сломал ногу.

Помню, как Свен приблизительно за десять минут до конца крикнул мне через все поле:

— Дэвид, ты в порядке?

Я ничего не ответил. Выражение моего лица говорило обо всем. «Даже не думайте снять меня. Я должен быть здесь, когда мы победим».

Себу Верона заменил в перерыве Пабло Аймар. Он выглядел единственным игроком, который мог что-то переменить в их пользу. Чем дольше продолжался этот тайм, тем дальше вперед он проникал а это означало, что наши игроки средней линии были вынуждены оттягиваться гораздо глубже в попытках остановить его. А закончили мы тем, что вся остальная команда буквально наступала пятками на носки ног наших четырех защитников. Аргентина то и дело била по воротам и навешивала мяч за мячом, и у них было несколько хороших возможностей сравнять счет.

Для болельщиков, наблюдавших за матчем дома, по телевизору, эта заключительная четверть часа должна была выглядеть невыносимой. Дэйв Симэн сделал несколько прекрасных сейвов. Сол и Рио продолжали смело бросаться под удары, блокируя попытки аргентинцев пробить в рамку. Это было потрясающее зрелище, но я хотел, чтобы оно поскорее кончилось. Я вместе с остальными парнями тоже изо всех сил старался защитить наши ворота, но в то же время жажда борьбы смешивалась с тайным желанием спрятаться с закрытыми глазами за каким-нибудь диваном, как это, наверное, делали в те минуты дома некоторые английские болельщики.

Когда прозвучал финальный свисток, ко мне подбежали Рио и Тревор. Это был просто великий момент. Для нас и для болельщиков. Я позвонил Виктории из туннеля примерно через полчаса после завершения матча. В тот момент я был не в состоянии выразить свои чувства словами и не мог толком расслышать ничего из тех полуфраз, которые она произносила. Моя жена сидела у своих родителей. У них там был полон дом родственников и друзей, причем сейчас все они кричали и пели где-то рядом. Позже я звякнул Дэйву Гарднеру, и тот сказал мне, что в Англии все сошли с ума. В данный момент он находился в центре Динсгейта, главной торговой улицы в Манчестере, сплошь застроенной магазинами. Дэйв сообщил, что сразу после окончания игры в Саппоро всякое автомобильное движение в этом районе прекратилось и повсюду царило бурное веселье. Дэйв никогда не видел ничего подобного. Поговорил я и с Саймоном, одним из ребят, работавших в моем агентстве SFX. Он был в Лондоне и оказался на площади Трафальгар-сквер. Там

происходило то же самое — народное гулянье. Как и после каждой игры на чемпионате мира 2002 года, я связался с Гэри Невиллом. Он тоже был в весьма приподнятом настроении, и это притом, что сам Газ из-за травмы упустил свой шанс. В тот вечер я в первый и единственный раз услышал, как он сказал:

— Жаль, что меня там нет.

Гэри — командный игрок. Идеальный командный игрок. Он-то уж точно знал, что это означает — выиграть ответственный матч вроде встречи с Аргентиной Он любил участвовать в таких событиях. Я хотел услышать от него о том, какие события происходят у меня дома. А Гэри желал узнать во всех подробностях о том празднике, который продолжался в Японии.

Если бы мне было дано осуществить одно-единственное невозможное желание, как это бывает в сказках, я бы хотел ненадолго вернуться в Англию через минуту после важной победы в кубке мира или на европейском чемпионате, увидеть своими глазами как люди празднуют успех, и присоединиться к ним. Мне хотелось бы получить свою толику всего того возбуждения и восторга, которые вспыхивают по всей Англии когда мы забиваем гол, увидеть скачущих от радости людей, ощутить объятия незнакомцев — в Лондоне, Манчестере, Бирмингеме, Ньюкасле — короче, всюду. Я это обожаю.

Да и здесь, в Саппоро, я ни за что не хотел покидать поле. Пока на стадионе еще оставался хоть один игрок сборной Англии или даже один английский болельщик, мне хотелось быть рядом и праздновать успех вместе с ними. В конце концов я все-таки прошел к туннелю, чтобы дать телевизионное интервью и затем отправился в раздевалку. Я оказался последним, кто туда вернулся. Ко мне подошли Терри Бирн и Стив Слэттери, чтобы обнять и поздравить. Уж они-то знали совершенно точно, что означал для меня сегодняшний вечер. Свен-Горан Эрикссон пожал мне руку. Он понимал, чем являлся для команды сегодняшний успех. А музыка из альбома Ашера снова заполняла все своим могучим ревом. Рио возглавлял цепочку танцоров посреди помещения, пинками отбрасывая с дороги разбросанные повсюду футболки, бутсы и наколенные щитки. Мне бы хотелось, чтобы мы могли встретиться с Бразилией на следующий день. Или даже в тот же самый вечер. Мы чувствовали себя настолько сильными, что казались самим себе непобедимыми. Да еще плюс возбуждение и душевный подъем, которые действовали не хуже заправского допинга. Свято уверен, что мы бы победили и бразильцев, и кого угодно. Атмосфера в раздевалке после победы над Аргентиной порождала такое чувство, что сборная Англии неукротима.

Когда мы вернулись в гостиницу, родители уже ждали меня. Они приходили в Японии на каждую игру. Мама была вся в слезах — именно это мне и требовалось сейчас, чтобы стряхнуть с себя напряжение и неумного очухаться, — да и папе, думается, тоже пришлось сдерживать слезы:

— Я так горжусь тобой, сынок!

Тони Стивенс тоже смог пробиться к нам после этого матча. Он ведь не только агент, работающий в футбольном бизнесе, но и заядлый болельщик этой игры, который, как и все другие фанаты сборной Англии, собравшиеся в этот вечер на стадионе «Купол», получил сегодня огромное удовольствие. Тони подошел и обнял меня:

— Это было просто невероятно, Дэвид! Кто опишет твою жизнь?

Помещение, приготовленное для нас, было очень японским — большая, бледно-серая комната с пустыми стенами, большие прямоугольные столы, застланные белыми скатертями, еда и напитки разложены и расставлены таким образом, чтобы люди сами брали себе то, что им по душе. По правде говоря, мы представляли себе большой прием несколько иначе. Правда, к этому времени дала себя знать усталость, особенно после того, как мы все позволили себе бутылку-другую пива. Некоторые из ребят рано отправились спать, особенно те, кого не ждала семья. Остальные медленно погружались в полусонное состояние, а пока что бродили вместе выпив несколько бокалов вина и провозглашая тосты за прекрасный счет: Англия- 1, Аргентина-0!

Всюду, куда бы мы ни пошли тем летом, нас сопровождали группы японцев. Они делали все мыслимое и немыслимое, чтобы мы чувствовали себя, как дома, — насколько это вообще возможно в стране, которая так отличается от нашей. А у себя в гостинице я получал буквально мешки открыток и писем от японских болельщиков: «Желаем удачи, Бекхэм! Желаем удачи Англия! Мы очень счастливы, что вы находитесь здесь в нашей стране». Мы чувствовали, что должны дать им хоть что-то взамен и изыскать способ сказать всем этим людям теплые слова благодарности.

У меня состоялся разговор с Полом Барбером из английской федерации футбола и я предложил организовать встречу с местными школьниками, что показалось всем хорошей идеей. Назавтра, после легкой тренировки, для нас с Рио такую встречу действительно устроили — и совсем недалеко от того места, где остановилась команда. Мы считали, что с нашей стороны это будет красивый жест — поболтать с детьми, многие из которых неплохо говорили по-английски, и оставить им на память

несколько комплектов формы английской сборной и другие сувениры. И вот мы вместе с Рио зашли в зал, где нас терпеливо ждали сотни опрятных мальчиков и девочек, сидевших ровными рядами. Но едва только они заметили нас, все прямо взорвалось. Это было прекрасно, и мы с Рио, насколько мне кажется, получили от этих нескольких часов непринужденного общения столько же неподдельного удовольствия, как и дети.

Было бы здорово воспользоваться подъемом, возникшим в результате победы над Аргентиной, чтобы на его волне сразу же нокаутировать очередного серьезного противника. Вместо этого нам пришлось почти неделю ждать встречи с Нигерией — последней на групповой стадии. В этой встрече мы не были обязаны побеждать, чтобы пройти дальше. Эти пять дней оказались достаточно длинным периодом для того, чтобы мы потеряли часть вдохновения, обретенного в пятницу вечером. Победив фаворитов турнира, мы внезапно очутились в положении, когда имели возможность позаботиться о других проблемах, которые могли возникнуть на нашем пути, и спокойно думать о предстоящей встрече, рассчитывая не очень-то проливать пот. Правда, как потом оказалось, пот был именно тем, чего в среду днем на стадионе в Осаке оказалось действительно в достатке.

Мы начали матч с Нигерией с намерением победить. Финишировав первой в своей группе, наша команда могла рассчитывать, что, вероятно, ей не доведется противостоять Бразилии раньше финала и что мы не окажемся вынужденными играть с ними в тех условиях, к которым пришлось готовиться в Осаке. О здешней необычайной жаре много говорили еще но время подготовки к турниру. Ожидалось, что игры, начинающиеся в середине дня, будут весьма трудными, особенно против неевропейских команд, которые привыкли выступать при температуре 35 градусов и выше. Тем не менее, ни один из нас не понимал до конца, насколько это будет трудно, пока мы не вышли на поле разминаться в день встречи. Ребята один раз пробежали, не напрягаясь, по газону туда и обратно, после чего все разом посмотрели друг на друга: «И как это мы будем играть в этом пекле?»

Страшная жарища стояла перед нами, как стена. Ни малейшего дуновения ветерка. Пот катился с тебя градом, уже когда ты просто стоял, озираясь по сторонам и поглядывая на трибуны. В такую жару возникает некое чувство, похожее на клаустрофобию. Воздух становится плотным и тяжелым, ты словно завернут в него, как в кокон, и эта обертка не дает тебе дышать. Мы знали, что Нигерия умеет играть в футбол, но у меня

не возникало ни малейших сомнений, что мы их победим. Беспокоился я только о том, что мы не сумеем победить те условия, в которых должна была проходить игра.

Это была такая встреча, в которой у нас ни на минуту не возникало чувство, что мы проиграем. Но чем дольше она продолжалось, тем сильнее было и ощущение, что выиграть ее нам тоже никогда не удастся. Девяносто минут тяжкого труда миновали. Мы закончили этот матч по нулям и проходили дальше, получив в следующем круге в качестве противника Данию. Больше тут не о чем было говорить; игроки сидели в раздевалке, заливая в рот воду, но горло у них было слишком сухим, чтобы ее проглотить. Сам матч остался в моей памяти каким-то мутным, расплывчатым пятном. Вот что я помню четко, так это наше самочувствие в течение многих последующих часов — мы были выжатыми почище любого лимона и иссушенными до предела, причем как физически, так и психически. На следующие несколько дней мы все погрузились в состояние какого-то изнеможения. Но мы ни на минуту не сомневались в себе, хоть и знали, что дома, в Англии, кое-кто задавался вопросом, а не был ли аргентинский успех одноразовым. Наша команда финишировала в группе F второй, позади Швеции. Но действительно ли Англия играла достаточно хорошо, чтобы теперь идти и идти вперед?

Разговоры с Викторией и Бруклином помогали мне поддерживать в себе запал. Я скучал без своей семьи. В моем гостиничном номере установили видеофон, и я мог теперь беседовать с Викторией лицом к лицу — ведь когда у твоей жены семь месяцев беременности, ты хочешь знать о каждом ударе малыша в живот и о каждом ее приступе боли. У нас было много чего сказать друг другу, даже если бы мы не говорили ни словечка о матчах, которые я проводил в Японии. Время, посвященное телефонным разговорам с домом, было паузой, позволявшей отдохнуть от футбола и от напряженности. Я даже смог по видеофону увидеться и потолковать с Бруклином: он сидел перед объективом, болтая со мной или хвастаясь своим новым велосипедом, на котором потом разъезжал по всей спальне.

Меня одолевали плохие предчувствия насчет встречи с Данией. Возможно, их причиной явилось истощение — в том числе психологическое — после невыносимой жары в Осаке, но я думаю, тут было и кое-что другое, более серьезное. Мы знали, что в случае победы нас, вероятно, ждет игра с Бразилией, и все уже как бы заглядывали вперед и оценивали эту перспективу, хотя сначала нам еще предстояла встреча с Данией, которую

требовалось обыграть, чтобы пройти дальше. Датчане представляли собой хорошо организованную и физически крепкую команду. Почти все игроки ее сборной выступали сейчас в Англии или, по крайней мере, успели там поиграть на протяжении своей карьеры. Я опасался, что ситуация может оказаться похожей на наш первый матч в группе против Швеции, когда хорошее знакомство наших противников с английскими футболистами и их манерой игры пошло им на пользу, но нисколько не помогало нам. С другой стороны, я верил в нынешнюю команду Англии, верил, что у нас есть реальный шанс осуществить в 2002 году то, чего не удавалось сделать с 1966-го. Недоставало только уверенности, что в субботу днем мы будем в надлежащем расположении духа, дабы превратить свои потенциальные возможности в конкретный результат.

Непосредственно перед этой встречей я огляделся вокруг и понял, что ошибался. Мы были настолько же готовы биться с Данией, как незадолго до этого — с Аргентиной. Лица игроков и язык их тел говорили только о хорошем: никакого страха, никаких отвлечений, ни какой напряженности. Каждый был сосредоточен на игру и ждал начального удара с центра поля, будучи, пожалуй, более спокойным и непринужденным, чем мне когда-либо доводилось видеть сборную Англии. «Ниигата» была очередным новым для нас стадионом, но ребята выглядели так, словно единственной тренировки, проведенной на его поле накануне вечером, оказалось достаточно, чтобы они почувствовали себя здесь, как дома. Подобный настрой у игроков уже сам по себе прекрасен и меняет жизнь. Ты смотришь на своего напарника по команде и видишь, что он полностью готов к борьбе, а это помогает и тебе лучше нацелиться на предстоящее сражение. Точно таким же образом влияет на тебя контакт с другим коллегой по команде, который стоит рядом с первым. А к тому моменту, когда чей-то взгляд падает на тебя, ты и сам излучаешь максимум уверенности в себе и в успехе общего дела. Это и есть та энергия, которая проносится по раздевалке в последние минуты перед началом удачного матча. И в этот день я знал, что мы полностью готовы.

Когда мы шли через туннель и выходили на поле, я поймал себя на том, что смотрю не на своих товарищей по команде, а на футболистов Дании. По тому, как они шагали, бросая по сторонам нетерпеливые взгляды, можно было ощутить, насколько они нервничают. Возможно, это и не был страх в чистом виде, но нечто очень похожее — полное отсутствие веры в себя. Мы обладали психологическим преимуществом. Жесткие парни вроде Томаса Гравесена и Стига Тофтинга решительно топали ногами и

что-то рычали себе под нос, как будто изо всех сил старались показать, что они не лыком шиты. Но их поведение всего лишь подчеркивало то, что многие другие датские игроки будто уже спеклись и вообще слабо представляют, куда они движутся. Я был не единственным, кто это заметил. Пока мы разминались, Рио негромко спросил у меня:

— Ну, и как тебе это? Похоже, они малость перепуганы.

Думается, мы победили Данию раньше, чем начали игру с центра. И это оказалось совсем неплохо, особенно если учесть, что сегодня был единственный раз за все лето, когда травма действительно причиняла мне огорчения в процессе игры. Вроде бы до сих пор моя нога вела себя всё лучше и лучше, и я это чувствовал чуть ли не с каждым днем. Против Дании я решил обуть бутсы с шипами обычной длины. Поле на «Ниигате» заливал дождь, так что фактически у меня не было никакого выбора. До сего времени основной дискомфорт ощущался в верхней части плюсны, но в тот вечер у меня болела вся нижняя часть стопы. Возникало такое ощущение, словно каждый раз, когда я сильно отталкивался от земли, чтобы протолкнуть мяч вперед или ударить по нему, а также когда вращал сломанным местом, пробуя резко повернуть ногу, в травмированное место вонзались гвозди — мелкие, но остренькие.

Впрочем, боль в ноге не мешала мне по-настоящему наслаждаться игрой. Особенно фантастическими выдались первые двадцать минут. Мы играли так, будто нас ничто в мире не заботило, — даже на важнейшем турнире в такой встрече, где действует принцип «победитель получает всё». Через пять минут после начала я подавал угловой и Рио удачно подставил голову, но никто не был уверен до самого конца, что из этого получится гол, поскольку мяч попал в штангу, затем, отскочив от нее, отлетел еще и от их вратаря, чтобы, наконец, ткнувшись в Эмиля Хески, закатиться в сетку. Я даже думал в тот момент о возможности чуть ли не претендовать на соавторство. Но сейчас я действительно доволен, что замедленный видеоповтор всей ситуации отдал указанный гол Фердинанду. Он просто отличный парень, с которым приятно иметь дело в раздевалке и на поле, а в этом чемпионате мира Рио действовал просто фантастически. Попадание в список игроков, забивших гол, явилось на самом деле лишь наименьшим из того, что он заслужил в это лето.

Пятнадцать минут спустя Майкл забил второй гол, и все выглядело так, что встреча, по сути, закончена. Дания смогла добиться для себя нескольких хороших моментов, но перед самым перерывом мы удачно перевели игру на другой конец поля, и свой гол забил Эмиль. В матче против Нигерии, проходившем в Осаке,

жарища довела нас до точки, и дождь, ливший на «Ниигате», был именно тем, в чем мы нуждались сегодня. Он позволил нам ускорить свои действия, а ведь именно такой манеры игры ждет Свен от сборной Англии. Итоговый счет 3:0 выглядел просто прекрасно, лучшего нельзя было и желать. Причем в матче против команды, которая вышла во вторую стадию турнира, заняв первое место в своей группе и оставив не у дел Францию. Я бы охотно прыгал от радости после завершения этой встречи, празднуя выход в число последних восьми команд, да вот только нога прямо-таки убивала меня. К концу игры ее схватила судорога, поскольку я бегал, наклонив левую бутсу под углом в одну сторону, чтобы снять напряжение с болезненных косточек плюсны. Зато в остальном я был в намного лучшем состоянии. В матче против Дании я чувствовал себя куда более свежим, чем когда-либо после возвращения в строй. Кроме того, когда прозвучал финальный свисток, я мог испытывать законное удовлетворение, зная, что сыграл намного более активную роль, чем в прежних трех встречах. Сегодня я принимал участие в комбинациях, которые привели ко всем трем голам сборной Англии.

Так что в четвертьфинале мы вышли на Бразилию, причем ситуация смотрелась так, словно достаточно нам победить в этой игре — и мы побеждаем в чемпионате мира. Насколько я знаю, у нас дома люди с этого момента начали относиться к подобной возможности очень серьезно. Англия стала реальным претендентом. В прошлом высокие ожидания оказывали чрезмерное давление на национальную команду. Однако в Японии в 2002 году наши болельщики не думали ни о чем таком, про что не думал бы я сам и другие наши игроки. Аргентина? Вылетела. Обладатель титула, Франция? Вылетела. Италия? Вылетела. Португалия? Вылетела. Голландия? Даже не попала сюда. Кто же оставался? Из тех команд, которые успели сыграть значительную роль в истории чемпионатов мира, не упаковали чемоданы две — Германия, которую мы разгромили 5:1 в Мюнхене, когда надо было попасть в финальную часть кубка мира, и Бразилия. Мы не могли дождаться пятницы и стадиона «Сидзуока».

Предметом нашего единственного беспокойства был Майкл Оуэн. Теперь все внимание переключилось с моей ноги на его паховые мышцы, хотя я не припомню, чтобы многие (даже в лагере сборной Англии) реально осознавали, насколько наш бомбардир был близок к необходимости пропустить встречу с Бразилией. Он страдал растяжением паховой мышцы — такой травмой, которая постоянно обостряется, если не перестать

играть. «Ливерпуль», пожалуй, и мог бы предоставить ему возможность отдохнуть несколько недель на протяжении сезона в премьер-лиге, но для сборной Англии Майкл был попросту жизненно важным игроком. Ведь он являлся футболистом мирового класса, который всегда демонстрировал наилучшую игру именно в самых ответственных случаях. Любая команда на этом турнире сделала бы все, что в ее силах, лишь бы спортсмен такого уровня смог оказаться физически готовым выйти на поле.

Мы, конечно же, не боялись Бразилии. Однако начинать игру с центра планировалось в середине дня, а это означало, что они, вероятно, смогут получить преимущество, если условия окажутся хоть немного похожими на те, какими они были во время нашей игры против Нигерии. Накануне вечером мы провели тренировку на стадионе, и в течение всего этого времени лило как из ведра. Все мы понимали, что такая же погода на следующий день даст нам действительно огромный шанс. Позже, уже в гостинице, у меня возникло желание соорудить небольшой алтарь местным богам погоды и, перед тем как лечь спать, долго молить их об изрядном дожде. Но в этом вопросе удача явно от нас отвернулась, ибо когда я в пятницу утром выскочил из постели и раздвинул шторы, то ничего хорошего не увидел. Солнце стояло уже высоко в небе, заливая все яркими лучами и обещая прекрасный день. Сердце у меня упало — похоже, мы стояли перед необходимостью еще раз пройти этот трудный путь.

Я никогда не думал о том, чтобы использовать погоду в качестве оправдания. Надо в любом случае принимать ситуацию такой, какая она есть, а затем идти и играть как можно лучше. Но даже при таком подходе многие говорили, что, если было бы не так жарко, Англия могла побороться. Впоследствии я задавался вопросом, засела ли подобная мысль нам в головы. Ведь иногда маленькое, совсем крошечное сомнение — это все, что требуется для подрыва уверенности у игроков. Перед игрой с бразильцами мы вышли на поле примерно на десять минут, но затем ушли внутрь, чтобы провести основную разминку там. Японцы нашли для нас достаточно большое помещение, где мы могли разогреться и размять мышцы. Это было далеко не идеальным решением. А Майклу сделали массаж непосредственно перед выходом на поле. Это было опасно, но он смог отыграть всю встречу. Многим кажется, будто они знают о Майкле буквально все, но он проявил себя более зрелым и упорным бойцом, чем мог бы подумать любой человек за пределами раздевалки. Я имел в свое время разговор на эту тему с Ричардом Смитом, нашим массажистом, и посему досконально знаю, через какие страдания пришлось пройти Майклу, чтобы получить возможность выйти на

данную встречу. А это ведь была вовсе не встреча с мисс Бразилии на предмет того, кто ей понравится больше всех в мире.

Мы начали игру на «Ниигате» действительно хорошо. Если жара и беспокоила нас, мы этого ничем не выказывали, и не ждали, пока их футболисты нащупают ритм встречи и смогут войти в него. Зазевайтесь с этим ненадолго — и команда вроде Бразилии может выиграть матч раньше, чем вы даже начнете по-настоящему играть. Мы знали, что должны защищаться всей командой, когда они владеют мячом. Нельзя позволить им в любой точке поля оказаться против кого то из наших игроков в ситуации «два на одного», когда мы благодаря своим активным действиям и обороне заполучали мяч, задача становилась еще более простой: не отдавать его и побыстрее переходить на их половину поля. Каждый знает, что бразильцы любят предоставлять своим защитникам возможность в открытой игре проходить вперед. В ответ мы специально отрядили группу игроков, которые отвечали за нейтрализацию их быстрых прорывов. Наша сконцентрированность на игре выглядела превосходной, и хотя соперники имели парочку неплохих возможностей — к примеру, Дэйву Симэну пришлось показать все свое мастерство, чтобы отразить один из штрафных ударов в исполнении Роберто Карлоса, — на поле не происходило ничего такого, что по-настоящему беспокоило бы нас. Только не делать ошибок. И ждать случая, когда они совершат свои.

Прошло чуть больше двадцати минут, когда Бразилия потеряла мяч на нашей трети поля. Эмиль Хески получил мяч в центре поля и, немного пройдя с ним вперед, увидел, как близ штрафной Майкл рванулся за спину защитника, который его караулил. И тут Эмиль дал пас на добрые тридцать ярдов по направлению к углу бразильской штрафной площадки. Все выглядело так, что их центральный защитник Лусио должен принять мяч на ногу и ликвидировать угрозу. Не знаю, то ли он заметил боковым зрением Майкла и слегка засомневался, каким образом ему поступить, то ли его отвлекло что-либо другое, но Лусио определенно отвел свой взгляд от мяча и на какую-то долю секунды потерял его из виду. Вместо того чтобы приземлить мяч и взять его под контроль, Лусио позволил ему отскочить довольно далеко в сторону — и прямо на ход Майклу. Великие форварды никогда не стоят на месте. Они всегда находятся в движении, рассчитывая получить свой шанс и воспользоваться им прежде, чем кто-либо вообще увидит, что он тут есть. Майкл пробросил мяч вперед и тут же вошел в штрафную площадку. А мы все знали, что с травмой паха или без нее Майкл никогда не позволит себя догнать, если он уже впереди. Зато вратарь

бразильцев Маркос, которого случившееся, видимо, не только удивило, но и застало врасплох, на мгновение застыл на линии ворот и застрял там, пока не стало слишком поздно. Майклу оставалось только принять устойчивое положение и легонько нанести удар в дальний угол мимо вратаря. Один — ноль. Я был на расстоянии в сорок ярдов. Весь этот эпизод выглядел для меня так, словно я смотрел его по телевизору: «Майкл Оуэн забивает для Англии гол в матче против Бразилии. Я не верю, что это случилось. Надо подождать видеоповтор».

Искренне убежден, что если бы счет 1:0 сохранился до перерыва, то Англия вполне могла выиграть чемпионат мира. Но бразильцы — не такая команда. И речь вовсе не только об их технических навыках и одаренности — они еще и абсолютно бесстрашны. Уступая нам гол, они нисколько не изменили свои действия. Вообще, ничто не могло их заставить отказаться от своей манеры игры, изменить подход к футболу. Если вы выходите вперед во встрече с любой другой командой, кроме Бразилии, то ожидаете, что это вынудит ваших противников идти вперед и начать рисковать. Но только не их. Ведь они — лучшие в мире, и им это известно. Именно в таком ключе они проводят каждую встречу независимо от обстоятельств.

Приблизительно за пять минут до конца первого тайма Роберт Карлос нанес по нашим воротам удар, который немного срикошетил и отклонился от траектории. Дэйв Симэн прыгнул, чтобы поймать этот мяч, и, приземляясь, повредил себе шею. Ситуация выглядела скверно: была вероятность, что ему придется покинуть поле. На какое-то мгновение я отвел взгляд от Дэйва и от нашего физиотерапевта, Гэри Левина. Роналдо стоял рядом с рефери, Рамосом Рисо, о чем-то разговаривая с ним. А затем начал смеяться и положил руку на плечо Рисо. Выглядел он при этом так, словно в компании с несколькими приятелями наслаждался в среду вечером возможностью погонять мяч в местном парке, не заботясь ни о чем на свете. «Как ты можешь делать такое, уступая 0:1 в чемпионате мира? Это же еще не конец. Это еще далеко не конец».

Дэйв Симэн поднялся и продолжил игру. Приведение его шеи в порядок потребовало времени. Если бы игра не прервалась, мы были бы уже в раздевалке к тому моменту, когда Бразилия сравняла счет. А так мы просто ждали свистка. Помню, как я стоял у самой боковой бровки, в нескольких ярдах на их половине поля, и мяч летел в мою сторону. Это кто-то из бразильских игроков хотел найти своей передачей Роберто Карлоса, но немного смазал. Я был уверен, что мяч вот-вот выйдет за боковую, и Англии предстоит вбрасывать аут, а в данный момент,

за какие-то секунды до перерыва, это будет для нас даже лучше, чем владение мячом в поле. К тому времени, когда Дэнни Миллз вызвался ввести мяч в игру, 45 минут уже истекли. Роберто Карлос скользил по траве, готовясь выполнить подкат. Я подпрыгнул, чтобы позволить ему по инерции еще раз выбить мяч за боковую, откуда мы его снова вбросим. Однако Карлос каким-то образом подставил ногу так, что мяч остался в игре. Зато я оказался выключенным из игры. Бразильцы прямо от средней линии поля организовали быстрый прорыв, обошли Скоулзи, который отчаянно пытался перекрыть им путь, и послали мяч Роналдиньо, находившемуся в двадцати ярдах от линии нашей штрафной площадки. Тот одним финтом раскачал Эшли Коула, который потерял равновесие и позволил себя обойти. Дальше бразилец побежал прямо на Рио, но затем дал неожиданный пас вправо от себя, на Ривалдо. И вот на полном ходу, ни на мгновение не притормозив для обработки мяча, Ривалдо с хода выстрелил по воротам настолько рано, что Дэйв Симэн и блокирующие защитники не имели ни малейшего шанса помешать мячу влететь в сетку. И почти сразу раздался свисток на перерыв. Худшего времени, чтобы пропустить гол, для нас просто нельзя было придумать.

Вместо того чтобы возвращаться в прохладу раздевалки на подъеме и с преимуществом в счете, которое можно было бы во втором тайме защищать или развивать, мы утратили наступательный порыв. Выражения лиц у игроков сборной Англии красноречиво говорили обо всем: «Нас кастрировали. Нам не на что рассчитывать».

Вот вам и вся история нашего участия в этом чемпионате мира. Мы показывали свой лучший футбол в первой половине встреч и затем выпускали пар после перерыва. Не уверен, сколько в этом было физического и сколько — психологического. А вот что я действительно знаю, так это следующее: гол Ривалдо на газоне «Сидзуоки» убил нас наповал. И не думаю, что можно было найти в перерыве какие-нибудь такие слова или действия, благодаря которым удалось бы изменить эту ситуацию. Свен обошел всех, разговаривая с игроками, плечи у которых поникли, а головы низко опустились. Затем, обратившись ко всей команде, сразу перешел к сути: — мы отыграли хорошо. И должны были вести 1:0. А теперь нам следует навести в своем хозяйстве порядок и позаботиться о том, чтобы не пропускать глупых голов, тогда мы получим свой шанс.

Свен никогда не был крикуном, тем тренером, который подпрыгивает до потолка и носится со скоростью звука. Возможно, в нем нет страстности в том смысле, как она

проявляется у Алекса Фергюсона или Мартина О`Нила, но когда речь идет о победах в футбольных матчах, он столь же целеустремлен, как и они. Страсть Свена и сила его чувств проявляются иным способом. Он не старается запугать игроков или как-то встряхнуть их. Им движет желание вдохновить своих парней, вдохнуть в них уверенность, пробудить в их сердцах отчаянное стремление играть и победить. Такой подход успешно срабатывал у него на протяжении длительной карьеры в клубном футболе, и достаточно всего лишь объективно взглянуть на список его результатов в самых ответственных встречах последнего времени, чтобы убедиться, насколько здорово его система зарекомендовала себя и в случае сборной Англии. Стив Маккларен тоже упорно трудился в течение тех двадцати минут. Я знаю, что Свен высоко ценил своего помощника, а это означало, что Стив был столь же свободен проводить свою линию, как и старший тренер. Но в любой раздевалке старший тренер или его ассистент не могут дать своим игрокам того, чего у тех нет. Их работа — помочь, иногда даже заставить своих подопечных найти в себе те мотивы, в которых они нуждаются. На «Сидзуоке» мы искали в себе искру, но не находили ее, поскольку ее в этот момент просто не было.

Мы вышли на второй тайм так, словно наша вера и наша энергия напрочь покинули нас, утекли неведомо куда. Происходящее на поле снова и снова напоминало встречу со Швецией — мы откатились назад, оказавшись не в состоянии ни держать мяч, ни идти вперед. Когда ваши ноги рвутся бежать в атаку, то же самое происходит и с головой. Но с таким же успехом верно и обратное. Температура внутри чаши стадиона была в тот день за 40 градусов. Стремление поддержать свою концентрацию на высоком уровне напоминало попытки смотреть на солнце, не отводя глаз, — у нас не было шансов. Удар, полученный нами поддых, когда мы на самом рубеже таймов пропустили гол в свои ворота, вызвал у бразильских игроков тот подъем, в котором они нуждались. После перерыва они вышли на матч так, словно их победа была предрешена и являлась только вопросом времени. Мы не ищем никаких оправданий, но я не верю в наличие чего-нибудь такого, что мы в процессе подготовки могли бы сделать по-другому и благодаря этому провести вторую половину встречи иначе. По мере того как на стадионе делалось все жарче, Бразилия становилась все сильней, а из нас к концу игры буквально ушла жизнь.

Даже в этой ситуации им потребовалось нечто почти сверхъестественное, чтобы победить нас. Не было в команде Англии игрока, который бы сдался, хотя когда события

развиваются таким образом, как это произошло в той встрече на пятидесятой минуте, ты начинаешь думать: нет, это не наш день. Бразильцы получили право на штрафной удар и устанавливали мяч почти в сорока ярдах от ворот и слева от нашей штрафной площадки. Мы организовались в расчете на защиту против навеса. Никто даже не подумал, что из этого положения игрок решится на удар по воротам. Я стоял на расстоянии в пятнадцать ярдов от Роналдиньо, глядя прямо на него. В момент, когда тот ударял по мячу, я понял, что он будет закручивать, — это оказался навес, который вроде бы пошел не так, как надо, и направлялся слишком близко к воротам. Все происходило настолько медленно, словно мяч с трудом прокладывал себе путь сквозь раскаленный воздух, направляясь в конечный пункт своей траектории. Пока я наблюдал, как он прочерчивал плавную дугу надо мной по направлению к дальней штанге, прошло достаточно времени, чтобы в моей голове успели промелькнуть все возможности: «Он идет за ворота. Он летит в руки Дэйва. Это наверняка мимо». И, наконец: «Он может попасть. Но, конечно, этого те случится…»

И тут воцарилась жуткая, внушающая прямо-таки суеверный страх тишина, когда мяч вдруг спикировал, нырнул мимо Дэйва Симэна и пролетел выше его головы, но под перекладиной. В тот момент я был убежден, что произошла счастливая для них случайность. Но, просматривая этот удар снова и снова в видеозаписи, я уже не настолько в этом уверен. Безусловно, не было на поле другого такого игрока, причем в обеих командах, кроме самого Роналдиньо, который хотя бы в минимальной степени представлял себе, что подобное может случиться. Но даже раньше, чем до меня в полной мере дошло разочарование из-за пропущенного гола, в моем мозгу мелькнула иная мысль: «Дэйва Симэна размолотят за это. Если мы проиграем, он станет, как я в 1998 году, как Фил в 2000-м. А теперь вот Дэйв в 2002-м — снова такое же барахло».

Когда шесть лет назад я впервые влился в ряды сборной Англии, Дэйв Симэн был одним из тех игроков, которые реально прилагали усилия к тому, чтобы дать мне почувствовать теплый прием и доброжелательное отношение. С тех пор практика отработки ударов против стоящего в воротах Дэйва и неизменные взаимные подшучивания, которыми это сопровождалось, были для меня любимой частью тренировочных занятий в английской сборной. Последним человеком в мире, который заслуживал обвинений в том, что мы потерпели неудачу в матче против Бразилии, был Дэйв Симэн. Прямо тогда, на стадионе «Сидзуока», я хотел подойти к нему, крепко обнять и сказать, что все будет в

порядке. Но сейчас было не время. Мы уступали Бразилии со счетом 1:2. И оставалось еще целых сорок минут, чтобы действовать.

Не думаю, чтобы многие из наблюдавших за матчем людей могли рассчитывать, что мы выровняем игру и счет. Находясь на поле, я ни разу по-настоящему не почувствовал, что мы готовы забить ответный гол. Когда Роналдиньо удалили за грубый снос Дэнни Миллса, мы смогли ощутить, как зрители, собравшиеся на стадионе (во всяком случае, болельщики команды Англии), подумали, что это наш шанс — одиннадцать человек против десяти. Но в данном случае фактор лишнего игрока работал против нас. Бразилия, оставаясь в полном составе, никогда не поменяла бы свою манеру игры. Поведя в счете, они бы продолжали давить на нас, стараясь развить успех и забить третий гол. Если бы они на нас напирали, то мы, по крайней мере, знали бы, что существует возможность второй их ошибки, подобной той, которую совершил Лусио в первом тайме, если только мы сможем перехватить мяч и организовать впереди быстрый прорыв. Но после удаления Роналдиньо они решили отойти в оборону, укрепить защитные порядки и попытаться сохранить преимущество в счете. А у нас не оставалось достаточно сил и энергии, чтобы взвинтить темп игры и усилить давление на соперников. Это было необходимо, если мы рассчитывали чего-то добиться в течение последнего получаса. В результате сложившаяся ситуация никак не позволяла надеяться, что мы сможем поймать их на контратаке в тот момент, когда у них сзади будет не хватать игроков. Однако в позиционной игре у нас ничего не получалось — бразильцы доказали. что когда им это нужно, они умеют отойти назад, сражаться за каждый мяч и не подпускать нас к своим воротам. Наш единственный полушанс, когда Тэдди, вышедшего на замену, сбили с ног буквально на линии их штрафной площадки, пришел и тут же ушел, поскольку судья не назначил штрафной удар. А ведь такое положение было, пожалуй, единственным для нас способом забить мяч после перерыва.

Даже после того как я увидел, что бразильцы без проблем расправились с Германией в финале, мысль о том, что нас выбил из борьбы будущий чемпион мира и безусловно лучшая команда на турнире, не давала ни малейшего утешения. Думается, в тот день мы упустили реальный шанс победить в чемпионате мира. И такого же мнения придерживаются все остальные футболисты сборной Англии. При всем уважении к команде Бразилии нужно констатировать, что мы не столько проиграли встречу с ней, сколько отдали ее, и это чувство было ужасным. Мы покидали

поле и турнир полностью раздавленными. Опустошенный Дэйв Симэн стоял в центральном круге и казался самым одиноким человеком в мире, невзирая на тот факт, что его окружали другие игроки английской команды. Я тоже подошел к нашему голкиперу и положил ему руку на плечо, а потом, наклонив его голову к себе, сказал ему на ухо:

— Не думай об этом, Дэйв, и не беспокойся. Ты провел невероятный турнир. Ты выручал нас во многих играх и этим позволил команде добраться так далеко. У тебя не было никаких шансов, этот гол — чистейший фукс. Забудь о нем. Не позволяй людям видеть тебя таким.

Дэйв ничего не ответил. Я хорошо помнил, в чем нуждался сам, — тогда, в раздевалке в Сент-Этьенне. И помнил Тони Адамса, который пришел мне на помощь. Здесь и теперь я не мог залезть в голову Дэйва, чтобы в такой трудный для него момент выбить оттуда вредные мысли, но я прошел через подобные чувства и знал, в чем он сейчас нуждается и что должен получить от товарища по команде:

— Давай-ка, Дэйв, надо пройти круг по стадиону, немного успокоиться и пообщаться с английскими болельщиками.

А болельщики показали себя замечательно. Мы знали, что они разочарованы ничуть не меньше нас, но все равно зрители поднялись со своих мест в ожидании нас и приветствовали аплодисментами, когда мы проходили перед ними. Никакой горечи, никаких угроз нам или кому бы то ни было; наши приверженцы до конца оставались с нами. И так было на протяжении всего турнира — наши болельщики зарекомендовали себя лучшими в Японии. Разве что бразильцы не уступали им и действовали в том же духе — их болельщики хлопали нам столь же энергично, как и собственной команде. Они праздновали успех сборной Бразилии и ее выход в следующий этап, но одновременно проявили уважение к английским игрокам, и я просто восхищался ими.

Когда мы вернулись в раздевалку и сели, где попало, кругом было очень тихо — игроки погрузились в собственные мысли. Не только о той встрече, которую мы только что завершили. В эти первые минуты после поражения каждый мог мысленно увидеть все те десять месяцев футбола высокой пробы, который целиком захватил каждого из ребят. А сейчас мы чувствовали себя так, будто из нас вытекла жизнь и ничего внутри не осталось. Свен оказался единственным, кто нарушил молчание:

— Я испытываю большую гордость за всех вас. Не только в связи с тем, что вы сделали за прошедшие три недели, но в первую очередь в связи с тем, что вам пришлось сделать, чтобы

попасть на чемпионат мира.

Сегодня мы очень разочарованы. Мы считали, что могли бы пройти на этом турнире еще дальше. Я тоже убежден, что могли бы. Но это футбол, это игра. Вы хорошо играете, и должны об этом знать.

Я отключился, замкнувшись в себе. То же самое происходило со всеми в раздевалке. Нельзя было добавить ничего к тому, о чем только что сказал Свен. Казалось, нам потребовалась целая вечность — и самое настоящее физическое усилие — просто для того, чтобы подняться со скамеек и добраться до душа, а затем переодеться. У нас ушла уйма времени, чтобы буквально за шиворот вытащить самих себя со стадиона. Наш автобус выезжал сразу же вслед за бразильцами. Роналдиньо находился сзади и что было сил колотил в барабаны для самбы — он был счастлив. И я не удивился — это же его гол привел команду в полуфинал. Моя же голова в этот момент раскалывалась от всевозможных «а что, если». Я поговорил с Викторией по мобильному телефону:

— Дэвид, просто ужасно, что это произошло, но мы любим тебя. Я знаю, как ты подавлен. Но мы здесь ждем тебя. Мы будем счастливы, когда ты вернешься, Бруклин и я.

Виктория была права. Она знала, как мне хотелось попасть в финал. И она ждала этого — для меня и для сборной Англии. Но теперь мы должны были принять ситуацию такой, какая она есть. Моя жена была на седьмом месяце беременности. Она скучала без меня. Мой сын скучал без меня. И я скучал без них обоих. Я бы предпочел остаться в Японии и играть дальше, но мысль о возвращении в Англию, к своей семье была единственной вещью, которая воодушевляла меня по дороге в гостиницу. Мы сказали друг другу «до свидания». Я обещал, что на следующий день увижусь с ними.

Когда мы вернулись в отель, предоставленный сборной команде Англии, множество японцев по-прежнему ожидали нас, чтобы еще раз поприветствовать. Они относились к нам ничуть не хуже наших собственных болельщиков. В отеле собрались близкие и друзья. Они стояли по обеим сторонам лестницы, и, когда игроки поднимались по ступенькам, их встречали аплодисментами. Мама и папа тоже были там. «Только не начните здесь плакать».

Я обнял своих родителей и кивнул остальным. Говорить я не мог ни с кем. Да и что тут можно было сказать? Я просто прошел прямо через холл мимо дежурного в свой номер — тихий и совершенно безжизненный, если не считать низкого жужжания кондиционера. Я закрыл дверь на ключ, хотя день едва перевалил за полдень. А затем просто рухнул на кровать, словно старик —

разбитый, разочарованный и бесконечно усталый. Я ожидал столь многого для себя и для Англии. Мы хорошо подготовились, и все вроде бы шло хорошо, но, тем не менее, мы упустили свой шанс — возможно, самый лучший, который когда-либо представится любому из нас. И не в том дело, что я должен был сесть там и начать разбираться, почему так получилось. Да сейчас никакие «почему» не имели значения. Единственное, что действительно имело значение, — это одна простая истина. Даже в тот момент, спустя несколько часов после окончания последней для нас игры, я все еще не мог в полной мере воспринять это как свершившийся факт. Напряженность в воздухе гостиничного номера буквально давила мои барабанные перепонки. Меня, всех нас теперь ждала впереди только пустота. Здесь предстояли полуфиналы и финал — но уже после того, как мы окажемся дома. Мы посмотрим их по телевизору, не отличаясь в этом от остального населения планеты. Но в реальности все это от нас ускользнуло. Для нас чемпионат мира был закончен. Англия вылетела.

12. Бурление вокруг Бекхэма

«Познакомиться с прекрасным человеком вроде вас — это большая честь».

Я ожидал этого события всего 27 лет. Было 1 сентября 2002 года, 9.30 утра, и в этот момент родился наш второй сын, Ромео, — младший братик для Бруклина. Их папа еще хорошо помнил, как он мечтал о младшем братишке, когда рос с двумя сестрами. Следовало бы спросить на сей счет кого-то более осведомленного, нежели я, почему мне всегда хотелось иметь в доме для компании еще одного мальчика. Должно быть, дело тут посложнее, чем одна только потребность в ком-нибудь, пусть даже небольшого росточка, кого можно было бы поставить на ворота в садике за домом. И не стоит думать, будто я не любил Линн и Джоан. Доподлинно мне известно единственное: когда нам сказали, что наш будущий ребенок — мальчик, я был в восторге за Бруклина и, кроме того, доволен за того маленького парнишку, которым продолжал оставаться сам. Если быть честным, меня даже немного удивило то, насколько сильными оказались эти чувства. После того как родился Бруклин и мы начали говорить о том, что нужно завести побольше детей, Виктория, да и я ожидали, что следующей у нас будет дочь. А когда Виктория забеременела снова, именно на это рассчитывал и Бруклин.

У сестры Виктории, Луизы, с которой мы очень близки и все время видимся, есть маленькая дочурка по имени Либерти. Бруклин играет с нею с тех пор, когда они оба были совсем крошками, поскольку между ним и Либерти — всего несколько месяцев разницы в возрасте. Возможно, именно поэтому с того самого момента, когда мы узнали, что скоро у нас появится очередной ребенок, Бруклин всегда считал, что ему готовят младшую сестренку. Что касается имен для новорожденных, то мы с Викторией все спланировали заранее — у нас наготове были два варианта: Парис и Ромео. Окончательное решение оставили за Бруклином:

— Ты хочешь поздороваться с маленьким Парисом?

Бруклин прижал свою головку к животу Виктории. Он был взволнован не меньше нас. Мы подумали, что объяснения могут подождать до тех пор, пока новорожденный не появится на свет. Тем не менее, одной из самых больших странностей в нашей совместной жизни являются те разнообразные, но одинаково

неведомые способы, благодаря которым некие сугубо личные сведения — или их искаженная версия — становятся достоянием общественности. Однажды Бруклин отправился вместе с Викторией делать покупки. Они зашли в аптеку, и пока Виктория что-то рассматривала в витрине, леди, стоявшая за прилавком, спросила у нашего сына:

— Ну, и как поживает новый ребеночек твоей мамочки?

Бруклин, должно быть, с первого взгляда запал на эту женщину, потому что, не раздумывая, радостно сообщил ей, что вот-вот заполучит маленькую сестричку по имени Парис. Потребовалось приблизительно 24 часа для того, чтобы эту информацию подхватили в газетах как непреложный факт — Бруклин, надежный источник трех лет от роду, сделал официальное объявление по поводу предстоящего пополнения семейства Бекхэмов. И дело вовсе не в том, что мы стремились кого-то одурачить — на той стадии мы и сами не знали, будет ли наш новый младенец мальчиком или девочкой (Не знали, но предложили Бруклину сделать выбор из двух мужских имен! — Прим. пер.).

Однако в любом случае то обстоятельство, что газетные колонки светских сплетен и разные компиляторы слухов неправильно изложили факты, мы сочли недостаточной причиной для того, чтобы исправлять их россказни.

Мужьям это дело дается легко, не так ли? Будущий отец совершает лишь то, чем он в состоянии реально помочь, и с нетерпением ждет появления на свет нового человечка. Что же касается Виктории, то она, прежде чем приходит этот день, должна в течение девяти месяцев вынашивать ребенка. Я обожаю облик Виктории, когда она беременна; обожаю ее заботы о том, еще скрытом пока, существе, которое невероятно дорого для нас обоих; обожаю разделять с ней все неизбежные перепады настроения, надежды и опасения. Но будущей маме все это дается по-настоящему трудно, причем большинства тонкостей мужчинам просто не дано до конца понять. Я лично убедился (и теперь уже дважды), насколько эмоции Виктории, ее тело в целом и каждый орган, ее гормоны — словом, все переворачивается вверх дном в процессе беременности.

Ромео, как и его старший брат, появился на свет в лондонской больнице «Портленд». Кое-что для нас упростилось благодаря тому обстоятельству, что мы уже побывали там прежде. Я, к примеру, знал, как прокрасться в «Портленд», оставшись незамеченным: мы припарковывались за углом больницы, я забирался и багажник, и таким образом мы преодолевали последние несколько сотен ярдов до черного хода. Но каждый

ребенок отличается от прочих, и я не могу себе вообразить, что весь этот процесс когда-либо станет обычной рутиной. В случае с Ромео мы слегка запаниковали и самую последнюю минуту, когда доктор неожиданно изъявил Виктории, что должен сделать ей кесарево сечение уже на следующее утро. Ведь это означало, что накануне вечером я должен был срочно выехать из Манчестера, чтобы вовремя попасть в больницу. Да и сам этот день, конечно же, отчетливо врезался в память — он из тех, которые я никогда не забуду.

Заранее ты себе воображаешь, что коль однажды видел, как приходит в этот мир твой первенец, то будешь эмоционально готов, когда это случится снова. Но для меня это оказалось совершенно не так. Когда Ромео впервые подняли на руки в операционной и я увидел его в лучах света, чувства волнения и счастья, гордости и благоговейного страха нахлынули на меня точно так же сильно, как это было три года назад, при рождении Бруклина. Все выглядело так, словно это чудо снова произошло впервые. У меня перехватило дыхание от того, насколько я в эту минуту боготворил Викторию и нашего сыночка — новенького, с иголочки. Я чувствовал, как мое сердце ширится, — словно для того, чтобы в нашей семье образовалось место для новой жизни.

Но наилучшему мгновению еще предстояло настать. Пока мы находились в операционной, о Бруклине заботилась моя мама. В первый раз он смог взглянуть на своего младшего братика примерно через пол часа после того, как Ромео родился. Для меня это тоже был важный момент — я впервые увидел их обоих вместе. И испытал самое замечательное чувство — Бруклин смотрел на это крошечное существо, завернутое в пеленки, и просто таял. Он был так нежен с Ромео, так полон любви. Бруклин потянулся к своему новорожденному братику и погладил ему лобик — легчайшим прикосновением. Я стоял, наблюдая за этой картиной. Не было никакой нужды говорить Бруклину, чтобы он был осторожен, — ему исполнилось только три года, но у него уже хватало ума, чтобы понимать, насколько нам всем дорог Ромео. Между ними сразу установилась связь. Мне кажется, она возникла с первой секунды и с тех пор никогда не прерывалась. Я всегда хотел иметь младшего брата. А теперь я смотрел на своего старшего сына и чувствовал уверенность, что его отношение к Ромео окажется точно таким же, каким оно было бы у меня. Передо мной — два моих мальчика, которые вот уже несколько минут вместе, они соприкасаются, у них есть собственный маленький мир, а их папа никогда не чувствовал себя таким счастливым, никогда не испытывал такую гордость.

Меня очень согревает ощущение того, что эти два мальчика

всегда со мной — даже когда я вне дома. Причем они не только в моем сердце. После рождения каждого из них я вытатуировал их имена у себе на спине. Есть там и ангел-хранитель, который заботится о них обоих. У моего отца тоже были три такие татуировки, так что эта идея существовала у меня еще с тех пор, как я был ребенком. Что касается отца, думается, это были в некоторой степени отголоски его подросткового бунта. Я знаю, что он в свое время цеплял клипсы на уши, пока об этом не узнал дедушка. Мой вариант данного поступка таков: когда мне стукнуло пятнадцать лет, я проколол себе ухо в ювелирном магазинчике на Чингфорд-маунт. Папа чуть не сошел с ума:

— Для чего ты это сделал? И что скажут люди, когда ты выйдешь играть в футбол с серьгой?

Что же касается моего маленького серебряного колечка, папа был им доволен примерно в такой же степени, как давным-давно радовался его отец, когда отобрал пластырь, скрывавший первую папину татуировку. Будучи мальчиком я иногда говорил, что хочу сделать и себе нечто подобное. Мама всякий раз вздрагивала, но папа, как вы понимаете, вел себя достаточно спокойно. Я редко возвращался тогда к этой теме и никогда не настаивал; думается, я чисто интуитивно ждал подходящего момента. Я никогда не делал себе какую-то татуировку только потому, что мне понравился конкретный узор — я вообще не думал о тату, как об элементе моды. Окончательная идея пришла намного позже, уже спустя некоторое время после того как родился Бруклин. Я поговорил с Мелани Б и ее тогдашним мужем, Джимми Гулзаром, после чего появились и темы для татуировок. Закончилось это моим походом к одному голландскому парню, который сделал нечто подобное для Джимми. А я, наконец-то, уяснил, что, на мой взгляд, что должны представлять собой татуировки и чему служить. Все мои — о людях, играющих важную роль в моей жизни, — о моей жене и сыновьях, с которыми я всегда хочу быть рядом. Когда вы видите меня, то видите и татуировки, видите наглядное выражение того, какие чувства я питаю к Виктории и своим мальчикам. Они — частица меня».

(В бульварных изданиях сообщалось также, что у Бекхэма имеется, в частности, и надпись — «Собственность Виктории», вытатуированная в известном месте. — Прим. пер.)

Вообще, наша семья и жизнь, которая кипит вокруг нас, таковы, что иногда мы смеемся и называем всё это «Бурлящий Бекхэм». Виктория, я, Бруклин и Ромео, мы везде — дома, в магазинах, в отпуске — всего лишь семья, которая любит быть вместе и заниматься тем, чем обычно занимаются в таких случаях все семьи. Но и мама, и папа — оба мы в нашей семье посвятили

себя весьма публичным карьерам, а это означает, что наша обычная жизнь, вообще-то, не очень-то обычна. Я — где-нибудь в Европе на битком набитом стадионе играю в футбольных матчах Лиги чемпионов, за которыми следят по телевидению миллионы людей во всем мире, а Виктория работает над новыми фонограммами в студии звукозаписи в Нью-Йорке, после чего мы оба прыгаем в самолет, чтобы быстренько лететь сниматься в японских рекламных клипах на каком-нибудь пляже в Таиланде.

А помимо этого — все то, что помогает жизни бурлить и двигаться вперед, будучи неразрывно связанным со славой и известностью: всеобщее внимание, сплетни, папарацци и разные события, которые чаще всего лишь придуманы или сфабрикованы (мы это отлично знаем), но все равно попадают рядом с нашими фамилиями в шапки газетных полос. А в центре этой бурлящей круговерти — наша семья, родственники, друзья и многочисленные профессионалы, которые помогают нам прокладывать путь через эти кипучие воды, и мы благодарны им за содействие. Благодарен я и тому, что мы есть друг у друга. С тех пор как мы вместе, нам довелось испытать немало довольно-таки неординарных и не всегда приятных вещей — наряду с другими, по-настоящему замечательными. Но когда ты знаешь, что есть чья-то рука, которая может тебя поддержать и которой ты сам должен помочь, это делает тебя сильнее. Мне известно, что Виктория испытывает точно такие же чувства.

К моменту первой встречи с будущей миссис Бекхэм — шикарной и пикантной Пош Спайс, — я еще не сталкивался и тем более не испытывал на себе тех порой беззастенчивых рекламных трюков и пускания пыли в глаза, которые сопутствовали широко известной и преуспевающей поп-звезде. Но для Виктории подобная чехарда просто являлась образом жизни, и она отлично справлялась с такой ситуацией, еще до того как я хотя бы разобрался, в чем она, эта ситуация, состоит. Возможно, мой старший тренер в «Манчестер Юнайтед» предпочел бы, чтобы я нашел себе тихую девушку, которая будет сидеть взаперти, убирать дом, менять детям подгузники и готовить к вечеру ужин. Что тут поделаешь? Ты же не в состоянии выбирать, в кого влюбишься. Но когда я встретил девушку своей мечты, про которую сразу понял, что намерен жениться на ней и устроить возле нее свою жизнь, она поначалу меня пробросила. При этом, как я уже сказал, ее привлекательность для меня отчасти проистекала из того, насколько здорово она справлялась со своей работой и какой она из-за этого была знаменитой. Благодаря тому, где на своем жизненном пути находилась Виктория в тот момент, когда я встретил ее, и благодаря тому, что случилось со

мной лично и в моей карьере за истекшие семь лет, наша известность растет по устойчиво восходящей кривой. А тот факт, что мы вместе, конечно же, сделал этот рост еще более интенсивным.

Да и бурление вокруг Бекхэмов, как мне кажется, тоже усиливается, причем чуть ли не каждодневно. Возможно, наш переезд в Мадрид изменит эту ситуацию; разумеется, нам придется сначала осмотреться и лишь потом приступить в полном объеме к тому, что обещает стать новым приключением, — к знакомству с новой страной и новым клубом. И хоть все здесь выглядит для нас непривычно, но, тем не менее, всегда существует какая-то история, некое прошлое, разве не так? А даже если их нет, кто-то готов это выдумать. Иногда нам становится интересно, и мы задаем себе вопрос: что произойдет, если вся окружающая нас суета вдруг возьмет и исчезнет — внезапно, буквально за одну ночь? Конечно, по некоторым вещам мы бы скучали, нам бы их не хватало, но самое существенное, то, что действительно для нас важно, осталось бы по-прежнему с нами: мы сами, друг с другом, и наши дети. А что, если это бурление вокруг Бекхэма будет не просто продолжаться, но и усиливаться? Должны ли мы уже сегодня задумываться или даже с нетерпением ждать того, как наши мальчики впервые пойдут в школу, заведут себе первых подруг и так далее? Мы иногда говорим об этом и смеемся на сей счет. Но на самом деле это серьезный вопрос — как сложится жизнь Бруклина и Ромео, коль им придется расти под пристальным публичным вниманием, и никто у них не спросит, нравится им это или нет? На мой взгляд, очень важно, чтобы в водовороте нашей совместной жизни мы смогли заложить в наших детей те прочные основы, которыми наши родители снабдили Викторию и меня. Я знаю, что в первую голову моим мальчикам причитаются от меня те же любовь, поддержка и руководство, которые я получал дома от своих родителей, от бабушки с дедушкой и от остальных наших родственников.

До некоторой степени это самое легкое — любить Бруклина с Ромео и уделять им то время и внимание, в которых они нуждаются. В конце концов, все это диктуется родительским инстинктом. Труднее помочь им преодолеть те экстраординарные проблемы, которые сопряжены с жизнью в кругу бурлящего Бекхэма, — проблемы, тем более трудные, что мы с Викторией узнаём о них, лишь после того, как непосредственно столкнемся с ними. Для начала — ни один из нас не рос в ситуации, когда личная безопасность является такой же неотъемлемой частью повседневной жизни, как завтрак и ужин, — а ведь именно так

обстоит у нас дело теперь. Тут даже не имеются в виду те крепкие парни в спортивных куртках, которые сдерживают толпы зевак в аэропортах. Я действительно благодарен таким сотрудникам разных служб за все, что они там для нас делают, но как только мы прошли через контроль, покинули терминал или вообще подевались неведомо куда, эти парни уходят — ведь, как и мы, они тоже спешат на свою работу. Я говорю в первую очередь о тех людях, которым мы доверяем заботу о нас и о наших мальчиках везде, кроме наших собственных четырех стен.

Вообще, со всей этой проблемой безопасности мы прошли довольно извилистый путь, пока не попали туда, где находимся теперь. Вскоре после того как мы с Викторией начали встречаться и вообще появляться вместе, в мой дом в Уорсли пришло письмо, в котором лежали два патрона и небрежно нацарапанная записка, где говорилось, что это по одному для каждого из нас. Я и сейчас помню, как стоял в тот момент над своим бильярдным столом и услышал звук этих патронов, выпадающих из конверта на зеленое сукно. Это — не единственная угроза, которую мы получили за прошедшие годы, но она — из тех, которые до сих пор вызывают у меня дрожь. Когда я вернулся в Англию после «Франции-98», то ощущал себя объектом угроз — настоящих угроз, причем таких, с которыми я понятия не имел, как справиться. В ту пору мне и в голову не приходило нанимать телохранителя. Я, как и все люди, целиком полагался на полицию и своих товарищей. Случилось несколько инцидентов возле дома — искореженные мусорные ведра, какие-то незнакомцы, шляющиеся вокруг, — после чего я действительно испугался и позвонил «999» (Телефон полиции — Прим. пер.), а затем Гиггзи. Полиция всегда действовала в подобных ситуациях превосходно, как и мой сосед Райан, который молниеносно появлялся рядом, вскочив с постели и успев только натянуть на себя тренировочные брюки и прихватить бейсбольную биту, но готовый постоять за товарища.

Однако то, что действительно изменило мое отношение к данной проблеме, это угрозы похищения. Мои дети не выбирали себе маму с папой, и потому меня больше всего неизменно выводит из себя, когда их впутывают в то, куда им не следует впутываться. Иногда это может быть лишь чья-то злобная заметка в газете — с этим я могу справиться сам: позвонить такому писаке и сказать ему, насколько некрасиво он себя ведет, или сообщить, что ты про него думаешь. Именно так я и поступал в прошлом. Но угрожать безопасности моих мальчиков? Или даже их жизни? Откуда мне знать, как следует действовать в этом случае? Только после того как такие вещи случаются, ты начинаешь понимать, что должен нечто предпринять, должен хотя бы поговорить с

людьми, которые умеют думать о немыслимом. Никогда не знаешь, что может произойти, и когда дело против прошлогодних предполагаемых похитителей членов моей семьи попало после суда на страницы «Ньюс оф зе уорлд», получив при этом широкую рекламу, мы впали в транс и просто не знали, на каком мы свете. Все, что я могу сказать, это чистосердечно признаться: да, в то время все эти угрозы казались нам очень реальными — и очень пугающими. А если потенциальными мишенями похитителей являются Виктория и наши мальчики, я вообще не в состоянии хладнокровно оценивать никакие риски и вероятность того, насколько серьезными или незначительными могут быть подобные угрозы.

Когда хочешь обеспечить безопасность своей семьи, очень трудно выбирать тех людей, к которым следует обратиться за советом. Как и во всем остальном в жизни, начинаешь с наиболее близких. Мне повезло, что мой тесть был немного осведомлен об аппаратуре и технологических аспектах всего этого дела — оно находится в сфере его интересов по работе. Полиция всегда пыталась смотреть на нас надлежащим образом, а мы старались проверять весь штат наших служащих настолько тщательно, как только могли. Но кто в какой-то момент своей жизни не заблуждался в столь тонком вопросе, как оценка конкретного человека? Конечно же, мы тоже допускали ошибки.

Безопасность — не та проблема, где можно сказать: тут у меня все схвачено. Я не могу даже заявить, что до конца знаю, в чем тут может состоять само понятие «схвачено». Увы, нет никакого умного справочника «Как надо», по которому можно было бы все проверить и удостовериться, что ты поступаешь правильно. Тут требуется сбалансировать хорошо понятную потребность в нормальной жизни и те меры предосторожности, которые ты намерен и можешь предпринять. Невозможно жить, если каждый день, каждую минуту пытаться надежно защитить себя от окружающего мира. Но столь же невозможно все время жить в страхе, на краю некой пропасти, рисуя себе в воображении страшные картины того, что может случиться. В данный момент я чувствую себя довольно-таки комфортно в окружении тех людей, которые заботятся о нас. Я в достаточной степени доверяю им, чтобы не тратить все наше время на самозащиту и не сопровождать каждый свой шаг оглядыванием по сторонам.

Период непосредственно после чемпионата «Франции-98» был в этом смысле, мягко говоря, не весьма уютным. Однако до этого, да и потом, по истечении некоторого времени, я не мог сказать, что постоянно чувствовал какую-то угрозу. Однако когда мы с Викторией чувствуем себя в безопасности, то получаем

возможность свободнее продолжать заниматься тем, что мы делаем, — и публично, и в частном порядке. Мы любим иногда прихватить с собой Бруклина и Ромео куда-нибудь на ужин. Мы хотим время от времени остановиться в каком-либо почти неизвестном заведении на автостраде и перекусить. Нам хочется пойти за покупками в местный универсам, побродить по его галереям и выбрать что-то по своему вкусу, вместо того чтобы лезть за этим в Интернет или заказывать по телефону. В глубине души я все еще чувствую себя тем человеком, которым был всегда. И если я намерен оставаться таким же, то должен обеспечить себе возможность по-прежнему делать все те вещи, которые делал всегда. У меня никогда не возникало проблем с людьми, желающими поболтать со мной в общественном месте или попросить автограф. Разве я мог отказать? Я ведь сам, когда был мальчиком, просил многих игроков «Юнайтед» подписать мне какой-либо сувенир. Мне не нравится выставлять свои личные вещи на веб-сайтах, памятных предметов и сувениров, когда люди, занимающиеся этим, пытаются разбогатеть на чьей-либо популярности, но это снова вопрос сбалансированности. Я предпочитаю совершить ошибку, но не разочаровать ребенка, который в ожидании меня простоял возле стадиона не меньше часа после окончания матча. Я хорошо знаю и помню, как себя чувствуешь, когда смотришь на кого-то и восхищаешься достижениями людей, которые замечательно делают свое дело. А знаю это потому, что сам всегда так поступал. И все еще продолжаю, до сих пор.

Я по натуре — болельщик и всегда им останусь. Помню один вечер несколько лет назад. Дэйв Гарднер и его подруга оказались в Лондоне, и мы с Викторией пригласили их в ресторан «Айви» («Плющ») на ужин. Дэйв явился туда первым, и в лицах рассказал мне позже о том, как метрдотель полностью изменил свой тон, когда узнал, с кем у Дэйва тут свидание. Переход был крутой — от «Кто этот жлоб?», брошенного официанту отнюдь не вполголоса, до «Будьте любезны, сюда, сэр!». И такая перемена происходит чуть ли не за долю секунды. Когда мы расположились в ресторане, то увидели, что снаружи суетятся какие-то типы, подозрительно похожие на газетчиков. Дэйв начал поддразнивать меня, предсказав, что скоро мне суждено стать лицом самого дорогого лондонского ресторана, как вдруг мы посмотрели в другой конец зала и одновременно увидели Нашего Человека.

— Это ведь не он, верно? — спросил Дэйв.

— А я вот как раз думаю, что он, — ответил я.

— Нет, нет, этого не может быть. Но это было именно так — в углу сидел Майкл Джордан, попыхивая самой большой сигарой,

какую мне ни когда-либо не доводилось видеть в жизни.

— Посмотри! Посмотри, с кем он!

Один из моих непревзойденных героев и идолов сидел там за столиком, болтая с Мадонной, певцом Рики Мартином и Томом Фордом, который был в то время главой фирмы «Гуччи». Не помню, чтобы Дэйв или я прикоснулись к еде. Мы только сидели и глазели на него.

— Может, мне подойти и взять у него автограф на салфетке? — спросил Дэйв.

— Нет, в «Айви» тебе этого сделать не разрешат, — заметил я.

Следующим, что мы осознали, оказалась бутылка шампанского, появившаяся на нашем столике. Это было некоторое время спустя после рождения Бруклина, и эта бутылка оказалась поздравлением от Майкла Джордана и Мадонны.

Потом они оба подсели к нам поболтать — Виктория знала Мадонну, а я познакомился с ней в «Мэдисон Сквер Гарден» в тот вечер, когда прилетел в Нью-Йорк после «Франции-98». Но Майкл Джордан? Я чувствовал себя, словно маленький ребенок, и не мог придумать, что сказать этому человеку. Такой вот выдался вечер. А в понедельник об этом говорилось повсюду — и на «Олд Траффорде», и вокруг него. Дэйв начал рассказывать всем о нашей встрече, едва добрался домой. Весь день на тренировках шли разговоры о субботнем вечере с Бексом и Майклом Джорданом:

— Ну, и что он собой представляет? Каков он? — спрашивали меня.

Я испытываю по-настоящему острые ощущения, встречаясь с подобными людьми, точнее, суперзвездами. Причем меня не интересует, кто они — спортсмены, певцы или актеры. Потом я делюсь этим с приятелями, и обязательным слушателем моих подробных рассказов обо всех таких знакомствах неизменно оказывается Дэйв Гарднер. Каждый раз, идя на какую-нибудь вечеринку или прием, я с волнением и нетерпением жду малейшую возможность увидеть и поприветствовать кого-нибудь из знаменитостей, будь то Элли Макферсон, Майкл Джексон или Майкл Кэйн. Большинство людей просто подумает, что я бросаюсь известными именами, стараясь похвалиться знакомствами со знаменитостями. Но Дэйв знает меня достаточно долго, чтобы разобраться, что почем. Я до сих пор очень нервничаю в компании людей, которыми восхищаюсь, и если мне доводится встретиться с кем-то из них, то я не могу держать этого при себе. На следующий день я непременно должен позвонить и рассказать обо всем Дэйву.

Поразительная сторона моей жизни — жизни с Викторией —

состоит в том, что иногда те люди, перед встречей с которыми я нервничаю, а в момент знакомства становлюсь косноязычным, потом становятся нашими друзьями. Я столкнулся с Элтоном Джоном в Италии на демонстрации мод у Версаче. Он сидел рядом со мной и занимался нелегкой работой — не переставая, произносил «привет» и «как дела». До этого он уже несколько раз встречался с Викторией, так что сегодня ему оставалось только подойти и представиться. После всего, чего Элтон добился в жизни, он, надо думать, давным-давно прошел ту стадию, когда человек проявляет в подобных ситуациях застенчивость. Мы разговорились, и нам сразу стало легко — у всех собеседников возникло такое чувство, словно между нами установилась мгновенная и, тем не менее, прочная связь. Мы стали проводить вместе довольно много времени и с тех пор продолжаем поддерживать самые добрые отношения. Элтон и Дэвид Фэрниш — крестные родители Бруклина и, вероятно, самые близкие друзья, какие появились у нас с Викторией, после того как мы с ней стали парой. Возможно, дело в том, что Элтон с Дэвидом как пара очень во многом похожи на нас: страшно влюблены друг в друга и не боятся показывать этого. А еще они невероятно щедры. Скажем, едва ли не первое, что сделал Элтон в день, когда я познакомился с ним в Италии, — это предложил Виктории и мне их усадьбу на юге Франции в качестве уютного местечка, куда мы сможем поехать, если захотим когда-либо укрыться от лондонской суеты. Но их щедрость проявляется не только в готовности поделиться тем, что у них есть. Мы сблизились с Элтоном и Дэвидом, потому что они в такой же мере щедры, когда надо, если можно так выразиться, поделиться собой.

Знакомиться с новыми людьми — это большое удовольствие, причем даже для такого стеснительного человека, как я. Но есть такие люди, знакомство с которыми представляет собой скорее большую честь, — королева, премьер-министр или величайший спортсмен всех времен Мухаммед Али. В мае 2003 года, сразу после завершения английского футбольного сезона, наша сборная ездила в Южную Африку. В нашей игре против их национальной команды я изрядно пострадал после довольно неуклюжего подката. Повреждение стало фактически результатом последующего падения, но в любом случае это оказалась очередная, притом неприятная травма. Я сломал ладьевидную кость между запястьем и большим пальцем правой кисти, после чего провел несколько месяцев со сменной гипсовой повязкой на всей нижней части этой руки. Тем не менее, травма, которой я обзавелся в Дурбане, забылась даже раньше, чем мне сказали, что все зажило и срослось. Зато встречу с Нельсоном Манделой,

состоявшуюся в ходе той поездки в Южную Африку, я буду помнить всегда.

Я — отец двух мальчиков, и это самая большая ответственность, возложенная на меня в этой жизни. Но вот передо мной мужчина, который был отцом целой нации. Мы базировались в Дурбане, где через три дня планировалась встреча с командой Южной Африки. На рассвете мы сели на рейс до Йоханнесбурга, а там нас отвезли в офис благотворительного фонда м-ра Манделы. Мы все были в спортивных куртках сборной Англии, вокруг собрались представители прессы, разные должностные лица и персонал фонда, а утро становилось все жарче. Атмосфера выглядела довольно официальной, но главный для нас человек казался, тем не менее, совершенно раскованным и сидел, откинувшись в своем кресле, а позади него через окно струился свет.

Виктория подтвердит, что я немного привык говорить на публике, с тех пор как получил нарукавную повязку капитана английской сборной. Небольшая подготовка плюс та уверенность в себе, которую она мне дала, — и я уже готов выступать. Виктория даже считает, что меня стало трудновато остановить, после того как я начал толкать речь. А сейчас мне выпало говорить с м-ром Манделой. Я сел рядом и наклонился к нему. Вообще-то у меня как капитана сборной Англии имелись определенные обязанности, которые следовало выполнить, но на первых порах я просто лишился в его присутствии дара речи, ошеломленный и переполненный уважением, восхищением и прочими подобными чувствами. Каким образом он смог уловить эмоции, которые я испытывал? Не знаю, но он отнесся ко мне непринужденно и даже немного приободрил меня. Я заучил наизусть кое-что из того, о чем мне хотелось сказать:

— Встретиться с великим человеком вроде вас — это поразительная честь. И быть здесь сегодня — просто великолепно. Это огромная радость для всех нас.

М-р Мандела попросил меня и других игроков сборной Англии поддержать заявку Южной Африки, предлагавшей принять у себя чемпионат мира по футболу 2010 года. Я был бы рад, если бы они получили такое право, поскольку в Южной Африке футбол — это действительно массовый вид спорта. Я неоднократно приезжал сюда в прошлом как игрок «Юнайтед», а сейчас появился здесь снова, на сей раз в составе сборной Англии, и всякий раз мог видеть повсюду неподдельную страсть к моей любимой игре — на стадионах, в маленьких городках, на каждой улице. Я преподнес м-ру Манделе футболку сборной Англии с его фамилией и цифрами «03» на спине. Мне известно,

что он любит цвета лучших команд; например, я до сих пор помню, как м-р Мандела носил футболку южноафриканской сборной по регби, после того как та выиграла финал Кубка мира. Потом он сделал рукой приглашающий жест — оказывается, пришли его внуки, жаждавшие встретиться со мной и остальными футболистами сборной Англии. Великий дед спокойно сказал им:

— Это — Дэвид Бекхэм.

У меня тогда волосы были заплетены в мелкие тугие косички, и один из пишущей братии спросил у м-ра Манделы, что он думает по этому поводу. Тот лишь улыбнулся:

— О, я слишком стар, чтобы иметь мнение на сей счет.

Я был бы счастлив слушать его суждения по разным вопросам до самого вечера. Все мы знаем драматическую историю жизни м-ра Манделы, но, всматриваясь в его глаза, улыбку, в морщины этого невероятно привлекательного лица, хочется слушать и слушать его. Думаю, что и м-р Мандела был бы рад побыть с нами подольше. Тем не менее, время подгоняло, и нам предстояло вернуться назад, в Дурбан. К тому времени, когда мы ковыляли из автобуса обратно в гостиницу, начал ощущаться недостаток сна — мы ведь встали на рассвете. Такой день мог только присниться: встреча с Нельсоном Манделой — неужели такое действительно произошло сегодня со мной? Я должен был позвонить Виктории и рассказать ей о беседе с ним — только тогда я смогу действительно поверить, что это было на самом деле.

Что бы с нами ни случалось, мы всегда связывались между собой. Поскольку у нас с Викторией были собственные карьеры, которые надолго уводили нас из дома, большую роль в наших взаимоотношениях на протяжении многих лет играл телефон. Когда мы только начинали узнавать друг друга, она путешествовала по всему миру со «Спайс Герлз». По совету своего менеджера и исходя из налоговых соображений, девушки даже провели однажды вдали от Англии целый год. Все это резко ограничивало время, которое мы могли реально проводить вместе. Иногда я думаю, что только благодаря телефону мы сумели хорошо узнать друг друга. Я после тренировки торчал в Манчестере, а Виктория сидела в гостинице где-нибудь в Штатах, готовясь выйти вечером на сцену перед тридцатитысячной аудиторией. Мне не составит труда вспомнить такие дни, когда мы иногда проводили с телефонной трубкой в руках по пять часов подряд. Больше всего узнаёшь о человеке, которого любишь и, в конечном счете, строишь с ним семью, в первые недели и месяцы после знакомства. Именно тогда ты разбираешься во всей его истории с биографией, выясняешь все те детали, которые должен внести в клеточки большой таблицы, разлинеенной в

твоем мозгу, и заполнить ее. Мы с Викторией изучали друг друга издалека. С тех пор это, разумеется, продолжается. Мы поженились, у нас появились дети, но нам все равно приходилось расставаться, порой на многие недели. Мы и теперь продолжаем все это время говорить, но уже по-другому. Для начала, мы не возражаем против мелких технологических усовершенствований; скажем, все то время, пока я отсутствовал, находясь в Японии на чемпионате мира, пришлось изрядно поработать видеофонам. И нынче, понятное дело, наши беседы — это уже не воркование двух беззаботных людей, двух влюбленных, парня и девушки. Кто бы из нас ни оставался дома, у него всегда хватает хлопот с Бруклином и Ромео. Мы всегда пользовались огромной поддержкой наших родителей, которые много заботились о мальчиках и присматривали за ними. Но сидела ли дома Виктория или я, все равно оставшемуся на хозяйстве приходилось следить за временем, когда дети должны поесть, принять ванну, лечь спать или отправиться в школу. Мы стали теперь говорить по телефону чаще, но не так подолгу. Всегда возникает потребность что-либо сделать для мальчиков, а это означает: «Я перезвоню тебе через минутку».

Думаю, нам и здесь повезло: и Виктории, и мне столь же удобно вести разговор по телефону, как и лицом к лицу. Мне крайне неприятно находиться вдали от нее и от мальчиков, но благодаря телефону перенести эту разлуку намного легче, поскольку, когда мы на линии, между нами устанавливается такой непосредственный контакт, что я чувствую дыхание Виктории и ощущаю тесную связь между нами, даже если нашим словам приходится преодолевать континенты. Мы настолько близки и едины, что одного телефонного общения хватает, чтобы поддерживать меня на хорошем ходу, пока я не попаду домой. Жизнь становится иногда настолько интенсивной и преподносит такие причудливые сюрпризы, что если бы я не мог в любой момент позвонить одному чудесному человеку, который все понимает, то не уверен, как обстояли бы дела с моей головой дома, когда я бы туда, наконец, добрался. Пять минут контакта с Викторией по телефону порой могут помочь мне вникнуть в то, что происходит со мной на моем конце линии, разобраться в самой сложной проблеме и пережить любой кризис. Доверие и любовь, которые обеспечивают такую взаимопомощь, одинаковы в любом браке. Однако у большинства людей подобные беседы могут вестись всего лишь через пространство обеденного стола, когда оба супруга приходят с работы. Если же мне нужно поговорить с Викторией, я часто должен сперва узнать, каков международный телефонный код того города, где она находится.

Конечно, при той насыщенной жизни, которую мы ведем, важно то, что мы с Викторией сидим в одной лодке и гребем в одном направлении. Нам обоим известно, каково оно приходится, если хочешь достичь успеха в том, чему мы посвятили свою жизнь. Мы знаем (отчасти и потому, что являемся парой), чем сопровождаются определенный уровень известности и невероятное внимание со стороны публики. Нам повезло иметь вокруг себя прекрасных людей — родственников и профессиональных консультантов, которые снимают с нас часть напряжения, а также помогают находить верный способ поведения. Но в конечном итоге все сводится к тому, что есть я и есть моя жена. Время от времени, причем довольно часто, нам приходится, как говорится, сесть рядком и поговорить ладком (а иногда и не очень ладком) насчет происходящего с нами и вокруг нас: «Что происходит? Что ждет нас за углом?»

Ведутся ли такие беседы по телефону или лицом к лицу — важно, что они ведутся. Жизнь иногда становится просто сумасшедшей. Мы видим разное и всякое, нас просят сделать какие-то немыслимые вещи, нам приходится вплотную сталкиваться с такими проблемами, о которых мы и не подозревали всего несколько лет назад. По правде говоря, мы получаем удовольствие от непредсказуемости всего происходящего, причем Виктория даже в большей степени, нежели я. Всегда впереди маячит что-то новенькое. Важно стараться держать события под контролем, по возможности направлять их себе на пользу, но время от времени — идет ли речь о приглашении от какой-то студии в Штатах или о нежданном-негаданном переходе в новый клуб совсем в другой стране — разные жизненные ситуации начинают, похоже, жить своей жизнью.

А нам остается только подстраиваться к событиям и держаться вплотную к ним, чтобы не отстать. У нас с Викторией тоже случаются свои каверзные моменты, как и у всех других. Но, думается, благодаря тому, что мы есть друг у друга, нам удается избегать таких ситуаций, когда окружающее окончательно захлестывает и оглушает нас.

Мы можем поговорить друг с другом и можем пойти домой, к Бруклину и Ромео. Здесь уже не имеет значения, что происходило либо будет происходить вокруг меня до конца дня. Я прихожу в наш дом и как только оказываюсь с нашими мальчиками, ничто иное попросту не имеет значения — лишь они. Эти ребята заставляют меня трепетать больше всего в этом мире. Люди, пожалуй, смотрят со стороны на образ жизни мистера и миссис Бекхэм и воображают себе, что это все — чистейшее безумие,

нечто совершенно немыслимое и нереальное. Кое-какие вещи кажутся таковыми и нам тоже. Но фундаментальные основы жизни у меня такие же, как у любого семейного человека. Внутри бурлящего и пузырящегося мира Бекхэма есть один пузырек, не очень большой, но прочный, и в нем мы четверо чувствуем себя защищенными посреди окружающего нас стремительного водоворота. Мой реальный мир, где я нахожу все то, в чем нуждаюсь для оставшейся части того приключения, которое именуется жизнью, — это дом с Викторией, Бруклином и Ромео. Вы хотите сказать, что в этом нет ничего необычного, верно? Я и сам так считаю, и когда нахожусь дома с женой и сыновьями, то всегда стою обеими ногами на земле, как любой другой муж и отец. Примерно в таком же духе высказалась и Виктория, когда мы говорили о переезде в Мадрид.

Это огромное событие, огромная перемена в нашем существовании — иная страна, иной образ жизни. Но сейчас — самое время смиренно склонить головы и заняться всеми деталями, концентрируясь на том, что действительно имеет значение. Ты играешь в свой футбол — и должен играть хорошо, а я занимаюсь своей музыкой. А во всем остальном мы будем такими, какими нам надлежит быть, — тебе, мне и мальчикам. Семьей.

Они имеют для меня такое громадное значение, мои Виктория, Бруклин и Ромео, что я готов откуда угодно мчаться к ним, а потом назад, лишь бы только провести час или два дома. За эти годы для меня никогда не было проблемой съездить из Манчестера в Лондон, чтобы переночевать там и рано утром уехать обратно, при условии, что следующая игра «Юнайтед» не слишком близко. Насколько я знаю, некоторые люди дрогнули бы перед необходимостью регулярно преодолевать такие расстояния, но я никогда не находил пребывание за баранкой утомительным. Так же обстояло дело и с Викторией — в конце концов, наше первое свидание было для меня 400-мильным путешествием с возвращением в исходную точку, но я страшно доволен, что решил не оставаться в тот вечер в Лондоне, таращась в телевизор. Знаете, когда мы еще только дружили, то иногда, особенно если Виктория уезжала из страны на длинные гастроли, даже я, мотаясь туда-сюда, действительно испытывал некоторое напряжение. Помню один такой день во время летнего отпуска, незадолго до конца кругосветного турне «Спайс Герлз», когда я летал в Техас и обратно, только чтобы провести час с Викторией в зале VIP Далласского аэропорта. И не раз я прилетал к ней только для того, чтобы мы могли вместе сесть на самолет и вернуться домой. Но теперь? При наличии детей, о которых надо думать, я,

пожалуй, не могу больше так поступать. Однако это не означает, что мне этого не хочется.

Думаю, если я до сих пор не научился получать удовольствие от самолетов, то наверное, не научусь уже никогда. В моем паспорте собралось множество любопытных штампов — ими отмечены и работа над серией фотографий в Японии, и съемки телевизионной рекламы в Испании, а также спонсорское мероприятие во Вьетнаме, церемония награждения какой-то премией в Лос-Анджелесе и многое другое. Мне остается только радоваться, что всей организационной работой должен заниматься кто-то другой. Все это — хорошие, интересные дела, за которые мне надо благодарить, главным образом, Тони Стивенса. Они означают работу среди людей, с которыми я чувствую себя хорошо, поскольку с ними приятно общаться, и они понимают, что когда речь заходит о моем времени, то на первом месте у меня всегда стоит футбол. Даже такая штука, как оплата счетов, — еще одно занятие, в котором я нередко участвую лично, — тоже обычно вызывает у меня лишь положительные эмоции. Не уверен в справедливости расхожего мнения о том, что смена занятий ничуть не хуже отдыха, но мне действительно нравится время от времени переключаться и концентрировать свое внимание на чем-то отличающемся от моих обычных, рутинных дел. Иногда это означает, что мы с Викторией получаем шанс поработать вместе. Это великолепно хотя бы с той точки зрения, что у нас появляется возможность побыть друг с другом лишнее время. Впрочем, наши с ней подходы к таким вещам, как съемочный день или личное участие в работе, полностью отличаются. Я отношусь ко всему такому довольно спокойно: «Вы, ребята, занимайтесь своим делом и крикните, когда во мне возникнет нужда».

Мне нравится наблюдать, как другие люди делают то, к чему у них есть талант, так что мне почти всегда интересно присутствовать среди декораций, возведенных на природе, или просто в студии.

Виктория, конечно, за последние годы сделала в этом направлении гораздо больше. Мир коммерческих клипов, продвижения товаров на рынок и разнообразной рекламы составлял весомую часть ее трудовой жизни, еще до того как я познакомился с ней. Вероятно, именно поэтому она намного лучше разбирается во всем этом, хорошо знает, где и когда нужно надавить, а также любит проследить, чтобы все делалось правильно. Иногда моя жена склонна проявлять в подобных делах некоторое беспокойство и нетерпение, хотя потом, как обычно, оказывается, что она права. Кроме того, многое она умеет делать

сама и, вероятно, смогла бы проделать это лучше других. Думаю, что в итоге мы оба работаем вполне прилично, даже если приходим к этому разными путями. Более того, иногда мы по дороге даже немного подгоняем и помогаем друг другу. Особенно она. Могу только лишний раз напомнить: такое воздействие со стороны Виктории — это неотъемлемая часть моей жизни с ней. Она подталкивает меня вперед и заставляет меня думать своими вечными вопросами: «А ты видел это? Ты слышал это? Ты сделал это?» Но не только. Она еще и заставляет меня все время смеяться. Находясь с нею, я научился смотреть на все вокруг, включая себя самого, совершенно по-иному. Я обожаю ее стиль жизни — активность с первого же момента, с раннего утра. Я никогда не знал никого, кто был бы настолько живым, бодрым и целеустремленным. Женитьба на Виктории — это как бы постоянное подключение к такому мощному источнику энергии, что больше никакие батареи не нужны. И я кручусь именно благодаря ей. Иногда в цепи случаются не очень-то приятные короткие замыкания, но я научился отдавать энергию ничуть не хуже, чем получать. Виктория — это лучший друг и компаньон, которого я когда-либо знал.

Обожаю путешествовать вместе с ней. Мы просто фантастически провели время летом 2003 года в рекламном турне по Дальнему Востоку. Я, конечно, бывал в Японии раньше — в составе английской сборной на чемпионате мира. Но наша совместная поездка туда, чтобы поработать со спонсором под названием «TBC», означала нечто совершенно иное. Отношение в Японии к западным женщинам, да еще блондинкам — это вообще отдельная песня, но Виктория была для них кое-чем сверх этого — образцом для подражания и звездой, а вдобавок еще и доступной для общения. Японские женщины души не чают в Виктории, им нравится в ней буквально все — внешний облик, очарование и шик, жизненные установки, словом, весь комплекс в одном флаконе. Похоже, здешним женщинам нравлюсь и я. На мой взгляд, это немного странно — довольно трудно вообразить себе киноактера или известного музыканта из Японии, который бы произвел впечатление своей внешностью здесь, в Европе. Помню наш разговор в Токио с одной американкой, которая живет там и работает в студии звукозаписи Def Jam. Она сказала, что мой внешний вид — это еще далеко не все. В Японии (по крайней мере, с ее слов) все ищут идеального мужа, идеального отца для детей. Возможно, мы в Англии считаем такой подход старомодным, но лично мне нравится, насколько важной видится семейная жизнь в японском обществе. Когда они смотрят на меня, то видят во мне приятного парня, который был бы хорошим

партнером, — он любит бывать дома, он любит свою жену и хорошо обращается с детьми. Именно поэтому, когда речь идет о рекламных роликах и спонсорстве, на Дальнем Востоке людям нравится видеть вместе Викторию и меня. Разумеется, существует интерес к моей футбольной карьере и достижениям Виктории в сфере поп-музыки, но сам по себе он не объясняет, почему в Японии нас принимают так тепло. Только побывав там и поговорив с людьми, начинаешь понимать, каким образом нас воспринимают в этой стране. Мы поняли, что в краю сакуры это восприятие очень отличается от того взгляда на нас, который преобладает дома. Англичане знают, что я — муж и отец, но, на мой взгляд, их интерес ко мне в гораздо большей степени определяется тем, с помощью чего я зарабатываю на жизнь.

Я получаю большое удовольствие от Дальнего Востока, хотя иногда пребывание там может становиться несколько обременительным. Что касается отпусков, то при наличии у меня выбора и нескольких свободных дней я предпочитаю быстрый увеселительный вояж на юг Франции. Мы часто останавливаемся там в доме у Дэвида и Элтона. А вскоре, как только все будет приведено в надлежащий вид, они смогут погостить в нашем — ведь в 2002 году мы купили неподалеку от них виллу. Однако когда мы выезжаем всей семьей, я предпочитаю отправляться в Штаты. Америка такая большая страна, и она настолько привязана к другим видам спорта вроде баскетбола и американского футбола, что здесь ко мне подходят совсем не так, как в других частях света. Пресса любит разглагольствовать, что у меня будто бы есть мечта о «прорыве» на американский рынок. Реальная причина, по которой мне нравится ездить в Америку, состоит в том, что я действительно иногда тихо мечтаю о том, насколько здорово выглядела бы там моя жизнь. И не только потому, что там «Большие Маки» настолько уж больше и лучше, чем здесь. Поскольку в Америке меня знают далеко не так хорошо, как здесь, то, попадая туда, я должен постоянно думать о совершенно незнакомых людях, которые смотрят на меня. Вместо этого я сам могу понаблюдать за ними. А вижу я, в частности, страстность и энтузиазм американцев по отношению к собственной стране, и это меня действительно восхищает. Кругом видишь «звезды и полосы». Те чувства, которые мы в своей стране питаем к Англии, лишь когда происходят крупные международные футбольные турниры, американцы, как мне кажется, испытывают к своей стране круглый год. У меня сложилось впечатление, что каждый тамошний житель безотносительно к тому, откуда и когда он приехал в Штаты, считает Америку своей страной и гордится ею. Думается, это

оказывает большое влияние на их образ жизни — именно по этой причине люди в Штатах в большинстве своем обладают позитивными психологическими установками и относятся к окружающим и к самим себе весьма положительно.

Мы прекрасно провели в Америке лето 2003 года — даже невзирая на то, что нам пришлось разбить там бивак посреди пустыни, поскольку иначе мы не могли хоть немного уединиться и побыть частными лицами и семьей. По причине всех пересудов о моем переходе в мадридский «Реал» я понимал, почему вокруг нас в Нью-Йорке и Лос-Анджелесе вертится так много журналистов и фотографов. Произошло и несколько публичных событий, отчеты о которых появлялись в телевизионных новостях: вручение премий MTV и день, в течение которого я тренировался с национальной женской футбольной командой Америки. Я хорошо понимаю, что невозможно включать и выключать общественное внимание, как лампочку. Именно поэтому в том, что касается меня, я никогда не жаловался на действия СМИ, помещавших меня в центр внимания. Нет вопросов, бывали в моей жизни периоды, когда это помогало мне, особенно в самом начале моей карьеры как молодого профессионала в составе «Юнайтед». Да и в последние годы, особенно после того как события вокруг чемпионата «Франция-98» остались позади, пресса на мои взгляд, относилась ко мне очень даже неплохо и ее высказывания по моему поводу гораздо чаще носили позитивный характер и были отмечены щедрыми оценками, нежели наоборот. Журналисты, пишущие о футболе, реально помогли мне почувствовать себя на месте в роли капитана английской сборной. Другое дело, что газетами заправляют главным образом мужчины, и, возможно, именно этим объясняется часть той жалкой липы, вранья и злобствований, которые писались и говорились о Виктории. Это полностью достает меня. И ее тоже. Но, в конце концов, моя жена — человек взрослый и может сама позаботиться о себе. Единственное за чем, по моему мнению, СМИ действительно должны более внимательно следить, — это не выставлять на всеобщее обозрение лица тех детей, которым довелось иметь знаменитых мам и пап. Бруклин и Ромео не выбирали себе в качестве родителей Пош и Бекса. Меня очень злит — больше того, меня весьма печалит, — что я не могу взять с собой мальчиков в парк или на пляж без эскорта сопровождающих нас фото- и видеокамер. Это портит для меня все удовольствие, но суть не в том. Я помню прогулки в нашем районе вместе с мамой и папой, вечера после школы, проведенные на «Чеиз Леин Парк». И хотя мои сыновья не знают о своей непростой участи — пока еще не знают — их в любом

случае обкрадывают, лишая некоторых радостей детства, потому что пресса и прочая журналистская братия не могут оставить их в покое.

Я высоко ценю роль, которую сыграли СМИ в том, что я имею теперь возможность наслаждаться самыми разнообразными благами. Они — неотъемлемая часть любой карьеры, раскручивающейся на глазах у публики, и если не считать красной карточки в Сент-Этьенне, со мной, думается, обходились довольно-таки справедливо. В данный момент меня действительно радует, что большинство людей любят меня и с уважением относятся к тому, что я делаю как футболист, муж и отец. Впрочем, успев столкнуться с тем, какая буря разыгралась вокруг меня после чемпионата мира 1998 года, я где-то в подсознании понимаю, что все это хорошее может в какой-то момент резко измениться. Причины тут могут быть разные — и некий мой собственный поступок, и что-либо, никак не связанное со мной и вызванное просто переменой общественных настроений, даже чьим-то капризом. Когда речь идет о славе и обо всем, с чем широко известный человек сталкивается на своем пути, то становится понятно, что ты не в состоянии постоянно держать события и обстоятельства под контролем.

Если ситуация резко изменится, я не думаю, что смогу остановить этот процесс. Все, что я могу сделать, это подготовиться к такому повороту событий (если он когда-либо случится) и постараться достаточно гибко перестроить соответствующим образом свою жизнь. В этом состоит еще одна причина, почему для меня настолько важна забота о том, что я считаю самым верным и надежным, — о моей семье. Я хочу, чтобы моя жена и мои дети были вместе со мной. Хочу, чтобы Виктория, Бруклин и Ромео знали, что я всегда рядом с ними и живу ради них. И если в моей душе живет любовь к близким, а я сам укутан в кокон их любви, то абсолютно уверен, что смогу справиться с любыми превратностями судьбы.

Я рос в обстановке семейной любви. Без мамы и папы не случилось бы ничего из того, о чем здесь идет рассказ. Как и любой другой сын, я бы не вырос в того человека, каким стал, если они не передали бы мне своих ценностей. На мой взгляд, брак и родительские обязанности — это самые важные вещи в жизни любого из нас. Они доставляют самое большое удовольствие и несут с собой самую большую ответственность. Я очень много почерпнул на сей счет от своих родителей и благодаря детству, прожитому в том доме, который они создали для меня, Линн и Джоан. Этим объясняется, почему раскол между моими родителями был, вероятно, самым трудным эпизодом в

моей жизни из всех, какие мне довелось пережить. Честно говоря, я и теперь все еще нуждаюсь в немалом мужестве, чтобы продолжать это делать.

Не мое дело рассказывать здесь историю о том, как брак между мамой и папой закончился разводом. Однако я не в состоянии вести рассказ о себе, не говоря о том, какие чувства вызвал у меня — и все еще продолжает вызывать — развод моих родителей. В ходе моей карьеры мне приходилось преодолевать разные трудные периоды, и я считаю, что всегда был способен справиться с этим. Теперь я сам несу ответственность за собственную жизнь, а я всегда реагировал на вызовы тем, что принимал их. Я всегда ощущаю необходимость держать события под контролем и пытаюсь не плестись у них в хвосте, брать ответственность на себя и в любой ситуации действовать в позитивном духе. Тем не менее, при разводе моих родителей я был не в состоянии вести себя таким образом. Я был вовлечен в эти события, но все происходящее было практически полностью вне моего контроля. И это испугало меня — в первый и единственный раз я испытал тогда подобное чувство применительно к тому, что делалось вокруг меня. На протяжении тех нескольких лет, когда все разваливалось, я не мог заставить себя поговорить с ними об этом. Вообще, взрослые разговоры с родителями оказались тем, что мне давалось труднее всего.

Быть может, всякий, кто сам прошел через печальный опыт расторжения родительского брака, поймет мои эмоции. В семье вроде нашей мама с папой и их пребывание вместе — это как солнце, которое восходит каждое утро. Это из того, что дано навсегда. Ты никак не можешь вообразить их порознь — даже после того как покинул родительский дом и начал самостоятельную жизнь. Вероятно, труднее всего совладать с появляющимися у тебя — или внушаемыми тебе — мыслями о том, что этот раскол в какой-то мере произошел по твоей вине. Я помню, сколько времени и энергии они оба вложили в меня как своего сына и многообещающего футболиста. Возможно, вместо этого им следовало уделить друг к другу ту часть внимания, которое они посвящали мне? В ту пору я никогда не думал об этом. А они? Теперь, когда я мысленно возвращаюсь назад, уже слишком поздно что-нибудь предпринять в этом направлении.

И сколько бы лет тебе ни было в тот момент, дети родителей, находящихся в разводе, всегда чувствуют себя виновными или обнаруживают, что кто-либо старается вызвать у них чувство вины. По моему убеждению, все, что случается между мужем и женой — разумеется, не на поверхности, а глубоко внутри, — происходит только между ними двумя; даже их дети не могут

повлиять на конечный результат. Мой отец как-то сказал мне, что частью их с мамой проблемы было наличие у меня собственной семьи, в результате чего я не проводил со своими родителями достаточно много времени. Тут я задался вопросом, неужто мои прогулки с папой и наши с ним разговоры могли что-нибудь изменить? Может, мне следовало сидеть там у них в качестве связующего, удерживающего их вместе? Я не мог не думать над такими вопросами. Но у меня практически не было возможности приезжать к ним чаще, поскольку основную часть недели я проводил в Манчестере, а тот день или два, которые удавалось выкроить, мне надлежало быть с Викторией и мальчиками. Но даже если бы я уделял им больше времени, то разве, находясь рядом, я смог бы изменить ситуацию и взаимоотношения между ними? Оглядываясь назад, я так не думаю.

Даже теперь, после того как это произошло и мама с папой развелись, мне все еще трудно с этим смириться. Линн и Джоан тоже трудно. Не обязательно ставить перед собой последующий вопрос с помощью длинных слов, но в таких ситуациях он всегда встает — на чьей же ты стороне? Для меня и моих сестер тут не о чем не то что говорить, но даже думать. Они — наши родители, и ни о какой «стороне» не может быть даже речи. Но я вижу, что у них такая позиция порождает неуверенность. Им обоим очень больно и трудно чувствовать себя виновными в случившемся, и они нисколько не хотят, потеряв мужа или жену, вдобавок потерять еще и всю семью. Я помногу вижусь с мамой, поскольку она помогает нам заботиться о мальчиках, и понимаю, что папа может воспринимать это обстоятельство как некое предпочтение, отдаваемое мною маме. Думается, единственный способ когда-либо преодолеть проблему под названием «на чьей ты стороне» состоит в том, чтобы мама и папа смогли найти возможность снова общаться друг с другом, отыскали новую форму отношений, при которой между ними установится хоть немного доверия. Я от всей души надеюсь, что это произойдет.

Когда стало окончательно ясно, что отношения между родителями рушатся, то, хотя мне было очень трудно разговаривать с ними об этом, я все же хотел им помочь. Не верю, что я мог удержать их от намерения разойтись, но мне действительно хотелось сделать все возможное, чтобы облегчить ситуацию каждого из них, после того как они разъедутся. Я помог выкупить наш семейный дом — дом, где я рос, — так что папа смог начать там все заново. Я должен был сделать так, чтобы моя мама чувствовала себя устроенной, и понимал, насколько волновались за нее мои бабушка с дедушкой. Поэтому я купил маме новое жилье в Лоутоне, поближе к моему дому в

Соубриджуорсе, где она могла жить с Джоан. Я всегда воображал, что когда-нибудь позже куплю им где-нибудь большой дом, чтобы жить всем вместе. Мои родители к моменту расторжения брака были женаты почти тридцать лет, и я все еще не могу примириться с мыслью о том, что теперь они настроены жить сами по себе. Ибо мы — я, Линн и Джоан, — а также, надеюсь, и родители тоже хотим думать, что когда-нибудь в будущем отношения между ними станут достаточно дружескими, — по крайней мере, настолько, чтобы сесть всем вместе и вспомнить все то хорошее, чего у нас никто не отнимет.

И разве все это не заставило меня задуматься и о моей собственной семье? История брака моих родителей порождает у меня грусть и ощущение внутренней пустоты. Того, что было для меня домом, больше нет. И кто может сказать, какие неожиданности ждут тебя в твоей собственной жизни? Мой дом с Викторией и мальчиками — то место, где я чувствую себя состоявшимся. Мой брак и моя семья драгоценны для меня. Настолько драгоценны, что я просто не знаю, чем была бы моя жизнь без них. Я хочу видеть, как растут наши дети. Хочу, чтобы мы с Викторией понемногу старели в обществе друг друга, всегда оставаясь вместе. Я женился только однажды и хочу, чтобы та семья, которая есть у меня теперь, оставалась со мной навсегда. Развод родителей позволил мне еще лучше осознать это желание. По мере взросления я постепенно узнавал от своих родителей, как жить, как принимать решения и как относиться к другим людям. Они также научили меня, что если ты действительно хочешь что-то получить, то должен для этого упорно трудиться. Думаю, они имели в виду мою футбольную карьеру. Но сейчас я понял для себя вот что: это в той же мере верно и для брака.

13. По поводу лояльности

«У вас возникла какая-то проблема со мной?»

Никогда я не чувствовал подобного разочарования. Ведь я действительно верил, что мы в состоянии выиграть чемпионат мира 2002 года в Японии. Не знаю, что давало мне такую уверенность. Моя капитанская повязка? Или вовремя зажившая нога? Или совпадения вроде того, что мне чисто случайно досталось на наших авиарейсах место с номером 7? Все это определенно воспринималось как добрые предзнаменования, указывающие на то, что время Англии пришло. Зато я действительно знаю, что этап, на котором мы вылетели из турнира (и то, как мы это сделали), оставили у меня по-настоящему тяжелый осадок перед началом нового сезона дома, в премьер-лиге. Вскоре после того как сборная команда Англии вернулась в Великобританию, мы с Викторией улизнули на недельку для маленькой передышки, но даже этот отдых никак не изменил моего настроения. Более того, к концу недели он надоел и Виктории.

— Я не знаю, сколько мне еще придется это терпеть, — сказала она. — Что мне за радость быть с человеком, который за целый день ни разу не улыбнется и не проявит никаких эмоций, который с трудом, еле-еле разжимая губы, заставляет себя произнести хоть словечко.

Ей не надо было добавлять, что это несправедливо по отношению к ней. В прошлом я всегда старался сделать так, чтобы не приносить домой неприятности, связанные с работой, и не строить капризы в семье, если дела у меня в «Юнайтед» по той или иной причине не складывались. Но сейчас было совсем другое. И когда пришло время начать предсезонные тренировки, у меня все еще сохранялось такое чувство, словно я вообще не отдыхал, — сплошная усталость, свинцовые ноги, никакой искорки в глазах. Такое состояние не сулило ничего хорошего. Моя работа ведь не совсем обычная, это же не с девяти до пяти, верно? И не спускаться в шахту или целый день крутить баранку грузовика. Играть в футбол, тренироваться — это же то, чем я люблю заниматься, и я отлично понимал, что не должен чувствовать себя так, будто мне вообще неохота возвращаться в «Юнайтед», хотя новый сезон уже был на носу.

Для избавления от такого рода депрессии невозможно ограничиться одним только пожеланием — мол, уходите

подальше, уныние и хандра! Твоя голова опущена вниз или высоко поднята в зависимости от того, знаешь ли ты, что должен делать. Футболистам «Юнайтед» повезло в этом смысле, ибо их отец-командир понимает своих игроков достаточно хорошо, чтобы мгновенно распознать их чувства и уловить, где слабина и что у них не пляшет. Возможно, по этой причине предсезонье не стало для нас в этом году таким же трудным чисто физически, как это иногда бывало в прошлом. Но даже невзирая на это, когда мы вступили в новый сезон 2002/03 годов, я все же чувствовал себя как в воду опущенным — утомленным и далеким от готовности к нему. Хотя после того как предыдущий май на «Олд Траффорд» не принес ни единого трофея, на нынешний сезон в клубе делалась большая ставка. Когда ты не чувствуешь себя в норме, то иногда полезно работать упорнее, чем обычно, тренироваться и играть, полностью выкладываясь, чтобы преодолеть себя, и я был готов к этому. Не понимал я совсем другого — как потом выяснилось, многое из того худшего, что ждало меня впереди, не имело вообще никакого отношения к футболу.

Мы с Викторией делаем все, что можем, чтобы хорошо организовать свою жизнь. Мы поступаем так не только из-за стремления не отклоняться от поставленных целей, но и потому, что наше расписание, даже составленное наилучшим образом, уже означает жизнь, достаточно сложную для Бруклина и Ромео. Тем не менее, иногда все равно происходят такие события, которые возникают как бы ниоткуда, так что их никак нельзя учесть ни в каких предварительных планах. Но даже если бы это было возможно, ты не захотел бы так поступать, потому что уже одни только размышления об этих сомнительных сюрпризах могут вызвать желание наглухо запереть парадную дверь и никогда не выходить из дома.

Первая игра, проходившая в ноябре на «Олд Траффорде», была против «Саутгемптона». Увы, эту встречу нельзя отнести к тем, которые остаются в памяти, как это случается обычно с матчами, открывающими сезон на своем стадионе. Мы находились отнюдь не в лучшем виде, и это был один из тех дней, когда ты доволен, что команда все же рубилась не зря, сумев прорваться и взять все три очка. И хотя каждая домашняя игра уже сама по себе является большим событием, особенно когда носишь нарукавную повязку капитана, доставшуюся из-за травмы Роя Кина, в конце данного матча, закончившегося нашей победой со счетом 2:1, я уходил с поля с не очень-то приятным ощущением типа «ну вот, еще одну субботу отработали». Я ждал встречи с Викторией и собирался вечером ехать домой, чтобы

побыть рядом с ней и с мальчиками. А это означало, что ситуация, которая ждала меня, действительно свалилась, как снег на голову, и потому ударила еще больнее.

Как только я зашел в раздевалку, отец-командир сказал, что мы с ним должны поговорить у него в кабинете. Не после того как я переоденусь, а чем быстрее, сию минуту. Так что я потопал за ним, как был, в бутсах и в форме. Мы вошли к нему. Я не представлял, какой разговор мне предстоит, но уж наверняка никак не рассчитывал, что нас будет там ждать Виктория. Она выглядела бледной и была вся на нервах. Я все сделаю, но только скажите, что. Я посмотрел на нее, ожидая, что она тут же расскажет о том, что произошло, и испытывал странное чувство — когда уже по одной только напряженности, висящей в комнате, знаешь, что случилась какая-то ужасно плохая вещь, но понятия не имеешь, в чем она состоит. Посмотрел я и на нашего отца-командира — он тоже выглядел не в своей тарелке. Значит, можно было рассчитывать только на других людей, которые присутствовали в кабинете, — их было четверо. Одного я вроде узнал — полицейский офицер из Манчестера — а он познакомил меня с остальными. Все они были из S07 — одного из подразделений в составе отдела по борьбе с серьезной и организованной преступностью — и прибыли из Скотланд-Ярда.

И вот четверо мужчин стояли в своих мундирах и штатских костюмах, а я все еще торчал в своей форме «Юнайтед», и с меня капал пот. Ощущение было такое, словно не только я, но и все остальные ждали, что произойдет дальше. Старший тренер предложил мне сесть и все спокойно выслушать. Что из того спокойствия, если в услышанное все равно невозможно было поверить. Я с трудом пытался осознать то, о чем говорилось: «Этого не может быть. Этого не должно быть».

Я смотрел на Викторию и видел по ее глазам, что у нее в голове вертится такой же вопрос, как и у меня. Что нам делать?

После конфиденциальной наводки, поступившей из «Ньюс оф зе уолрд», в Лондоне были арестованы четверо мужчин и женщина. Они входили в банду похитителей произведений искусства. Но в тот же вечер и на следующее утро взяли еще четырех человек, которые, как считала полиция, собирались похитить Викторию, Бруклина и Ромео и удерживать их в расчете на выкуп в пять миллионов фунтов стерлингов.

Виктория уже слышала все это и изо всех сил старалась оставаться или хотя бы выглядеть спокойной. Она даже в шутку сказала, что коль они собирались похищать ее, то должны бы прихватить и ее парикмахера тоже. Теперь она заново слушала все подробности и наблюдала, как их воспринимаю я. А я был

действительно огорчен — так, что сильнее не бывает. У меня возникло такое чувство, будто мой желудок перевернулся и опустился куда-то вниз. Худшего кошмара невозможно вообразить, ведь не так уж многим людям доводится слушать полицейских, рассказывающих им о подобной угрозе как о чем-то весьма реальном. Уже с самого начала сотрудники из Скотланд-Ярда заявили нам, что относятся к этому делу всерьез. Они успели произвести вышеупомянутые аресты и расставили своих людей вокруг наших домов в Олдерли-Эдж и Соубриджуорсе.

Понятное дело, к тому времени, когда мы добрались домой, в конце переулка стоял полицейский автомобиль, и несколько полицейских дежурили в воротах. Мы двинулись дальше и увидели напротив парадной двери другой автомобиль. Мы с Викторией с трудом старались не запаниковать, и в этом, надо сказать, нам помогло то обстоятельство, что полиция так быстро оказалась на месте и взяла события под контроль. Читая в тот же вечер и на следующее утро газеты и просматривая телепередачи, пораженная страна узнала правду о том, какая беда могла случиться в нашем доме. И хотя мы могли бы уже привыкнуть к разным историям о себе, а также зачастую иметь дело с событиями и обстоятельствами, о которых раньше и понятия не имели, на сей раз все выглядело по-другому. На воротах домов по всему южному Лондону появились фотографии членов банды и подробные сведения об исходивших от них угрозах насчет того, что может случиться с Викторией, если я не заплачу требуемой суммы. От таких мерзостей, причем на пороге моего собственного дома, у меня застыла кровь в жилах. Думаю, это неожиданное происшествие действительно потрясло нас обоих.

Конечно, мы были удручены и напуганы, но ведь невозможно просто спрятать голову в песок и надеяться, что все пройдет само собой. Безопасность семьи для меня — самое важное в мире, как и для любого отца, поэтому в последующие дни мы со всех сторон пытались решить, что можно предпринять и как нам следует поступить. Я потерял счет экспертам, к которым мы обращались за советом. Какое-то время у нас в головах царила полная неразбериха, и мы чувствовали себя погребенными под лавиной обрушившихся на нас рекомендаций. Каждый выдвигал собственные идеи, непохожие на другие, и у меня даже возникло ощущение, что за действиями многих стояли какие-то политические соображения — то есть, люди, предлагая помочь, в то же время ставили на карту свою репутацию или старались ее улучшить. Дело сводилось к тому, что мы не знали, кому можно доверять.

В итоге человеком, к которому мы обратились, стал Тони,

отец Виктории. В связи с характером своей работы он всегда проявлял интерес к техническим средствам обеспечения безопасности, и когда мы купили дом в Соубриджуорсе, он сразу и без нашего ведома оснастил его встроенными системами сигнализации, даже не рассказав нам обо всех подробностях, и до сих пор этого оснащения вполне хватало. Указанные меры безопасности были достаточно изощренными, чтобы произвести впечатление на сотрудников Скотланд-Ярда, когда они стали размышлять, чем же следует дополнить уже имевшееся у нас оборудование.

Теперь наша жизнь буквально за пару дней вышла на такой уровень безопасности, о котором мы и не помышляли, перед тем как полиция раскрыла заговор против нас с целью похищения. Это оказалось совсем не легко — не говоря уже о необходимости ездить на работу или выполнять свои общественные обязанности, мы, как и любая другая семья, всегда хотели иметь возможность прошвырнуться в «Маркс и Спенсер» или «Макдональдс». Теперь мы должны были проявлять осторожность, как никогда прежде. Одновременно, стремясь обеспечить нашим мальчикам максимальную безопасность, мы пытались не слишком осложнять их жизнь и не делать ее чрезмерно запутанной. Через день или два после того как заговор был раскрыт, я сказал Бруклину, что полицейский припарковался неподалеку от нас специально для того, чтобы показать ему свой необычный автомобиль. Можно только вообразить, к каким выводам пришел на основании этого мой трехлетний сынишка, — он бегал к патрульной машине каждые десять минут и просился посидеть за рулем, включая и выключая при этом мигалки с сиреной.

Если бы меня тогда спросили, то я бы честно признался, что после той субботы и связанных с ней событий предпочитаю не играть во вторник вечером против «Лестера» в кубке лиги. Да и наш старший тренер сказал, что собирался предоставить отдых тем игрокам, которые, по его мнению, нуждаются в небольшой паузе. Я чувствовал, что окажусь одним из них. В последние годы мы иногда не выставляли для участия в этом соревновании самый сильный свой состав. Это рассматривалось, как возможность для более молодых ребят выйти на поле и показать себя в лучшем виде — подобно моему выступлению в Брайтоне почти десять лет назад. Но моя фамилия присутствовала в заявочном списке на матч против «Лестера», а коль меня выбрали играть за «Юнайтед», то шеф знал, что я никогда не стану перечить.

За каждым решением, которое принимает старший тренер, всегда стоят очень серьезные основания. В тот момент оно может тебе не нравиться (как это было в случае, когда он не выставил

меня против «Лидса»), но если ты остановишься и немного подумаешь, то обязательно вспомнишь, что всегда сосредоточен на одном стремлении — предпринимать те действия, которые хороши для команды. Причем часто они потом оказываются хорошими и для игрока тоже. Иногда подобная проницательность шефа в буквальном смысле слова сводит тебя с ума — появляется такое чувство, словно он знает тебя едва ли не лучше, чем ты сам. Он знает, что означает для меня игра в футбол, и принял свое решение, думается, из тех соображений, что в тот вечер мой выход на поле в качестве капитана команды поможет другим ребятам, особенно молодым, и в то же время позволит мне отвлечься от хаоса нескольких предыдущих дней, проведенных вдали от «Олд Траффорда». Но коль я приехал сюда и поставил машину в паркинг, ничто не в силах помешать мне делать свою работу. Старший тренер знал, что ничего такого не произойдет и в этот вечер, а я забил первый гол с одиннадцатиметровой отметки, чем помог закончить встречу нашей победой со счетом 2:0.

Заодно я получил возможность сделать перерыв в своих выступлениях на поле, но совсем не тот, в котором нуждался. За несколько минут до конца указанной встречи я вступил в борьбу за мяч с их центральным нападающим, Тревором Бенджамином, крепким парнем с большими габаритами, и он обрушился на меня сверху. Я остался сидеть на земле, сразу поняв: случилось нечто серьезное, поскольку я с трудом мог дышать. Сразу после этого эпизода и потом на протяжении нескольких последующих дней медики «Юнайтед» заявляли, что я просто ушиб себе ребра, хотя и довольно сильно. В общем, я продолжал тренироваться и даже отыграл весь матч в уик-энд. Врачи думали, что если бы у меня произошел перелом, то я бы не смог сделать ничего такого. Но я все же был уверен, что ощущавшаяся мною сильная боль вызвана чем-то посерьезнее ушиба, и когда мы провели более тщательное обследование, рентген показал, что у меня действительно сломано одно ребро.

До этого я никогда не имел проблем, связанных с травмами, если не считать разных пустяков, а тут меньше чем за год заработал себе вторую. Другое дело, что этот конкретный случай был, возможно, из разряда тех неприятностей, которые неожиданно оборачиваются благом, — что называется, не было бы счастья, да несчастье помогло. Раньше мне никогда не хотелось пропускать игры, «сачковать», но сейчас еще до начала сезона я чувствовал себя после возвращения из Японии страшно усталым — как морально, так и физически. А теперь у меня не было никакого выбора, кроме как отдыхать. Я присоединился к

сборной Англии для участия в небольшом празднике в рамках особой международной недели. Потом всю команду пригласили в Букингемский дворец, а уж это было такое событие, которого я никак не мог пропустить. Я испытывал невероятную гордость, когда меня снова представляли Ее Величеству королеве — на сей раз в качестве капитана английской команды. Она спросила о моей травме (думаю, имелась в виду нога, сломанная в предшествующем сезоне, а не ребро, которое пострадало в этом) и о том, какие меры мы предпринимаем после заговора о похищении. К этому инциденту ее величество явно проявляла особый интерес, поскольку личная безопасность являлась одной из тех проблем, о которых она много знала по собственному опыту.

А потом — кажется, впервые с незапамятных времен — мы взяли мальчиков вместе с собой в отпуск на Барбадос, для чего удалось выкроить недельку. Подготовка к этому мероприятию заставила немного понервничать: куда ехать, кому рассказать об этом и все такое прочее. Мы приняли решение в самую последнюю минуту и сообщили о нем вроде бы только родным, но к тому времени, когда мы прибыли на место, газеты уже выследили нас. Кто знает, каким образом это происходит? Кто-то увидел тебя в самолете или в аэропорту — и тут же дал знать журналистам? В результате нам пришлось проводить почти все время в огороженном частном бассейне, куда вход был строго ограничен. В самый последний день я взял Бруклина на пляж, находившийся всего в нескольких ярдах от нашей виллы, но там нас уже ожидали камеры. Понимаю, что вообще-то мне сильно повезло, поскольку я в состоянии вылететь в красивую местность, где много солнца, и наслаждаться там роскошью. Но какое же это везенье, если я, попав туда, не имею возможности провести несколько часов в море, развлекаясь вместе с семьей? Так или иначе, было прекрасно побыть здесь какое-то время, расслабившись и общаясь только между собой, пока жизнь, как мы понимали, текла своим чередом, омывая волнами задний двор нашего лондонского дома.

Я возвратился свежим и не мог дождаться, чтобы снова играть в футбол, хотя должно было пройти еще несколько недель, прежде чем я смогу выйти на поле. Однако за время моего отсутствия нечто все же изменилось. Почти сразу после того как я начал работать в Каррингтоне над восстановлением своей физической формы, в атмосфере нельзя было не почувствовать некого холодка, причем не в клубе с ребятами, а во взаимоотношениях между мной и Алексом Фергюсоном. Так бывает часто, когда ты травмирован. Просто выпадаешь из

повседневного общения и как будто действительно перестаешь существовать. Совершенно очевидно, что отцу-командиру приходится добиваться в футбольных матчах побед с теми игроками, которыми он располагает, и чье-либо отсутствие не может его радовать.

Однако в данном случае у меня возникло какое-то совсем другое ощущение. Возможно, если бы я знал, что произойдет в последующие несколько недель, то предпринял бы какие-то меры, прежде чем события выйдут из-под контроля. Но как после десяти самых счастливых лет жизни, проведенных мною на «Олд Траффорде», я мог даже вообразить, что вскоре все начнет запутываться, причем весьма быстро, и я окажусь в такой ситуации, когда передо мной возникнет вопрос: а не лежит ли вообще мое будущее вдали от «Юнайтед» или даже вдали от футбола как такового?

На тренировках шеф теперь редко обращался ко мне. После месяца намеренно безразличного, ледяного отношения к себе я решил, что должен выяснить, что, собственно, происходит. В прошлом любая встреча с шефом пугала меня, едва только я начинал думать о ней. Совершенно автоматически я сразу становился перед ним навытяжку, и прежде, чем успевал вымолвить хоть слово, моя нижняя губа уже начинала дрожать. Я всегда был упрямцем, но теперь стал старше и более зрелым. И что самое важное, ощутил гораздо больше уверенности в себе. За это мне следует поблагодарить свою жену, которая верит в меня. Итак, я узнал у отца-командира, могу ли увидеться с ним, и затем спросил у него напрямую:

— Есть проблемы? У вас возникла какая-то проблема со мной?

У него действительно была проблема, причем большая. Конкретнее, в его глазах она заключалась в том, что вместо немедленного отъезда прямо в отпуск я отправился с остальными игроками сборной Англии в Букингемский дворец. Он считал, что я скорее при шел бы в норму, если бы не ожидал этого визита несколько дней перед вылетом на Барбадос. Я попробовал изложить свои соображения. Насколько я понял наших докторов, человек не в состоянии сделать ничего такого, что ускорило бы выздоровление после сломанного ребра, — надо отдыхать четыре недели, и все тут. Что же касается посещения Букингемского дворца, то и здесь я попробовал объясниться:

— Я ведь капитан сборной Англии. Даже не говоря о том, что я и сам с гордостью воспринял приглашение явиться на встречу с королевой, газеты смешали бы меня с грязью, если бы я на ней отсутствовал. Во дворец прибыла вся команда, ездившая на

мировой чемпионат, в полном составе. Я тоже считал себя обязанным быть там. Эшли Коул получил от прессы нагоняй по первое число, поскольку явился в такое место в тренировочных брюках. Тогда что бы поднялось, если бы я вообще не пришел?

Фразу, которую отец-командир сказал после этого, я не забуду никогда:

— Когда я увидел тебя там, у меня возникло сомнение в твоей лояльности по отношению к «Манчестер Юнайтед».

Эти слова обожгли меня. Честно говоря, я не мог поверить услышанному. Как ни крути, меня связывали с этим клубом тринадцать лет жизни.

— Я люблю «Юнайтед». И хочу здесь быть. Но если вы не испытываете желания, чтобы я тут оставался, то должны сказать мне об этом, — сказал я.

Шеф ничего не ответил. Я вышел. И в последующие дни все выглядело так, словно этой беседы вообще никогда не было. Но на тренировках у меня не исчезало чувство, словно я попал в полосу самой жесткой критики, причем независимо от любых моих действий и без какой-либо реальной причины. Наш отец-командир никогда не боялся коренных перемен в составе «Юнайтед». В конце концов, я получил свой шанс выступать в первой команде только потому, что он продал Андрея Канчельскиса.

Теперь у меня самого начинало возникать такое чувство, словно уже я оказался тем, кого готовят на вылет, намереваются сделать отрезанным ломтем. Все мы привыкли получать накачки от отца-командира — в течение многих лет это был у него чуть ли не единственный способ добиться от своих игроков максимальной отдачи. Но на сей раз дело выглядело совсем иначе. Тут с его стороны имел место личный выпад, причем оскорбительный. И хоть я старался, как мог, вести себя таким образом, будто ничего не случилось, эта ситуация меня доставала. Спросите Викторию. У нее и без того имелась куча собственных забот с Ромео, который был тогда совсем маленьким. И тем сильнее ее раздражало то обстоятельство, что я все время огорчался и ходил, как в воду опущенный. Разве это была ее ошибка, ее вина? Но именно она оказалась той, в чьи уши страдающий муж день за днем вливал все свои неприятности.

Упомянутая встреча с отцом-командиром ничего не решила. Даже после того как я полностью вернулся в строй и снова играл в команде, впечатление складывалось такое, что, на его взгляд, нет такой вещи, которую я мог бы сделать правильно. На тренировочном поле я получал гораздо больше втыков, чем составляла причитающаяся мне справедливая доля, а за

пределами футбольного газона меня не покидало такое чувство, что любой мелочи или ошибки достаточно, чтобы ввергнуть меня в еще большие неприятности. Перед Рождеством все наши игроки посещали местные больницы, раздавая подарки детям. В прошлые годы я занимался этим делом самостоятельно, то есть с командой, и лишь однажды вместе с Викторией отправился в совсем другое медицинское учреждение — онкологическую больницу «Кристи» в Манчестере. На сей раз я совершил ошибку, спросив, не сможем ли мы снова поступить так же. Шеф усмотрел в этом пренебрежительное отношение к остальной команде, желание выделиться и стремление лучше выглядеть в глазах других (все это не имело ничего общего с истиной), после чего отвел меня в сторонку, чтобы влепить мне по первое число и изложить свое мнение по данному вопросу. Потом началась очередная эпопея. В день нашего матча против «Челси» на «Олд Траффорде» в рамках кубка лиги, Бруклин должен был впервые выступить в своем детском садике в рождественской инсценировке евангельского сюжета. Мы потренировались утром и должны были собраться в час дня, чтобы готовиться к игре. Я спросил у шефа, можно ли прибыть на несколько минут позже — постановка начиналась ровно в полдень и продолжалась около часа. Возможно, мне следовало самому догадаться, что тут даже спрашивать не о чем. Если бы у меня был другой характер, то, не задавая никаких вопросов, я спокойно и молча пошел бы в садик, а затем объявил виновными в своем пятнадцатиминутном опоздании на работу исключительно автомобильные пробки. Но я ведь не единственный папа в мире, который рвался поприсутствовать в детском саду своего сына на подобной премьере, и потому надеялся, что шеф меня поймет. В худшем случае, подумалось мне, он просто скажет «нет» — мол, у нас ответственная встреча, и он не хочет, чтобы я шел туда и отвлекался. Но он с ходу впал в ярость:

— Черт возьми, Дэвид, что тебе нужно? Чего еще тебе хочется?

И прежде, чем я смог хоть что-нибудь произнести, он просто повернулся на каблуках и быстро ушел. Мне оставалось только воспринять этот поступок сразу как два ответа — его и мой. Жаль было, конечно, пропускать пьесу с участием Бруклина, но я понял нашего старшего тренера так, что у него нет желания отпускать туда своего игрока в день матча. Чего я не понимал, так это того, почему мой вопрос показался ему настолько принципиальным и вызвал столь бурную реакцию. Заводить отца-командира было последним, что я хотел бы делать.

Но мое желание тут уже не имело значения. Казалось, эта

тупиковая ситуация только углубляется, затягиваясь до бесконечности. Последующие три месяца были наихудшими, которые мне доводилось провести на «Олд Траффорде». Шеф, если только не наезжал на меня, вообще, казалось, игнорировал мою персону. И я чувствовал себя все более подавленным. И на тренировках, и дома я испытывал лишь одно желание — спрятаться в свою скорлупу, замкнуться в себе. Я почти перестал разговаривать, а все, что мне говорили, влетало в одно ухо и тут же вылетало в другое. Он игнорировал меня, а я, как выяснилось, игнорировал его и, кроме того, многое другое тоже. Разумеется, я рассказывал Гэри, Виктории и Тони Стивенсу о том, что происходит у меня с шефом. Но мне действительно не хватало в клубе того, кто смог бы выступить в качестве посредника между мною и отцом-командиром, — Брайана Кидда, Стива Маккларена или Эрика Харрисона, короче, человека, который умел бы смотреть на вещи с точки зрения как нашего отца родного, так и футболистов, того, кто действительно понимал бы ситуацию и мог дать разумный и адекватный совет. Наш новый тренер номер два, Карлос Куэйрош, был великолепным специалистом, тут нет вопросов, но — возможно, по причине языкового барьера или из-за его прошлого в качестве самостоятельного старшего тренера высокого полета — он не принадлежал к числу тех, с кем я чувствовал себя настолько комфортно, чтобы вступать в такого рода беседы. Не думаю также, что Карлос счел бы подобные вопросы частью своих служебных обязанностей. Что же касается самого шефа, то он совершенно очевидным образом не желал говорить со мной. Впервые на протяжении своей карьеры в «Юнайтед» у меня в клубе не оказалось никого, к кому я мог бы обратиться за помощью.

Я уже упоминал, с каким трудом мне удалось справиться с разногласиями между моими родителями. Само собой разумеется, что по мере того как ситуация между ними обострялась и в конечном итоге привела к разводу, мои отношения с родителями тоже не могли оставаться прежними. Любые сын или дочь, которым довелось пережить распад родительской семьи, знают из опыта, к какому разладу он приводит. Особенно изменились в то время мои взаимоотношения с отцом. В прошлом он был первым человеком, которому я докладывал обо всем, что случалось со мной на «Олд Траффорде». Теперь перед ним была куча собственных проблем, которые надо было решать ему самому, и мне казалось неправильным обращаться к нему за советом в такое и без того нелегкое для него время. Поскольку моя мама (равно как и Джекки, мама Виктории) принадлежит к числу лучших в мире

приходящих нянь и вообще специалисток по уходу за детьми, то я про должал часто видеться с нею и в тот период, когда в «Юнайтед» многое для меня пошло совершенно не так, как надо. Я всегда знал, что они с папой ходили на стадион ради меня, но вообще-то, если говорить о моей судьбе в футболе, мама оказывала мне моральную поддержку, в то время как папа, на мой взгляд, во многом руководил мною и направлял меня. Однако теперь мама могла лично убедиться, насколько тупик в отношениях с шефом мучил ее сына и насколько вредно отражался упадок моего настроения на ее невестке и внуках. И вот, не поставив меня в известность, мама решила взять это дело в свои руки и как-то повлиять на то, что происходит на работе у сына.

Нам предстояло выступать против «Вест Хэма» в кубке, и мама пришла на «Олд Траффорд» посмотреть игру. Тогда я впервые почувствовал, что подавленность повлияла на мою игру. Я участвовал в матче, и мы победили 6:0, но я не получил от этого большого удовольствия, тем более, что шеф в перерыве опять наехал на меня по какой-то мелкой причине. Помню, что после свистка об окончании встречи я постарался переодеться и покинуть нашу спортивную арену как можно скорее. К тому времени, когда я сидел в машине с Викторией, у меня было такое чувство, словно что-то на меня давит. Я ощущал себя совершенно бессильным и просто сидел в салоне, уставясь прямо перед собой в струи дождя, которые заливали ветровое стекло, и пытался подавить рыдания. Мама покинула «Олд Траффорд» немного позже — она и Джоан возвращались в Лондон отдельно от нас — и позвонила из своей машины:

— Я должна была увидеться с ним.

Моей первой реакцией было машинальное: «Увидеться с кем?»

Но и не дожидаясь маминого ответа, я уже знал, что она подразумевала шефа, и потому разозлился. Сама мысль о том, что моя мама намерена увидеться с шефом, казалась мне абсурдной. Однако она объяснила, что это произошло случайно. Мама столкнулась с отцом-командиром в коридоре и посчитала своим долгом изложить ему свои соображения по поводу происходящего. А мне-то казалось, что в свои 27 лет я должен быть в состоянии и сам разобраться в собственных проблемах, возникающих на работе. Поэтому для меня было самой настоящей неожиданностью, что она поступила так, как поступила. Догадываюсь, для отца-командира тоже. Она рассказала мне о том, какие темы затрагивались в их разговоре, и одна фраза шефа запала мне в голову:

— Знаете, Сандра, беда Дэвида в том, что теперь каждый подкатывается к нему, а ему это нравится.

Ничто из возможных его высказываний по моему поводу не могло нанести мне более чувствительного удара, чем это. Я всегда верил, что независимо от того, каким образом кто-либо другой высказывается или думает о тебе, ты должен оставаться верен самому себе. Когда я был ребенком — играл в «Риджуэй Роверз», тренировался со «Шпорами», начал заниматься в «Юнайтед», и папа за что-либо сердился на меня или считал мою установку неправильной, он знал, что нужно сказать, чтобы действительно достать меня: «Ты изменился».

Эта элементарная фраза, исходящая от него, всегда уязвляла меня хуже любых нотаций: за ней стояло, что я обманывал свой футбол и собственную жизнь, притворяясь кем-то или чем-то таким, к чему на самом деле не имел отношения. Папа знал, как меня пронять, и Алекс Фергюсон тоже. Словами, сказанными моей маме после той игры с «Вест Хэмом», шеф по-своему выразил то же самое, что говорил мне отец много лет назад. Я и без того знал, насколько эти два человека похожи — и прежде всего, своим упрямством. Возможно, ни один из них по-настоящему не понимал, что я унаследовал и позаимствовал от обоих это упрямство или, если хотите, упорство, и оно стало чертой моего характера. Но в любом случае я не мог позволить, чтобы меня, как говорится, без меня женили. Поэтому меня разозлил мамин поход к шефу, хотя, с другой стороны, ее поступок заставил меня понять, что если я так расстроен и разочарован случившимся, то следовало мужественно смотреть ситуации прямо в лицо и противостоять ей, вместо того чтобы позволить событиям довести меня до ручки.

Несколько дней спустя шеф попросил меня зайти. Он хотел поговорить о ходе подготовки к товарищескому матчу сборной Англии против Австралии, имея в виду, что со Свеном у него было достигнуто взаимопонимание по поводу того, что ведущие игроки клуба будут задействованы только на 45 минут. Конечно, как капитан английской команды я должен был знать, что в ней происходит. В общем, здесь мы потолковали прекрасно. Теперь была моя очередь. Начиная с матча против «Вест Хэма», я долго и упорно размышлял о том, что же хочу сказать отцу-командиру и услышать от него в ответ. У нас образовалось в «Юнайтед» несколько свободных дней, и это дало мне время обдумать кое-какие вещи и самому прийти к определенным выводам. Первым делом мне надлежало выяснить, хочет ли он моего ухода из «Юнайтед». И если такого намерения у шефа нет, но он собирается по-прежнему трактовать меня так же, как сейчас, то

мне хотелось довести до его сведения, что у меня имеется иной вариант поведения. Я не мог себе вообразить, что на самом деле поступлю подобным образом, но это было вполне возможным — у меня лежала в банке достаточная сумма, чтобы позволить себе принимать решения, не очень-то думая о деньгах. Вместо того чтобы ломать себе жизнь и тратить нервы на занятия игрой, которую я продолжаю любить, но без взаимности, я могу вообще уйти из футбола. Я зашел в своих размышлениях настолько далеко, что уже обсуждал данный вопрос с Викторией. Тем не менее, мне не хотелось верить, что дело может дойти до этого:

— Скажите, шеф, мы можем разобраться в нашей проблеме?

— В какой проблеме? Разве у нас есть проблема?

— Да, есть. Не может быть, чтобы я оказался в том состоянии, в котором сейчас нахожусь, без всякой причины. А я ведь оказался в разобранном виде из-за того, как вы поступаете со мной.

— Я ничего тебе не сделал, — сказал он. Затем продолжил:

— Ты относишься ко мне аналогичным образом — игнорируешь и даже не смотришь на меня во время бесед с командой.

Это было верно, но только потому, что иногда такое поведение казалось мне единственной возможностью хоть как-то скрыть ту подавленность, которую я ощущал. Если ты не в состоянии справиться с чем-либо, то пытаешься вообще не замечать этого.

— Шеф, ваше нынешнее отношение ко мне продолжается уже многие месяцы. По крайней мере, еще с того момента, когда я сломал себе ребро, и после той истории с посещением Букингемского дворца. Я не получаю удовольствия от тренировок. Не получаю удовольствия от футбола. Я просто не могу и дальше жить в таком же духе.

Когда я спросил у него, действительно ли он считает, что окружающие всячески подкатываются и подлизываются ко мне и что я изменился из-за этого, то, как мне показалось, этот вопрос застиг его врасплох. Это был странный момент — момент неуверенности, — совершенно не похожий на то, как складывались отношения между нами прежде. Возможно, его удивило, что мы с мамой обменивались мнениями по поводу их беседы, или же изумило, что я не боюсь поставить его в известность о подобном разговоре между мною и мамой. Сначала он отрицал, будто говорил нечто такое, а затем попытался объяснить, что он имел в виду.

Насколько я мог видеть, наш отец-командир не уловил сути моих претензий.

— Я не согласен с вами, но отложим это в сторону. Даже если

вы не одобряете того, как ведут себя другие люди по отношению ко мне, разве правильно обвинять в этом меня?

Думаю, он согласился с этим. Во всяком случае, в основном. Однако для меня данный вопрос был слишком важным, чтобы просто остановиться на этом:

— Мне теперь 27 лет. Думается, я немного вырос и повзрослел. И теперь, как мне кажется, лучше откликаюсь на ободрение и воодушевление, чем на упреки. Возможно, то, как вы поступали со мной на протяжении нескольких последних месяцев, и могло в прошлом подействовать на меня, но сейчас такое обращение со мной перестало срабатывать. Если я теперь и играю хорошо, то только благодаря самому себе и той поддержке, которую получаю дома. И вовсе не благодаря тому, как вы относитесь ко мне, а несмотря на это.

Шеф заверил меня, что не придирался ко мне умышленно и что он не относится ко мне хоть сколько-нибудь иначе, чем к остальным игрокам. Я знал, что на самом деле это обстояло не так, но у меня не было никакого иного выбора, кроме как поверить отцу-командиру на слово и воспринять его заявления всерьез. Я высказал основное из того, что должен был довести до его сведения, и мне показалось немного странным, что отец-командир не набросился на меня. Его сегодняшнее поведение ни на мгновение не искажалось гневом. Возможно, именно поэтому наша встреча не привела к тому, на что я рассчитывал, — к подлинному улаживанию разногласий и примирению или же к моему заявлению о намерении уйти. Вместо этого он сказал, что хочет продолжить нашу совместную работу:

— Ты общайся со мной. Я стану общаться с тобой. Будем оба профессионалами и продолжим с того места, где мы сейчас находимся.

Я встал и направился к выходу из кабинета. Тут шеф обратился ко мне в том полушутливом и слегка саркастическом тоне, как он это умеет:

— Прежде чем ты начнешь плакать, подойди ко мне и пожми мою руку.

Я не испытывал желания плакать. Не уверен также, что это был удачный момент для рукопожатия, но я сделал, как он просил. У меня наш разговор оставил такое чувство, что ничего не было решено и ничего в действительности не изменилось.

Тем не менее, следующим утром на тренировке у меня сложилось впечатление, словно что-то все же сдвинулось с мертвой точки. Отец-командир держался со мной совершенно по-иному (во всяком случае, так мне показалось) — позитивно, ободряюще, даже дружелюбно.

В течение некоторого времени все выглядело прекрасно. Создавалось впечатление, будто наша встреча, в конце концов, привела к той цели, которую я себе ставил. Я вроде бы получил все, в чем нуждался, чтобы прекратить свое сползание во мраке, которое ощущал в последние месяцы, и снова увидеть перед собой свет. Поскольку мне перестали каждый день костылять по шее, то я смог снова тренироваться и играть так, как мне это не удавалось на протяжении многих недель. У меня появилось такое чувство, словно я и шеф сумели оставить позади ту полосу напряженных отношений, которые имели место между нами, начиная, как уже говорилось, со сломанного ребра и моего посещения Букингемского дворца.

Я был неправ. На самом деле это было затишье перед бурей.

В воскресенье, незадолго до моего отъезда на сборы команды Англии, мы играли у себя дома с «Манчестер Сити». Ранее в этом же сезоне мы проиграли дерби на стадионе «Мэйн Роуд» со счетом 1:3. Я тогда не выходил на поле, так что данное поражение никак не могло быть моей виной. Уже хорошо. На следующий день после той неудачи Гэри Невилл рассказывал мне, что в раздевалке отец-командир был таким злым, каким он его никогда не видел после матча. Увы, на «Олд Траффорде» результат оказался не намного лучше. Мы пропустили гол незадолго до конца игры, которая в итоге завершилась ничьей 1:1. Впоследствии в раздевалке старший тренер выбрал именно меня в качестве объекта для критики, утверждая, что я слишком часто терял мяч. Сам я мог вспомнить только несколько пасов, которые не доходили до адресата. Я не выступал, а просто сидел и давал ему возможность высказаться, но потом в течение всей недели сожалел, что поступил так. Если бы я в тот день постоял за себя вместо того, чтобы дожидаться следующей домашней игры, то, возможно, того взрыва, который тогда произошел, не было бы, и события развивались бы не столь бурно.

В народе говорят, что перемена занятий — тоже отдых. Но та неделя, когда сборная Англии уступила 1:3 Австралии на «Эптон Парке», таковой, конечно же, не была. Первую половину этой встречи отыграли футболисты постарше, но мы ни минуты не действовали с огоньком. На поле царила довольно странная атмосфера, когда мы заранее знали, что по истечении 45 минут вместо нас выйдут молодые ребята — абсолютно другая команда. Австралийцы, большинство из которых играли в футбольных клубах Англии, отлично уловили наше настроение, постоянно шли вперед и к перерыву лидировали в счете, забив два гола. Я был поле. Едва мы вернулись в раздевалку, я спросил у Свена, можно ли мне сыграть, по крайней мере, хоть часть второго

тайма. Я считал, что мы обязаны реабилитировать себя в глазах болельщиков сборной Англии и в собственных тоже, то есть попробовать исправить ситуацию. Он ответил отрицательно, объяснив, что такова была предварительная договоренность, и вообще моя просьба не является хорошей идеей. Это товарищеская встреча, дававшая ему возможность взглянуть в деле на ребят вроде Уэйна Руни. И если подумать об отборочном матче к турниру «Евро-2004», состоявшемся позже в том же сезоне против Турции на «Стадионе света», и о том вкладе, который внес в указанную встречу этот семнадцатилетний паренек, то никто, мне думается, не сможет сказать, что решение Свена в матче против Австралии не было правильным.

До наших следующих, настоящих отборочных встреч оставалось еще несколько недель, так что пока еще никто не смотрел настолько далеко вперед. После поражения в игре с Австралией, состоявшейся в тот февральский вечер, старший тренер сборной Англии и ее футболисты получили в печати изрядный нагоняй. Свена начали критиковать еще в первые дни после чемпионата мира. Наш стартовый отборочный матч к европейскому чемпионату 2004 года, проходивший на выезде в Словакии, оказался по-настоящему трудной игрой, к тому же на ужасном поле. Мы победили, но для газетчиков этот факт, казалось бы, не имел значения — нас критиковали в СМИ за отсутствие всякого стиля и игру без капли страсти. Что же касается меня, то я считал эти три очка прекрасным достижением. Затем, выступая дома против Македонии, мы, хоть и показывали в ходе встречи отдельные фрагменты хорошего футбола, ограничились всего лишь ничьей в матче против команды, которую, по всем прогнозам, должны были разгромить. У нас явно сбился прицел, и внезапно именно те люди, которые в свое время не одобряли назначения Свена на пост тренера английской сборной, увидели в ничейном итоге со «слабаками» свой шанс устроить над ним судилище и в результате настоящей травли выгнать его с работы.

Основная критика сосредоточилась на том, что мы выставили две совершенно разные команды, а также на дебатах, посвященных вечной теме «клуб или сборная». При этом говорились просто смешные вещи типа упреков, будто Свен недостаточно силен, чтобы мужественно противостоять зубрам, занимавшим посты старших тренеров в командах премьер-лиги. Для меня лично вообще не существовало выбора: играть в «Юнайтед» или в сборной Англии. «Юнайтед» был всей моей жизнью, если говорить о футболе, но это отнюдь не означало, что я не испытываю гордости каждый раз, защищая честь моей

страны, тем более в качестве капитана сборной. Читая и слушая разные мнения, порожденные исключительно суетой, некомпетентностью и волнением по пустякам, я задавался вопросом, какие выводы сможет сделать из всей этой возни наш отец-командир. Мне было любопытно, может ли моя футбольная карьера на международном уровне — равно как и образ жизни в качестве мужа и отца — являться частью «проблемы Дэвида Бекхэма», какой ее видел старший тренер «Манчестер Юнайтед». Разумеется, я мог только предаваться размышлениям на все эти темы, но в данный момент не мог предпринять на сей счет ничего конкретного. Важным обстоятельством была необходимость возвращения в Каррингтон для подготовки к домашней встрече с «Арсеналом» в пятом круге кубка.

Помню, как шеф заранее собрал нас всех вместе. Присутствовали не только ребята из сборной Англии, которые сравнительно давно не появлялись на «Олд Траффорде» по причине своих международных обязательств.

— Теперь вы вернулись в клуб, — сказал тренер. — Нам предстоит в субботу ответственная встреча. Позаботьтесь о том, чтобы хорошо настроиться на нее и не думать ни о чем постороннем.

Если говорить о наших с ним отношениях, то в воздухе снова повеяло холодом. Какая-то мелочь опять разозлила отца-командира. Я только не знал, какая именно. Единственным, что я знал, а точнее, ощущал, была напряженность между нами, и я был убежден в скором наступлении неких неожиданных событий. Помню, как в пятницу вечером, перед игрой с «Арсеналом» я говорил кому-то из товарищей по команде:

— Все идет вкривь и вкось. Что-то влезло ему в голову, и завтра нечто должно случиться.

Игра у нас совершенно не пошла. «Арсенал» забил, хоть и благодаря везению — удачному для них рикошету после штрафного удара. В перерыве шеф сказал, что он не в восторге от моих действий на поле. Мол, это не моя работа — играть на позиции правого защитника. Я должен выдвинуться вперед, поближе к форвардам, к Эшли Коулу — вот как он сказал. Я не мог понять, что имеется в виду. Посмотрел на Гэри, который, конечно же, играл позади меня, и увидел, что тот тоже не согласен с шефом. Но мне не было никакого резона сейчас что-нибудь говорить. Мы проигрывали только 0:1, владели мячом не меньше соперников, и в нашем распоряжении имелось в данный момент еще целых 45 минут, чтобы направить игру в правильное русло.

Но на самом деле все стало только хуже. В начале второго

тайма Эду, пройдя вперед, мягко прокинул мяч в глубину нашей обороны на Вильтора, и «Арсенал» был уже на два гола впереди. Я играл не здорово. Впрочем, и остальные тоже. После финального свистка мы двинулись всей толпой в раздевалку. Я уже давно снял свои бутсы и щитки, потому что получил удар по ноге и был заменен. Шеф вошел, закрыл за собой дверь, снял куртку и повесил ее на крючок. Первые его слова были такими:

— Дэвид! Как насчет второго гола? Что в этот момент делал ты?

Значит, он винил меня? Его слова застали меня абсолютно врасплох.

— Это была не моя ошибка. Их парень убежал от кого-то еще в центре поля, сразу же за средней линией.

Шеф продолжал наступать:

— Мы говорили тебе об этом перед игрой. Проблема с тобой в том, что ты никому не позволяешь обратиться к тебе. Ты не слушаешь.

Я не мог поверить своим ушам. Ведь я внимательно слушал — и хотел слушать — на протяжении всей моей карьеры. Я слушал отца-командира с первого дня, когда мы встретились, и продолжал делать это теперь.

— Дэвид! Когда ты неправ, то должен уметь признаваться в этом, — сказал тренер.

— Шеф, прошу извинить. Я в данном случае не сделал ничего неправильного. Это не было моей ошибкой, и я не беру на себя вину за гол.

— Нет. Ты как раз и должен взять вину на себя.

Каждый из присутствовавших в раздевалке отлично слышал, что происходит. Конечно, все знали, что прав был я; можно было показать пальцем на полдюжины наших ребят, кто так или иначе поспособствовал второму голу «Арсенала». И нечего было валить все на меня, как поступал шеф. У меня было такое чувство, что надо мной измывались, причем публично, и старались загнать в угол — но без всякой другой причины, кроме злобы шефа. Меня заманили в ловушку и поймали. И тут я стал говорить то, чего никакой игрок, и уж конечно, никакой игрок «Юнайтед» не должен выливать на старшего тренера. Когда я мысленно возвращаюсь к тому дню, то происшедшее в эту минуту все еще кажется мне чем-то нереальным.

Шеф сделал шаг или два по направлению ко мне. На полу валялась бутса, он размахнулся и что было сил пнул ее. В меня? В стену? Она могла полететь куда угодно — так он был разгневан. Я почувствовал острую боль немного выше левого глаза, куда угодила бутса, прижал к этому месту руку и вытер с брови кровь.

И тут я пошел на отца-командира. Не знаю, терял ли я когда-либо в жизни контроль над собой до такой степени. Несколько ребят вскочили — сначала меня схватил Гиггзи, потом Гэри и Рууд ван Нистелрой. Вдруг все происходящее стало напоминать какую-то безумную сцену из гангстерского кино — они держат меня, а я пытаюсь добраться до шефа. Он отступил назад — думаю, и сам потрясенный и шокированный случившимся. Вероятно, вспышка гнева продолжалась у него никак не больше минуты. Я тоже немного успокоился и прошел в комнату для лечебных процедур.

Один из медиков остановил кровотечение возле глаза. Я пробыл там примерно пять минут — столько сколько потребовалось врачу и физиотерапевту чтобы удостовериться, что я не вернусь и не начну эту свару снова. В конце концов, я сказал им, что все в порядке и прошел в раздевалку, быстро оделся и собрался уходить. Когда я подошел к двери, там уже стоял отец-командир:

— Извини, Дэвид. Я не хотел сделать этого.

Я даже не мог заставить себя посмотреть на него — настолько был еще разозлен тем, что произошло — и не хотел никак реагировать на его слова. Так ничего и не сказав, я просто прошел мимо него и дальше в зал для игроков. Виктория уже ждала там. Я хотел одного — выйти с «Олд Траффорда» и отправиться домой.

— Что случилось? Что ты сделал со своим глазом? Я ответил Виктории, что расскажу ей попозже, но она хотела знать сразу же, немедленно. Я объяснил. как развивались события, и внезапно Виктория рассердилась ничуть не меньше меня, ведь ей предстояло жить до конца сезона с человеком, которого довели и унизили до предела. И теперь она сочла, что в этом положении может и даже должна что-то совершить:

— Он не имеет права относиться к тебе подобным образом. Я хочу немедленно его видеть.

Не знаю, что Виктория могла бы сказать или сделать, если она действительно собиралась что-то предпринять, но мне совсем не хотелось повздорить с женой, да еще в такой момент. Я понимал, что оставаться здесь сейчас не следовало, и потому настоял, чтобы мы немедленно уехали. Позже в тот же вечер глаз снова начал кровоточить, и мне пришлось вызвать доктора. Он пришел и заклеил травмированное место несколькими полосками лейкопластыря.

Я знал, что нас ожидает. В наше время трудно удержать что-либо в секрете, и даже раньше, чем игроки «Арсенала» и «Юнайтед» покинули в этот день «Олд Траффорд», история об инциденте, случившемся в раздевалке (или, по крайней мере,

какие-то ее обрывки) попали в прессу. Так что когда на следующее утро я вышел из дома на Олдерли-Эдж, убрав волосы назад, чтобы они не спадали на ранку над глазом, то буквально тут же кто-то успел меня щелкнуть, и эта фотография в понедельник появилась во многих газетах. Вдобавок ко всем другим эмоциям, которые на меня обрушились, я еще чувствовал себя эдаким самым убедительным подтверждением происшествия с бутсой, его наглядной иллюстрацией и, если хотите, основным вещественным доказательством.

В любом случае не стоит вступать в конфликт со своим боссом. Еще сложнее ситуация и еще труднее восстановить испорченные отношения, когда миллионы людей стоят у вас за спиной и смотрят из-за плеча в надежде увидеть, что произойдет, и одновременно размышляют вслух по поводу возможного развития событий. По крайней мере, в течение нескольких дней дела обстояли именно так. Если я не впал в оцепенение и не бродил кругом, размышляя о том, каким образом и почему отношения между мной и шефом дошли до такой стадии, то меня одолевали мысли о том, был ли его поступок в раздевалке нечаянным и чисто случайным или нет. И хотя сразу же после этого он извинился и высказал сожаление, теперь, когда этот эпизод стал предметом общественного внимания, я был твердо убежден, что извинение отца-командира тоже должно носить публичный характер. И уж, конечно, я не считал себя тем, кто должен сделать первый шаг.

За пределами «Олд Траффорда» все только об этом и говорили. Все те, кто высказывался на сей счет и доводил до сведения публики свое мнение (независимо от того, насколько эти люди знали или понимали, что произошло в действительности), в некотором смысле заставили меня тщательно и всесторонне проанализировать нашу ссору и помогли мне понять, чем она была на самом деле. Мы крепко поспорили, я и шеф. По ходу я сказал много такого, чего не должен был говорить. Он отреагировал, причем плохо, даже ужасно. И вот теперь у меня была рассечена бровь. За эти мгновения разом взорвалась вся напряженность, копившаяся на протяжении нескольких последних месяцев. Только сам шеф мог сказать, какие чувства он испытывал в тот момент, но я знал (и он сказал об этом сразу же, не медля ни минуты), что Алекс Фергюсон не хотел попасть в меня бутсой, как бы зол он ни был. Так что в значительной степени это получился, как говорят бильярдисты, фукс — случайный удар, неожиданно оказавшийся точным попаданием. Я все основательно обдумал: в середине недели «Манчестер Юнайтед» предстоял невероятно важный матч

против «Ювентуса» в Лиге чемпионов, и я не хотел, чтобы личная проблема, возникшая между мной и шефом, помешала нашим приготовлениям.

Я понимал, что независимо от слов или действий отца-командира у меня есть возможность перед игрой, предстоявшей в среду вечером на «Олд Траффорде», немного разрядить ситуацию, снять ее остроту. Мне казалось, что это будет правильно и хорошо для всех — для меня, для моих товарищей по команде и для клуба. Я опубликовал заявление, где говорилось, что произошедшее было чистой случайностью, так сказать, несчастным случаем, а теперь все это осталось позади, и перед нами стоит единственная задача — сосредоточиться на победе над «Ювентусом», которую нам и удалось достичь, со счетом 2:1. Наш шеф после этого матча, высказываясь публично, особо подчеркнул, что я играл по-настоящему хорошо, и я оценил данное заявление. И когда мы в следующий раз собрались поговорить, речь шла только о футболе. Не было никакого крупного разговора или чего-нибудь в этом роде. Мы просмотрели видеозапись нашего поражения от «Арсенала», и шеф указал, где, по его мнению, я ошибся в выборе позиции, когда мы пропустили второй гол, но одновременно признал, что в этом эпизоде неправильно выбрала себе место на поле фактически половина команды. Такой подход был близок к признанию шефа в том, что критика в мой адрес, прозвучавшая в раздевалке после того матча и сделавшая меня единственным виновником гола в наши ворота, была несправедливой.

На любой другой стадии моей карьеры в качестве игрока «Юнайтед» мы бы тут же, на месте покончили с той стычкой, которая произошла между нами в раздевалке. А уже месяц спустя все выглядело бы так, словно ничего и никогда не случалось. Однако в первые несколько дней после той игры с «Арсеналом» я еще не понимал того, что знаю теперь, — шеф и я уже достигли в своих взаимоотношениях той точки, откуда не было никакого возврата. Принял ли Алекс Фергюсон уже тогда окончательное решение по поводу Дэвида Бекхэма? Действительно ли он не хотел больше видеть меня в клубе? Даже если и так, все равно готов держать пари, что это ничуть не помогло ему лучше, нежели мне, подготовиться к тем событиям, которые произошли через шесть месяцев.

14. Рожденный и взращенный в «Юнайтед»

«Теперь впервые надломилось нечто иное — мои отношения с клубом».

На чемпионате мира 2002 года Турция показала себя просто фантастической командой. Поражали их умение держать мяч, точные пасы, объем движения, их нацеленность на результат и отточенность в его достижении. Они играли по-настоящему правильно, и это сделало их прекрасной командой, за действиями которой было приятно наблюдать. Если говорить чисто о футболе, то два их матча против Бразилии, в группе и затем в полуфинале, оказались лучшими за весь турнир. Турки возвратились из Японии и Южной Кореи, став третьей среди сильнейших команд мира. И, конечно, именно их мы вытащили во время жеребьевки из шляпы в качестве противников по отборочной группе перед «Евро-2004». С момента, когда состав групп стал известен, было ясно, что встречи Англия — Турция наверняка окажутся теми, где определится, кто же отберется из седьмой группы напрямую и сразу пройдет в финальную часть турнира. И вот 2 апреля 2003 года, после того как ранее в этом сезоне мы потеряли очки в домашней встрече с Македонией, мы выступаем против Турции на «Стадионе Света». При этом мы хорошо знаем, то должны добиваться результата, который даст нам приличные шансы завершить отборочную стадию на верхней строке в таблице своей группы, — особенно с учетом того, что наш последний отборочный матч состоится в конце октября на выезде, в Стамбуле.

Хотя я считаю, что нам следует иметь специальный национальный стадион для игр сборной Англии и финалов кубка федерации, я получал истинное удовольствие, участвуя в международных встречах по футболу на площадках самых разных клубов, разбросанных по стране. Благодаря этому люди, которые бы в противном случае никогда не смогли поехать на «Уэмбли», получили возможность своими глазами увидеть сборную Англии крупным планом. Кроме того, я бы сказал, что такие разъезды позволили также улучшить отношения между болельщиками и игроками сборной. В наши дни складывается такое впечатление, что лояльность фанов по отношению к своему клубу и исключительная привязанность к нему постепенно дополняются любовью болельщиков к футболу в целом и к сборной команде Англии в частности. Теперь кажутся давним-давним прошлым

времена, когда английские и особенно лондонские болельщики шикали, после того как на стадионе в составе сборной объявляли фамилии игроков «Юнайтед». Во время особенно напряженных и ответственных встреч в разных городах нам очень помогало присутствие полных страсти зрителей, которые сидели совсем рядом с полем и подбадривали нас. Поэтому мы все с нетерпением ждали матча с Турцией на «Стадионе Света» — атмосфера, царящая там, ничуть не меньше пронизана бурными эмоциями, чем на любом другом спортивном сооружении в Англии.

Я не виню футбольный клуб «Сандерленд» в том, что происходило в тот вечер вокруг поляны. Неприязненность толпы зрителей до начала и в процессе игры была для нас ощутимым ударом, напомнившим о возможности возвращения недоброй памяти старых времен, когда идиоты, слишком многочисленные, чтобы их можно было игнорировать, откровенно вредили остальным болельщикам сборной Англии — и самой английской команде. Впоследствии я даже подумал, что необходимость проводить нашу следующую игру за закрытыми дверями, без зрителей была не такой уж плохой идеей. Именно этим угрожала нам УЕФА после проведения собственного расследования расистских песнопений, а также вторжений фанатов на газон, которые имели место на «Стадионе Света». А я испытывал в этой связи настолько сильные чувства, что счел нужным высказаться публично. Если сборной Англии потребуется играть на пустом стадионе, чтобы заставить широкую публику понять, какой ущерб причиняют нашим выступлениям всевозможные расисты и нарушители спокойствия, то пусть будет так. Не знаю, насколько английская футбольная федерация была в то время рада услышать от меня такое суждение, да еще произнесенное публично, но перед нашим следующим домашним матчем в отборочной группе (мы играли со Словакией) вся команда выступила с обращением к болельщикам, призывавшим поддерживать нас только с помощью надлежащих действий. Я отсутствовал в тот вечер на стадионе «Уолкерз». Предупреждение, полученное мною в матче против Турции, означало, что мне придется пропустить следующую встречу. Впрочем, все, кто смотрел ее, рассказывали мне, что болельщики в Лестере своим поведением давали возможность гордиться за Англию. Уже в течение чемпионата мира 2002 года мы смогли изменить мнение о наших болельщиках, бытовавшее чуть ли не по всей планете. Надеюсь, что эта тенденция продолжится. Было бы ужасно пройти отбор и попасть в европейский чемпионат, а затем получить запрет на въезд наших приверженцев в Португалию только

потому, что мы позволили себе безответственно отнестись к этой важнейшей проблеме.

Из-за скверного поведения части зрителей блестящий результат вечернего матча на «Стадионе Света» несколько потускнел. В газетах появилось, как минимум, столько же шапок и статей о хулиганах, сколько о нашей команде. И это был самый настоящий позор, потому что встреча с Турцией стала очередным из тех выступлений сборной Англии, в связи с которыми мы все могли испытывать гордость. Ведь мы обыграли со счетом 2:0 одну из самых сильных команд Европы и вышли на первое место в своей группе. В прошлую субботу мы ездили в Лихтенштейн и победили там с тем же счетом. Ученые мужи, равно как и некоторые из наших болельщиков, устроили нам настоящую баню — как, мол, Англия может рассчитывать на попадание в финальную часть турнира, если ей пришлось потрудиться и не пожалеть сил, чтобы обыграть компанию любителей, немного разбавленную полупрофессионалами? Но в футболе важны результаты. Играя в Саутгемптоне против Македонии, мы получили плохой результат, хотя временами показывали вполне приличный футбол. Зато кроме этой встречи мы, несмотря на несколько выступлений в трудных условиях, выиграли все наши матчи в седьмой группе. Свен всегда говорит одно и то же: получите свои три очка. Главное — выигрывать те встречи, где ты, по прогнозам должен выиграть, и не имеет особого значения, как это было сделано. А уж когда приходят по-настоящему ответственные встречи, тут-то и надо показать себя во всем блеске, продемонстрировать соответствующий уровень игры.

Турки, как и любая команда в мире, предпочитают владеть мячом. Другое дело, что они строят на этом элементе всю свою игру, и если позволить их команде действовать в излюбленном ключе, то она порвет любую защиту на мелкие куски. Свен и его помощник Брайан Кидд, пришедший на смену Стиву Маккларену, подчеркивали, насколько для нас важно сбить соперников с ритма и навязать им вместо этого нашу собственную игру. Как капитан, я посчитал своей задачей попытаться действовать именно в таком духе и личным примером вести ребят за собой. В первой половине я несколько раз без колебаний шел в действительно жесткую борьбу, и однажды она стоила мне предупреждения и «горчичника», но я ни капли об этом не сожалею. Я знаю, что мои слова прозвучат немного старомодно, но плотно прихватить турок по всему полю было именно то, что нам нужно. Они получили свою долю владения мячом, причем достаточно справедливую, но у них никогда не хватало времени раскатать нас и всерьез угрожать воротам. Весь вечер я ощущал нас именно

той командой, которая должна забить. Думаю, Турции не часто доводилось видеть таких ребят, как Уэйн Руни, да и нам тоже не очень. И хотя ему пока не удалось послать мяч в сетку, каждый раз, когда этот парень его получал, он вызывал у нас прилив сил и надежду, а противников пугал до смерти. Майкл Оуэн получал от него великолепные пасы, и я был уверен, что вот-вот наш маститый форвард поразит ворота. Однако вышло так, что примерно после часа игры Майкл схлопотал травму, и гол забил вышедший вместо него Дариус Вассел, воспользовавшись отскоком после удара головой Рио Фердинанда. Новый вратарь нашей сборной Дэвид Джеймс продемонстрировал один просто фантастический сейв, а затем Керон Дайер заработал пенальти. Это было уже в добавленное время, и игра была уже фактически сделана — не то, что во встрече с Аргентиной на чемпионате мира. Но все равно заколотить мяч в сетку — это было нечто; одним словом, чувство просто феерическое.

А ведь у меня в этом сезоне было так много всяких сомнений и разочарований. Но сейчас я мчался к угловому флажку на «Стадионе Света», и все эти отрицательные эмоции могли показаться хлопотами из совсем другой жизни. Ничего лучшего я не мог и желать — мы размели здесь турок, не обращая внимания на сомневающихся и неверующих, и показали качество игры, вполне сопоставимое с памятными матчами в Мюнхене и Саппоро. После встречи Свена буквально разрывали на части газетчики и телевизионщики, а он сновал там и тут, воздавая должное футболистам и приписывая все заслуги им. Когда мы играем неважно, он чуть ли не всегда готов взять вину на себя и получить от СМИ все тычки. А когда побеждаем, он толь ко согласно кивнет головой и станет говорить всем:

— Сегодня вечером ребята были выше всех похвал. Я очень доволен ими.

Направляясь в четверг ранним утром по автостраде обратно в Манчестер, я словно бы захватил с собой в дорогу всю положительную энергию, накопленную прошлым вечером. Мог ли я считать, что проблемы, возникшие в отношениях между мной и Алексом Фергюсоном, остались позади? Гэри Невилл всегда говорил, что шеф действовал по графику и взъедался на каждого игрока по крайней мере один раз за сезон — такая у него была метода. Но с результатами ее применения трудно было спорить — он ведь всегда умудрялся год за годом извлекать из нас все больше и больше, разве не так? Возможно, и для меня обстоятельства еще переменятся, тем более что до конца сезона было еще довольно далеко. А пока мы провалили игру в Кардиффе, а также проиграли 0:2 «Ливерпулю» в финале кубка

лиги. Вылетели мы и из кубка федерации — об этом я тоже не забывал. Но пока что «Юнайтед» стоял в верхних строках таблицы премьер-лиги. Я был уверен, что и на сей раз борьба за чемпионский титул снова разгорится между нами и «Арсеналом». Что же касается Лиги чемпионов, то здесь мы по жребию вытянули в четвертьфинале мадридский «Реал». Так или иначе, никто не скучал — ни те, кто играл за «Юнайтед», ни наблюдавшие за его выступлениями. Я был настроен на борьбу столь же решительно, как и всегда. До финала кубка европейских чемпионов, который в этом году был запланирован на «Олд Траффорде», оставалось меньше двух месяцев. У нас имелся очередной шанс оставить свой след в истории футбола.

Мы находились на тренировочном поле, когда стало известно, что «Манчестер Юнайтед» предстоит играть против мадридцев. На мой взгляд, это лучший матч в Европе. И не только потому, что он проводится между двумя блестящими клубами, но и по причине тех совершенно разных подходов к игре в футбол, которые исповедуют эти две команды. Мы знали из прошлого опыта, как хорошо проходят указанные встречи. Знали и о том, насколько великолепной будет атмосфера вокруг них. Кто в состоянии не испытывать волнения, выходя играть на «Олд Траффорд» или «Бернабеу»? Все мы в «Юнайтед» были убеждены, что если сумеем пройти «Реал», то сможем продолжить победную серию в лиге чемпионов и выиграть все соревнование. Куда бы ты ни пошел в Манчестере, всюду чувствовалось возбуждение, и вокруг все гудело в предвкушении матчей против команды из Мадрида.

Я помню, что как раз в то время, когда стали известны результаты жеребьевки — то есть за две недели до первой встречи, — в газетах начали появляться разные истории о моем переходе в «Реал». Я знал, что эти слухи никак не были связаны со мной и не исходили от моего окружения, а также не мог себе вообразить, что они могли иметь что-нибудь общее с клубом. А поэтому считал, что отец-командир был абсолютно прав, когда относил их к попыткам посеять раздор или к самому заурядному интриганству:

— Какое же, однако, совпадение, что эта история появилась на свет именно в тот момент, когда мы готовимся играть против испанцев.

Шеф был прав, не скрывая своего раздражения. Мы хотели хорошо подготовиться к игре с Мадридом, а перед этим нас ждала в уик-энд трудная и важная встреча в лиге — дома с «Ливерпулем». Мое ахиллово сухожилие немного побаливало после игры против Турции, но ничего серьезного там не было, и

мне даже в голову не могло прийти, что оно может помешать мне принять участие в следующей встрече «Юнайтед». В субботу утром я, как и положено, появился в зале для игроков. Наш матч против «Ливерпуля» начинался рано. В этот момент один из тренеров, Майк Фелана сообщил, что шеф хочет видеть меня, так что я отправился к нему в кабинет.

— Не хочу рисковать тобою, Дэвид. Есть желание поберечь тебя на игру, которая ждет нас на этой неделе. У тебя ведь травма ахиллова сухожилия, оно болит и я решил дать тебе отдохнуть до вторника, — сказал он.

Я никогда не облегчал отцу-командиру задачу когда он решал устроить мне перерыв. Я никогда не хочу отдыхать и пропускать матчи. Тут я просто ни чего не могу с собою поделать — мне всегда хочется играть. Поэтому я и теперь попытался заставить его передумать.

— Я понимаю, что ты говоришь, но не намерен выставлять тебя на сегодняшнюю игру. Это всё — отрезал шеф.

Я вышел, бормоча себе под нос:

— О'кей. Прекрасно. Раз вы так хотите.

Я остался сидеть на скамейке, но как бы меня ни трясло от злости, я хоть, по крайней мере, понимал почему я там нахожусь. Кроме того, я не испытываю такой ярости в играх с «Ливерпулем», как Газ. Он постоянно зарабатывает себе на этих матчах неприятности доводя ливерпульских болельщиков до бешенства. Но и я всегда играл против них в охотку, если только имелась такая возможность. Особенно после той головомойки, которую устроили нам недавно ливерпульцы, когда мы проиграли им в финале кубка лиги на стадионе «Миллениум». И особенно сегодня, когда «Ливерпуль» уже через пять минут после начала пропустил гол и остался вдесятером. Сами Хюппиа был удален с поля, предварительно заработав пенальти, и Рууд реализовал его. К тому времени, когда я вышел на поле, чтобы поиграть последние полчаса, счет был уже 2:0. А закончили мы победой 4:0. Я участвовал в комбинациях, которые завершились заключительными двумя голами, и чувствовал себя классно — мы сделали то, в чем нуждались в премьер-лиге, и наверстывали отставание в очках от «Арсенала», который свой матч смог только свести вничью. Я не протирал штаны на скамейке до финального свистка, а ахиллово сухожилие, о котором так волновался шеф, вообще не беспокоило меня. Теперь мы в понедельник собирались вылетать в Мадрид.

В «Реале» очень много игроков мирового класса. Их звезды, galacticos, столь же хорошо известны здесь, в Англии, как и в Испании. В наши дни у жителей Европы есть возможность каждую

неделю смотреть по телевизору матчи испанской лиги, и мы знали о действиях большинства этих мастеров не понаслышке, а наблюдая за ними на телеэкранах. Кроме того, в прошлом мне доводилось сталкиваться с парочкой ребят из «Реала». В начале 2003 года я вместе с некоторыми из игроков «Юнайтед» выезжал в Испанию на съемки телевизионного рекламного ролика для фирмы «Пепси» в стиле так называемого спагетти-вестерна. Все мы были выряжены на манер Клинта Иствуда — коротко остриженные волосы, давно не бритые лица, кожаные штаны, патентованные сапожки и все такое прочее, — а съемки проходили среди специально построенных декораций, напоминавших городок Нигдевилль на Диком Западе. У меня там по сюжету дуэль с вратарем мадридцев, Икером Касильясом, в которой я с помощью лошади одерживаю победу. Затем, уже в конце клипа, Роберто Карлос, постриженный под индейца из племени могикан (чего только не придет в голову этим киношникам?) шагает по дощатому настилу и посматривает на меня так, будто хочет сказать: «Если у тебя есть желание потолковать насчет штрафных ударов, ты должен разговаривать только со мной».

Когда тебе предстоит сражаться с такими футболистами, как Рауль и Зидан, Луиш Фигу и Роналдо, всегда существует опасность, что ты выйдешь на поле играть против репутации вместо конкретного игрока. Даже на очень высоком уровне ты иногда должен ущипнуть себя, чтобы напомнить: в конце концов, я пришел сюда отнюдь не с целью получить у этих знаменитостей автографы. Мы хорошо подготовились к игре в Мадриде и накануне, ближе к вечеру, тренировались на «Бернабеу». Даже когда этот стадион пуст, он производит удивительное впечатление. В ходе тренировки у тебя есть возможность сделать то, для чего никогда нет времени в процессе игры, — осмотреться вокруг и прочувствовать дух этого места. Я уже играл там прежде, но в тот понедельник оно действительно взяло меня за живое. Масштабы сооружения, ощущение традиции — да, здесь есть настоящая аура, как и на «Олд Траффорде». Полувековая история великих матчей, великих футболистов, успехов и серебряных кубков, казалось, просто пропитывала предвечерний воздух. Не успели мы уйти с поля, как я уже висел на мобильном телефоне и звонил домой:

— Никогда еще у меня не возникало подобного чувства. Меня в дрожь бросает от одной мысли об этом потрясающем месте. Не могу дождаться завтрашнего вечера.

После ужина мы в этот вечер просматривали видеокассету, которую смонтировал Карлос Куэйрош. Думаю, его замысел

состоял в стремлении заставить нас поменьше задумываться о том, какая хорошая команда «Реал», а побольше насчет того, почему у нас есть прекрасный шанс обыграть их. На этой ленте показывались основные моменты из самых лучших эпизодов, которые возникали у каждого из игроков «Юнайтед» в течение матчей нынешнего сезона. Это был верный способ воодушевить нас перед завтрашней встречей и помочь всем ребятам еще выше и нагляднее оценить собственные возможности в той схватке гигантов, которая ждала нас вечером во вторник.

Я разговаривал потом про игру на «Бернабеу» и с мамой. Она сидела на стадионе в первом ряду вместе с болельщиками «Юнайтед». Мама призналась, что в тот момент, когда мы выбежали на поле, перед тем как ввести мяч с центра, у нее возникло невероятно странное ощущение, о котором она не рассказала никому из знакомых: по спине словно пробежали холодные иголочки, покалывая каждый позвонок. Она почувствовала тогда убежденность в том, что когда-нибудь я обязательно буду играть на этом стадионе за мадридский «Реал». Невзирая на всю газетную болтовню и пересуды, у меня на тот момент не было ни малейшего намерения переходить в испанский клуб, и мама знала об этом. Более того, она никогда не хотела, чтобы я уехал из Англии, — ведь ей пришлось не сладко из-за того, что я играл в Манчестере, а не в Лондоне, не так ли? Но она не могла помешать собственной интуиции и лишь позаботилась о том, чтобы оставить свои предчувствия при себе. А я в те мгновения, когда маму обуревали подобные мысли, находился на поле и в течение всей разминки улыбался от уха до уха. Почему? А просто невозможно сдержать чувство радости, когда ты выходишь из туннеля на заливающий все кругом яркий свет прожекторов и слышишь приветственный шум 75 тысяч зрителей, которые требуют от тебя самого лучшего, на что ты способен. Если ты одет в футбольную форму и эта захватывающая обстановка не включает все твои эмоции на полный накал, тебе можно с таким же успехом забыть о предстоящей встрече и сразу проситься на скамейку запасных. Так будет даже лучше, поскольку альтернатива радостному подъему настроения — только страх перед этой атмосферой, а в таком случае ты проиграешь матч прежде, чем начнешь его.

Мама была права в том смысле, что в этот вечер ее мальчика ждало некое существенное событие. Я мог бы перечислить сколько угодно стычек, подкатов, ударов по ногам и прочих инцидентов, которые вели меня по извилистой дорожке все ближе и ближе к тому, что приключилось следующим летом. Я уже написал о некоторых из них. А в данном эпизоде на «Бернабеу»,

оказавшемся для меня столь важным, не было ничего захватывающего, но, на мой взгляд, он сыграл свою роль в том, что я снова пришел сюда, но уже как игрок «Реала». Приблизительно через пять минут после начала встречи мы получили право на штрафной удар недалеко от центра поля, но уже на мадридской стороне. Я выполнил его и в тот самый миг, когда наносил удар по мячу, посылая его вперед, почувствовал, что мое ахиллово сухожилие слишком напряглось. Нет, оно не порвалось — если бы это случилось, мне пришлось бы покинуть поле и пролежать в постели в течение трех недель. Пришлось бы без вопросов пропустить ответный матч на «Олд Траффорде», тут и речи нет. Задним числом я думаю, что мне следовало помахать рукой нашему штабу, сидевшему под специальным навесом, рассказать о случившемся и, извинившись, поспросить себе замену. Но это был бы не я. Да и большинство игроков не таковы. В тот момент мы только-только начали матч, который справедливо казался всем его участникам одной из самых ответственных и значимых встреч в нашей жизни. Я рвался играть, рвался произвести впечатление на этом стадионе и на этих футболистов. Ноге было некомфортно, но я убедил себя в том, что как-нибудь перетерплю, — не впервой, и продолжил играть.

На протяжении последующих сорока минут «Реал» играл в такой футбол, подобного которому я не видел никогда в жизни. И не то чтобы мы действовали плохо, нет. В первой половине встречи мы не раз создавали себе хорошие возможности, и если бы в начальной стадии нам удалось использовать хоть одну из них, то игра, возможно, пошла бы совсем по-иному. Впрочем, я в этом сомневаюсь. Когда они владели мячом, то делали, что хотели, обыгрывая нас на всех участках поля. Со стороны это могло выглядеть так, словно мы просто стоим, наблюдая за их комбинациями. Думается, правда заключалась в том, что каждый раз, когда они продвигались вперед, в атаке у них участвовало сразу много игроков, и они проявляли высокую мобильность, в результате чего на всем поле мадридцы атаковали вдвоем или втроем против одного нашего защитника. Разумеется, из-за этого у них в обороне образовывались дыры, куда мы могли бы проникнуть, когда завладевали мячом, но игроки «Реала» настолько успешно проходили нас, что могли не беспокоиться о том, как обстоят дела у них за спиной. Именно поэтому за их командой настолько приятно наблюдать, когда она демонстрирует ту игру, которую они показывали, выступая против нас вечером восьмого апреля.

И в подтверждение прекрасной игры своей команды Луиш

Фигу вскоре после начала матча забил совершенно невероятный гол, который позволил «Реалу» повести в счете. Он находился на левом фланге приблизительно в двадцать пять ярдах от ворот и, пожалуй, где-то в пятнадцати ярдах от лицевой линии. Помню, как я посмотрел в его сторону и подумал: «Отличная позиция для навеса».

Но Фигу имел в виду совсем не навес: он коротко сыграл в стенку с Зиданом, отошел чуть назад и затем мощно пробил правой ногой, сильно подкрутив при этом мяч таким образом, что он пролетел над Фабианом Бартезом и влетел у дальней штанги под самую перекладину. Счастлива команда, имеющая в своем составе одного или двух игроков, которые способны сделать что-либо подобное — «Реал» имеет их полдюжины. Я знаю, что наш отец-командир оценивает Рауля как лучшего центрального нападающего в мире. Рууд ван Нистелрой, вероятно, забивал бы за сезон по шестьдесят голов, играя рядом с ним. На «Бернабеу» Рауль забил незадолго до перерыва, а потом и вскоре после него. Мы выглядели разбитыми наголову, вдребезги.

Но «Юнайтед» ни под кого не ложится. Таков наш отец-командир, таков Кини и таков любой, кто намерен играть в этом клубе. Я разговаривал впоследствии с теми, кто смотрел этот матч по телевидению. Все, как один, утверждали, что при счете 3:0 ситуация выглядела так, что по той игре, которую показывал Мадрид, дело идет к семи или восьми сухим голам. Но мы продолжали сражаться за мяч везде, где только могли, старались распасовывать мяч и сохранять его у себя, когда удавалось овладеть им, и, в конечном счете, заработали свой гол. Он стал целиком заслугой Руда: в момент, когда мы выглядели почти беспомощными, он смог самостоятельно убежать от четырех обороняющихся. При счете 3:1, то есть, сумев забить в гостях, мы имели пятидесятипроцентные шансы. В самом конце я промахнулся там, где вполне мог сделать счет 3:2. Это бы действительно дало нам хорошие перспективы переиграть мадридцев на «Олд Траффорде». Когда игра завершилась, я уставился вниз, на травку, стараясь немного отдышаться, и приложил руку к ноге, которая начинала напрягаться и болеть. Краем, глаза я увидел, что ко мне приближается Роберто Карлос. Он улыбался. Я выпрямился и посмотрел на него — теперь он просто смеялся. Я не мог сообразить, почему. Во всей этой ситуации была какая-то безуминка. Я не знал, что мне следует сказать или сделать, и потому просто улыбнулся в ответ, обменявшись с ним рукопожатием. Я услышал щелчок затвора фото-камеры и, как сейчас помню, подумал: «В Манчестере этот снимок будет смотреться не очень-то хорошо». После матча отец-

командир не особо распространялся. Мы все провели в Европе этим составом достаточно много встреч, чтобы понимать, что и почему пошло сегодня не так, как надо. У него не было никакого желания набрасываться на нас с бранью. Реально имело значение только одно — нам надо было как следует подготовиться к ответному матчу у себя дома и настроиться на него.

Пол Скоулз и Гэри Невилл были в подавленном настроении — оба они схватили по предупреждению и будут вынуждены пропустить игру в Манчестере. Мне было немного жаль Скоулзи: он уже прохлопал в 1999 году финал европейского кубка на «Ноу Камп» по той же самой причине. Пол вкладывает в футбол всю душу, а к выступлениям в составе «Юнайтед» подходит с особой страстью. Предстоящая встреча с «Реалом» на «Олд Траффорде» была для него огромным событием. Я играл футбол рядом со Скоулзи буквально половину своей жизни — в «Юнайтед» и в сборной Англии. Глядя на нас двоих с точки зрения человеческих качеств, многие бы, вероятно, сказали, что у нас с ним не так уж много общего. Пол по характеру спокоен и молчалив. Он настолько замкнут и обособлен, что другие наши ребята из-за этого имеют к нему претензии. Ходят слухи, что он выключает свой мобильник сразу после тренировки и не врубает его до тех пор, пока на следующее утро не окажется в пяти минутах езды от Каррингтона. Что же касается номера его домашнего телефона, то Скоулзи за многие годы сообщил заветные цифры настолько немногим людям, что, вероятно, сам уже их забыл.

Скоулзи всегда готов затаиться, он ходит, не поднимая головы, и думает только о футболе. Я не знаю, кроме него, другого игрока премьер-лиги, у которого нет своего агента. Фактически в футболе совсем немного такого, чего бы Скоулзи не умел. Он обладает поразительной способностью укрощать мяч одним прикосновением и умеет забивать такие голы, о которых только может мечтать любой тренер. Плюс к тому, у него такой же настырный характер, как у Кини или у нашего отца-командира, когда тот разойдется на полную катушку. Я уже говорил, что мы всю дорогу выступали вместе в «Юнайтед», и, надеюсь, сумеем еще в последующие три или четыре года поиграть за сборную Англии. Мои отношения с Полом всегда складывались хорошо, но невозможно иметь полную раздевалку людей, каждый из которых всегда горит желанием пойти поужинать с любым напарником по клубу. Чтобы команда действовала успешно, нужно добиться такого положения, когда все ее игроки относятся друг к другу с уважением и доверием. И всем ясно почти без слов — достаточно только посмотреть, как мы держимся, бывая вместе, — что я уважаю Пола и доверяю ему

в такой же степени, как любому другому игроку, кого я знал и с кем поддерживал добрые отношения.

После того как на «Бернабеу» прозвучал финальный свисток, мы подошли к трибунам, чтобы поблагодарить болельщиков «Юнайтед». Сезон за сезоном наш клуб сражается в лиге чемпионов. Я иногда сам удивляюсь, откуда люди находят время и деньги, чтобы сопровождать нас в выездных встречах. Однако они делают это. Тысячи фанатов, одетых в нашу красную форму, сидят на трибунах европейских стадионов везде и всякий раз, когда там играет «Юнайтед». Я уже к этому времени немного хромал и после возвращения в раздевалку долго пролежал на столе, на котором мне делами медицинские процедуры. Теперь, когда игра закончилась, ахиллово сухожилие действительно разболелось. Это помешало мне в следующую субботу играть в матче премьер-лиги против «Ньюкасла». Меня это огорчило, но я ничего не мог поделать, ведь данная неприятность означала, что я пропустил встречу которая окончательно определила для нас итог сезона в лиге. Думается, победа со счетом 6–2 в гостях на стадионе «Сент-Джеймс Парк» стала тем результатом который не только продвинул нас вперед, но и в конечном итоге сделал чемпионами лиги. Вместо меня на поле вышел Оле Гуннар Солскьер и сыграл действительно хорошо.

В первый раз я смог приступить к обычным тренировкам вместе со всеми другими ребятами в понедельник утром. А в среду вечером нам предстояла гостевая встреча с «Арсеналом» — если говорить только о премьер-лиге, это была самая важная баталия в сезоне. Мы находились в этот момент в таком положении, что если нам удастся не проиграть у них на стадионе «Хайбэри», канонирам будет очень трудно догнать нас за оставшиеся четыре или пять туров. Впрочем, судя по самочувствию и настрою, мы считали, что в любом случае выиграем все матчи, оставшиеся до конца сезона Я был вполне уверен, что буду выступать. Мне было точно известно, что я в достаточной степени готов физически. Другое дело, что никакой старший тренер не любит менять состав команды-победительницы, а результат 6:2, да еще на выезде, со всей определенностью характеризовал команду именно как победительницу. Но даже в таком случае отец-командир обычно возвращал меня в основу «Юнайтед» после отдыха, который он мне иногда давал на одну игру, или после нескольких встреч, пропущенных из-за травмы. Я чувствовал, что при любом раскладе попадаю в число его лучших одиннадцати футболистов. Ничего другого не приходило мне в голову вплоть до матча с «Арсеналом». Когда мы обедали перед игрой, в столовую зашел

наш шеф и сел рядом со мной:

— Я сегодня начинаю с Оле. Не могу менять команду.

Я был разочарован, но не чувствовал в себе желания дискутировать по этому поводу. Особой радости я, понятно, не испытывал, но отец-командир делал то, что считал наилучшим. Мое дело было сидеть на скамейке запасных и быть готовым выйти на замену.

Из-за всяческих спекуляций насчет моего будущего многие сочли тот факт, что шеф не выставил меня на матч против «Арсенала», косвенным доказательством каких-то трений между нами. Тем не менее, что касается меня лично, то я по-прежнему душой и телом оставался игроком «Юнайтед», и свое отсутствие на «Хайбэри» не собирался рассматривать как основание для изменения собственного статуса в «Юнайтед». Это был странный вечер, который даже приблизительно нельзя было сравнить по качеству игры с тем, которое продемонстрировали на предыдущей неделе обе команды, выступавшие в Мадриде. Однако здесь присутствовали те напряженность и драматизм, о которых только можно мечтать завзятый любитель футбольных триллеров. Первым забил Рууд. Тьерри Анри ответил двумя голами, после чего Гиггзи сравнял счет. Потом Сола Кэмпбелла удалили с поля. Патрик Виера вынужден был покинуть газон из-за травмы и не смог играть до конца сезона. В последние минуты шеф постоянно выбегал на поле, энергично рассекая кулаком воздух. Он всегда обожал это делать, но, думается в данный момент прекрасно понимал, что цифры 2–2 горевшие на табло, были именно тем, в чем мы нуждались. Помню, как после матча я стоял в туннеле беседуя с Солом о его удалении. Сплетни кружат и среди игроков, а ведь слухи по моему поводу фактически не прекращались с момента нашей предыдущей встречи с «Арсеналом» (в феврале на «Олд Траффорде») Мне запомнилось, как мимо нас проходил Тьерри Анри Он взглянул на меня и поднял бровь:

— В чем дело? Почему ты не играл? А потом рассмеялся:

— Если хочешь, можешь перейти и играть за нас. Я тоже рассмеялся.

Наш отец-командир был всерьез доволен тем, что произошло на поле. Я отлично помню его высказывание, в частности, о том, как хорошо, по его мнению отыграл Оле Гуннар Солскьер. Однако когда пришла суббота и мы проводили домашний матч с «Блэкберном», то даже после таких речей Оле остался на скамейке, а я вышел в стартовом составе — впервые с тех пор, как мы проиграли в Мадриде. «Блэкберн» был действительно на подъеме и играл хорошо, но мы победили 6:1. Я был счастлив

вернуться в команду и очень доволен тем, как выступил. Но что-то неприятное все еще висело в воздухе. Для меня было очевидным, что хоть мое физическое состояние снова было в порядке отец-командир не даст мне участвовать в ответной игре против «Реала», запланированной на следующую среду. Все выражали уверенность, что я буду играть в этой самой значимой для «Юнайтед» встрече текущего сезона, кроме меня. После уик-энда во мне все более крепла убежденность, что шеф намерен пробросить меня в ответном матче против мадридцев. Я говорил об этом некоторым из своих товарищей по команде, но они все дружно заявляли одно и то же:

— Не о чем говорить, ты наверняка будешь играть. Неважно, что происходит, — ты все равно будешь играть.

За те несколько дней, остававшиеся до встречи с мадридским «Реалом», я, как и остальные ребята, старался сосредоточиться на подготовке к ней, но мысль, что меня проигнорируют, продолжала изводить меня, словно ноющий зуб. Мы с Гэри издавна привыкли подшучивать над нашим умением предвидеть (на основе того, как шеф вел себя по отношению к нам), заготовил ли он для нас какой-нибудь неприятный сюрприз: «Он вчера был со мной очень мил. Значит, завтра собирается выставить меня из команды».

Эта прозорливость, приобретенная за многие годы работы со старшим тренером, подсказывала мне, что манера его поведения накануне встречи не сулит мне ничего хорошего, если говорить о моих шансах попасть в основу. Никаких резких слов, никаких запугиваний — все выглядело так, словно меня там вообще не было. Утром перед матчем мы в Каррингтоне перед началом обычной тренировки играли в теннис головами, и в этот момент отец-командир отозвал меня в сторону. Тут-то он и сказал мне то, что должен был сказать, и что, по моему убеждению, давно намеревался сделать:

— Дэвид, ты сегодня вечером не выходишь в начале. Останешься пока на скамейке.

Я вздрогнул. Хоть я и ожидал услышать то, что бесстрастно произнес сейчас шеф, ощущение было таким, словно мне всадили острый нож между лопаток. Возникло чувство, будто весь сезон тренер выстраивал таким образом, чтобы поднести мне эту пилюлю. Я будто наблюдал за происходящим со стороны: «Реал» — это очень важная игра, сынок. Слишком важная для того, чтобы ты мог участвовать в ней». Я ощутил в глубине гортани привкус гнева и разочарования. Иногда твои чувства настолько перепутаны и сложны, что ты словно бы примерзаешь к земле. Я посмотрел на отца-командира, попытался заглянуть ему в глаза

— и ничего в них не увидел. Я покачал головой, развернулся и пошел в раздевалку.

— Дэвид! Вернись, не уходи, — окликнул меня шеф.

Он не кричал и не вышел из себя. Это выглядело так, словно он просил меня, а не велел мне: «Дэвид, пожалуйста, вернись. Я еще не закончил».

Как будто тут было еще что-то, о чем следовало сказать. Я просто шел дальше. Возвращаясь теперь мысленно к той сцене, я бы сказал, что если бы отец-командир все еще был заинтересован во мне как в человеке или футболисте, между нами тут же вспыхнула бы перепалка. Он не позволил бы мне уйти от него таким вот образом. А мне все это было безразлично. Мне нужно было идти дальше, позаботившись лишь о том, чтобы не сказать и не сделать ничего такого, о чем я буду позже сожалеть. Я был профессиональным футболистом, несущим ответственность перед самим собой и перед клубом. Мне надлежало вести себя как профессионалу и не усугублять ситуацию.

Когда я увидел список игроков, начинавших матч, огорчение уступило место изумлению и недоверию. Оле Гуннар Солскьер действительно хорошо играл на моем месте в нынешнем сезоне. Если бы я сумел на мгновение отвлечься от собственного разочарования, то мог бы понять решение отца-командира отдать ему предпочтение. Кто из нас явился бы лучшим в стартовом составе для ответственного матча против Мадрида — это был спорный вопрос, и работа старшего тренера как раз в том и состояла, чтобы принять окончательное решение. А после того как он отлично отыграл предшествующую встречу, я тем более мог понять, как было бы трудно оставить Оле в запасе. Он и без того проявил за время своего пребывания в «Юнайтед» завидное терпение, раз за разом начиная игры на скамейке. Никто не мог сказать, что Оле не заработал своего шанса. Но вот чему я не мог поверить (и отчего понял, что наш отец-командир пробросил меня по личным, а не по футбольным причинам), так это в то, что в заявочном списке стояла фамилии Себы Верона. Не поймите меня неправильно: у нас с Себой действительно прекрасные отношения, и я считаю его потрясающим футболистом. Я никогда не обижался на него, когда ему отдавали предпочтение передо мной. Но о чем думал шеф? Из-за травмы Себа отсутствовал в составе семь недель, да и тренировался он всего нескольких дней (он даже не был достаточно готов, чтобы выйти на замену против «Блэкберна» за четыре дня до этого). А вот для самой ответственной игры сезона он оказался впереди меня. Сперва девять месяцев я испытывал то, что воспринималось мною как тяжкие удары, а теперь я получаю еще один, самый жестокий из

всей серии. Я был вдребезги разбит случившимся, у меня буквально вырвали из-под ног весь мой футбольный мир.

Я зашел в раздевалку и переоделся, ничего никому не говоря. Большинство ребят уже собрались обедать, а я зашагал к машине. Надо было только оповестить Тони Стивенса о новом щелчке по носу. У меня появилось чувство, что случившееся еще более затруднит мое пребывание в «Юнайтед». Впервые в жизни я задался вопросом: а не может ли игра в футбол где-нибудь в другом месте оказаться лучше, чем здесь? А пока мне требовалось донести до кого-нибудь, насколько я был ошарашен и разгневан. Тони не мог поверить тому, что мне пришлось ему сообщить. Он посоветовал вести себя так, будто все обстояло прекрасно, и считал, что мне следует спокойно сидеть на скамейке и быть готовым показать себя во всей красе, когда я получу свой шанс, а это, по его мнению, произойдет скоро. Он был уверен, что для меня все еще открыты все возможности. Не могу сказать, чтобы я испытывал столь же твердую уверенность, как Тони, но разговор с ним, по крайней мере, хоть немного успокоил меня. Я позвонил Виктории — она тоже должна была знать, что тут происходит.

Человек обращается к своей жене за поддержкой — и что же он получает? Могу только сказать, что от Виктории я всегда получаю именно то, в чем нуждаюсь. Сегодня в очередной раз шеф прессовал меня так сильно, что я не знал, справлюсь ли с этим. Хоть и по совсем иным причинам, мое будущее виделось мне столь же туманно, как в тот период, когда мы готовились к игре против Аргентины в Саппоро. С тех пор как та злосчастная бутса попала в меня, о моей ситуации и о моем будущем говорилось и писалось столько всякого, что меня все это буквально задушило. Настоящие неприятности начинаются в тот момент, когда ты начинаешь думать: что ж, возможно, они правы. Даже когда ты и есть тот человек, с которым все это происходит, и ты отлично знаешь, что твои оппоненты как раз-таки неправы. Виктория понимала, как мне важно выступить в матче против Мадрида и что это для меня означает. Она знала, почему я считал, что после травмы на «Бернабеу» обязательно должен отыграть — и отыграть хорошо — на «Олд Траффорде». Поэтому Виктория дала мне высказаться, а потом сказала:

— Стало быть, тебе теперь предстоит обитать на скамейке. Что ж, не забудь захватить с собой побольше «Препарата Н» (салфетка для борьбы с геморроем), ведь ты отныне станешь большее времени сидеть на этой самой скамейке, чем участвовать в игре. То ли еще будет!

— Чего-чего? — переспросил я.

— И постарайся изобразить у себя на лице нестираемую

улыбочку — тогда, если на тебя наведут камеру, никто не сообразит, что у тебя какие-то неприятности.

Мы громко рассмеялись. Она имела в виду именно то, что сказала. Жена советовала мне просто перешагнуть через это, и я понимал, что только так мне и следует поступить. Но она — единственный человек в мире, который умеет сказать мне это. Виктория вернула меня в реальный мир. В день такого матча не имело значения, что и как я чувствую. Значение имело совсем другое — чтобы команда вышла на поле и разбила мадридский «Реал». Ко времени своего возвращения на «Олд Траффорд» я поставил крест на утренних эмоциях — просто переоделся и вышел на разминку вместе с остальными ребятами, а потом обменялся рукопожатиями со своими товарищами по команде и пожелал им удачи. После этого я надел трикотажную рубашку, прошел вдоль боковой линии и поднялся по лестнице, чтобы втиснуться на скамейку рядом с другими запасными. Мы сидели там всемером, напряженно наблюдая за тем, как «Юнайтед» приступил к решению трудной задачи — отыграть два гола против лучшей команды Европы. Нам оставалось только сидеть и смотреть. А я еще и ждал.

Кроме того, я старался удержать на своем лице рекомендованную мне улыбку, или, по крайней мере, убрать с него насупленные брови и хмурый вид. Я знал, что на скамейку наверняка будут нацелены камеры, знал, сколько шума поднялось в СМИ в связи с моим отсутствием в основном составе. Впрочем, нынешний вечер предполагалось посвятить футболу, а не футболисту, у которого произошла размолвка с его шефом. Не хотелось и мне отвлекаться от матча. Если тут и было что-нибудь, о чем следовало сказать, я мог бы при необходимости произнести это потом. А тем временем речь шла вовсе не о том, каким образом утаить, насколько скверно я себя чувствовал. Мне было даже интересно, смог ли бы любой другой матч против любой другой команды заставить меня забыть хоть на минуту, где я нахожусь и что со мной случилось в этот день. Мадридский «Реал» вел перед началом 3:1 и тем самым находился в положении, где им не требовалось рисковать, чтобы защитить этот счет. Но они не отсиживались в обороне, а стали наседать на нас точно так же, как поступали на «Бернабеу», раздавая пасы, обходя наших игроков и убегая от них, а главное — создавая при каждой своей атаке такое впечатление, что они готовы вот-вот забить. Я, как и 67 тысяч других зрителей, присутствовавших на стадионе, был напрочь подавлен всем этим.

С лица земли нас смел Роналдо. Рауль отсутствовал из-за аппендицита, так что этот футболист оказался впереди один, и

мадридцы выпустили дополнительного полузащитника, Стива Макманамана. Стив и Зидан, Фигу и Гути наряду с Роберто Карлосом были вольны выдвигаться в линию атаки и поддерживать Роналдо всякий раз, когда им этого хотелось. Как будто кто-то из них нуждался в особом приглашении, или Роналдо нуждался в какой-нибудь помощи. За час, проведенный на поле, он сделал фантастический хет-трик. Я получил от тренера Майка Феланы сигнал выйти на газон через несколько минут после третьего гола Роналдо. Я отчаянно рвался на поле — не то чтобы сказать теперь свое веское слово, а просто поучаствовать в этом удивительном футбольном состязании. Сегодня вечером мы уступали «Реалу» 2:3, а по совокупности — 3:6, и играть оставалось еще полчаса. «Юнайтед» определенно мог еще показать себя, хотя вопрос о том, кто из нашей пары пройдет дальше, выглядел давно решенным. Атмосфера в тот момент, когда Себа покидал поле, а я выходил вместо него, выглядела немного жутковатой и даже внушала некий суеверный страх. Мой предшественник играл хорошо и вполне заслужил аплодисменты, которыми его проводили. Странным и непонятным показалось мне совсем другое: когда я направлялся к боковой бровке, чтобы заменить Себу, звучание трибун было особенным — как будто приветствия, которыми меня обычно встречали, вдруг застряли у людей в горле. Я мог понять болельщиков «Юнайтед», не знавших, как именно обстоят у них на тот момент отношения со мною: «На чьей ты стороне? И на чьей стороне мы?»

Это было некомфортно, но неуверенность, ощущавшаяся среди зрителей, только подхлестнула мою решимость произвести тем большее впечатление за то время, которое мне оставили. Через минуту-другую после того, как я вышел на поляну, Роналдо заменили. Он провел игру великолепно. Именно этот «зубастик» обеспечил в борьбе нашей пары победу «Реалу». Каждый из пришедших на «Олд Траффорд» понимал это. Вся зрительская аудитория поднялась со своих мест и проводила бразильского парня такими аплодисментами, которые обычно предназначаются лишь игроку «Юнайтед». Неважно, что ситуация выглядела безнадежной, и мы почти наверняка вылетали из Лиги чемпионов. Манчестерские зрители разбираются в футболе и поняли, что им выпала большая честь наблюдать за игрой Роналдо. У меня есть свои причины для того, чтобы сохранить самые лучшие воспоминания о болельщиках «Юнайтед», — они всегда были рядом со мной, когда я в них нуждался. Но в этот вечер я действительно гордился ими совсем по-другому, видя их реакцию на то, как Роналдо покидает поле, подняв руки над

головой и хлопая зрителям в ответ.

Если я получил истинное удовольствие от эпизода, связанного с Роналдо, то от эпизода, в котором участвовал я сам, оно оказалось еще большим. Мы получили право на штрафной удар вблизи границы штрафной площадки «Реала», справа от ее угла. Если бы я мог выбирать, то, возможно, пробил бы с точки, расположенной на ярд или два подальше. Чем ближе ты к воротам, тем быстрее мяч должен взмыть после твоего удара и затем снова нырнуть вниз, чтобы миновать и стенку, и вратаря. Этот сегодняшний штрафной казался мне затертым и привычным, как 50-пенсовая монетка, — и по расстоянию до цели, и по расположению относительно нее. Я самостоятельно отрабатывал точно или почти точно такой же удар тысячи раз на различных тренировочных полях — на «Уодхэм лодж» и на «Клиффе», в Ла-Боле и аббатстве Бишем, в Каррингтоне — после того как все остальные уже разошлись по домам. И научил свою стопу, всю ногу, остальные части тела тому, какие ощущения в них возникают при правильном исполнении такого штрафного удара, а также научил их, каким образом реализовывать его правильно. И потому теперь, когда у меня слегка кружилась голова и хотелось судорожно вдохнуть, а будущее висело на мне тяжким бременем, я смог выключить все отвлекающие факторы наподобие лампочки. Вот он — мяч перед тобой. Проблеск белой стойки ворот, которую можно рассмотреть за стенкой обороняющихся. Вот то самое место на твоей бутсе и угол, под которым она встречается с мячом. Разбег. Удар. Вся эта многолетняя практика упражнений наделяет тебя инстинктивным знанием того, когда мяч пошел по нужной траектории и отразить его будет невозможно. Я взвился в воздух даже раньше, чем мяч миновал Касильяса и оказался в сетке. Он впорхнул туда, как птичка. И этот гол никак не соотносится со всякими сопутствующими обстоятельствами моей биографии. Я праздновал то, что всегда буду помнить как свой лучший штрафной удар, забитый в футболке «Манчестер Юнайтед».

При счете 3:3 я просто летал и чувствовал себя так, словно меня подключили к какой-то могучей розетке, которая подпитывает меня энергией. Мы все еще отставали от своих соперников на два мяча по совокупности, но в сегодняшнем результате заключалось нечто большее, тут я был уверен. А потом совершенно неожиданно для меня мадридские игроки стали подходить ко мне, чтобы перебросится парой слов, хотя футбол — этот невероятный матч — по-прежнему бушевал вокруг нас. Сначала рядом со мной пробежал Гути и спросил у меня, не могли бы мы обменяться футболками после окончания встречи,

затем мне снова широко улыбнулся Роберто Карлос:

— Так ты будешь играть за нас?

Оставалось минут десять, и тут подошла очередь Зидана:

— Дэвид! Как насчет футболки?

Я носился, не жалея сил, и все еще старался переломить ход событий. Эти ребята из Мадрида явно пытались отвлечь меня или же просто хотели достать. Они были на все сто уверены, что сегодняшний вечер — их, и они могут сделать с нами, что захотят. Почему бы теперь не разобраться с ними или хотя бы слегка щелкнуть их по носу? Может, они и правы, демонстрируя такую расслабуху, или у них и впрямь всегда есть в заначке достаточно сил, чтобы в любой момент прибавить обороты или сменить передачу, как только мы начнем всерьез добираться до них. Тем не менее, за пять минут до конца основного времени Рууд великолепно ворвался в их штрафную площадку. Его удар шел мимо вратаря, но и мимо цели, но я подкараулил мяч у дальней штанги и одним носочком переправил его за линию ворот, хотя Иван Эльгуэра пытался помешать мне, и мы с ним вместе упали на газон. Но мяч-то трепетал в сетке! Я смог тем временем взглянуть на наших болельщиков, сидевших за воротами на стратфордской трибуне: они не только ликовали, их глаза были широко раскрыты: «Что здесь творится?»

По причине трех голов, забитых на выезде (голов Роналдо), нам все еще требовалось забить целых два мяча, чтобы пройти дальше. Но времени для этого было явно недостаточно. Тренер «Реала» Висенте дель Боске выпустил дополнительного защитника — впервые за три часа игры «Реал» собирался отойти назад и попытаться удержать то преимущество, которое он имел. Я сделал один удачный навес, но Оле, игравший и сегодня по-настоящему хорошо, не смог надлежащим образом нанести удар. Это был шанс из разряда тех, которые он обычно использует, если вступил в игру пять минут назад, но сегодня он уже подустал. А затем мы заработали себе еще один штрафной удар, на границе их штрафной площадки. Это была почти мертвая точка, и на сей раз мой удар пришелся выше перекладины. По сути, последний для меня удар в этом матче.

Мы выиграли встречу, но проиграли дуэль из двух игр. И я ничего не смог тут сделать. Конечно, я был разочарован — мы пролетели мимо Лиги чемпионов, как фанера. Когда мы обменивались рукопожатиями с игроками «Реала», я парочку раз ощутил какую-то неловкость (или мне только померещилось), а затем меня захлестнул восторг, бурная радость. Я чувствовал себя более удовлетворенным этими 30 минутами футбола, которые я только что отыграл, чем любой полной встречей за весь этот

сезон. Когда я выходил на замену, зрители казались немного подавленными, зато прием, оказанный мне после финального свистка, был едва ли не лучше любого, который я мог вспомнить на «Олд Траффорде». Я всегда оказываюсь последним из игроков, покидающих поле, а после встречи с «Реалом» мне особенно хотелось пооколачиваться вблизи трибун и насладиться приветствиями публики. Конечно же, у меня и в мыслях не было говорить в этот вечер «Олд Траффорду» «до свидания». Совсем напротив — на мой взгляд, я сделал все, что мог, чтобы рассеять сомнения относительно моей преданности клубу и своей ценности для него. В течение всех этих девяноста минут мои мысли были только о команде. Теперь, однако, я позволил своим эмоциям выйти наружу и обошел все четыре угла стадиона, чтобы ответить на аплодисменты.

К тому моменту, когда я, наконец, вернулся в раздевалку, под мышкой у меня были зажаты футболки Гути и Зидана, а внутри я чувствовал приятное ощущение тепла. Помню, как отец-командир спокойно сказал мне:

— Ты играл хорошо, Дэвид.

В глубине души я задавался вопросом, не подумал ли он тогда, что сделал в тот вечер ошибку со мной и с командой в целом. Но сейчас было не то время или место, чтобы спрашивать, да еще такое.

— Ага. Спасибо, шеф, — ответил я.

Я никогда не переодевался и не уходил с «Олд Траффорда» так быстро. Буквально через полчаса после завершения встречи я уже был в манчестерском отеле «Мальмэзон», где встречался за ужином с Тони Стивенсом и Эллен Хили, директором концерна «Пепси» по маркетингу. Они, должно быть, подумали, что я чего-то съел, — такой у меня был подъем. Я не вдумывался детально в события и обстоятельства, а просто купался в таком ощущении счастья, которого не испытывал уже много месяцев. И мне хотелось поговорить об игре. О моих голах. О зрителях. О Роналдо и остальных парнях из Мадрида. Весь вечер на моем лице блуждала широкая улыбка. Я то и дело названивал Виктории, которая была далеко — работала в Штатах. Я рассказал ей обо всем, что произошло, еще при первом своем звонке. Но все равно продолжал трезвонить, чтобы повторить то же самое снова и снова. Я скучал по ней. Из «Мальмэзона» я отправился в «Лоури» допивать с Дэйвом Гарднером. Потом мы вдвоем прошатались по городу весь вечер — так нам было надо. Самое невероятное предзнаменование случилось, однако, позднее, когда я уже собирался уезжать домой. Где-то наполовину я действовал на автопилоте — но не от спиртного. И тут ко мне

подошел один испанский парень, болельщик «Реала». Он не больно-то говорил по-английски, и в основном мы обходились поднятыми кверху большими пальцами и словами «хорошая игра». Потом он попросил у меня автограф — на его футболке — и повернулся ко мне спиной, чтобы я расписался. У него был номер 7, футболка Рауля.

Когда я вернулся домой на Олдерли-Эдж, все кругом было тихо. Мама незадолго до моего прихода отправила мальчиков в постель. Я было сунул голову к ним в дверь, но решил не будить сынишек и отложить рассказ о потрясающем вечере их папы на завтра. Я все еще кипел, о сне не могло быть и речи. Приготовил себе миску лапши и налил изрядный, в целую пинту, бокал воды со льдом. Потом врубил телевизор — «Манчестер Юнайтед» против мадридского «Реала». Я не записал этого на пленку. Когда восемь часов назад я уезжал домой, в голове у меня крутились совсем другие мысли. Это было второй показ всей встречи. Я хлебал свою лапшу и весь ушел в игру. Хет-трик. Штрафной удар и замедленный показ моего второго гола. Тот штрафной, который я промазал, — и снова злость на самого себя, когда смотрел это в повторе. Но затем камера сменила план и показала реакцию отца-командира, от которой моя кровь похолодела. Сначала он вытягивал шею, наблюдая за ударом. Потом отвернулся — после того, как мяч просвистел над перекладиной. И, наконец, когда шеф оглянулся, его лицо сказало мне все, что я должен был знать. Я увидел его гнев, его разочарование — и все случившееся выглядело ошибкой Бекхэма. Он отреагировал так, словно я только что стал причиной нашего поражения. Словно в этот момент именно я своим ударом только что отрубил нам дорогу в лигу чемпионов. Пожалуй, любой, кто просматривал эти кадры, видел в них то же, что и я.

Но мне надо был пережить эти шесть месяцев, чтобы действительно понять то, что теперь казалось для меня очевидным: «Тут все кончено. Он хочет убрать меня».

Это окончательно дошло до меня, пока я сидел перед телеэкраном, на котором мелькали последние несколько минут игры. Отец-командир наелся мною досыта. Я вырос и повзрослел как личность, а ему, похоже, не нравилось, каким я стал. Я уже и без того знал об этом, где-то глубоко внутри. Но теперь все выглядело так, что я ему надоел и как футболист тоже. Во всяком случае, как футболист, одетый в форму «Юнайтед». Его лицо в те несколько секунд после того, как я промахнулся при выполнении второго штрафного удара, вызвало у меня такое чувство, будто передо мною только что захлопнулась дверь. Я носился по полю весь вечер. Я искренне верил тому, что мои действия во время

игры снова восстановят доверие ко мне. Ничего подобного. Если в отношении меня какие-нибудь решения зависели от шефа, — а дело, конечно же, обстояло именно так, — то я был твердо уверен, что мне пришел конец.

В премьер-лиге у нас до завершения сезона оставалось три встречи — три встречи, в которых нам требовалась победа, чтобы гарантировать «Манчестер Юнайтед» возвращение чемпионского звания. Я провел на поле каждую минуту трех этих игр — в гостях против «Шпор», дома с «Чарльтоном» и опять на выезде, с «Эвертоном». Слухи, которые касались моего перехода на «Бернабеу», продолжали циркулировать. Отец-командир как-то сказал, что, по его мнению, они исчезнут, как только останется позади пара четвертьфинальных матчей с «Реалом». Но слухи его не послушались. Так уж оно бывает с некоторыми историями: после того, как они раскочегарятся и хорошенько разведут пары, у них начинается своя жизнь. Мы победили «Тоттенхэм» 2:0, а в интервале между этим и следующим матчем в нашей прессе приводились цитаты из испанских газет, сообщавших, что «Реал» и не собирался покупать меня: «Никогда. Никогда. Никогда».

На следующий день все говорили, что это «нет» очевидным образом означает «да». Разве «Реал» год назад так же настойчиво не утверждал, будто не собирается приобретать Роналдо? Не буду притворяться: внимание, которое я, как предполагалось, вызывал у «Реала» и у других клубов, позволяло мне лучше думать о себе. Появление в печати материалов о специалистах, которые где-то, возможно, хотят видеть меня в своих командах, утешало и ободряло меня в тот период, когда, по всем признакам, «Юнайтед» этого не хотел. Но все же все эти предположения, спекуляции и сплетни мешали. Я собирался продолжать выступления в играх. Уверен, что шефа тоже не очень-то радовали все эти отвлекающие обстоятельства. Возможно, именно поэтому я чувствовал себя вроде бы вовлеченным во все это, но сам пребывал где-то далеко, в моей собственной, сугубо личной Арктике, где душа моя заледенела. Настроение — по крайней мере, у меня — перед встречей с «Чарльтоном» было весьма нехорошим, причем во всех смыслах.

Я забил первый гол в матче, который мы должны были выиграть, чтобы удержать «Арсенал» позади себя. После моего удара произошел рикошет, точнее, довольно сильное отклонение траектории, и мяч влетел в ворота под странным углом. Моя реакция тоже не была очевидной. В моей голове звучал один и тот же вопрос: неужто это моя последняя игра на «Олд Траффорде» в составе «Юнайтед»? Многие спрашивали у меня на этой неделе о том же. Когда после гола я крутнулся волчком и

помчался по направлению к болельщикам, расположившимся на уорвикской трибуне, инстинктивная радость, которая приходит вместе с результативным ударом, вступила в противоречие с мыслью о том, что я, возможно, никогда не сделаю этого снова.

Празднование получилось какое-то неоднозначное, шиворот-навыворот. Я был счастлив забить гол, но в то же самое время подавлял душившие меня слезы. Мы разгромили «Чарльтон» 4:1. Трех завоеванных очков оказалось достаточно, чтобы стать победителя ми в премьер-лиге, хотя мы и не знали этого до следующего дня, когда «Арсенал» проиграл «Лидсу».

Тем временем мы вместе с болельщиками «Юнайтед» отмечали данную победу, и если этот праздник мог стать для меня прощанием с «Олд Траффордом», я был счастлив забить для наших фанов гол, чтобы они лучше запомнили меня. Получилось так, что я стоял рядом с Гэри, и у меня было очень грустно на душе, когда я смотрел на то место, которое привык называть своим домом. Гэри наклонился ко мне, и спросил, что меня мучит. Я ответил ему:

— Они ведут переговоры с другими клубами.

Гэри даже думать не хотел, что это правда. Я знаю, что мы с ним — лучшие товарищи по команде, и знаю также, насколько он любит «Манчестер Юнайтед». Поэтому ему никак не хотелось, чтобы я расстался с клубом. После того как я переоделся и глотнул в зале для игроков холодненького, можно было вывести Бруклина на поле немного поработать с мячом. «Олд Траффорд» зиял пустотой, но солнце еще светило поверх крыши западной трибуны. Если я собирался поскулить, то это был самый подходящий момент — стадион выглядел очень красиво, а его трибуны словно бы еще отзывались эхом голосов 60 тысяч фанатов в красном, которые часом раньше до отказа заполняли все сектора. Но Бруклину всего лишь хотелось поиграть. Он не желал, чтобы его папа разводил эмоции, когда тут нас ждали пустые ворота и просили вколачивать в них голы. Это был сладостно-горький день, и я был доволен, что закончил его в компании своего мальчика. Появилось ощущение, что я начинал примиряться со своей судьбой.

А затем, теперь уже в самый последний раз, все снова переменилось. Быть может, мы в «Юнайтед» просто испытали общее облегчение после победы в лиге и завоевания чемпионского титула? Или команда в полном составе, включая отца-командира, расслабилась и устроила себе передышку? Всю неделю, если не обращать внимания на газетные сплетни, все казалось прекрасным в этом лучшем из миров. В ходе тренировок я чувствовал себя так, словно мне здесь рады, словно впервые за

несколько месяцев я тут — свой и составляю единое целое со всеми, а шеф смеялся и подшучивал надо мной точно так же, как он это делал на протяжении прошедших десяти лет. Игра на стадионе «Гудисон» была, по сути, поездкой по трассе Ист-Ланкс-роуд за причитающимся нам серебряным кубком. Мы уже стали чемпионами до начала последней для нас игры в данном сезоне. В те несколько недель атмосфера в нашей раздевалке выглядела такой же здоровой, какой она была всегда в период моей карьеры в «Юнайтед». Теперь она мне особенно нравилась, поскольку я снова чувствовал себя на дружеской ноге с ребятами и вообще — в гуще дел и событий. Казалось, в те несколько дней совершенно утратили значение запавшие мне в память минуты перед телевизором, когда я наблюдал за отцом-командиром. Я действительно не мог поверить, что когда-либо мне придется уходить из этой слаженной команды, из этого замечательного футбольного клуба. После победы над «Эвертоном» со счетом 2:1 я участвовал в празднествах с таким же удовольствием, как и любой из футболистов, и даже забил в этой встрече первый гол. Поскольку в ходе чемпионата мы смогли выбраться из глубокой турнирной ямы, ликвидировать большущее отставание от «Арсенала» и обойти его, этот трофей победителя премьер-лиги явился тем успехом, для достижения которого нам действительно пришлось всем вместе упорно потрудиться. Начиная с Нового года, мы не проиграли в лиге ни единого матча. И на поле после финального свистка, когда мы шествовали с почетным трофеем в руках, и в раздевалке после встречи я снова чувство вал себя частью всего этого. Если бы меня спросили в тот момент, собираюсь ли я покинуть «Юнайтед», я бы ответил:

— Не раньше чем через миллион лет.

Никогда не забуду этого чувства победы, завоеванной в футболке «Юнайтед». Значит, через миллион лет? Я ушел меньше чем через пять недель.

В середине мая, после окончания сезона, произошли два события. Первое состояло в следующем: генеральный директор клуба «Манчестер Юнайтед», Питер Кенион, заявил, что если кто-либо проявит интерес ко мне и предложит достаточную сумму денег, клуб готов обдумать вопрос о моей продаже. Я знаю, как выглядят фразы, вырванные из контекста, но для меня подобное заявление прозвучало весьма неприятно. Я не хотел уходить. За год до этого Питер напрямую задал мне со ответствующий вопрос, и с того времени я не изменил своей точки зрения. Думается, я знал, какие чувства питает ко мне отец-командир, но все-таки даже в этих условиях сохранял убежденность, что все недоразумения, возникшие между нами, можно выяснить, пока

клуб все еще хочет видеть меня в своих рядах. Теперь такое заявление ответственного руководителя не говорило о том, что у администрации сохранилось подобное желание. 14 мая передо мной положили новый контракт с клубом «Манчестер Юнайтед». Я знаю, что некоторые болельщики, вероятно, подумают в этом месте: «Ну, что ж, если ты действительно желал оставаться на «Олд Траффорде», то почему тогда просто не подписал его?» Возможно, именно так рассуждал и наш шеф.

Моя предыдущая договоренность с клубом, согласованная за год с небольшим до этого, потребовала полутора лет выяснений, уточнений и разбирательств. Клуб был очень честен и открыт в своих деловых отношениях со мной по данной сделке. Теперь вдруг мне предложили совершенно новый контракт, как будто хотели сказать: подпиши это или забудь обо всем. Несмотря на то, о чем в то время некоторые говорили или писали в данной связи, мое будущее в «Юнайтед» никогда не определялось деньгами. Как факт, этот новый контракт предусматривал повышение оплаты. Помню, как я беседовал с отцом о своих чувствах по этому поводу:

— Единственная причина, по которой я могу когда-либо покинуть «Юнайтед», состоит в том, что я не буду уверен в заинтересованности во мне клуба. Так вот, теперь у меня такое чувство, словно мое присутствие в клубе действительно никак не беспокоит руководство.

Это был не тот момент, чтобы сидеть дома и ждать у моря погоды, ждать, каким образом повернется дело.

И это была не та ситуация, когда я держал все под контролем. В составе сборной Англии мне предстояло выехать в Южную Африку для участия в товарищеском матче с их командой. Это путешествие закончилось совсем другой поездкой — в санитарной машине, после того как я в начале игры сломал кость руки. Затем я появился дома и спешно упаковал вещи, чтобы отправиться на наш уже обычный летний отдых в Штатах. Постоянные разъезды были в целом правильным решением — именно тем, чего мне в то время хотелось. Я не знал, каким образом себя вести: сегодня я чувствовал, что мне пришло время расстаться с «Юнайтед», а завтра казалось, что все может еще устроиться, и я смогу остаться. Тони Стивенс держал меня в курсе того, что происходило тем временем в Англии. Он всегда поддерживал хорошие отношения с персоналом «Юнайтед» (не считая отца-командира), и обе стороны проявляли взаимную честность, информируя друг друга о происходящих событиях. Клуб вел переговоры обо мне с крупнейшими клубами Испании и Италии. То же делал и мой агент.

Что касается меня, подписание новой договоренности с «Юнайтед» пока еще было возможным. Чаще у меня выпадали такие дни, когда, несмотря на разные обстоятельства, мне все-таки хотелось поступить именно так. Благодаря этому последующий поворот событий в еще большей степени оказался для меня громом среди ясного неба. В Штатах мы остановились на курорте посреди пустыни, чтобы отдохнуть от всего этого. Однажды утром я обнаружил на своем мобильном телефоне сообщение от Дэйва Гарднера: «Слышал ли ты, о чем сообщают в новостях? Тебя это устраивает?»

Я знал, что все то время, пока мы были в отъезде, в СМИ ходили разные истории, утверждавшие, что я крутился везде, где только можно, пытаясь выглядеть страшно занятым и создавая себе имя в Америке. Я предполагал, что Дэйв говорит именно об этой ерундистике, и послал ему в ответ следующий текст: «Ага, все прекрасно. Не волнуйся насчет этого».

Несколько минут спустя на телефоне был Тони рассказавший мне все как есть. Эта история оказалась и для него полным сюрпризом. Мы знали — каждый знал — что «Барселона» является одним из клубов, заинтересованных в подписании контракта со мной, и что один из кандидатов на президентских выборах, происходивших на «Ноу Камп», прямо обещал перетащить меня в Испанию, если он победит. Тем не менее, от такого заявления была огромная дистанция до пресс-релиза выпущенного «Манчестером Юнайтед», который Тони дословно прочитал мне вслух по телефону:

«Клуб «Манчестер Юнайтед» подтверждает, что должностные лица клуба встретились с Жоаном Лапортой, ведущим кандидатом на пост президента клуба «Барселона». Эти встречи закончились предложением, сделанным по поводу перехода Дэвида Бекхэма в «Барселону». Указанное предложение сопряжено с целым рядом условий и требует как избрания в воскресенье, 15 июня, г-на Лапорты президентом клуба, так и достижения впоследствии клубом «Барселона» соглашения с Дэвидом Бекхэмом по поводу его персонального контракта. Клуб «Манчестер Юнайтед» настоящим подтверждает, что в случае, если все перечисленные условия будут соблюдены, упомянутое предложение было бы приемлемым».

Я не мог поверить услышанному. Ни единого слова от отца-командира или от кого-либо в клубе — и это после двенадцати лет, проведенных в «Юнайтед»! Только сухое, голое заявление, датированное 10 июня: мы продаем его. Г-н Лапорта, при всем уважении к нему, даже не являлся президентом, но дело было сделано. Похоже, они не могли дождаться, чтобы сговориться по

поводу меня. Возможно, они считали, что перед выборами президента я стоил больше денег, чем буду стоить после них. Словом, выслушав указанный текст, я только и сделал, что сел на пол прямо там, где стоял. Я был страшно зол. Эта новость мне крайне не понравилась, а уж то, каким образом я узнал о ней, спустя некоторое время после всего остального мира, было просто оскорбительным. Мы с Тони поговорили о том, что нам следует сказать и что сделать. Позже в этот же день агентство SFX опубликовало от моего имени следующее заявление:

«Дэвид весьма разочарован и удивлен, узнав об указанном заявлении, и считает, что его использовали как заложника в политических играх вокруг выборов президента «Барселоны». У советников Дэвида нет никаких планов встречаться с г-ном Лапортой или его представителями».

Теперь я уже знаю, что «Манчестер Юнайтед» сожалеет о том, какой способ был выбран с целью сделать информацию о «Барселоне» широко известной. Клуб находился тогда под давлением, причем как со стороны СМИ, так и собственных биржевых маклеров. Ведь если происходило что-либо существенное в плане финансов, то они должны были дать знать об этом лондонскому Сити. Однако, если говорить обо мне, суть была вовсе не здесь. Я ведь только что услышал правду, не так ли? И какой же она оказалась? Меня не просто выставили на продажу, а довезли на тележке до самой кассы. Что-то внутри меня необратимо сдвинулось. В ходе всего сезона я питал всяческие сомнения насчет своих отношений со старшим тренером «Манчестер Юнайтед». Но теперь впервые надломилось нечто иное, мои отношения с клубом, и от этого сердце буквально разрывалось. Мне надлежало теперь серьезно задуматься о том, чтобы начать карьеру вдали от «Олд Траффорда» — и это после того, как я всю свою жизнь считал выступления за «Юнайтед» единственным, что мне хотелось делать.

«Барселона» — великий клуб. Это касается его истории, традиций, игроков — вообще всего. Меня здесь чтили, хотели видеть в своих рядах. Точно такое же уважительное отношение к себе я чувствовал и в тех случаях, когда слышал о двух знаменитых итальянских клубах, которые тоже интересовались мной. Тем не менее, как только я понял, что покинуть «Олд Траффорд», то глубоко в душе видел лишь один клуб, куда меня действительно тянуло. Клуб, столь же великий, как «Юнайтед», и за долгие годы добившийся еще более впечатляющих успехов. Команда, куда на сегодняшний день входили некоторые из числа лучших мастеров кожаного мяча на планете. Словом, с чисто футбольной точки зрения для меня существовал только один

вариант. Это стало еще более очевидным с того момента, когда президент этого клуба, Флорентино Перес, дал нам знать, что проявляет интерес ко мне. Речь, понятное дело, шла исключительно о мадридском «Реале».

Впрочем, данное решение не являлось чисто футбольным. Имелось еще очень много факторов, о которых следовало подумать. Ведь это была настолько огромная перемена в нашей жизни — для меня, Виктории и мальчиков, — что на первых порах нам было трудно даже пытаться разобраться, с чего начать обдумывание данной проблемы. Для Виктории, имевшей собственную карьеру, это был первый случай, когда столь важное и многостороннее решение принималось так быстро, почти экспромтом, да еще и вызывало у нее в душе такое чувство, будто она не в состоянии охватить его, рассмотреть с разных сторон и пощупать руками. Для мальчиков оно означало полное изменение всего, что было им знакомо. Для всех нас оно означало новый язык, новую культуру, новую жизнь. Мы много разговаривали на эту тему друг с другом, с нашими близкими, родственниками и друзьями. Но можно вести сколько угодно разговоров, а картина от этого все равно никак не становится более ясной. Было, правда, в этом деле одно соображение, где я испытывал абсолютную уверенность: если я не переезжаю вместе со своей семьей, то я никуда не переезжаю вообще. А пока мы возвратились в Англию, чтобы затем, проведя там несколько дней, снова улететь — на сей раз нас ждал Дальний Восток и рекламное турне, запланированное много месяцев назад. Я был настроен принять окончательное решение, прежде чем сбежать на другую сторону земного шара.

Воскресенье, 15 июня в нашем доме в Соубриджу-орсе. Много солнца, и просто идеальный день для семейного барбекю. На него собрались буквально все, чтобы помочь нам сделать самый трудный выбор, перед которым нам когда-либо приходилось стоять. Оставаться в Манчестере и подписать здесь этот новый контракт? Или покинуть Англию? Но куда? Получилось так, что в этот же самый день «Барселона» выбирала себе президента. Первое, что мне требовалось сделать, — это переговорить с «Юнайтед». Я знал, что отец-командир находится где-то далеко, в отпуске, так что я позвонил Питеру Кениону. Мне необходимо было знать, причем совершенно точно, на каком я сейчас свете. Я спросил у него, как клуб оценивает сложившуюся ситуацию и что думает на ее счет шеф.

— Знаете ли, Дэвид, если быть с вами честным, то нам кажется, что отношения между вами и старшим тренером уже никогда не смогут быть снова такими же, как прежде, — сказал

Питер.

Когда я спросил, какова его собственная позиция, он, как мне показалось, опасался сказать что-нибудь лишнее или связать себя словом. Тогда я задал вопрос, как бы поступил он, будучи на моем месте.

— Глядя на все это, я бы сказал, что вы провели здесь много прекрасных лет, но если вам подворачивается что-либо другое, то это вполне может оказаться для вас замечательной перспективой.

Я услышал именно то, что ожидал услышать. Даже если это были совсем не те слова — мол, «Юнайтед» хочет, чтобы вы, Дэвид, остались. В ответ я сказал:

— Теперь, когда я знаю, каковы чувства старшего тренера, и услышал, что говорите мне вы, для меня, пожалуй, настало время подумать насчет какого-нибудь другого места для себя.

Фактически я ведь не сделал резких движений, не сказал конкретно: я ухожу. Но м-р Кенион все равно поблагодарил меня за то, что я сделал в «Манчестер Юнайтед». Я чувствовал, что у клуба мнение сложилось окончательно. Теперь это должно было произойти и у меня.

Я помогал домашним в подготовке к барбекю, а затем, приблизительно час спустя, позвонил по телефону президенту «Реала» Флорентино Пересу. Хотя Тони Стивенс уже встречался раньше с сеньором Пересом, я сам разговаривал с ним в первый раз. Это был канун их очередного матча, поскольку в Испании сезон еще не завершился. Я знал, что у сына сеньора Переса проблемы со здоровьем, и хотел пожелать ему скорейшего выздоровления. А еще я воспользовался возможностью и пожелал «Реалу» удачи в предстоящей встрече — на чужом стадионе, но с местным конкурентом, мадридской командой «Атлетико», причем в непростой для всех ситуации. От этой игры многое зависело. Перед «Атлетико» стояла угроза вылететь в низшую лигу. А мадридский «Реал» должен был победить, чтобы оставить себе шанс обойти другой «Реал», из Сосьедада, в борьбе за звание чемпиона. Словом, встреча с «Атлетико» была очень важной и ответственной, и я испытывал некоторое смущение от того, что все эти слухи и предположения о моем переходе могут отвлечь клуб от указанного матча. Однако прежде чем принимать любое решение, я, тем не менее, считал нужным переговорить с сеньором Пересом. А он захотел прежде всего узнать, каково сейчас мое положение.

— В настоящее время я все еще являюсь игроком «Манчестер Юнайтед», и пока я улаживаю здесь свои дела, было бы неправильным говорить о переходе в «Реал».

Оказывается, «Реал» уже подготовил свой контракт, а

«Юнайтед» готов разговаривать по поводу меня. Он — просто замечательный человек, этот сеньор Перес. Он полон мощи, но в нем нет ничего шумного или чрезмерного. Он внушает желание слушать себя. Таким же он был и в этот день, даже через переводчика:

— Понимаю вас. А теперь я хочу, Дэвид, сказать вам единственное — если вы приедете в Мадрид, то никогда не пожалеете об этом. Мы не хотим иметь вас здесь ради рекламы или, чтобы лучше продавать футболки. Я считаю вас одним из лучших игроков в мире, и мы полагаем, что вы сможете сделать нашу команду еще лучшей, — сказал он.

Прежде чем положить трубку, я уже знал, что должен теперь делать футболист Дэвид Бекхэм. Но предстояло еще принять важнейшее семейное решение, и после барбекю мы говорили об этом в течение многих часов. Некоторое время с нами находился и Тони.

Он разговаривал с мамой, а затем, немного погодя, беседовал по телефону и с папой. Потом мой друг и вездесущий агент объяснил ситуацию родителям Виктории и ее родителям. Наконец, он обратился к нам:

— Вы знаете все варианты. Оставаться в «Юнайтед», перебраться в Мадрид, перейти в один из других клубов, которые проявляют заинтересованность в вас. Вам не надо думать о деталях — о контрактах, деньгах или о чем-нибудь еще. Вы с Викторией должны только решить, что будет лучше для вашей семьи. Вам следует только определиться, а уж мы постараемся действовать так, чтобы это действительно произошло, и побыстрее.

В течение последующего долгого вечера те вещи, которые казались нам страшными, когда мы думали о них в первый раз, — отъезд из Англии, необходимость осваиваться в новой стране, изучение нового языка — стали выглядеть реальнее. Меня настолько воодушевляла мысль о Мадриде как футбольном клубе, что мне было куда легче воодушевиться Мадридом как городом и Мадридом как образом жизни. Виктория не располагала подобным стимулом, который мог бы подтолкнуть ее к переезду, но ей хватало храбрости, а у нас с ней хватало честности в отношениях друг с другом, чтобы признать — да, именно так нам и следует поступить. А если мы будем действовать сообща и останемся вместе, то такой переезд может стать для всех нас чем-то великим и прекрасным. За последний год она много пережила рядом со мной и знала, насколько несчастным я себя чувствовал из-за того, что в Манчестере все пошло наперекосяк. Кроме всего, Виктория идеально разобралась в ситуации:

— Похоже, в «Юнайтед» тебя не хотят. А в «Реале» сказали, что хотят. Идем дальше. Ты хочешь играть у них. Я и мальчики хотим быть с тобой. Значит, давай те поедем.

Было два часа ночи, когда я позвонил Тони:

— Мадридский «Реал», — только и сказал я.

Вот так вот просто.

Да, для меня это было просто. Мы с Викторией в любом случае покидали страну во вторник вечером и отправлялись в Японию, а «Реал» должен был сосредоточиться на испанской лиге. В воскресенье вечером они разгромили «Атлетико» 4:0, а «Реал» Сосьедад проиграл 2:3 «Сельте» Виго. Теперь им требовалась победа на «Бернабеу» в следующее воскресенье — и они становились чемпионами Испании в двадцать девятый раз. Тони хотел согласовать сделку (по крайней мере, в общих чертах), до того как мы вылетим на Дальний Восток. Пришло время положить конец всяким пересудам, предположениям и спекуляциям. Легче сказать, чем сделать. Я знаю, как много пришлось поработать за оставшиеся сорок восемь часов моему адвокату Эндрю, моему бухгалтеру Чарлзу, а также Тони, Сэму и остальным членам моей команды из агентства SFX. Да и людям с мадридской стороны, которым надо было вдобавок прийти к соглашению с правлением «Юнайтед», тоже досталось. Помогло то, что подписание контракта с «Реалом» происходит весьма просто — каждый игрок должен приложить руку почти в одних и тех же местах документа, причем немногих. Ты согласовываешь зарплату и разделение новых прав на твое визуальное изображение в соотношении 50/50. Поспособствовало и еще одно обстоятельство — они доверяли нам в достаточной степени, чтобы провести все переговоры, не привлекая агента. Тем не менее, имелись и разные нюансы, которые всегда всплывают в такой непростой операции всегда: например, достижение любого соглашения никак не облегчается, когда при этом используются два разных языка. В конце концов, к вечеру во вторник, 17 июня оплата за мой переход, комиссионные за трансферт и мой контракт были в принципе согласованы. Мы с Викторией уже находились в аэропорту и двигались из общего зала к выходу в зал для пассажиров нашего рейса, когда позвонил Тони: — Все прекрасно. Держу пари, что прямо сейчас там на вас нацелены камеры, верно?

Еще как! А мы тем временем спешили по коридору.

— Ничего страшного, только вы с Викторией должны понимать, что они снимают кадры — первые кадры — того, как вы вместе шагаете в новое приключение и в новый мир. А здесь все согласовано. Желаю вам хорошо провести время.

Я прошептал Виктории:

— Всё сделано.

И внезапно нахмуренные брови людей, спешивших на свой самолет, разгладились благодаря широким улыбкам — от уха до уха. У нас были билеты до Токио, но мы знали, что в этот момент перед нами открывается совершенно новая глава нашей жизни.

Турне получилось очень интересным — съемки нескольких телевизионных реклам, сеансы фотосъемки, встречи со спонсорами и выступления перед публикой в Японии, Таиланде, Малайзии и Вьетнаме. Люди с нетерпением ждали нашего появления, и к тому времени, когда самолет приземлился в Токио, в новостях уже поднялся шум по поводу моего перехода в мадридский «Реал». В Англии мы все еще не понимаем, какую страсть питают на Дальнем Востоке к футболу. А здесь мы с Викторией были страшно заняты. Организаторы учли и расписали, как нам казалось, буквально каждую минутку. Но прием, который нам оказывали всюду, и тот факт, что мы с Викторией наслаждались происходящим вместе, сделали эту поездку чем-то большим, нежели просто мимолетным рабочим визитом. В Англии Виктория выглядела напряженной, пока многие вопросы оставались нерешенными и у нее отсутствовало чувство уверенности. Теперь, когда все было улажено, она позволила себе просто получать удовольствие и радоваться жизни (почти в такой же степени, как я), полная волнующего ожидания того, что ожидало нас впереди.

Все случилось так быстро! Я чувствовал себя так, словно большую часть месяца бежал рядом с самим собой, стараясь только не отставать от тех событий, которые происходили с нами. Так уж устроена моя жизнь — переключаешься на следующее приключение настолько быстро, что никогда не остается времени толком разобраться в том, которое сию минуту закончилось. Тем не менее, однажды в Таиланде темп моей жизни внезапно чуть-чуть замедлился и образовалась пауза, достаточно долгая для того, чтобы я мог повнимательнее приглядеться к самым главным вещам в жизни. Но ведь когда находишь время задать самому себе по-настоящему важные вопросы, они всегда оказываются одними и теми же: «Кто ты такой? Где ты был? Куда направляешься?»

В один действительно прекрасный день мы проводили время на пляже близ Хуа Хин, снимая клипы и делая рекламные фото для японского спонсора, фирмы TBC. Все это происходило в очень красивом окружении — бледный молочный свет солнца, погруженного в дымку, небольшие виллы местного курорта, гроздьями рассыпанные среди пальм вдали от променада, песок,

простирающийся вдаль, куда-то в бирюзово-зеленоватую воду и настолько чистый, что невозможно сказать, где заканчивается пляж и начинается море. Для нас развесили гамаки, чтобы мы могли побездельничать в паузах между отдельными сеансами съемок, наблюдая между делом за операторами, осветителями и прочим персоналом, которые носились, как угорелые, словно бы стараясь убедить друг друга, а также любого из числа тех, кто мог это увидеть, что они действительно вкалывают, не жалея сил. На съемках всегда бывает так, что чем больше времени прошло, тем меньше его осталось и тем сильнее хочется втиснуть в оставшиеся часы все недоделанное. В результате из-за спешки и усталости люди становятся взвинченными и несколько обидчивыми. Но не очень.

И вот для съемок чуть ли не последних на сегодня кадров мы спустились прямо на пляж. В ту же секунду рядом с нами появились восемь тайских мальчишек в возрасте приблизительно по девять-десять лет, которые до этого где-то прятались в ожидании главного для них момента на этот день (как потом оказалось, и для меня тоже). Мы снимали эпизод, где я играл с ними в футбол, — никаких ворот, никаких голов, мы просто гоняемся друг за другом по песку. Из инвентаря был только какой-то совсем уж невзрачный старый мяч. Режиссер сказал:

— Вы просто играйте, а оператор с камерой будет изо всех сил стараться не отставать от вас.

На меня и этих пацанов надели только шорты. На ногах у нас не было ничего, чтобы не портить ощущение контакта с песком и мячом, и мы просто носились взад и вперед, то посылая мяч друг другу, то стараясь обвести кого-то или отобрать у него мяч. Я делал маленькие финты, всего лишь одно-два касания, — и сразу легкий пас ближайшему к тебе парнишке, который в этот момент становился как бы игроком из твоей команды. И вот сейчас, уже в конце дня, под дуновениями теплого бриза я вдруг почувствовал себя так, словно взлетел высоко над побережьем и смотрю на все происходящее как бы со стороны. Ведь по возрасту я вполне мог быть отцом любого из этих мальчишек. И любой из них мог быть мною — взмокшим от пота подростком, у которого капало даже с бровей и висков, но который, тем не менее, неутомимо носился по полю на «Чейз Лейн Парке», сражаясь пять на пять. Они малость умели играть, эти тайские парнишки. А я вдруг понял, что сейчас в первый раз имею дело с мячом, после того как схлопотал травму в матче против сборной Южной Африки в Дурбане. Мы вовсе не старались облегчить задачу парню с видеокамерой и напрочь забыли о нем, погрузившись в игру, как это всегда бывает с мальчиками.

Вернувшись в тот вечер к себе в отель, мы поели и тут же легли. Думаю, моему организму просто хотелось доспать то, чего ему не удалось из-за постоянных разъездов. Как долго я спал? Два часа? Три? Когда мои глаза широко открылись, кругом было темно. Виктория крепко спала около меня. Разбудил меня не какой-нибудь шум или приснившийся сон. Я полежал неподвижно парочку минут, ожидая, что вот-вот снова уплыву в ночь — уже до самого утра. Но этого не происходило, будто меня мучили какие-то мысли. Но нет — просто мои биологические часы вдруг решили, что сейчас самое время бодрствовать. Спорить тут бессмысленно. Я понемногу начал различать комнату и мебель вокруг. Потом тихонько выскользнул из-под сетки против комаров и москитов и прошел в ванную. Там нашлась бутылка воды, и я пошлепал обратно, ощущая под босыми ногами прохладный деревянный пол.

Думается, Виктория вряд ли была бы в восторге, если бы я стал ее трясти, чтобы разбудить и потрепаться. Телевизор стоял достаточно далеко от ее кровати, и я подумал: если убавить звук, он не должен ее потревожить. Я пошарил рукой по низкому серванту, пока не наткнулся на дистанционный пульт. Потом тихо перенес стул через комнату и поставил его совсем близко, в ярде или полутора от экрана, включил телевизор и откинулся на спинку стула.

Сначала раздался щелчок от легкого электрического разряда, а затем на поверхности экрана стала проявляться и плавать картинка. И по мере того как в этой темной комнате на другом конце планеты изображение на экране делалось более четким, я все шире открывал рот, пока челюсть у меня не отвисла окончательно. Что это? Я вижу ту же самую команду в чисто белой форме. Их соперники одеты в футболки с красными и белыми полосами. Я смотрю с некоторым подозрением, стараясь узнать отдельных игроков. Ну да, вот же Луиш Фигу. Это мадридский «Реал». Узнаю я и Зидана, который дает острый пас вперед ярдов на десять — прямо в штрафную площадку, за спину защитнику и на ход Роналдо, забегающему туда по дуге. Пас настолько выверен, что этому футболисту даже не приходится ломать ритм своих широких шагов. И перед первым касанием мяча ему ни к чему долго размышлять, поскольку его первое касание — это сразу удар в рамку с пятнадцати ярдов, мимо вратаря, в дальний угол. А Роберт Карлос уже тут как тут — и вспрыгивает земляку на спину. На экране появляется надпись:

«Реал» Мадрид 3 — «Атлетико» Бильбао 1.

Очень хорошо — у меня как раз вырублен звук.

И только теперь я до конца понимаю, насколько мне повезло. Я смотрю, как «Реал» держит у себя мяч по несколько минут подряд, обмениваясь точными пасами между своими игроками, ловко уворачиваясь от слишком резких попыток отобрать у них мяч и без проблем доигрывая те двадцать минут, которые остаются до конца. На расстоянии в тысячи миль от меня «Реал» выигрывает чемпионат испанской лиги — прямо сейчас, у меня на глазах. Из-за разницы во времени я у себя глухой ночью вижу это живьем, в прямом эфире. Раздается финальный свисток — и начинается настоящий праздник. С трибун взмывают и низвергаются вниз серпантин и конфетти, над Мадридом вспыхивают и шумно лопаются огни фейерверка. Внезапно прожектора гаснут, все становится непроницаемо черным — на мгновение я даже думаю, что у меня какой-то непорядок с телевизором, — а затем яркие лучи вырывают из тьмы игроков «Реала», и все они в футболках, таких же белых, как их форма, но на сей раз с надписями: Campeones 29. Они несут трофей — их трофей, их кубок — вдоль боковой линии, танцуя вокруг него и обходя таким образом все четыре угла «Бернабеу».

Я наблюдаю за этим, затаив дыхание. Нет, я буквально задыхаюсь и ловлю воздух при виде этого зрелища. Задыхаюсь при виде моего будущего. Я смотрю в сторону, через всю комнату и с трудом могу различить только силуэт Виктории, свернувшейся под покрывалом, — моя жена еще крепко спит. Нет никакой нужды будить ее, даже ради этого. Достаточно скоро мы и так там окажемся.

Я сижу один, подтянув колени к подбородку и сжавшись в комок на своем стуле перед телевизором, поскольку ближе к утру воздух становится прохладнее. Я немного дрожу, но все равно знаю, что на лице у меня блуждает широкая-преширокая улыбка. Вот он я — мальчик из Чингфорда. Рожденный и взращенный в «Юнайтед». А теперь собирающийся играть в мадридском «Реале».